

Александр Финогеев

В ТЕ ДНИ В МОРЯХ
ДОРОГУ НАШУ
БЫЛИ

**ПОСВЯЩАЕТСЯ ДЕТЯМ МОИМ,
ПЕТРУ И АЛЕКСАНДРУ**

КАК ВСЕ ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

Поезд уносил меня все дальше и дальше от, безумно любимого мной, Санкт-Петербурга, приближая с каждым стуком колес к городу корабелов Николаеву.

Я возвращался, насыщенный новыми знаниями по рефлексотерапии, которые дала мне так же любимая Военно-медицинская академия на кафедре нервных болезней.

Приближался Новый 1998 год.

Приближалось и увольнение в запас.

И вступить в новую, почти неизведанную, до отрывки перенасыщенную демократией и анархией, гражданскую жизнь нужно было твердо, не шарахаясь из стороны в сторону.

Проснулся утром необычайно рано. Попытки заснуть не увенчались успехом, ведь впереди была встреча с семьей, а это всегда, после долгой разлуки, вызывает тревожно-радостное чувство.

Осознав, что сон уже не придет, я встал.

Умывшись и позавтракав достал из сумки купленную мною в Питере книгу А.Покровского «Расстрелять», которую мне порекомендовал Слава Жуков, тогда еще слушатель военно-морского факультета Военно-медицинской академии.

Надо сказать, что читаю я много и читаю везде. Но, честно, современных авторов, пишущих о военной службе, всегда обходил стороной, считая, что пройдя суровую школу жизни в ВМФ я познал о службе все. Или почти все, хотя и бытует мнение, что курица не птица, а доктор не моряк.

И что-то почерпнуть новое не видел возможного. Поэтому я раскрыл ее без энтузиазма.

«Да, - думал я, — для мальчика, только еще начинающего или, точнее, собирающегося начать свою службу, флотские байки, может быть, и интересны, а для меня...»

Мои соседи по купе — инженер из проектного института, едущий спасать рушащееся Николаевское кораблестроение и двое молодых людей, выходивших где-то в Харькове, мирно спали.

Сначала меня поразила лаконичность языка. Затем его острота.

Я задыхался от смеха. А поскольку мне не хотелось будить своих соседей, я тихо стонал в подушку. Слезы застилали глаза.

Я читал слово и пять минут бился в истерике. И так после каждой фразы. Окружающая среда померкла. Я снова был по уши погружен в кораблядскую жизнь.

Как-то не сразу понял, что за мной из-под одеяла наблюдают два испуганных глаза инженера. Он скорчился под одеялом и в ужасе смотрел на меня. Мой вид со стороны был, наверное, просто удручающим. Главное, что ночью, а поезд уходил из Питера ночью, сел нормальный моряк-офицер, с признаками интеллигентности (от слова «телега») на лице, а утром его скосоёбило, «крышу» оторвало напрочь. Он явно боялся моего перехода в депрессию и своего, в скором будущем, расчленении.

Тут я сам испугался за себя.

- Простите, - сквозь рыдания пролепетал я. – Как вас зовут?

- Лев Моисеевич.

- Лев Моисеевич! Я прекрасно понимаю о чем вы сейчас думаете. Но чтобы вам чуть-чуть стало ясно мое состояние, прочтите, пожалуйста, вот это. – И я протянул ему книгу.

Он с опаской взял ее. Надел очки и стал шевелить губами.

Наконец его лицо потеплело. Стало раздаваться хрюканье.

Время, выделенное ему на чтение рассказа, прошло. Но книгу он не отдавал. Я вышел покурить.

Когда я вернулся, картина было совсем иная.

Лев Моисеевич умиленно лежал на спине. Его рыхлые щеки расплзлись по высоко поднятой подушке и живот, вместе с одеялом, конвульсивно колыхался. Он на меня не обратил никакого внимания.

- Ну, как? – спросил я, нахально забирая у него книгу, понимая, что он не собирается мне ее отдавать.

- Можно я еще почитаю? – без ложного стыда спросил он. – Вы ее дома прочтете.

От этой наглости я аж поперхнулся.

Зачатки интеллигентности тут же завяли.

- Вот это уж нет! Вернетесь в Питер, купите и будете читать.
Хорошо?

Он втянул щеки и насупился.

Больше мы с ним не разговаривали. А я снова погрузился во флотскую жизнь.

В моем доме ее прочитали все, кроме, естественно, жены. Видно в своей флотской жизни я столько начудил, что другие истории вызвали бы у нее обострение хронического гастрита.

И вот как-то за ужином старший сын, Петр, мне говорит:

- Папа, ты очень интересно рассказываешь о своей службе. А не попробуешь ли все это написать? Вдруг получится? И будет у нас свой Покровский.

Я попробовал.

И вот что из этого получилось.

И нигде не соврал.

И все это было.

Может фамилии какие изменил.

А если ты себя узнал, читатель, в одном из героев, не переживай, это вовсе не ты, а человек из соседней части, с соседнего корабля. Таких, как ты, везде хватает. Ведь у нас с тобой В ТЕ ДНИ В МОРЯХ ДОРОГИ НАШИ БЫЛИ.

ПОСТУЛАТЫ СЛУЖБЫ

И возлюби ближнего начальнбика своего, ибо, если он возлюбит тебя, то тебе уже мало не покажется. И будет он тебя любить во все дыры,

пока ты не поумнееешь или не повзрослееешь. Таков вечный закон флота, идущий от отца к сыну по матери.

Будь всегда готов к тому, что тебя отпорят, отдрючат, отпердолят. Это не должно быть для тебя неожиданностью. И сколько соломы не стели – всё равно будет больно.

Помни, что «шило» - это амортизатор. Им можно смягчить удар. Но не перебарщивай с ним, ибо начальник с похмелья хуже, чем трезвый. И его снова надо поить.

Будь актёром, потому что флот – это игрище взрослых, иногда пьяных, мужиков, в войну. И чем краше твой монолог, тем больше тебя ценят.

Сказав «Есть» не спеши выполнять полученное приказание, ибо оно может быть отменено.

Твоих бумаг, планов, приказов и другой ерунды никто не читает. Ибо все знают, что хуйню требуют, хуйню и получают.

Не спорь с начальником. Он всегда прав. Ибо неправых начальников не бывает. Это закреплено уставом.

С ближним будь тактичен. Ещё не известно, кем он завтра будет. Но низшего периодически обсирай. Так было, есть и будет. Ведь низший тоже не знает, кем ты послезавтра станешь.

Не пей много. Даже чая. Флот – это не чайхана и не ресторан. На нем ещё иногда воюют. А захочешь дно стакана увидеть – непременно козлом станешь.

Не люби себя сильно и не жалеяй. От любви и жалости – шаг до онанизма и педерастии. А пол на флоте не меняют – там палуба сплошь железная.

Не забывай, что начальники приходят и уходят, а ты остаешься всегда. Хорошего начальника всегда отблагодари, а плохого при

расставании и на хуй не забудь послать. Он поймёт. Не весь же он превратился в скотину. Став же сам начальником, учти всё плохое и будь лучше. Подчинённые это оценят.

Никогда не паникуй. Не лезь в петлю и не режь вены. Это удел истеричек. Им замуж хочется, а их только порют. Дуры они все. И запомни: «У тельняшки только две полосы – белая и чёрная». И какой бы ширины не была чёрная полоса, после неё всегда идёт белая. А после неудач обязательно приходит радость.

Жена – не роскошь, а средство общения, и не всегда духовного. Расширяй свой кругозор, общайся и с другими жёнами. Иногда эти особи больше значат, нежели их вислорогие мужья. Но при общении, частом общении, умей избежать встречи с содержателем этой особи. Ибо или тебе морду расквасят, или сошлют туда, где Макар телят не пас, и сгниешь ты там заживо, изображая из себя великомученника или же засношают тебя до смерти, но и тут в петлю не надо лезть, помня, что начальники иногда уходят и есть чуть ниже белая полоса.

Не позволяй женщинам любить себя. Любовь – это не удел сильных. Любовь придумали или бабы-дуры-шизофренички (а дуры – это или диагноз или вечное состояние души) или коммунисты. Любовь рушит всё: карьеру, звёзды, превращает мужика в тряпку. И не делай осоловелые глаза, когда тебе сказали:

- Я беременна. И что делать?

Конечно же рожать. Мальчика назвать именем героя-отца, ну а девочку – как Бог даст. Ибо настоящий мужчина никогда не сделает девочку. Слезы, обещания пожаловаться в политотдел и другие страшные инстанции не должны тебя свернуть с верного пути. Всё равно всё кончится абортom. Любовь приходит и уходит, а выпить хочется всегда. Только теоретически любовь возникает по-разному, а уж жизнь-то у всех

всегда идёт как у всех. Те же проблемы, та же головная боль и те же месячные. А за углом вроде бы стоит ещё лучше. Так нет же. И она точно такая. Жена у военного должна быть. В обязательном порядке. И только глухонемая. А поговорить можно и на работе.

Не будь фискалом. Их не любят даже в особом и политическом отделах, хотя их услугами пользуются с удовольствием. Это – жизнь без друзей. А перспектива по морде получить очень даже велика.

Помни, что для начальника ты всегда дурак. И слушай его с глупой физиономией, слегка открыв рот, тогда он будет думать, что говорит умные вещи. При этом слегка кивай головой и беспрестанно говори: «Есть». Тогда начальник будет считать тебя умным и доверять сделать то, что другие умники не способны.

Никогда не пей с низшим тебя по должности. Этим ты унижаешь себя не только в своих глазах, но и в глазах коллектива.

Ешь глазами начальника – он это любит, особенно политработники. Не чурайся глупых вопросов – начальнику легче на них ответить, и он обязательно отметит, что ты стремишься к совершенству.

Помни дни рождения всех начальников и командиров, особенно более высокого ранга, старайся поздравить их первым. Это твой козырь.

Не будь жадным. Жадность – это порок. Принеси командиру пачку хороших сигарет или хорошей водки. И доброта спасёт мир.

Не думай, что ты с годами становишься умней. Ты был жёлудем, жёлудем и остался. И всё равно какая-то свинья мечтает тебя сожрать.

Никогда не лезь вперёд, не проявляй инициативу. Инициатива всегда была, есть и будет наказуемой.

Прежде, чем что-то умное сказать, продумай речь до мелочей. И обязательно предложения по выполнению этого вопроса должны быть

просты и доступны. В противном случае, это философия. А философов на флоте не любят.

А ещё, прийти к командиру и спросить:

- Товарищ командир! А как Вы считаете..., - А как Вы смотрите на то, если бы мы сделали так-то и так-то.

Да никак он не считает, и не хрена он не думает.

Но вот у него уже отложилось, что ты – думающий офицер. А это все можно и не делать, главное, спросить.

Выработай стереотип и стратегию жизни. И живи этим. И звёзды на плечах тебе обеспечены. И должности тоже.

ТАК БЫЛО,

ЕСТЬ

И БУДЕТ

ПОСВЯЩЕНИЕ МЕДИЦИНСКИМ РАБОТНИКАМ

Кто стоит на пороге ребенка рожденья?

Это - врач и сестра ждут его появленья.

Первый вздох, первый крик –

Это радости миг!

И живи, человек –

Долгим будет твой век!

Ну, а если недуг

С ног свалил тебя вдруг?

Кто на помощь придет?

Кто поймет и спасет?

Снова – врач и сестра:

От утра до утра
Тебя станут лечить,
Чтобы смерть победить!
И ты будешь здоров!
Это – труд докторов.
Ну, а если война? Если раненый ты?
Кто не даст умереть? Кто вернет тебе жизнь?
Те же – врач и сестра! Будут резать и шить,
Потом с ложки кормить и учить, как ходить.
Тем, кто носит на плечах халат,
Кто в лихую годину помочь тебе рад,
Кто со смертью ведет постоянно борьбу,
Независимо где: на войне иль в тылу.
Кто, себя не щадя, идет в бурю и зной,
Потому что его ждет с мольбою больной,
Чтоб продлить ему светлый и жизненный миг?
Посвящаю я этот, сердцем писанный, стих!!!

МОЗГ

Анатомия – это первый предмет в подготовке будущего врача, на котором ты начинаешь познавать строение себе подобного, на том всём, что осталось от него... там, кости, мышцы, внутренности, ну, и так далее и тому подобное. И все это по латыни! Причем не просто так, а вызубрить. Как отче наш. Иначе карьера эскулапа оборвется, еще не начавшись.

Но, теория теорией, а как говорится, пока сам не поддержишь эту кость в руках, пока сам не отпрепарируешь ту или иную мышцу, не пощупаешь все доли легкого, считай двойка точно гарантирована. Поэтому, во избежание плачевного для себя результата, мы, юные

Авиценны, каждый день вынуждены двигаться по маршруту: казарма – кафедра – казарма - кафедра. А как же не хочется... Не хочется тратить время на эти переходы. Но есть выход. Можно кость или, там скажем, сердце взять с собой и в спокойной обстановке в казарме отдаться изучению «любимого» предмета.

Слушатели Военно-медицинской академии жили, как тогда, так и сейчас, в казарме, в комнатах по четыре человека, которые на флоте испокон веков именовались кубриками. В них каждый имел свою койку, шкафчик и тумбочку, которые, согласно Уставу, обязан был содержать в идеальном порядке. В то время на это, по большому счету, обращали внимание сквозь пальцы, поэтому, особенно в тумбочках, бывал полнейший кавардак. За это, правда, журили, порой даже наказывали нарядами вне очереди, но победить разгильдяйство и безалаберность никому не удавалось.

Начальник курса, тогда еще подполковник медицинской службы, Самбуров Юрий Сергеевич, был человеком прогрессивных взглядов и редко искал грязные носки под подушкой, а бутылки в рукавах. Однако и ему приходилось периодически проводить осмотры тихих помещений слушателей. Один из них пришелся на момент, когда мы изучали ЦНС (центральную нервную систему).

Проводил смотр генерал – майор Семенов, начальник четвертого (флотского) факультета.

Вернувшись с занятий многих ждала «приятная» неожиданность быть услышанным на построении курса в числе нечистоплотных и грязнуль.

Курс построен, и «шеф», наш начальник курса, со свойственной ему флотской шутовской манерой, озвучивает выявленный смотром

«криминал». Список длинен: не заправленные койки, стоячие трусы, ломающиеся полотенца, негнувшиеся носки и тому подобное.

А в моей тумбочке лежал мозг, натуральный человеческий мозг, чтобы изучать его борозды, бугорки и впадины, не идя на кафедру анатомии.

«Пронесет или нет? И что будет, если не пронесет?»

Но вот дошла и моя очередь.

- А Финогеев в тумбочке хранит мозг, - Самбуров делает паузу.

Казарму покрывает дружный хохот.

- Отнести на кафедру!

- Есть.

Слава Богу, пронесло.

Потом долго сокурсники спрашивали:

- Саня, твой мозг при тебе или ты его снова в тумбочку положил?

ГИСТОЛОГИЯ

Гистология – наука о тканях. А поскольку человек – это многоклеточное и многотканевое существо то, и тканей этих, с их клетками, великое множество. И вмещается эта наука в учебник из шестиста с лишним страниц.

Но написать – это одно, а выучить – совершенно другое. И каждая страничка этого учебника действует на читающего, как таблетка мощного снотворного. Страницы от него нужно в аптеках от бессонницы продавать. Не страна бы была, а сонное царство. Фармакологическая монополия потерпела бы фиаско.

Анатомия и гистология – основы медицины. И путь к вершине неизменно начинается отсюда.

Вела у нас этот предмет удивительной красоты женщина. Лет ей было около тридцати. Волосы выкрашены в белый цвет, слегка полновата, что ничуть не портило ее. И, как у всех полненьких женщин, в ней присутствовала доброта, томность и терпимость. Я не помню, как ее звали, ее фамилию, но образ живет в моей памяти и поныне.

Когда она входила в класс, тринадцать пар мальчишеских глаз в морской форме впивались в нее, проникая все глубже и глубже. Похоть исходила от нас и мысли улетали далеко – далеко. И уже не было фагоцитов, вакуолей, палочек, колбочек и ядер, а была ОНА.

Спустя годы, когда похоть была уже удовлетворена разными, мыслимыми и немыслимыми способам, встречаясь с ней, трепет все равно невольно пробегал по телу.

И вот, когда появлялось что-то непонятное в гистологическом препарате или просто хотелось быть к ней ближе, ты звал ее к себе. Она подходила, склонялась над микроскопом, а ты нюхал ее волосы, пахнущие удивительными духами «Быть может», а глаза лезли в вырез платья и даже глубже. Дыхание сбивалось от близости, не виданной досель, женской красоты.

Прошли десятилетия, а эта память, этот трепет до сих пор не угасает. Буд-то тебе сейчас снова восемнадцать лет.

Современная молодежь, познавшая все прелести жизни чуть ли не с пеленок, вряд ли поймет все эти переживания.

ФИЗИКА

Изотермия, термопара, устройство рентгеновской трубки, огромный, синего цвета, учебник и преподаватель Павел Иванович Корзун, - вот, пожалуй, все, что осталось от такого предмета, как медицинская физика.

Лекции, как правило, читались после бассейна. А это – сладкий сон, прерываемый командами: «Встать! Смирно! Вольно! Сделать перерыв» и «Встать! Смирно! До свидания, товарищ преподаватель! Вольно! Выходи строиться!»

Перегруженный мозг не хотел понимать законы Джоуля, Ленца, Ньютона и они отскакивали как горох, оставляя отметины на черепе как оспинки на теле после тяжелого недуга. Но кафедра Медицинской физики Военно-медицинской академии свято чтит всех физиков мира и пыталась вбить эти знания в наши свежие головы.

Павел Иванович Корзун для нас, 18-19 – летних юношей, был уже старым человеком. Хотя ему тогда было где-то около пятидесяти. Он был невысок, крепок, носил мощные очки и страдал повышенным внутриглазным давлением.

Его задачей было закрепить с нами весь этот сложный, для большинства человечества, раздел науки. И принять от нас на завершающем этапе, как итог, экзамен.

И вот – этот день настал.

Хмурое Ленинградское зимнее утро еще больше угнетало и без того подавленное настроение. Скучные знания и добросовестно подготовленные шпаргалки не вселяли радости и, тем более, уверенности.

И вот моя очередь.

- Товарищ преподаватель! Слушатель Финогеев на экзамен по медицинской физике прибыл.

Пал Иваныч снял очки, как-то очень грустно посмотрел на меня и сказал обыденную фразу:

- Берите билет.

В животе стало холодно.

Бледность покрыла лицо бездельника...

Пока отвечает три человека, ты готовишься.

Теория была не очень сложна, но вот три задачи явно не давались.

Когда дошла моя очередь отвечать, Корзун мельком взглянул на задачи и послал готовиться еще.

И так продолжалось два раза.

В ход пошли шпаргалки, сначала украдкой, а потом во всю пятиметровую длину. С одной задачей что-то прояснилось, но вот две остальные никак не поддавались. Не было в природе тех формул, которые бы позволяли получить правильный ответ.

И вот третья попытка.

Все: и я, и окружающая среда, и преподаватель знают, что это двойка.

Очки сняты, большой и указательный пальцы давят на глаза, снимая глазное и атмосферное давление.

Стараясь подавить дрожь в голосе, отвечаю теорию. И в это время к нашему столу подходит миловидная ассистентка кафедры и говорит:

- Павел Иванович, можно я посижу, послушаю, как отвечают слушатели?

Корзун как-то конвульсивно вздрогнул, робкая краска выступила на его бледных, аспидных щеках. Он непонимающе посмотрел на нее и почти прорычал:

- Идите отсюда! Здесь вообще нечего слушать.

При этом его рука взяла мою зачетку, и он стал что-то в ней писать.

Не прекращая свой «увлекательный» рассказ о физических явлениях, я краем глаза следил за его рукой.

И когда было написано заветное и желанное «удвл» я замолк и сказал тихо:

- Спасибо.

В очках блеснул гнев и, одновременно, сострадание:

- Если вы еще скажите хоть одно слово, я порву вашу зачетку.

И снова холод разлился по животу.

Он секунду подумал и расписался.

Позыв прошел.

Протянув зачетку, Павел Иванович отвернулся.

Я взял ее и, не зная, что сказать, а сказать что-то было надо, то ли опять «спасибо», то ли «до свидания», вышел из класса.

В физической природе ничего не изменилось.

Под действием силы земного притяжения падал снег, сила трения останавливала машины, а мощность тока все также измерялась в ваттах.

Черная плоска жизни быстро окрасилась в серую, а серая перешла в белую. Впереди были каникулы!

И наплевать на соцобязательства и средний балл во взводе!

Свобода!

Вот что грезилось впереди.

СЕРЖАНТ СКОБА

Сержант Скоба был огромного роста и телосложения. Внешне он чем-то напоминал Кинг-Конга.

Говорил он басом, а кулаки его напоминали пудовые гири.

Его побаивались, хотя все большие люди обычно добрые.

По натуре я был заводной, и моя задница всегда искала приключений. Как-то купил я кубинские сигареты «Партогас». Они были настолько крепкие, что затянуться ими было невозможно, слёзы градом катились из глаз и спазм сжимал горло.

А подпиздыши, типа Ковлера и Коротаева, надоумили меня угостить ими Скобу.

Мне тоже было интересно, свалят они его или нет, а им — убьет он меня или просто покалечит. Тихонечко постучав, захожу в комнату, или кубрик, как мы её по-флотски называли.

Скоба спал.

Он открыл глаз и посмотрел на меня.

- Товарищ сержант! Я вам сигареточку принёс, - тихо потряс я его за рукав.

- Ну пойдём, Финогеев, покурим, - пророкотал он.

Мы зашли в галюн и закурили. Я набирал в рот дым и выпускал его, а он смачно затягивался, замирал и выпускал, получая истинное удовольствие.

- Ну как, товарищ сержант? — лепетал я как ягненок перед львом.

- Хорошие сигареты, Финогеев, спасибо.

К великому сожалению лжетоварищей, я остался цел. А оставшуюся пачку подарил Скобе.

Экзамен по биологии Скоба пошёл сдавать к полковнику Тумка. Тумка был флегматичен и слыл большим педантом. Он слушал Скобу не перебивая, находясь в состоянии полудрёмы.

- Вы неправильно ответили, товарищ слушатель.

- Правильно, товарищ полковник. В учебнике «Биология» на странице 276 именно так и написано.

- Этого не может быть.

- А там так написано.

- Принесите кто-нибудь учебник.

Нужная страница была открыта, и Скоба слово в слово прочитал её по памяти. Как выяснилось потом, он выучил весь учебник наизусть, в котором было более шестисот страниц.

Психиатры вынесли приговор: «Шизофрения». Его комиссовали и отвезли на родину, в Славянск. Что с ним было дальше? По слухам, он закончил Донецкий медицинский институт и работал в больнице.

Все великие люди не от мира сего, и все страдали этим недугом. Шизофрения – родная сестра гениальности.

НАКАЗАНИЕ

Пройти суровую военную школу и ни разу не быть наказанным – это невозможно. Нонсенс!

Хотя и в семье бывают уроды.

Даже на первых порах, когда юношеская талия перетянута флотским ремнем, пусть даже в такой гуманной системе, как Военно-медицинская академия, возникает неприязнь к злу и насилию. Хочется чего-то (пока просто хочется, именно чего-то, а не кого-то), чего тебе не позволяют. Например, поспать, ослабить, хотя бы, заднюю ногу по команде «Смирно», почесать что-нибудь, что-то не вовремя и не тому сказать или, в конце концов, во время самоподготовки сходить просто пописать.

Это, естественно, вызывает недовольство у дежурных, начальников всех степеней и, просто, старших по званию.

Лекарством от всех нарушений является наряд на службу или на работу.

И вот, за какую-то провинность, скорее всего за чрезмерно веселое поведение на самоподготовке, я, Коротаев, Шмаров и Ковлер, то есть весь наш кубрик, получил наряд на работу.

Наряд же нужно отработать после отбоя, когда другие спят, а ты «ишачишь», как глухонемой, натирая «машкой» паркет или драя до синевы галльон.

Так куется характер, так закаляется воля.

Кто мешает быть паинькой?

Веди себя подобающе и спи спокойно.

Но меня спокойная жизнь не прельщает. Я всегда нахожу на свою задницу приключения.

И от этого я часто стою дневальным, мою унитазы, тру километры коридоров и, даже, сижу на гауптвахте за длительное непосещение занятий, но это уже в более взрослом состоянии, когда головка думает за голову.

Итак, мы с Ковлером натираем коридор, а Шмаров и Коротаев моют галльон.

Дежурит по курсу сержант Волков.

В кубриках видят вторые сны, а мы все трем и моем.

Мало того, что трудимся в режиме рабов Рима, нужно еще и предъявить свою работу дежурному. И порой два, три и даже четыре подхода нужно сделать, чтобы твой труд соизволили оценить и принять.

А надо сказать, что Волков и Шмаров были родом из Горького. Вроде бы, как земляки.

Но сержант не может быть земляком рядовому, хотя может подойти с пониманием к текущей проблеме.

А Диме Шмарову накануне пришла посылка от родственников.

И вот, они с Коротаевым, запершись в кабинке туалета, решают, как бы презентовать баночку варенья дежурившему.

Что банка варенья по сравнению со сном? Пустое. А милость сержанта – это лишний час сладкого сна.

И как сросшиеся плечами сиамские близнецы, держащие в дрожащих ручонках баночку драгоценного груза, с блаженными улыбками на лице они неслись по коридору, заискивающе крича:

- Товарищ сержант! Товарищ сержант! А мы вас хотим вареньем угостить!

И в это время банка падает из их потных угоднических рук и разбивается на моем участке паркета, который я уже успел натереть.

Варенье разливается по полу огромной лужей.

Но старания их не пропадают даром. Объект принимается и они идут спать.

Я пытаюсь роптать, спорить, что-то доказывать, но... абсолютно все бессмысленно. Душа слезу и обиду, вытираю насухо пол и по новой его натираю.

Только за полночь мне великодушно разрешают идти спать.

Спасибо и на этом.

Но учеба, служба и жизнь продолжались дальше, где были очередные радости и огорчения, победы и поражения и, совершенно естественно, новые наказания, без которых воинская служба просто не приемлема.

Хотя..., но о них не будем.

Когда все хорошо, тоже плохо.

ПЛАВАНИЕ

Для слушателей Военно-медицинской академии факультета подготовки врачей для ВМФ плавание в бассейне, причем одном из лучших города Ленинграда – СКА, является одним из обязательных и основных предметов.

Моряк на воде должен быть как верблюд в пустыне.

Подготовка к этому, «любимому» всеми слушателями первого-второго курсов, мероприятию начинается загодя.

Все с завистью смотрят на тех, у кого эпидермофития, грибок между пальцами. Эти не плавают. Это истинное счастье! И чтобы попасть в число не плавающих счастливицов, приходится идти на всякие ухищрения. Одни, с усердием, натирают себе подмышки солью или горчицей – и прямиком в санчасть. Температура 37 гарантирована. Главное – не переборщить, а то с ОРЗ угодишь в клинику инфекционных болезней.

37 градусов – это стопроцентное освобождение.

Более садистским методом являлось закладывание мыла за веко. Минута страдания и - конъюнктивит обеспечен. А это тоже счастье свободы.

Наделенные высшим интеллектом и далеко шагнувшие в своем развитии Ключко, Коротаев, Шмаров и Кулешов вечером, после отбоя, до испарины на лбу и искр из глаз, тычут себе одежной щеткой между пальцами. Ярко красная, слегка мокнущая кожа обеспечена.

Лица с ограниченной ответственностью и слабым развитием серого вещества, а также ленивые «забывают» в бассейн плавки или мочалки. Эти, по скудности ума, тоже не допускаются, но это пахнет нарядом вне очереди. А наряд – это отработка минимум по трем предметам, что, при загруженности будущих Пироговых и Боткиных, вовсе нежелательно.

И вот наступает «долгожданное» утро.

Подъем в пять утра.

Быстрое справление естественных нужд, построение и ... пешком от улицы Боткинской по Лесному проспекту километров пять. А если еще зима, вьюга – совсем тоска.

Имеющие освобождение тоже не спят.

В казарме организуется приборка силами интеллектуальных уродов.
Но все это в тепле, хотя и это тоже угнетает человеческое достоинство.

И вот увеселительная прогулка заканчивается.

Бассейн СКА.

Тепло и спокойно.

«Забывшие» совесть с мочалкой и с лжеэпидермофитией спят на полу в раздевалке, а ограниченные умом и фантазией плескаются, не плывут, а, именно, плескаются в изумрудной воде.

Потом снова переход, а если повезет сильно – переезд на трамвае, в столовую.

Завтрак...

И крепкий сон на лекции.

Военно-морской врач должен быть всесторонне развит.

ЛОТЕРЕЯ

Жизнь первого курса однообразна и, в то же время, интересна.

Ее разнообразие не велико и заключается только в учебном процессе. Именно здесь получаешь что-то новое.

Во всем же остальном, – одна тоска.

Утро. Подъем. Зарядка.

От подъема до зарядки надо успеть сбегать в туалет. Не успел – беги с полным мочевым пузырем и выпученными глазами.

Опоздал в строй – наряд. Ляпнул что-то не то – наряд. Воротничок не подшил – наряд. И пошло, и поехало: неглаженные брюки, нечищенные ботинки, не подтянутый ремень, плохо заправленная койка, беспорядок в тумбочке, плохо сделанная приборка в кубрике и даже если не успел вовремя поесть.

Уж лучше бежать с полным мочевым пузырем, чем горбатиться чистя туалет до нулей часов.

И таких нарядов можно заработать десятки в неделю. А это, либо работа после отбоя, либо стоишь дневальным на этаже вне очереди.

Каждый день похож другой, как отражение в зеркале.

Тринадцатого числа каждого месяца за все это давали получку – восемь рублей тридцать копеек.

На эти деньги можно жить припеваючи. Можешь купить восемьдесят булочек или восемьдесят стаканов молока, или восемьдесят плавленых сырков. Да мало ли что можно купить за такие деньжища!

Ничего не предвещало незапланированных затрат. Но вдруг... стали распространять лотерейные билеты ДОСААФ. А так как все мероприятия в вооруженных силах добровольно-принудительные, то всякие отмазки, типа «нет денег» или «не хочу», не проходят. Это просто исключено. Они тоже караются или выжигаются каленым железом, как кому будет удобней.

Поэтому, будь любезен и отдай пятьдесят копеек на содействие армии, авиации и флота, тем самым лиши себя двух кружек пива, не съешь пять яиц или не выкури пять пачек сигарет.

Легче поверить в существование инопланетян, чем выиграть в лотерею. Выигрывают, конечно, счастливы, у кого серия совпадет. А это гарантированный рубль! Вот это счастье!

На это надежда была. Ну как без нее жить? Весь интерес пропадает.

Перед новым годом в газете «Красная звезда» напечатали таблицу розыгрыша. Газета переходила из кубрика в кубрик. Все лихорадочно сверяли свои билеты. Кто-то радостно взвизгивал, выиграв рубль. Основная же масса, в том числе и я, с досадой разрывали несчастливый билет.

И вот пронеслось: «Куминов выиграл машину! «Жигули»!»

Что может вызывать в человеке такое известие? Только зависть и разочарование.

- Ну почему не твоя звезда засияла на горизонте?

Начались накалятся страсти.

Оказалось, что в то далекое время, когда распределяли билеты, у Кумина не было денег и за него заплатил Веремеенко. А деньги-то до сих пор не отдал! Ну и, естественно, один стал требовать вернуть ему билет, а второй тыкал ему в руку пятьдесят копеек.

Жажда легкой наживы всегда пробуждает в человеке звериную страсть. Деньги, особенно большие, любят кровь. И она пролилась. Дело дошло до мордобоя.

В роли присяжного судьи выступил начальник курса. Данной ему властью он восстановил справедливость.

Один получил, от бывшего уже товарища, пожертвованные им когда-то на благие намерения, свои пятьдесят копеек и теперь мог позволить себе купить целую кучу вкусных вещей, а второму, на шару, досталась машина.

Это было разумно.

Ибо начальник всегда прав. И не правым он быть не может.

А Веремеенко с Куминовым по сей день остаются врагами.

Такова жизнь. Таковы нравы.

ЮНОШЕСКИЕ ГРЕЗЫ

Военная система сковывает тебя во всех действиях, перетягивая в талии ремнем и лишая свободы, заставляет одинаково мыслить.

И пышущие здоровьем и энергией парни автоматически становятся маленькими звеньями в огромной военной машине.

Но чего не могут лишить ни начальники, ни уставы, ни окружающие тебя стены, так это сновидений.

А что может сниться семнадцати-восемнадцатилетним юношам? Безусловно, женщины: волшебные, невиданные, нетроганные и, пока еще, недоступные.

И снятся они каждый день.

Ну и что с ними делать в этих сказочных снах? Конечно же любить.

И любовь эта вся вытекает в трусы, отчего последние вместе с простынями за неделю, в буквальном смысле, деревенеют от миллиардов несостоявшихся и раздавленных животом детей. И когда происходит смена постельного белья, то кастелянша всегда причитает:

- Ой, ребята! От ваших простыней забеременеть можно.

Но мы взрослеем. И вместо грез приходят настоящие женщины, которые вбирают в себя все то, что накопилось в наших необузданных организмах.

Сны становятся явью. Сказка – былью.

И только через годы понимаешь, что сказка сказочнее яви.

ЦПХ

На проспекте Карла Маркса друг напротив друга стоят два общежития. Одно – чисто мужское, военное, слушателей военной академии. А другое – чисто женское от завода «Русский дизель», или, как оно называлось в простонародье, ЦПХ – центральное п...здохранилище.

Не одно поколение слушателей мужало в их стенах. И первые самоволки вели их именно туда. А ведомыми у слушателей были не головы, а головки, глянцево блестящие под флотскими и армейскими брюками.

- Эти девушки, – говорил нам начальник курса подполковник Самбуров Ю.А., – как ружья образца 1812 года – просты в обращении и безотказны.

С годами слушатели выросли. Их интересы менялись. И они находили то же самое где-то на стороне. Но новое, молодое, рвущее трупы, пополнение, заменяло их, и тропа, вытоптанная сотнями поколений, до сих пор манит юные души, и они идут по ней, не взирая на наказания и лишения, которыми военная служба пресыщена в изобилии.

ЗАЧЕТ НА ЛЬДУ

Вова Базай – наш командир отделения.

Он бывший «кадет», закончил Суворовское училище и уже в академии ему дали младшего сержанта.

Это педант во всех отношениях. С ним сложно, тошно и тяжело. Обмануть его очень трудно. Он всё помнит, он всё проверяет.

Учёба для него – главное. Его голову, вечно склонённую над учебником, можно видеть где угодно, от академической библиотеки до кубрика в казарме.

К своим подчинённым он также строг! Чистота подворотничков, форменных воротничков, обуви, глажка брюк и прочее и прочее.

Однажды, когда мы учились на первом курсе, ему мочашибанула в голову, а может, спермотоксикоз затмил разум, не знаю, но он решил принять у отделения зачёт по строевой подготовке. Завёл всех в академический сад, чтобы глаз людской нас не видел, и началось: отдание чести, носок ноги на уровне соска, повороты и вся другая строе- и херомантия. Все выходят по списку и ... сдают.

Сплошной долбоебизм.

А время было зимнее и до ужаса скользко.

Выходит Коля Черкашин (он в очках и с гортанным «р») и начинает творить чудеса строевой подготовки и выправки. На очередном повороте он подскальзывается и падает. Я корчусь в приступе гомерического смеха, а он – от боли. Занятия были прекращены. И что самое обидное, - мне поставили «три», а Коле – «четыре».

Несправедливо.

Хотя на службе всё несправедливо.

САМОВОЛКА

Ленинград – это восьмое чудо света. И ты идешь по этому удивительному городу, заморожено раскрыв рот, впитывая в себя все то великое, что было создано Петром I, Росси, Растрелли, Клодтом и всеми другими знаменитостями.

Для тебя, выросшего в Пензенской губернии, где небоскребом считалось двухэтажное здание, а высшим творением зодчества – построенная тобой пирамидка, все это великолепие напоминало сказку.

Ленинград завораживает, околдовывает, заставляет себя уважать и любить. Требуется от тебя эрудиции и знаний, дабы не ударить лицом в грязь и не быть чужаком и глупцом в этом городе.

Человеческое познание требует массу времени. Ну а коль ты окружен пристальным вниманием разных степеней начальников, ущемлен в своих действиях всеми видами Устава, ну и занят изучением своей будущей профессии, то, естественно, чувствуешь себя ущемленным. И все, чего тебя лишили, что стало запретным, с неудержимой силой манит к себе. Тогда возникает идея – самоволка.

Но в городе патруль!

Кто рискует, тот сидит за учебниками. Можно и отблужать, мол, едешь на какую-то из кафедр, а их «море» и все разбросаны по городу.

Правда за это, тем более на первом курсе, можно было вылететь из академии. Но молодость... Она требует свое. Иначе зарастешь прыщами.

Первая самоволка – это проезд на метро от станции «Площадь Ленина» до станции «Дачная» и обратно. Вот именно там была первая встреча с патрулем.

То ли мое испуганное лицо вызвало у них жалость и отвращение, то ли попались добрые люди, а это были курсанты военно-морского училища, но меня не остановили.

Затем осваивались близлежащие окрестности, разводились мосты, встречались рассветы, познавались женские тела, то есть делалось все, что запрещали начальники и Уставы.

И Бог миловал. Все как-бы сходило с рук. Хотя пару раз все-таки пришлось отбывать наказания в нарядах.

Тех, кто не хотел покориться судьбе, плохо учился, в увольнение не пускали. Но так как нельзя бесконечно держать человека в неволе, то стали по воскресеньям проводить для таких моральных уродов, как мы, экскурсии по историческим и культурным местам города-героя Ленинграда. Таких разгильдяев нашлось человек пятнадцать из ста тридцати.

Экскурсия проводилась с тринадцати до семнадцати часов, то есть до ужина.

В этот раз мы с Глебом заранее наметили свой маршрут. Глеб Куприянов – это мой друг, «молочный брат», то есть моя вторая половина. Был еще третий, мой земляк – Вова Зуев, с факультета подготовки врачей для ВВС. Нас так и звали за шустрость и неугомонность – братья-веники.

Доехав до Эрмитажа, мы, а это была уже весна, и щепка лезла на щепку, сославшись, что нам нужно позвонить по межгороду, сели на такси (это при всем том, что мы получали восемь рублей и тридцать

копеек в месяц) и поехали к девочкам. Там нас ждал Зуев. Он был в увольнении, ему легче.

Веселье с вливанием и выливанием из себя всего, чего можно и уже можно, притупило бдительность. Нам уже не до ужина.

Приезжаем в казарму в 22.00 к вечерней проверке. И тут нас ждет «задница». Допущен стратегический просчет. Оказывается, дежурным по факультету заступил наш начальник курса.

Мускатный орех, лавровый лист притупляют запах алкоголя. Но что может прикрыть совершённую самоволку?

Строгая беседа, лепетание ягненка о случайной встрече с виртуальной одноклассницей и клятвенные обещания быть хорошим успеха не имели. Итог – пять нарядов на службу. И это через день. Стоишь у этой долбанной тумбочки восемь часов – четыре ночью, четыре днем. А это, плюс ко всему, пропущенные занятия и их отработки. Короче, тоска смертная.

Но за все надо платить. И за удовольствие тоже.

Это было уже на третьем курсе, когда мы имели свободный выход и право ношения гражданского платья. Решили мы с Глебом посетить неизведанный нами до сих пор пивбар «Пушкарь». Пришли туда «по гражданке», разумеется, а там дым коромыслом. Все пьяные, включая и барменов. Еле дождались свои две литровые кружки пива. Чтобы расплатиться, ждали еще больше, чем нам это пиво приносили. Официант не реагировал на наши крики. Видимо ему было в этот вечер не до денег. Мы встали и, не расплатившись, ушли.

Бредя бесцельно по Петроградской стороне, встречаем толпу молодых спорящих ребят.

- Что случилось?

- Не хватает тридцать копеек.

- А что дают?

- Вино, «Бычья кровь».

Мы кооперируемся и берем пять бутылок, ну чтобы второй раз не бегать.

Где же пить?

Оказывается рядом ДК «Ленсовета». Идем туда и в туалете, а где же еще, все это дело выпиваем. Ну а дальше – танцы.

Духота, скачки сделали свое дело.

Сев на скамеечку, я задремал.

И вот будит меня дружинник. Ну разбудил бы и ладно.

Иду в гардероб. Ан, нет. Ведет он меня в комнату ДНД. А так какое-то гражданское чмо учиняет мне допрос. И как услышал, что я военный, его аж окрылило, да еще в гражданском платье, да еще нетрезв.

Ни униженная мольба пожалеть и отпустить, ни навернувшиеся слезы, ни аргументы, что меня выгонят, ничего не помогло. Закрыл он меня, скотина, за решетку. И просидел я там, пока не прибыл за мной помощник дежурного, слушатель пятого курса.

На занятия я не пошел. Ждал сурового возмездия со стороны начальника курса.

Чего я ему только не плел.

Выслушав этот бред, он велел идти мне на занятия.

Последним часом была лекция. Не успела она закончиться, как входит шеф. Я, естественно, был поднят с места, облит ушатом помоев, а в конце, для поднятия боевого духа масс, добавил:

- Финогеев, если вы пьянеете от пива, не пейте пива, если пьянеете от кефира, не пейте кефира, а сосите говно через тряпочку. Садитесь, я подумаю на сколько.

Но все, слава Богу, обошлось. Мер дисциплинарного наказания ко мне принято не было. И жизнь потекла размеренным ритмом. Впереди были новые приключения.

Жизнь – это тельняшка. И после черной полосы, всегда идет белая.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ФЛОТОМ

Закончены экзамены.

И первый курс остается в прошлом. Еще пять лет, и на плечах засверкают звезды!

А пока – впереди корабельная практика на Северном флоте.

И уже поезд Ленинград – Мурманск мчит нас на первую встречу с нашим «светлым» будущим. За окнами мелькают сказочные картины северного пейзажа Карелии. Они изумляют и зачаровывают.

Столица Северного флота, Полярный, куда нас доставил буксир, встретила осенней сыростью и морозящим дождем, хотя лето было в самом разгаре.

Изобилие бескозырок и булыжников резко подчеркивало грань между красотами Северной Пальмиры и тем, что тоже называлось городом, куда нас привезли. Хотя и в нем жизнь просматривалась (тогда мы еще не отделяли службу от нормальной человеческой жизни). Здесь даже была своя гордость – стадион, который был выдолблен в скалах.

Наш 11-й взвод, а это 25 человек, разместили на минном загородителе «Сухона», корабле старом и потому выходящем в море лишь по великим праздникам.

Мы для экипажа, естественно, были балластом и обузой, не в плане, конечно, лишнего рта (кормили тогда на флоте очень даже хорошо), а просто всем мешали. Отчего целыми днями мы околачивались вокруг трубы, где было тепло, играя в карты и травя анекдоты.

О нас вспомнили, когда до окончания практики оставалась неделя.

Будущих медицинских светил выгнали на причал и заставили стирать орудийные брезентовые чехлы, поскольку «Сухона» должна была идти в Мурманск на День Военно-Морского флота, до которого было еще две недели.

Погода совсем не располагала к труду. Моросил мелкий дождь. С моря дул пронизывающий ветер, а тучи были так низки, что цеплялись за бескозырки.

Корчагинский энтузиазм явно не просматривался в наших глазах.

Получив щетки, стиральный порошок и вооружившись пожарным шлангом, мы приступили к трудовой деятельности. А так как нас было достаточно много, то мы явно мешали друг другу.

Это открытие первыми сделали мы с Вовой Коротаевым.

- Володя! Что тут мокнуть? Пойдем тихонечко на КПП, поиграем в бильярд. Нас не заметят.

И моя идея воплотилась в жизнь.

Мы до обеда прекрасно провели время в тепле и под крышей, но когда пришли в столовую, оказалось, что «хитросделанными» были не только мы.

Нам «по дружбе» оставили два огромных чехла, которые мы должны и, уже, обязаны постирать после обеда.

На хитрую задницу всегда находится член с винтом.

И вот мы с Коротаевым снова на пирсе. Дождь, как на зло, усилился. Настроение далеко не праздное. Все у теплой трубы, а мы мокнем.

Круглое лицо Владимира сморщено и напоминает куриную задницу. Я, наверное, выгляжу не лучше.

Он трет брезент щеткой, а я поливаю на него из брандспойта.

Скоро все это нам, определенно, надоедает:

- Вовик, давай я их хорошо намочу, на мокром грязи не видно, а пока они высохнут, мы уже уедем.

Мысль нравится. И вода в изобилии полила на лежащие чехлы.

Вдохновенно занятые этой новой идеей мы не заметили, как на бак корабля вышел Женя Ковлер, с которым мы не только учились, но и жили в одном кубрике. Он, облокотившись на леера, стал весело рассуждать о нашей незавидной доле. Это явное издевательство нам жутко не понравилось.

Я нажимаю ручку брандспойта до предела и супермощную струю направляю на Ковлера. Увлеченный жаждой мщения, я не обращаю внимания, как эта струя идет по борту корабля, а она идет далеко не так, как хотелось бы.

В это время, служивший на этом корабле мичман, который почему-то всегда был пьяный или, точнее, в состоянии сильного похмелья, решил выглянуть из иллюминатора и оценить обстановку за бортом. И тут мощная струя воды бьет его в пьяную рожу. Причем удар был такой силы, что его тело отбросило к другой переборке, а каюта на четверть наполнилась водой.

Но все это я видел лишь боковым зрением.

Главной же целью был для меня Ковлер, который скользя по мокрой палубе пытался скрыться от возмездия. И все же поток воды настиг его и ударил в сутулую спину. К тому же он еще зацепился ногой за якорь-цепь и со всего маху грохнулся на палубу, к нашей великой радости.

Вечером было построение.

За нерадивое отношение к службе и нетоварищеское отношение к сослуживцу мне дали три наряда на службу, которые я отработывал, драя паёлы щеткой в трюме.

ТУРИСТЫ

Слушатели Военно-медицинской академии ищут себя во всем. Одни играют в ансамблях, другие в хоккей, а спорт, причем спорт любой, в академии всегда в большом почете, третьи просиживают вечера в пивбарах, четвертые - ... да, собственно, чем только слушатели не занимаются, проявляя перед экзаменом интерес и к медицине.

Были и туристы.

Куда они ходили, чем занимались, какие маршруты осваивали – можно только предполагать. Но, судя по тому, в каком нетрезвом виде они возвращались и сколько засосов было на их теле, можно только предполагать, что путь их был тернист, а познания природных явлений глубоки.

Группа из пяти-шести человек, с огромными рюкзаками, гитарами, транзисторами, оставив начальству бумагу о предполагаемом маршруте, с веселыми лицами вываливала из казармы. И только один, самый здоровый, шел с пустым рюкзаком.

Первоначально они направлялись к пивному ларьку у моста Свободы. Взяв по две кружечки холодного пива, они протягивали продавцу шланг из пустого рюкзака и как бы между прочим говорили:

- А туда сорок кружек.

- Сорок? – удивленно переспрашивала продавец.

- Сорок! Сорок, мамаша! – давясь счастьем, свободой и собственной значимостью говорили они, весело смеясь.

Ведь именно в этом рюкзаке лежала пустая кислородная подушка, которая вмещала в себя такое огромное количество веселящего напитка.

Постепенно у ларька росла очередь. Начинался ропот. Но спорить с опьяненной свободой молодежью было бессмысленно.

Где-то через час мешок заполнялся. И радостные туристы, прихватив по дороге таких же, на природе любивших, спутниц жизни, шли намеченным маршрутом, открывая для себя все прелести жизни, познавая не сколько ее величие и красоту, сколько трепет женского тела.

- Туристы, блин, туристы, блин, туристы!

ВОДОЛАЗНАЯ ПОДГОТОВКА

На факультете подготовки врачей для ВМФ учат не только различать сердечные тона, дифференцировать легочные хрипы, отличать нефрит от краснухи, но и водолазной подготовке, так как основная масса потом идет служить на подводные лодки. А там ситуации могут быть разными.

Слушатели облачаются в гидрокостюмы, одевают на шею спасательные аппараты и вперед, - проход, в начале через сухой, а затем мокрый торпедные аппараты.

И ползешь ты по нему метров десять. Что впереди, что сзади – одна тьма крошечная, как у негра под мышкой. И это ползание в абсолютно гладкой трубе, где не за что уцепиться и не от чего оттолкнуться. Удовольствия, мягко говоря, никакого. Очко играет жутко. А вдруг не доползешь, а друг застрянешь и, не дай Бог, воздух в баллонах закончится. А кто хочет закончить свою карьеру в этом, долбанном, торпедном аппарате? Ведь было же и такое, что во время тренировок у курсанта (училище не помню) в этой трубе остановилось сердце.

Нелепая смерть!

Хотя, разве смерть бывает желанной в молодые годы?

И какое наступает облегчение, когда ты из нее вылез. Хочется жить и пить!

Это состояние можно сравнить только с опорожнением мочевого пузыря после десятой кружки пива.

Второй вариант – подъем методом свободного всплытия с глубины десять метров. Это легче, чем выход, но все равно не мед. И здесь не обходится без курьезов.

Коля Мордухай, младший сержант, был человеком с определенной долей отклонения от нормы. Но это не помешало ему пройти весь водоворот военно-морской службы на Тихоокеанском флоте. Так вот, этот Коля во время захода в башни не зацепился стопами, и его вынесло наверх не головой, а ногами.

Это был первый и, наверное, единственный выход из глубины таким оригинальным способом.

Все, кто на верху принимал наши тела, просто ошалели, когда его выбросила наверх таким способом.

В академии все претендовали на роль самородков, только одни блестели ярко, а других надо было очень долго и тщательно шлифовать.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Врач должен уметь все, от уколов и клизм до полостной операции. И если таблица умножения начинается с 1х1, то тернистый путь врача с перевязок и уколов.

Сестринская практика началась без меня. Я с простудой лежал в инфекционной клинике. Когда я выписался, все мои товарищи были уже доками сестринского дела и умели практически все. Я среди них был святым.

Чтобы разузнать, что и как, я пришел в отделение больницы, где мы стажировались, пораньше.

Не успел я надеть халат, как ко мне подлетела медицинская сестра.

- На, - она протягивает мне крышку от стерилизатора, наполненную шприцами, - иди в шестой палате сделай уколы.

- Кому?

- Всем.

- Но я сегодня здесь первый раз, - пролепетал я.

- Мне некогда, иди коли.

Захожу в палату. В ней человек пятнадцать. У всех пневмония, всем надо делать пенициллин.

На первой койке лежит старенькая худенькая бабушка.

Трясущимися руками я с размаху вонзаю иглу ей в ягодицу, помня, что нужно колоть в верхний наружный квадрант, и отчетливо слышу, как игла ударяется в кость.

- Господи! Как же мне больно! – тихо шепчет старушка.

Но ее слова до сир пор звучат в моих ушах.

Это был мой первый, неудачный опыт в медицине.

В последующем, чтобы я не делал, уколы или операции, удалял зуб или вставлял катетер, я все делал безболезненно.

Наверное, лучше один раз ошибиться, но быть потом профессионалом, чем всю жизнь остаться коновалом.

Прости меня, бабушка, пожалуйста за боль. И спасибо за урок.

Низкий тебе земной поклон.

ИЗДЕРЖКИ ЗНАНИЙ

Коля Черкашин слыл положительным слушателем. Он не хулиганил, не выпендривался, делал все, как говорили начальники, а в отношениях с товарищами был прост и доступен.

Знания в себя он впихивал через задницу, обладая потрясающей усидчивостью.

Слегка вытянутое лицо, удлиненный нос, очки и гортанное «р» делали его похожим на умненького Гарри Поттера.

Каждый человек в своей жизни сталкивается с химией. Отдельные из них теснейшим образом соприкасаются с биологической химией. Это либо профессионалы, либо такие как мы, для большинства которых этот предмет несет лишь познавательный характер.

Но как бы то ни было, а каждый изучаемый в ВУЗе предмет завершается зачетом или экзаменом.

Третьим вопросом в Колином билете был витамин B_{12} – цианокобаламин. О нем надо было рассказать все: состав, как и где синтезируется, какую функцию выполняет, при каких заболеваниях применяется и какие изменения в организме при его недостатке.

Рыкнув в запотевшие очки, Черкашин приступил к рассказу о незаменимом для живого организма витамине.

- Формула цианокобаламина такова, - и Коля сунул под нос экзаменатора лист бумаги.

Преподаватель обладело посмотрел на лист. На нем красовался атом кобальта, к которому цеплялись цианогруппы, образуя самый сложный координационный комплекс.

- Товарищ слушатель! Вы списали формулу! Ее запомнить невозможно.

Коля гортанно рыкнул, густо покраснел, отчего очки вспотели еще больше, и с негодованием сказал:

- Я не списывал.

- Нет, вы списали!

- Я не списывал, - упрямо повторил он.

- Хорошо. Вот вам лист. Напишите ее еще раз.

Черкашин, слизывая языком катившиеся с носа капли пота, тупо нарисовал формулу витамина В₁₂.

Преподаватель недоумевающее посмотрел на лист и, ни слова не говоря, поставил в зачетку «хорошо».

Коля продолжал сидеть.

- Все, идите. Что вы ждете?

- Я знаю на «пять».

- Нет, вы знаете на «четыре». Идите и не мешайте.

Он вышел из кабинета и, грязно ругаясь матом, пошел в общежитие.

ЯБН

Третий факультет подготовки врачей для ВВС в ВМА имени С.М. Кирова был специфическим. Контингент здесь подобрали боевой, 80 % были разгильдяи и большие артисты.

Начальником этого курса был ЯБН - Ярослав Болиславович Новодворский.

Это была тоже, в своём роде, уникальная личность.

Природа рубила его топором и он не отличался большим умом и сообразительностью. Но служба военная дураков любит, давая им рост по служебной лестнице. Коллектив этот был сплочён в своём единомыслии. Их подвиги покрывались вуалью тайны и за пределы курса распространялись редко.

Второй курс был в своём роде, для всех переходным. Мы прощались с казармой и переходили на вольные хлеба. Теперь свобода была с нами почти на ты. По этому случаю каждый факультет изощрялся по-своему. Но превзошёл всех третий факультет. Они устроили настоящее феерическое шоу.

Было сделано чучело начальника курса. Выглядело оно довольно схоже с оригиналом. Затем вся эта пьяная, раздетая до гола компания вывалила с чучелом ЯБНа во двор казармы, подожгла его и под дикие крики начала водить хоровод.

В этот день индейцы просто отдыхали.

КАРАУЛ

Чтобы привить все прелести военной жизни, слушателей Военно-медицинской академии периодически ставят в караул.

А чтобы все было по-взрослому, по-военному, зубрились обязанности часового, изучался автомат, давались боевые патроны.

Самое тоскливое – это стоять у знамени. С места не сойдешь, ногу и ту не всегда согнешь в колене. Начальство постоянно шастает туда-сюда.

Но и здесь я умудрялся ночью курить.

В этот раз в караул заступили слушатели третьего факультета, факультета подготовки врачей для ВВС.

Слушатели этого факультета были не лишены юмора и проявляли его очень остроумно.

Начальники, естественно, проверяли своих питомцев.

И вот идет их начальник курса, подполковник Ярослав Брониславович Новодворский, в простонародье ЯБН, проверять посты. Как там его подчиненные несут караульную службу?

- Стой! Кто идет?

- Начальник курса.

- Стой! Освети лицо! Стрелять буду!

Ну и куда деваться?

ЯБН направляет на свою физиономию фонарик, к радости бдительного слушателя.

И наказать его нельзя.

А знаешь, что издевается.

Ведь так требует Устав!

КАКОВ ВОПРОС, ТАКОВ ОТВЕТ

- Зувев! Скажите. Юношеские угри, как ещё, по-другому, классифицируются? – преподаватель кожных болезней из-под очков посмотрел на слушателя.

- Спермотоксикоз!

- Правильно. А если у девушки?

- Без спермытоксикоз! – ответил находчивый юноша.

НЕПОКОРНЫЙ

На военной службе нет ничего проще, чем отдать честь, ответить: «есть» и пойти по своим делам, ничего не делая, пересилить себя, зайти и доложить, выйти на пять минут раньше и не опоздать ... и живи спокойно, без адреналиновой реакции. Но меня постоянно что-то заставляло делать все наоборот, за что потом приходилось страдать, клясть судьбу и начальников, и нести за всё это повинность.

Так было и в этот раз.

Поздним вечером я, слушатель уже третьего курса, возвращался в общежитие.

Пронизывающий ветер до костей продувал шинель, лёгкие шерстяные перчатки не грели.

Сгорбившись, как вопросительный знак, с поднятым, как у немцев под Сталинградом воротником, засунутыми в карманы руками и загребая «кешами» снег, перехожу Лесной проспект. Навстречу идёт народ. Это в Выборгском дворце культуры закончился концерт.

Сквозь надвинутую до подбородка шапку, вижу идущего на меня моряка-медика подполковника.

Отдать честь?

Нет!

Слишком холодно вынимать руку из кармана.

Иду.

Тень от фонарей отражает реальную действительность на стенке.

- Товарищ слушатель! Вы почему честь не отдаете?

Я, якобы, не слышу и иду дальше.

- Товарищ слушатель! Стойте!

По тени на стене вижу, что он ускоряет шаг и пытается меня поймать. И тут я подрываюсь, понимая, что если он меня поймает, мало не будет.

- Я вас догоню, - несётся сзади.

Так я не бегал никогда. Встречная толпа была на моей стороне. Она расступилась передо мной и смыкалась за спиной.

До общаги я долетел пулей. И оторвался от него хорошо. Но сил уже не было. Буквально на четвереньках взобрался по ступенькам.

Куда? Где скрыться?

Приползаю на третий факультет к лётчикам.

- Мужики! Спрячьте меня куда-нибудь, за мной подполковник гонится!

Суют они меня в шкаф на кухне. Закрывают дверь. Сажу. Сердце рвётся из груди. Минут через двадцать открывается дверь. Слышу голос:

- К вам не заходил моряк с третьего курса?

- Нет, никого не было.

- Я посмотрю у вас в комнатах.

Заглянул он и на кухню, но в шкаф не догадался посмотреть. Короче он обшарил всю общагу. И удручённый ушёл домой.

Два часа я сидел какмышь. И лишь потом поднялся с беззаботным видом к себе на этаж.

- Финогеев! Это тебя подполковник искал?

- Какой подполковник? – делаю я удивлённые глаза.

Народ не спит, ищет приключений и жаждет новостей.

- Не пизди.

- Что за подполковник? – вид у меня ангельский, - я только что с улицы, никого не видел.

Ну на этом и закончилось. Оказывается, это был преподаватель с Военно-морской и госпитальной хирургии. Какой-то бывший крутой спортсмен.

Но я был моложе.

Склонность к военному садомазохизму присутствовало во мне до конца службы.

РОЖДЕННЫЙ ПЕТЬ...

Не знаю точно, к чему больше склонна Военно-медицинская академия, к медицине или спорту, но спорт здесь почитаем. И спортсмены здесь ценятся, так как они защищают цвет и честь престижного учреждения.

Все остальные были тоже спортсменами, но только тотальными. Их принуждение заставляло выйти на беговую дорожку или встать на лыжи. Дважды в год был кросс. Осенью по бегу, зимой по лыжам. Если пробежать, ещё как-то можно было уложиться в норматив, хотя и не всегда, то с лыжами у меня была полная тоска. Десять километров не кончались, время неумолимо истекало. И кто не укладывался в

положенное время, тот, естественно, перебегал. А перебегать можно было до тех пор, пока не ляжет новый снег или не растает этот. Один раз уже и снег растаял, так нас отвезли куда-то в Разлив и мы бежали, конечно, бежали – очень громко сказано, плыли по таявшему льду.

«Иду по асфальту я в лыжи обутый, то ль снега нема, то ли я ебанутый» - это все сказано, исключительно, о нас.

Но один раз я превзошёл самого себя. За день до кросса я зашёл к земляку в общежитие ЛИИЖТа (института инженеров железнодорожного транспорта). Сидим, пьём. И вдруг, до этого незнакомый мне парень говорит:

- Завтра надо съездить в Кавголово, на лыжах побегать.

- А ты не хочешь за меня кросс пробежать, - затеплилась у меня надежда.

- Давай, мне всё равно, где бегать.

Мы договорились о встрече.

На старте я взял очень резво. Но только скрылся за поворот, сразу же отдал свой номер Серёже, а сам кружным путём вернулся к месту финиша, ожидая его возвращения и маскируясь в толпе.

Вот и замелькал мой номер. Шёл он очень быстро, быстрее, чем я бежал на старте. Преподаватель щёлкнул секундомером и закричал:

- Номер 277, подойти ко мне.

- Езжай отсюда быстрее, чтобы тебя не видели, ты не слышишь, - шипел я ему в спину.

- Номер 277, подойти ко мне, - неслоь нам в след.

Но тот поняв и, делая вид, что не слышит, удалялся от финиша.

Мы пошли с Серёгой в кафе и отметили мою победу.

Спустя неделю меня вызвал начальник курса:

- Финогеев! Ты сам бежал кросс?

- Так точно.

- Очень хорошо пробежал,- сказал он с ехидцей, - тебя хотят в сборную взять.

- Нет, нет, у меня очень нога болит. Сильно потянул.

- Хорошо, иди. Только в следующий раз не выкладывайся так сильно, ногу береги.

А остальные тотальники, кто не уложился в норматив, долго ещё ездили по заснеженным местам Ленинградского пригорода, зло смотря на меня.

Тотальный спорт разносторонен, отчего получаешь только душевную горечь и неприятности на свою задницу.

Я жутко боюсь высоты. А в бассейне СКА нас заставляли прыгать с вышек.

Очередь на вышку быстро двигалась и пропускать было уже некого. Поднявшись наверх, я бодро подошёл к краю и глянул вниз. На душе похолодело и вязкая слюна подступила к горлу. Внизу раздалась трель свистка. Я пригнулся, заведя руки назад, и...выпрямился. Трель повторилась. Я стоял не шевелясь. Внизу дико хохотали.

- Слазь оттуда! – заорал тренер, - Фамилия!

- Финогеев.

- Пошёл на хуй отсюда! Чтобы больше я здесь тебя не видел!

Пропуск в бассейн у меня отобрали. Обещали из-за этого не допустить к сессии. Но всё обошлось.

А я как боялся высоты, так и боюсь.

Рождённый петь, плясать не может.

СУДЬБА

Девочка была так обаятельна, так красива, так мила, что не влюбиться в неё мог только слепой.

Танцы уже заканчивались, когда они познакомились.

Рвущаяся в гардероб толпа разнесла их по разным углам. Он быстро оделся и встал у выхода с выпученными глазами, ища этот цветок. Кратковременная встреча отразила, что всё в ней хорошо, но вот лицо расплылось, и надежда узнать её была слишком мала. Обилие лиц просто размазали ее образ в сознании. Он уже потерял всякую надежду, когда к нему подошла девушка и спросила:

- Вы не меня ждёте?

Он посмотрел на неё.

Вроде она.

Кажется точно она.

Фойе было почти пустое.

- Вас, - как-то нетвёрдо ответил он.

- Тогда пойдёмте.

Они долго ехали на метро. Потом шли пешком.

Разговор был пустой. О чём может разговаривать молодость?

- А чем Вы занимаетесь? – спросила она.

- Я слесарь, - ответил он. Ведь на танцах он был в гражданской форме.

«Врёт, руки не те», - подумала она.

Они подошли к дому.

- Здесь я живу.

- А что вы завтра делаете? – ему не хотелось уходить.

- Ничего.

- Давайте встретимся.

- Давайте. А где?

- Я завтра хотел сходить в Александро-Невскую Лавру. Вы не хотели бы пойти со мной?

- С удовольствием. Во сколько?

- У метро «Площадь восстания», в десять часов.

- Хорошо. До завтра. До свидания.

- До свидания.

Крылья любви несли его в общежитие. Он зашёл к друзьям, Владимиру и Глебу. Глаза его сверкали. У них завтрашний день тоже был свободен и они охотно согласились посмотреть, что за бриллиант откопал в очередной раз их друг Финогеев.

По Старому Невскому проспекту молодые шли пешком. Время поджимало. Но не скажешь же, что тебя ждут друзья, которые приглашены в качестве оценки прекрасного.

Когда они подошли к Лавре, она увидела, как два молодых человека грозили в их сторону кулаками и пальцами тыкали в часы.

Они опоздали на сорок минут.

«Друзьям решил показать», - сразу догадалась она.

Уже в самой Лавре они столкнулись, буд-то случайно.

- Познакомьтесь. Это Галя. Это Глеб. Это Володя.

Экскурсия началась. Галин рот не закрывался ни на минуту. Она сыпала датами, сведениями, вехами истории.

- Боже! – подумал Александр, - какая умная девушка!

Чувство любви переполняло его сердце. Весеннее солнце растворяло все краски вокруг. И только нежный воркующий голос, и только один милый, лучезарный образ приковывал всё сильнее и сильнее Александра к себе.

Встречи были постоянны. Они уже знали друг о друге всё.

Как-то выйдя из кинотеатра «Невский», где они посмотрели фильм «Земля Санникова» с его чарующим сюжетом и песнями, они медленно шли пешком через мост имени Володарского.

- Саша, а давай поженимся, - прошептала Галина.

- Давай, - тоже тихо ответил он.

Потом было знакомство с родителями, два заваленных экзамена, отпуск. Мама продала корову, чтобы не стыдно было перед будущими городскими родственниками. Была весёлая, шумная свадьба. А после неё долгая семейная жизнь с рождением сначала одного, а потом второго сыновей. Жизнь, полная частых разлук и кратковременных, радостных встреч. Жизнь, со всеми её радостями и огорчениями. Потому что абсолютно счастливыми бывают только дураки и дебилы.

РЕНТГЕН ИЛИ ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

Чтобы стать врачом нужно, безусловно, много знать, много уметь и, естественно, правильно вести медицинскую документацию и, в первую очередь, историю болезни больного.

Четвертый курс – это уж переход от теории к практике. Это тот период, когда ты уже как начинающий врач непосредственно сталкиваешься с больными.

Военно-морскую и госпитальную терапию вел у нас Оскар Моисеевич Крынский. Это был одаренный врач. Кардиолог с большой буквы. Он находил для нас «интересных», с точки зрения патологии, больных, внимательно слушал их сердце, потом подзывал меня и спрашивал:

- Что здесь?

Я долго слушал, а потом говорил какой в сердце шум.

- Не понимаю, Финогеев, то ли ты действительно слышишь, то ли угадываешь.

Оскар Моисеевич закрепил за каждым слушателем больного, а на него нужно было завести учебную историю болезни с его жалобами, этиологией и патогенезом заболевания, клиникой, лечением, проведением дифференциальной диагностики, назначить лечение и дать рекомендации. Это все умещалось в 96-ти листовой общей тетради убористым почерком.

Труд титанический. Это не просто написать, хотя и это тяжело, но еще перелопатить десятки монографий по данной нозологии.

Через неделю нам возвращают проверенные преподавателем тетради.

- Финогеев. Два.

Я аж обомлел.

- За что?

- Вы везде написали рентген без буквы «т».

Ёлы палы! Вот это сюрприз!

Это все надо переписать.

С ума можно сойти!

А куда денешься?

Еще неделя коту под хвост.

Со второго захода мне поставили «три» и тем мы с ним оба утешились.

Но я отомстил. Причем, очень жестко.

Я заметил, что Крынский после каждого перерыва ходил в туалет. Видимо простата давала о себе знать. Но сразу из класса ему выйти не удавалось, поскольку любознательные слушатели задавали умные вопросы и на них надо было умно ответить.

Мне на месть было отведено три-пять минут.

Туалет был маленьким. В нем всегда стояла наполовину заполненная литровая банка с хлоркой.

Я быстро сбегал со второго этажа и мочился в эту банку.

Ядовитый хлор заполнял всю эту коморку, превращая ее в газовую камеру.

Выйдя из него, я прятался за угол и ждал.

И вот спускался Оскар Моисеевич.

Акт мочеиспускания у него длился долго. Наверное, там все-таки был не простатит, а аденома.

А хлор делал свое дело. Он выедал глаза, затруднял не только дыхание, но и мочеиспускание.

Наконец дверь открывалась и выходил Крынский. Он был красен, лысина густо покрыта потом, из глаз текли слезы, а из носа - сопли.

Моя поруганная честь была удовлетворена.

АКУШЕРСТВО И ГИНЕКОЛОГИЯ

И вот, когда сданы анатомия, физиология, фармакология, оперативная хирургия и масса других предметов, являющихся основой знаний на тернистом пути Эскулапов, и прекращается зубрежка всех этих терминов, рецептур и составных частей человеческого тела, - начинается второй этап подготовки врачей.

Изучаются клинические предметы, а это уже гораздо интереснее. Здесь можно не зазубривая понять.

И право ношения белого халата уже почти завоевано.

Итак – один из предметов курса подготовки врачей для Военно-морского флота – акушерство и гинекология.

Теория позади.

И мы переходим к практике.

Тринадцать, пышущих здоровьем, двадцатилетних парней в морской форме, прикрытой сверху халатами, собрались в смотровом кабинете клиники акушерства и гинекологии.

Попасть в одну из клиник Военно-морской академии мечтает каждый больной, так как профессорско – преподавательский и врачебный состав академии очень сильный.

На гинекологический осмотр масса народу. Это, в основном, молодые женщины. А цель – ликвидация нежелательной беременности.

Именно здесь начинаешь понимать, что халат далеко не последняя атрибутика врача.

Женщины обнажают свои интимные места, отчего напряжение в нижней части нашего тела достигает апогея. Пуговицы на флотских брюках трещат, а глаза готовы выскочить из орбит.

С умным видом каждый, подходя к креслу, складывает свою руку в «руку акушера» и вводят ее туда, куда хочется ввести совсем другое, и рассказывает преподавателю о размягчении матки, об ее отклонении влево, о положительном синдроме Пискальчика.

И вот в кресло ложится следующая пациентка. Ей года двадцать три. К ней подходит один, другой, третий...

Очередь доходит до Саши Черного. Он вводит свои два пальца и начинает повторять заученные признаки беременности, как вдруг женщина говорит дрожащим голосом: «Не вынимай пальцы. Я сейчас кончу.»

Саша краснеет, преподаватель немеет, а процесс познания женского тела расширяется.

ОЧЕВИДНОЕ И НЕВЕРОЯТНОЕ

Начальник курса, полковник Самбуров Юрий Сергеевич, был человек, не лишённый чувства хлёсткого флотского юмора. На все наши выкрутасы он всегда находил что-то своё, что заставляло одновременно и задуматься, и застыдиться.

Да, дорогой читатель. Мы ещё воспитывались в те далёкие времена, когда такие редкие для сегодняшней молодёжи чувства, как совесть и стыд, были знакомы нам не понаслышке.

Но, вернёмся к главному.

Лето едва только началось, а жара в Ленинграде для этой поры стояла просто невыносимая.

Было часов десять утра, когда Самбуров, покурив “Беломор” решил совместить приятное с полезным. Во-первых, пройтись и размять кости, а во-вторых, как бы, между прочим, посмотреть, что делается у слушателей в кубриках.

С такими мыслями он неторопливо шёл по коридору курса, подходил к комнате, резко распахивал дверь, входил, молча и лениво оглядывал помещение, открывал на выбор тумбочки и шкафы, кривился и так дальше.

Картина везде была удручающей, везде был полный беспорядок.

Открыв очередную дверь, он по привычке уныло вошёл в кубрик. И тут его взгляд остановился на кровати, на которой под простынёй лежало тело. Самбуров подошёл, резко сдёрнул покрывало. На кровати, совершенно голый, свернувшись калачиком, мирно спал сержант Дмитрук.

- Дмитрук! Вы почему спите в это время!?

Сержант вскочил, как ошпаренный. Его стоячий член упёрся полковнику в грудь.

- Заболел, товарищ полковник.

- Ну, болейте дальше, – сказал Самбуров, косясь на могучий детородный орган будущего офицера. – Как выздоровите, зайдёте ко мне.

Он вышел в коридор, оставив дверь открытой.

Желаний на дальнейший осмотр жилых помещений уже не было.

Рука сама собой потянулась в карман за папиросой...

ПЕТР – ПЕРВЫЙ

Петя был запланирован сразу, еще до его зачатия. И никакие силы природы, никакие Y и X хромосомы, никакие желания тещи, что будет Жора, а не Петя, не могли повлиять на конечный результат. Того, что могла бы быть девочка, даже в мыслях никто не предполагал.

Внутриутробно он развивался со страшным токсикозом у матери, с рвотой и слюнотечением.

Его очень ждали, каждый день гладили рукой через брюшную стенку, слушали ухом, как он шевелит ручками и ножками.

Прошло время, и ребенок решил увидеть свет. Его первый восторженный крик слышали стены кафедры акушерства и гинекологии Военно-медицинской академии. Двадцатидвухлетний отец по достоинству отметил рождение сына с сокурсниками.

Петя быстро рос и развивался.

Через два года, такова уж судьба у моряка, отец пошел бороздить моря и океаны. И земля для него была как праздник, а море стало, хотя стало вряд ли, домом родным. Переезды семьи по маршруту Ленинград – Севастополь - Ленинград стали часты. Отец пришел – в Севастополь, отец ушел – в Ленинград.

Вот и первый звонок.

Первоклассник Петя Финогеев начинает учиться в Ленинграде, а через четыре года все переезжают в Николаев. Моря и океаны у отца остались позади и началась размеренная штабная и семейная жизнь.

Ребенок был не по возрасту способен и талантлив, опережая своих сверстников в развитии на год и даже два.

В школе лучшим ученикам ставили на парту переходящего пингвинчика. Но были моменты, когда пингвинчик покидал его парту.

- Петя! А у Ленина пингвинчик всегда стоял на парте, - он этому свято верил и старался не терять этот престижный трофей.

Шли годы.

Школьная пора подходила к концу. Багаж знаний позволял ему поступить в любое высшее учебное заведение.

До выпускных экзаменов оставалось три месяца, когда он пришел домой и категорично заявил:

- Я после школы пойду работать.

Я обомлел.

- Куда?

- На судостроительный завод имени «61 коммунара». К нам в школу приходили оттуда представители и сказали, что рабочий получает больше инженера и специальность можно приобрести.

Да. Было такое при Союзе.

- Петя! Да ты что! Работать всегда успеешь. Надо сначала выучиться.

Я валялся в ногах, приводил все мыслимые и немыслимые доводы.

Он был неумолим.

Уж такой дурной у русских характер. Утопить самого себя, смешать собственными руками с грязью – это их национальная черта.

Вот и закончилась школа. Сданы выпускные экзамены.

Завтра этот умный дурак идет в отдел кадров. Но прежде, чем он туда дошел, утром там был я. Начальник отдела кадров бывший отставник, командир стройбата.

- Михаил Петрович! К вам сегодня придет тело, Финогеев Петр Александрович. У вас есть на заводе тяжелая, но малооплачиваемая работа?

- Конечно есть!

- Пожалуйста, оформите его туда. Учиться не хочет, пусть почувствует вкус труда.

- Вот это отец. Все просят полегче и повыгоднее. А он сына труду учит. Молодец, Виталич!

И стал Петр сборщиком – достройщиком судовым.

Первая зарплата не принесла восторга и вторая тоже.

- Петя! В кораблестроительном институте полугодовые подготовительные курсы. Пойдешь?

- Буду работать.

Солнце, дождь, снег, мороз. Руки в «ципках». Работа ведь не кабинетная.

- Петя! В НКИ трехмесячные подготовительные курсы. Пойдешь?

- Буду работать.

Я уже теряю веру, как вдруг сын говорит:

- Папа! Начинаются месячные подготовительные курсы. Я буду учиться.

- Молодец, сынок! Завтра заходи в отдел кадров, напиши заявление на отпуск без содержания.

Утром я снова у начальника отдела кадров.

- Михаил Петрович! Мы учиться решили. Сегодня Петя к вам зайдет. Вы уж заявление ему подпишите.

- Вот это отец! Вот это молодец!

Он достает из сейфа бутылку коньяка.

- За такого отца стоит выпить. И за сына! Чтоб стал нормальным специалистом.

И уже осенью Петя стал студентом.

Имея большой багаж знаний, он, со свойственной ему природной авантюрой, решил, что один предмет можно проигнорировать. И в этом ему помог его товарищ, вернувшийся из армии, которому купили, а по тем временам это был большой дефицит, игровую приставку к телевизору. И вместо лекций Петя с Максимом гоняли дураков по экрану. И как итог – двойка за экзамен. Пересдача – и опять «пара». Ругать уже бесполезно.

Сколько надо было потратить и в летнюю и в зимнюю сессию нервов, чтобы закрыть этот вопрос.

И все же институт был закончен. Специалист состоялся.

Началась новая взрослая жизнь с ее взлетами и падениями, радостями и печалью.

И дай тебе Бог, сын, чтобы на твоём пути всегда горел зелёный свет!

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

На распределение я опоздал.

Ну получилось так.

Встреча интересная должна была состояться, но... не состоялась.

И по расчётам-то, ну если пять-семь минут на человека, должен был успеть.

Но... не успел. Первый полукурс уже прошёл.

Не мог я, оказывается, не подложить очередную свинью, не знаю кому, то ли опять начальству, то ли себе.

От начальника курса я услышал далеко не лестные слова. Если всё, сказанное им, отбросить, то мягко, очень мягенько, я мудак!

Ну мудак, так мудак!

Неприятно, конечно. Все, кто уже был распределён, пошли пить. Я же ждал, когда начнётся распределение второго полукурса.

Все уже считали, что я поеду на Тихоокеанский флот, да собственно, и я уже в этом не сомневался и был готов.

Захожу первым. Представляюсь. Начальник курса как гаркнет:

- Финогеев! Выйдите! Пойдёте последним.

Выхожу.

- Ну что? Куда?

- Сказали зайти последним.

Теперь уже нет никакой надежды. Только ТОФ!

Жду.

Вот выходит мой корешок, мой брат-веник, Глеб Куприянов.

- Куда, Глеба?

- ТОФ.

- Хуёво.

- Шура, поедем вместе. Я тебя подожду здесь.

Люди голубой крови распределились на Балтику, белая кость и опора Отечества – на Север, распиздяи на ТОФ и прочие на Черноморский Флот.

Вот вышел последний слушатель.

Захожу. Мандража уже нет. Что без толку кал жижить. Всё и так ясно. Опять представляюсь.

По инерции задают не нужный, никчемный уже вопрос:

- Где желаете служить?

- На севере, на лодке.

Слышу сзади Самбуров, начальник курса тихо произносит слово:

- Наглец!

Кадровики смотрят друг на друга и председатель выносит приговор:

- Вы направляетесь на Краснознамённый... - здесь делается долгая пауза, дёргающая нервы. Но они у меня давно расслаблены. А поскольку все флота Краснознамённые, кроме Балтийского, он – дважды, - ... Черноморский флот.

Если честно, я опешил. Уж о чём, а о ЧФ я даже не думал.

- Почему? Я не хочу.

- Финогеев! Идите отсюда! Был наглецом, наглецом и остался!

Я выхожу очень подавленный. Подлетает Глеб.

- Шура, куда?

- ЧФ.

- Нормально.

- Но я не хочу. Я хочу ехать с тобой.

- Дурак! Чёрное море, знойные женщины. Всё, пошли, обмоем. Мы ещё встретимся.

Я долго отходил от этой новости. Но жизнь приучила меня жить по принципу «Всё, что Бог не делает, делает к лучшему». А черноморский кадровик, Андреев Николай Николаевич, естественно, меня запомнил. И лодку мне не дал и обманом затолкал на корабль, обещав через год перевести на подлодку. А кораблядская моя жизнь проходила, в основном, в море. Из восьми лет корабельной службы, пять я провёл в море.

И даже спустя годы я не могу сказать, что судьба меня сильно этим наказала. Правда, из трёх попыток уехать на учёбу в академию, все три оказались безуспешными, мои документы даже не отправлялись кадровиками из Севастополя. Ну... значит так было надо. Хотя, не кривя

душой, скажу, начмед я был хороший, и в медицинском отделе флота меня ценили.

Да и всё потом сложилось как нельзя лучше.

ОХОТА

Они рыскали по городу, как голодные псы.

Зов предков, молодость, ярко выраженный спермотоксикоз туманил взор и затмевал разум.

Они искали самку. Суку.

Кровь играла во всём теле, энергия выпирала даже из ушей.

От нечего делать они зашли магазин «Охота». Его название было благозвучно с их желаниями.

За прилавком стояла миловидная девушка.

Началось всё сразу. Без прелюдий.

- Девушка. Как вас зовут?

- Оля.

- А что вы делаете сегодня вечером?

- Ничего.

- А не хотите пойти с нами в кино?

- Хочу. Через десять минут мы закрываемся и я свободна.

Подождёте?

В кино они не пошли.

Взяв две бутылки вина, трио направилось на квартиру.

Общие интересы и точки соприкосновения нашлись быстро.

Ночь была бурной и бессонной...

Похмелье наступило через трое суток, когда у обоих появились характерные признаки венерического заболевания.

Гонорея!!!

Уколы, таблетки, вынужденное воздержание от алкоголя и женщин не сделали их мудрее. Они стали осмотнительнее, нежели были до этого.

Когда вместо головы за тебя начинает думать твоя головка – всё, пиши пропало.

Разум тускнеет, воля слабеет, координация нарушается и только одно на уме.

Не знаю, как у женщин, они всегда думают либо задницей, но больше передницей, ибо мозгов нет, но у мужиков это так. И только так.

ЛИЦО И ЗАДНИЦА ФОРТУНЫ

Есть люди, которые идут вверх по служебной лестнице за славой своих родителей.

Веня тому был примером.

Его мать была большой величиной в медицине. Профессор. И её имя было широко известно в медицинских кругах далеко за пределами нашей Родины.

Окутанный её славой, Веня отучился в Нахимовском училище, закончил Военно-медицинскую академию.

Он не слыл паинькой.

Не имея природной внешней и внутренней красоты, он обладал несусветной наглостью, чувствуя свою безнаказанность.

Уже на пятом курсе Веня располагал уникальными слайдами по редкому тогда заболеванию, выступая с лучшими докладами на конференциях и завоёвывая первые места среди студенческих работ.

Мать старалась, писала, публиковала, добывала редкостный материал, а Веня гулял, пил и дебоширил.

Но... слава матери обеляла его постоянно.

И вот, в числе самых лучших, а самые лучшие служат на Балтике, Веню направляют в Кронштадт.

Служил он там не долго.

Избив в пьяном состоянии патруль, его переводят в Ленинград, где он становится ведущим специалистом по редкому тогда заболеванию.

Я не знаю, были ли у него научные звания, потому как никогда не интересовался этой сволочной натурой, но думаю, что доктором наук он был. Мать не могла допустить, чтобы её сын был просто полковником. Да и полковником-то она его тоже сделала.

А ведущий специалист редкого заболевания продолжал пить, хамить, нередко участвовал в уличных драках, жениться и разводиться, то есть вести праздную, паразитарную и беспечную жизнь.

Ну вот матери-профессора не стало. Царствие ей небесное!

И обломилась карьерная Венина лестница. И упал он с незаслуженной высоты. И ореол «славы» его весь разлетелся. И был он изгнан за очередной пьяный дебош из академии и уволен в отставку.

Лишь в пятьдесят лет фортуна смогла показать ему свою задницу. До этого времени крепкие руки матери держали её к сыну лицом.

Не обладая завистью и злорадством, считаю, что так быть и должно.

А многие, действительно одарённые люди, я не о себе, так и сгнивали на флотах и в частях, не имея возможности выбраться из этой рутины. Зато твареподобные существа, самостоятельно не приложившее ни малейшего труда к имеющимся чинам и заслугам, купались в славе.

Бог! Слава Тебе, что Ты есть! Не забывай об обездоленных. Только они могут поднять столпы науки и культуры на небывалую высоту!

Пример: Михаил Васильевич Ломоносов, Тарас Григорьевич Шевченко.

ХИРУРГ - ГУМАНИСТ

Шура Уточкин не имел во лбу семь пядей и гранит науки приходилось грызть, стачивая зубы и протирая от усидчивости тусы. Он был примером в исполнении воинской службы, не нарушал дисциплину и всячески стремился себя проявить. Ведь быть замеченным у начальства, особенно у высокого, это уже половина победы.

Ещё учась, он начал пописывать в газету «Военный врач», где клеймил позором своих сокурсников, типа Финогеева, которые вели себя неподобающим образом.

Начальство заметило. И в числе передовиков он был направлен на Северный флот начмедом на атомную подводную лодку. В то время этот флот считался привелегированным. Звания шли быстро и уйти потом на учёбу в ту же академию было гораздо проще.

Шурик грезил стать приемником Пирогова. Он усиленно занимался хирургией. Резал собак, кроликов и иногда держал крючки при операциях на людях.

Служба на лодке шла тихо, без пьянок, баб и залётов. Получив майора, Уточкин подаёт документы на учёбу на кафедру Военно-морской и госпитальной хирургии. Все экзамены сдаёт на удовлетворительно.

Вот здесь-то начальники его и вспомнили. Шурика приняли.

До тупости исполнительный офицер нравился всем. Ну и что, что Бог не дал хирургического мастерства, не всем же, в конце концов, быть Пироговыми.

И Шуру оставляют на кафедре начальником учебной части. А здесь - учебный процесс, планы, лекции. И нет абсолютно времени на операции, на занятия хирургической практикой.

Шли годы.

За развал Союза Горбачёв получил Нобелевскую премию.

Военные стали больше тяготеть к гражданской жизни. И ... образовался пробел. Старших уже не было, средние почти все ушли зарабатывать деньги на гражданке, а молодые ещё не подросли.

- Кого назначить начальником кафедры? – думали мужи науки

- Есть неплохая кандидатура. Доктор наук. Профессор.

- Но он же не оперирует!

- Ну а Вы кого предлагаете?

Предложений не было. И вот, неоперирующий хирург, хирург-гуманист возглавляет оперирующую кафедру. Парадокс? Парадокс.

Но иногда в жизни бывают такие непонятные разумом катаклизмы, что она, эта жизнь, сама порой удивляется своему клонированию. Такое возможно лишь в период смут, которые переворачивают историю с головы на ноги.

Потомки разберутся.

А может и вряд ли.

ВРАЧ - ИДЕОЛОГ

Говоря о парадоксах судьбы, нельзя не вспомнить о Жене Ключко, белокуром, с вьющимися волосами харьковчанине с хитрым, завистливым и злопамятным характером. Ходил он как-то всегда боком. А когда занимался строевой подготовкой или физкультурой, то Швейк просто отдыхал.

Учился он хорошо. Ничем особо не выделялся и не выпендривался. Если и пил, то мало и под подушкой, чтоб начальники не учуяли.

С молодости тянуло его к газетам, отчего он был всегда политически подкован.

И крови он боялся. Как операция или аборт, - Женя в обмороке.

И как все прилежные слушатели, он был распределён на Северный флот.

Атомная лодка, на которой он служил, была в походе. И тут у офицера случилась прободная язва. Диагноз, конечно, серьёзный.

Как Евгений прооперировал? Но прооперировал. Получил за это медаль «За боевые заслуги» и перед ним раскрылись двери светлого будущего. Закончил первый факультет по специальности «Физиология подводного плавания и аварийно-спасательного дела» и направили его в ... Харьковское артиллерийское училище... психологом.

Специальность не пыльная.

Ну а после развала державы стал он замполитом или как они сейчас себя именуют, заместителем начальника училища по воспитательной работе.

Это уникальнейшее перерождение врача. Такое «великие» организаторы здравоохранения не могли себе и представить. В полном смысле этого слова данный факт достоин книги рекордов Гинесса.

Это всё равно, что летающий страус или курица, поющая соловьём. Но и такой регресс в природе всё-таки случается.

Здесь нет ни шага вперёд, здесь «пять шагов назад, тихо на пальцах...».

Да! Замполитами не рождаются. Замполитами становятся. И если лозунг командира: «Делай как я », то у них гораздо проще: «Делай как я сказал». Это ведь не стоять по 5-6 часов за операционным столом или реанимировать больного после отравления.

У этих людей слова никогда не расходятся с их делами. Только слова они говорят людям, а дела делают для себя, для своего блага. Замполит – это инородное тело, порождённое Советской властью, это короста на теле человечества, которая и до сих пор еще жива.

И если врач собирает у больного жалобы, анамнез и патогенез заболевания, то этот врач-идеолог собирает о человеке компромат, чтобы превратить его в скотину, а уже скотину в тварь. Ибо со скотом легче справляться. Он страха боится.

Вот и вся разница между врачом, лечащим даже словом и глашатаями, теперь уже не понятно, каких идей.

ИСТОРИЯ ПОМНИТ ВСЕ

Каждый идет к общей цели своим путем. А цель у военного – получить как можно больше на плечи звезд, а с ними и награды на грудь и, естественно, соответствующее положение.

И пути к этому у всех разные. Одни стучат, другие лижут, третьи голосуют всегда «за», у четвертых мощные родители, а пятые бьют головой о стену. Но здесь уже что окажется крепче. Голова или стена. Если голова, то пойдешь дальше. То есть путей много, надо выбрать только верный.

Изя Зефилов фотографировал.

Фотографировал только начальников и преподавателей.

Фотография – это память о прожитой жизни. Кому не приятно?

И все были ему благодарны. И все его знали. И, наверное, любили. Ну, кто тебя забудет, кто не вспомнит, спустя годы? Ведь это ты увековечивал и запечатлял в кадрах историю прожитой жизни.

Закон взаимовыручки незыблем. Ты мне, я тебе.

Позитив не может быть негативом.

Путь, ведущий к пику совершенства надо выбирать смолоду. Будь он тернист или легок, нельзя менять его маршрут. Собьешься с пути. И тогда тебя никто никогда не узнает.

Если получается стучать, стучи до конца дней своих, но уже в руки фотоаппарат не бери. Ибо это не твое.

Для этого есть Изя.

ШЛЮПОЧНЫЙ ПОХОД

Слушатели Военно-морского факультета Военно-медицинской академии всегда искали для себя острых ощущений в бескрайних просторах вселенной.

Каждый год по Ладожскому озеру проводился шлюпочный поход. Это было и познавательно, и интересно, хотя и тяжело.

В тихую погоду, хотя для Ладоги это редкость, когда паруса обвисают, приходилось идти на вёслах. Вот тогда тяжело. А так - отдых, конечно, потрясающий! Северные хвойные леса, свежая рыба, грибы и, просто слияние с природой – это же замечательно!

Всё было как всегда после очередного перехода: и костёр, и уха, и гитара, и сон в палатках, и, конечно же, разговоры о будущем.

Поход подходил к своему логическому завершению. Ладогу штормило. Небо заволочло тучами. Но трудности молодым не помеха. Все стремились скорее прийти в город и хорошенько отметить это дело.

Когда природы сверх меры – это начинает утомлять.

Тучи сгущались, началась гроза. Пронизывающий ветер и холодный дождь подгоняли. Парусам помогали вёслами. Свободные вычерпывали воду из шлюпок.

И вдруг раздался мощный раскат грома. Молния раскалённой стрелой бьёт в среднюю шлюпку и попадает в сидящего на вёслах слушателя. Смерть наступает мгновенно, а по всем, кто был рядом, проходит судорога.

Шок и паника охватили всех. Попытка что-либо сделать, провести какие-то реанимационные мероприятия, не привели к успеху.

Природа распорядилась по-своему. Ей нужна была жертва и она её получила.

Были разборки, были наказания. Виновных если не находят, то назначают.

С тех пор шлюпочные походы отменили.

ИЗДЕРЖКИ ЛЮБВИ

Был уже вечер, когда к дежурному по общежитию подошла девушка.

- Позовите пожалуйста Николаенко с пятого курса четвертого факультета.

Такое бывает часто и, даже слишком часто.

Минут через десять спустился тот, кого вызывали.

- Кто меня звал?

- Вот девушка.

- Ты чего пришла?

- Здравствуй, Коля. Мне нужно с тобой поговорить.

- О чём? – Юноша был явно не доволен этим посещением.

- Пойдём на улицу. Я тебе всё скажу.

- Сейчас я оденусь. Подожди.

Они шли по темнеющему городу.

- Что ты хотела? – нетерпеливо спросил он.

- Я беременна.

- Сделай аборт.

- Аборт я делать не буду. Я люблю тебя. Давай поженимся.

- Нет. Я жениться не буду.

Они дошли до Финляндского вокзала (девушка жила в пригороде).

- Ну всё, пока. Больше меня не ищи. Ты мне не нужна.

- Коля, пожалуйста, проводи меня. Потом вернёшься.

В электричке разговор возобновился. Ни слёзы, ни уговоры, ни признания в любви не возымели никакого успеха.

Когда приехали в Зеленогорск, было уже совсем темно.

- Коля! Так ты не женишься на мне? – умоляюще спросила девушка,
- и то, что у меня будет ребёнок от тебя, тебе всё равно?

Она расстегнула сумочку.

- Не женюсь. Я уже сказал.

Это был предел кульминации. Девушка резким движением выхватила пистолет и выстрелила ему в грудь, затем, не задумываясь, выстрелила в себя.

Так ирония судьбы прервала три юные жизни. Таков трагичный финал безответной любви и бездумного поступка.

ПЕДЕРАСТ

Терапия.

Профессорский обход.

К нему готовятся все – и врачи, и больные.

В палатах тишина, чистота, порядок... Все в ожидании чуда.

И вот, началось.

Ординатор суетится, представляет больного, два десятка студентов и слушателей впитывают каждое слово профессора. Отдельной группой стоят врачи, ждущие очереди представлять своих больных, и преподаватели, скептически оценивающие действия своего босса (ибо каждый из них в душе давно ощущает себя профессором)

- Больной Степанов, 27 лет, поступил вчера с кровотечением из задне - проходного отверстия. Сделаны такие-то исследования.

Проводится консервативное лечение. Кровотечение продолжается. Планируем сделать ректороманоскопию и колоноскопию.

- Пальцевое обследование прямой кишки проводили? – вопрошает профессор.

- Ещё нет, – смущается ординатор.

- Перчатку мне, – строго говорит профессор, укоризненно глядя на ординатора.

Старшая сестра пулей приносит резиновую перчатку.

Профессор показательно надевает её и смазывает указательный палец вазелином.

Не колеблясь, быстро вводит его в прямую кишку пациента. На мгновение он застывает. И вдруг его глаза округляются, лицо багровеет, очки в золотой оправе сами сползают на кончик носа.

- Педераст!!! – взвизгивает от боли профессор и выдёргивает наружу палец.

В пальце торчит... огромный осколок от термометра!!!

На полу тут же образовывается лужа крови. При этом уже не понятно чьей.

Все в шоке.

И больные, и медперсонал тоже багровеют и округляют глаза. Обход, по техническим причинам, прерывается.

Пострадавших везут в хирургию. Там в обстановке полной стерильности из обоих извлекают остатки плотской любви полового извращенца.

С тех пор профессор находился в постоянном страхе и вынужден сдавать анализы. Он обоснованно боится СПИДа, гепатита и сифилиса.

Любитель однополый любви переведен в хирургию, где ему на кресле вытаскивали осколки, поломанного в плотской страсти термометра, и очищали кишку от ртути.

Ординатором же занимались кадровые работники. И пошел он, солнцем политый, терапевтом в поликлинику в отдаленный военный округ.

Вот так одна похотливая задница покалечила две судьбы и одну карьеру.

ЖЕРТВА СЛУЧАЯ

Курсанты Военно-морских училищ, где готовили настоящих моряков, в период стажировки ходили на учебных судах вокруг Европы, из Кронштадта в Севастополь и обратно. Это для них было первое испытание избранной ими профессии.

Каждый занимался своим делом.

Артиллеристы упражнялись с оружием, штурмана прокладывали курс, радиометристы вели обзор воздушной, надводной и подводной обстановки и так далее.

Саша Пушкин, курсант Калининградского военно-морского училища, продолжал династию своего отца. Море было для него домом. А берег – временным пристанищем.

В Бискайском заливе море всегда горбатое.

Именно сюда ходят новые корабли для испытания их устойчивости в штормовых условиях.

В этот раз шторм был приличным, семь баллов.

Курсанты погибали, превращая корабль в месиво из рвотных масс. Но Шурик был истинным моряком. Морская болезнь его не брала.

Держась за штормовые леера, он брел в галюн, чтобы справить там свою нужду. Войдя туда, он увидел жуткое зрелище. Курсанты извергали из себя белки, жиры, углеводы и витамины. Запах стоял невыносимый.

Вначале Саша остолбенел, созерцая эту картину страшного суда. Затем, охваченный всеобщим падением нравственности, выпустил мощную струю рвотных масс на близстоящих товарищей. Тем же было до такой степени плохо, что реагировать они уже ни на что не могли.

Справив все же нужду, Шурик побрел в кубрик.

Это был единственный случай, когда стихия взяла над ним верх.

РАДОСТИ И БОЛЬ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Красив Ленинград! Прекрасны люди, живущие в нем! И в целом мир, за пределами казармы, просто восхитителен!

Сердце бьется чаще, глаза становятся шире и дышится по иному, ведь это ты, именно ты листаешь начищенными до слепоты флотскими ботинками асфальт истории.

Обычно к пятому курсу большинство курсантов находит в этом городе свою любовь. Не был исключением и Толя Жигайло, курсант Военно-морского училища связи имени Попова.

В Людочку, студентку технологического института, он влюбился мгновенно.

Вообще девушки любят отдавать себя в руки военных, абсолютно не задумываясь о том, что буквально завтра им придется мыкаться со своими лейтенантами по дальним гарнизонам, без квартир и работы, в вечном ожидании своих мужей домой и, периодически, переезжая с ними по всей великой стране. И лишь тогда, когда на плечах благоверных засверкают большие звезды, и чем больше, тем лучше, лишь тогда можно насладиться оседлостью жизни.

И вот отзвучал марш Мендельсона, затихли крики: «Горько!», отстреляло салютом шампанское.

Жизнь перешла в свой новый этап, этап мужания и становления, этап, когда приходится мыслить масштабнее и решать самостоятельно много новых и важных проблем.

Но пока лишь второй день семейной жизни и ореол вечного счастья и немеркнувшей любви охраняет молодых супругов от суровых жизненных проблем.

Вечер несет новые радости, ведь они, Толя и Люда, идут сегодня в концертный зал «Октябрьский» слушать любимый вокально-инструментальный ансамбль «Дружба» с солисткой Эдитой Пьехой.

Билеты куплены заранее. Еще месяц назад Люда выстояла за ними в очереди целых два часа.

Жизнь прекрасна! Мир удивителен! Концерт просто бесподобен! Сердце рвется из груди от избытка счастья!

В перерыве концерта – посещение буфета. Это – обязательный ритуал. Без него нет театра и, хотя он и начинается с вешалки, путь его лежит все равно через буфет. И, о Боже, в очереди стоит земляк Саня Колесниченко. Толя встречался с ним только на каникулах. Он тоже курсант, только из Военно-морского училища имени Дзержинского. В городе они раньше с ним не виделись.

- Толя! Как хорошо, что я тебя встретил. Помнишь, наверное, у меня завтра день рождения. Приглашаю тебя с девушкой в ресторан «Московский» в 19.00.

- Это моя жена, - гордо сказал Жигайло. – Знакомься, Люда.

- Поздравляю! Желаю счастья. Давно поженились?

- Вчера.

- Вот здорово! Молодцы! Ну, жду вас. До встречи!

Они обменялись рукопожатиями и разошлись.

Прозвучал третий звонок. Начиналось второе отделение концерта.

День рождения проходил весело и шумно. Ресторан гремел музыкой, поднимая в танцах ноги и юбки.

За столом было четырнадцать человек – курсанты со своими девушками. Тосты сменялись танцами.

Вечер близился к концу. Вино, танцы горячили молодость. Рдость и счастье лилось рекой.

- С вас сто девяносто шесть рублей и двадцать семь копеек, - огласил официант приговор.

Колесниченко встал:

- Ну что, ребята, сбросимся?

Глаза у присутствующих округлились. Хмель отошел в сторону.

- У меня денег нет. – продолжал Саша – Я рассчитывал на вас.

Все посмотрели друг на друга. Наскребли по сусекам и карманам двадцать пять рублей.

Все.

Началось замешательство, переходящее в панику.

Жигайло покраснел, его очки начали потеть. Он молча встал, достал из нагрудного кармана портмоне и, отсчитав сто семьдесят рублей, положил их на стол.

- Пойдем, - сказал он жене и, ни с кем не прощаясь, направился к выходу.

На улице вьюжило. Мороз щипал уши и нос.

Они молча шли к метро.

- Толя! Почему ты сам распоряжаешься нашими деньгами? Их подарили не тебе, а нам. Взять и выкинуть такую сумму! Ты соображаешь что-нибудь!? Я на них могла бы купить себе шубу. Что ты молчишь?

Из рта Толи вылетали клубы пара.

- Я, наверное, с тобой разговариваю, а не вон с тем столбом, - она указала куда-то в сторону.

Супруг молчал.

- Ты всегда такой щедрый?

Жигайло со злостью сорвал рукавицы и швырнул их в урну.

- Нет. – тихо прорычал он.

Путь до города Пушкина был не близкий. Электричка серебрилась холодным инеем. Любовь не обогревала. Разговор постоянно кружился около одной и той же темы.

Уже подходя к дому Люда спросила:

- Толя, а где «дипломат»?

В нем лежали документы, парфюмерия, пресловутый кошелек с деньгами и что-то из мелочей.

Кровь у Толи хлынула в ноги. Лицо покрыла мертвенная бледность. Крупные капли пота потекли по щекам. Его шатнуло и затошнило.

Горе не приходит одно. Сработал закон парных случаев.

Даже захотелось матюкнуться.

- Я забыл его в гардеробе, - умирающе прошептал он.

- Растяпа! – и жена шагнула в подъезд.

Спать легли как чужие люди.

И это на третий день супружеской жизни.

Утро воскресного дня выдалось хмурым. Семейная жизнь, явно, не ладилась. Разговор никак не клеился.

Позвонив другу и свидетелю, Ване Слепаку, Анатолий взял такси и они поехали к месту вчерашнего застолья.

Ресторан открылся в 12.00.

Хмурый, с чувством собственного достоинства и знанием собственной значимости швейцар, долго пытал убитых горем курсантов.

Выяснив все подробности их горя и содержимого «дипломата», он пошел в гардеробную и вынес оттуда пропажу. Все было не месте.

Жизнь возвращалась! Ее краски стали ярче и отчетливее.

Дав швейцару червонец и выпив с ним тут же по сто грамм, счастливые ребята, прыгнув в такси, помчались в Пушкин.

- Люда! «Дипломат» нашелся, ничего не пропало, - Толя шагнул к жене, обнял ее и поцеловал.

Она благодарно прижалась к нему.

- Не будь больше таким рассеянным. Раздевайтесь ребята, садитесь за стол.

Через минуту, забыв все семейные передраги, молодые люди, смеясь, живо обсуждали вчерашние тревоги.

Тучи над молодой семьей рассеялись. И солнце счастья снова засверкало над их головами.

Но лишь иногда глаза Люды тускнели. Видно осадок бездарно потраченных денег не давал ей ощущения полного, безмятежного счастья.

Прошли годы, десятилетия. Выросли дети, подросли внуки. Сорок лет супружеской жизни научили многому. Были и радости, были и падения. Было все. Но первая утрата, первая жизненная подножка до сих пор еще ноет у нее где-то в левом боку.

ПЕРВЫЕ УРОКИ НА ФЛОТЕ

Ну, вот и закончена Краснознаменная ордена Ленина Военно-медицинская академия имени С.Н.Кирова.

Две маленькие звездочки, примостившись на каждом плече молодого военно-морского врача, являлись пропуском в новый,

продолжительный этап жизни. Жизни тяжелой, неизвестной, но очень почетной. Быть защитником Родины!

Короткий отпуск и поезд мчит меня на юг, в сердце Черноморского флота – Севастополь.

Желание быть героем-подводником не увенчалось успехом. Все хотят быть героями! Все хотят быть подводниками! Но лодок не хватает. Я становлюсь надводником и направляюсь на должность начальника медицинской службы БПК (большого противолодочного корабля) «Сообразительный», который стоит в ремонте в городе корабелов, Николаеве.

Приняв должность, я месяц «катался, как сыр в масле». Ем, сплю, пью, что-то делаю и командование меня буд-то не замечало.

Флотская жизнь имеет свои особенности и законы. Здесь нет окон, потолков, лестниц и порогов, так привычных для обывателя, зато есть иллюминаторы, подволоки, трапы и комингсы. И таких вот премудрых слов, введенных еще Петром I – тысяча. Этого, конечно, не дает медицинское образование, этому уже учит флотская жизнь.

Врач, закончивший столь престижный ВУЗ, может все, начиная от подшития свиной печени и замены мозгов от примата к *homo sapiens* и кончая выдавливанием прыщей.

Как выясняется, тут такого и не требуется. А начинать нужно с элементарного, - с обучения хождению по кораблю, где комингсы (пороги) высоки и ты, по началу, сбиваешь свои голени до кости, пару-тройку раз до искр ударяешься головой о проемы в тамбурах. И наконец, привыкаешь пригибать голову и поднимать ноги.

На флоте свой лексикон. Здесь нет дебильного армейского чинопочитания, здесь люди просто уважают друг друга. Это не касается

ни коим образом лейтенантов. Эти особи находятся еще в стадии своего развития.

Тут очень редко офицеры обращаются друг к другу по званию (исключение составляют, естественно, политработники, у них это один из неутраченных рудиментов, ну да не о них речь сегодня), а только по должности или по имени отчеству.

На флоте любима нецензурная брань. Но ругаются как-то по-доброму, с какой-то, что ли, иронией.

И уклад жизни особый.

Все это, естественно, накладывает отпечаток на специфику жизни, совместной жизни, которая рассчитана на 7-12 минут боя. А потом, не спуская флага и открыв кингстомы, корабль тонет со всем экипажем.

И форма морская заставляет быть красивым, ухоженным и, обязательно, культурным.

Флотские офицеры очень и очень эрудированные люди, имеющие свое высокое понятие о чести, о долге и качестве, выполняемой ими работы.

Сделал плохо – плохо всем, а то и гибель.

Каюткомпания на корабле, это не только помещение для приема пищи и проведения офицерских собраний. Именно здесь формируется коллектив, складываются первоначальные взаимоотношения, которые затем поддерживаются и сохраняются до тех пор, пока корабль не идет на слом.

Старший в каюткомпании – старший помощник. От него, собственно говоря, и зависит атмосфера, царящая в офицерском коллективе, складываются взаимоотношения в нем.

Безусловно, что привилегией здесь пользуются те, у кого на погонах больше звезд. Они тут потенциальные лидеры. И все же: выполнение

общего дела, на ограниченном корпусом корабля пространстве, делает коллектив единомышленным. Посему грань между различными категориями, начиная от матроса и кончая командиром, не велика. Здесь от каждого, от выполнения им своих служебных обязанностей, зависит жизнь корабля и всего экипажа в целом.

За приемом пищи в каюткомпании всегда организовано шумно. В это время о службе, обычно, не говорят. Идет пустой разговор с обязательным подтруниванием молодых офицеров, которые еще не обладают правом голоса.

Я сижу тихо и впитываю в себя, вместе с пищей, все, что происходит вокруг.

Обычно «пожилые» офицеры, после принятия на грудь закуски, обращаются к вестовому:

- Вестовой! Мне первое с «маслом» принеси.

Так на флоте именуется кусок мяса с костью.

Слово «масол» мне не очень понравилось. И я решил ввести новый сленг по этому поводу:

- Вестовой! Мне тоже завтра принеси первое с костью.

- Хорошо, товарищ лейтенант.

Обед шел своим чередом.

Забрав у меня тарелку из-под салата, вестовой подошел к окну раздачи пищи и сказал:

- Доктору первое положи.

Раздался дикий хохот.

Я посмотрел в сторону вестового.

Он нес тарелку борща, в которой лежало огромных размеров ребро без единого кусочка мяса.

- Ты что принес? – меня корбило от негодования и унижения.

- Вы же сами, товарищ лейтенант, вчера просили принести первое с костью. Я принес.

Ну что можно было ответить?

Нововведение не прошло.

Как я уже упоминал, уклад жизни здесь тоже особый.

Прибывший на корабль офицер или мичман обязан «прописаться».

Прошло недели две моей службы.

Вдруг, среди ночи, когда защитник мирно спал, с шумом открылась дверь каюты и пьяный командир БЧ-4 (связи) Юра Андреев бесцеремонно расталкивает меня:

- Лейтенант! Вставай!

«Сейчас буду бить, - мелькнула первая мысль. - За что?»

- Ты думаешь «прописываться»?

- Да, - говорю я, смутно соображая, как это делается.

- Так, давай, «прописывайся»!

- Как! Ведь сейчас ночь! Паспортный отдел закрыт!

Он ухмыляется:

- У тебя «шило» есть?

- Нет.

- Одевайся!

Я покорно спускаюсь и натягиваю форму.

- Пошли.

- Точно будут бить, - не покидает меня эта мысль, и покорно следую за капитан-лейтенантом.

Мы идем по коридору и входим в каюту начальника РТС (радио - технической службы). А там — дым коромыслом, и в полном и в переносном смысле этого слова. Стол завален явствами и окурками. Над всем этим возвышается трехлитровая банка спирта.

Все присутствующие офицеры, а их человек семь, уже достаточно пьяные.

- Вот, привел доктора, не хочет «прописываться».

- Я хочу, но как? – голос испуганно дрожит.

Раздается пьяный смех, оживление.

- А очень просто. Накрываешь стол и приглашаешь офицеров.

- Но у меня нет спирта.

- А это нас меньше всего волнует. Покупай водку.

- А как же я ее пронесу через КПП завода?

- А вот это нас совсем не е...т. Садись к столу.

- Да я не пью.

- Садись, если приглашают.

Я сажусь.

Мне наливают в стакан спирт, слегка разбавив его водой, я пью.

- Ну, будем считать, что ты «прописался».

- А в Гвардию ты собираешься вступать?

БПК «Сообразительный» был Гвардейским кораблем, названный в честь своего предка, который во время Великой Отечественной войны прославил себя подвигами и не имел при этом ни одного убитого на борту.

- А как? – снова лепечу я.

- А точно так же.

Мне снова наливают стакан.

Слава Гриднев скручивает со своего кителя Гвардейский знак и погружает его в, помутневший от воды, спирт.

Я пью. И тут же этот знак красуется на моей груди.

Так я становлюсь полноправным членом экипажа и принят в Гвардию.

А водку я все-таки пронес через КПП. И стол накрыл. Но это была просто пьянка.

Прошел месяц моей тихой, спокойной райской службы. Командир корабля Жилин Александр Васильевич, офицер крученный, деловой, как бы между прочим говорит мне:

- Доктор! Представьте-ка мне амбулаторию к смотру.

А во всяком флотском мероприятии есть свой ритуал, узаконенный Уставом, различными наставлениями и руководствами.

В амбулатории сделана приборка, все расставлено и уложено, и я браво докладываю:

- Товарищ командир! Амбулатория к смотру готова.

Командир спускается и идет на мое заведование. Открывает дверь и, ни слова не говоря, закрывает ее и уходит.

Я ничего не понимаю.

Бегу к служивым.

- А ты двери шкафов открыл, ящики выдвинул?

- Нет.

И вот вторая попытка.

Все чисто, выдвинуто, уложено.

Снова доклад.

Командир входит в амбулаторию.

- Товарищ командир! Амбулатория к осмотру готова!

Поверхностный осмотр глазами, целенаправленный подход к ящику с иммобилизационными шинами. За ними пыль. И снова молчаливый уход.

Здесь уже становится не по себе.

И снова протирка каждой шхеры, каждого уголочка.

Ну, вроде все. От блеска чистоты рябит в глазах.

И снова доклад.

И снова, ничего не говоря, командир идет в амбулаторию.

Тут уже хочется писать в штаны.

- Красножок, - обращается командир к моему санинструктору, - выдвини нижний ящик.

- Он выдвинут, товарищ командир.

- Я сказал, полностью выдвини его.

Ящик покидает свое родное место. А под ним, Боже, чего там только нет.

Мне уже хочется не только писать, но и какать.

И снова молчаливый уход.

Три дня все вынималось (я даже и не предполагал, сколько в этом маленьком помещении может быть укромных мест), мылось, выбрасывалось.

Четвертый подход.

Я поднимаюсь в каюту командира.

Он лежит на койке.

В моем голосе слышна дрожь и на глазах наворачиваются слезы.

- Доктор! Ты понял что-нибудь?

- Так точно, товарищ командир!

- Ну иди, занимайся.

- А вы когда придете?

- Будет время, приду.

Больше он в амбулаторию не приходил.

Это был первый урок привития мне добросовестного подхода к своему делу. Наверное он дал больше, нежели если бы на меня кричали и применяли какие-то другие, предусмотренные для этих целей Уставом, санкции.

ПЕРВЫЙ ПРОКОЛ

Лейтенантская жизнь полна неожиданностей. Все равно как идешь по тонкому льду. Не знаешь, где провалишься.

Подъем, зарядка, утренний чай, малая приборка – вот начало трудового флотского дня. Потом подъем флага и... пошло – поехало.

На утренний чай я что-то припозднился. За столом командир, командир БЧ – 4 и я.

Только подали мне чай, только я укусил булку с маслом, как по кораблю раздается команда: «Офицерам и мичманам построиться, ют, правый борт.»

Я смотрю на реакцию командира БЧ-4, он – «годок» и продолжает спокойно пить свой чай.

А чем хуже я? Я тоже сижу и пью. Вижу, что командир корабля заерзал на своем кресле, усы его зашевелились. Он встает и молча выходит из каюткомпании.

- Сейчас, доктор, тебя будут е...ть, - говорит Андреев и тоже, не спеша, направляется на выход.

А я, как ужаленный в хвост и гриву, несусь на ют и встаю в строй. Вижу, что по шкафуту, красный как рак, идет командир. Старпом пытается ему доложить. Он резко обрывает его и командует: «Мичмана свободны, разойтись по объектам приборки».

- Равняйся! Смирно! Лейтенант Финогеев! Выйти из строя!

Бодрости в моем выходе нет.

- За нарушение корабельного распорядка дня объявляю вам выговор.
Встать в строй!

- Есть.

И еще один урок был пройден.

Это урок исполнительности.

На первых этапах службы она крайне необходима.

Уже с годами начинаешь понимать, что не всегда все нужно исполнять, ибо тогда на себя времени не останется.

КАРЬЕРА

Гвардейский БПК «Сообразительный» стоял в городе Николаеве на ремонте в заводе. Но экипаж как-то в этом не был сильно задействован. Хотя планы писались, что-то делалось, но не до изнеможения. А как показать работу, если ее нет?

Старший лейтенант Слава Гриднев был мастак на эти дела. И глотка у него была луженой. По утрам он подходил к буфетной офицерского состава и дико орал на вестового, благо, что этот моряк был из его подразделения. Накричавшись вволю, он шел в каюту, ложился и читал книгу. И так было почти каждый день. На вопрос, зачем он это делает, он с ухмылкой отвечал:

- Ничего ты не понимаешь, лейтенант. Где каюта командира? Рядом. Он услышит и подумает: «О! Гриднев работает, а вот Финогеев - нет.» Мне больше и делать ничего не надо. Понял, салага?

Шли годы, а этот урок, взятый мною на вооружение, всегда себя оправдывал. Причем осечки никогда не было.

На службе надо быть артистом. И чем выше твои артистические дарования, тем тверже и выше ты поднимаешься по служебной лестнице, и тем спокойнее твоя жизнь на корабле.

Кто в трюмах, тот не замечен.

Кричите! И услышит вас не только Бог, но и начальство.

Не талант делает на флоте карьеру, а начальство.

Умных здесь не любят и бояться!

ПУТИ К СЧАСТЬЮ

Как ни была б хороша лейтенантская служба на БПК «Сообразительный», но если семья далеко, то все хорошее отдает горечью.

Я начал шевелиться. Причем активно.

Рапорт командиру, рапорт начальнику политотдела, бутылку хорошего коньяку флагманскому врачу.

После бутылки шевеление стало активнее и в ноябре мне дали комнату в семейном общежитии. Осталось только привезти семью в Николаев.

Командир дает мне отпуск на десять суток и я собирался лететь в Пензу.

А надо сказать, что в ноябре месяце 1977 года в Николаеве было очень тепло и по улице мы ходили в тужурках.

Голому одеться, только подпоясаться.

Я взял портфель и, пожав руку своему соседу по каюте Славе Гридневу, пошел к выходу. Он – старший лейтенант, то есть уже мыслящее существо.

- Доктор! Ты, вообще, откуда родом?

Я пожал плечами.

- С Пензенской области.

А месяц сейчас какой?

- Ноябрь, - недоуменно ответил я.

- А какая в ноябре у вас погода? Ты что, - тут он говорит, что я трахнутый чем-то сверху. – Одевайся теплее. Околеешь там. Мы не хотим тебя раньше времени потерять.

Я, послушав совет мудрого человека, одел плащ-пальто и поехал в аэропорт.

- Граждане пассажиры! Наш самолет совершает посадку в аэропорту города Пенза. Температура воздуха в Пензе минус пятнадцать. Просьба, при выходе не забывать свои вещи.

Пенза встретила ледяным ветром и мелкой поземкой. Меня продувало насквозь. Я дрожал сильнее осинового листа.

Но все складывалось, как нельзя, лучше.

Самолет до моего поселка Беково вылетал через час. Но, отчего-то, желанная встреча с женой и сыном, которые гостили у мамы у меня на родине и ждали, когда я их заберу к себе, не согревала. Холодно было жутко.

Спасибо Гридневу и слава Богу, что я одел хоть плащ-пальто. В тужурке я бы точно замерз насмерть.

Надо сказать, что самолет, на котором я должен был лететь до Беково, был «кукурузник».

Насколько я разбираюсь в авиации – АН-2. Летчик и пассажиров человек десять-двенадцать. Температура, что в самолете, что за бортом – одинаковая. А шум – барабанные перепонки лопаются. Но это еще не все. Во время полета, а летит он всего сорок пять минут, самолет реагирует на весь ландшафт местности. Чтобы было понятно, - река, овраг, карьер, - и он камнем падает вниз. Потом, с диким ревом, выбирается из воздушной ямы и снова падает.

Картина в салоне просто удручающая. Все пассажиры, в течении всего полета, держат у ртов специальные пакеты и наполняют их содержимым своих желудков, отчего запах стоит такой, что хочется раз за разом пользоваться этим пакетом.

Я когда-то в детстве уже летал на таком самолете и лично на себе испытал все эти прелести.

Теперь я летел взрослым, да еще в морской форме. Поэтому не хотелось показывать свою слабость перед гражданским населением.

А если еще и учесть мою предрасположенность к морской болезни, то тем более.

Значит в полете нужно что?

Уснуть.

Уснуть и не замерзнуть.

Иду в буфет. Выпиваю двести грамм вина.

Теплее не стало.

Выпиваю еще двести, таблетку седуксена и иду на посадку.

Еще до взлета я мирно спал в кресле.

Полет прошел без замечаний.

Проснулся только тогда, когда шасси коснулось взлетной полосы.

Я огляделся.

Все люди были бледные, с полными кулками в руках.

Выйдя из самолета, я пошел к дороге, чтобы доехать на чем-то до поселка.

Сзади шли измученные люди.

- Видишь, какие военные люди крепкие? Сел, весь полет проспал и идет, как ни в чем не бывало, - услышал я разговор сзади. – А ты? Посмотри на себя. Все пальто облевал. Как я теперь его буду стирать?

Я глубоко затянулся сигаретой, и гордость за всех военных людей переполнила мою душу.

Уже хотелось жутко обнять своих родных и близких.

Через десять минут мотоцикл подвез меня к дому.

Мое появление было для всех неожиданностью. Отчего встреча была еще теплее.

БЛЕСТКИ ЛЕЙТЕНАНТСКОЙ ЖИЗНИ

На БПК «Сообразительный» нас, молодых лейтенантов, пришло четыре человека: Павлюк, Фельдман, Сучков и я.

Первые два были артеллеристами, а Сережа Сучков – механик.

Как-то ближе мне был Сережа Сучков.

Механики, вообще, люди, обделенные судьбой. Они всегда вызывали у меня чувство жалости.

Возьмем два человека. Один сеет хлеб и пашет землю, а второй этот хлеб ест. Так вот, второй, - это не механик. Это - замполит. Он и ест, он и пьет, он и моется и справляет другие естественные надобности.

А первый и светит, и крутит, и варит, и греет и еще масса всего прочего, что и пожрать-то некогда.

Лейтенантские годы хоть и тяжелы, но интересны. Каждый день ты совершаешь какое-то для себя открытие, познаешь что-то новое, неизведанное, учишься творить добро и избегать зло.

Короче, познаешь азбуку флота.

Закончилась осень, когда я поехал в Одессу, получать медикаменты.

Дело, в принципе, пустяковое. Посчитал, погрузил и привез, предварительно, естественно, подав на медицинский склад заявку. И ее писать не сложно, только хлопотно.

Честно говоря, ничего не сложно делать, если к этому подходить ответственно.

Вместе с медикаментами и кое-каким оборудованием я получил пятнадцать килограмм «шила».

Целое состояние!

Где хранить столь ценное богатство на корабле? Его либо сопрут, за что получишь по башке, либо отберут, что, в принципе, одно и то же.

А надо сказать, что за месяц до этого я получил комнату в общежитии, привез жену с сыном, а три дня назад пришел контейнер с вещами.

Вещи еще в коробках горой стояли по углам комнаты и ждали своего часа.

В Николаев мы вернулись поздно ночью.

Свое решение я уже принял.

Прежде, чем заехать в завод, мы, вначале, подрулили к общежитию.

Все емкости, что имелись в доме даже чайник, были наполнены спиртом, а оставшиеся три килограмма я взял на корабль.

Когда занесли в амбулаторию последний ящик, было далеко за полночь.

Дежурным по кораблю стоял Саня Павлюк.

Мы легонько отметили мою поездку и разошлись по каютам спать.

Утром доклад командиру.

- «Шило» ко мне в каюту принесешь.

То, о чем я думал, начало свершаться.

- Дали всего три килограмма, товарищ командир.

- Почему так мало? Где накладные?

- Не знаю. А накладные, сказали, пришлют почтой, - опять соврал я.

- Хорошо. Принесешь мне, что есть.

- Но мне нужно уколы делать, инструменты стерилизовать, еще что-то.

- Отлей себе в бутылку. Тебе хватит. А остальное принесешь!

На большой сход, а это половина субботы и воскресенье, мы с Сережей Сучковым пошли ко мне.

Вообще-то, у жены по плану была разборка вещей. Но..., коль гость не запланировано пришел, надо его встретить по одежке и проводить без ума.

Все, что было в доме съестного, поставили на стол.

По наличию в доме крепкого напитка, еды, казалось, не было вовсе.

Сережа был скромным, тихим молодым человеком.

Учился он под Ленинградом, поэтому жена восприняла его как родственника.

За мирной беседой не столько елось, сколько пилось.

И вот Сережа потух.

Отключился как-то сразу, в одно мгновение. Причем, одновременно с этим, он начал громко икать.

Сложив руки на стол, он положил на них свою светлую голову и, с периодичностью в одну минуту, громко икал. При этом стол каждый раз глухо ударялся в стенку.

Попытки уложить его ничего не дали.

Так он проикал до четырех утра, громко бухая столом о стенку. Затем встал и, слегка шатаясь, пошел на корабль.

А я, в муках похмелья, проспал все воскресенье.

Вещи опять были не распакованы.

До самого Нового 1978 года, до моего ухода в Красное море, наша комната была самой посещаемой.

Весть о «шаровом шиле» пронеслась по всей общаге.

Приходили люди, которых я и в глаза не видел.

Я уже не мог пить это «шило», но другие-то его любили больше Родины и партии.

В комнату входили по-свойски:

- Док! У тебя еще там что-нибудь осталось? Плесни в стаканчик.

Я плескал.

Он выпивал.

И так до следующего визита.

Удивительно, но двенадцать килограмм закончились очень быстро. Общага – это сотни квартир, в которых хозяин – моряк. А для моряка «шило», что для Земли Луна. Каждый по сто грамм, - в неделю три литра как не бывало. Через полтора месяца «шара» закончилась.

А Серега благополучно дошел до корабля, отоспался и продолжал свою незавидную механическую карьеру.

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЙ

С корабля, стоящего на ремонте, тащат все, от ценных специалистов, до потребной ходовым кораблям аппаратуры, отдавая им все ненужное.

На БПК «Сообразительный», который стоял на ремонте в заводе имени «б1 коммунара», служили либо молодые офицеры, либо те, кто списан за ненадобностью с боевых кораблей.

Старший лейтенант Вадик Хуртин, командир группы радиометристов БИП, был из ссыльных.

Был он добрейшей души человек с задатками на интеллигентность.

Что его заставило, выходца из старой аристократической ленинградской семьи, пойти в военное училище, сказать сложно. Может быть когда-то его далекие предки и открывали острова и континенты или находились в дружеской переписке с мичманом Паниным, но время первооткрывателей давно прошло, а наступивший расцвет развитого социализма не давал ход бурному кипению молодой фантазии.

Вадик, после окончания Военно-морского училища радио и электроники, сразу попал на крейсер Черноморского флота.

Служба как-то не пошла сразу.

То ли внешние данные не располагали к этому (своей одутловатостью лица, мясистой нозой и, просто, огромными губами он напоминал американского певца Луи Армстронга), то ли природная тактичность сама отторгала его от далеко не тактичного флота, но он оказался белой вороной.

И его стали клевать!

Клевать все.

Специальность свою он знал хорошо. Поэтому звание «старший лейтенант» он все-таки получил, хотя и с задержкой на семь месяцев.

Молодая жена, не найдя ни квартиры, ни востребованности в Севастополе уехала в Ленинград.

Мир погас. Он и был-то бесцветным для него и безрадостным. А тут сразу все почернело.

С потерей интереса к службе, возрастает интерес к тебе командования.

Начинается сезон однополый любви.

Вадим загрустил.

На берег не спускали.

Любовь, посредством писем, не приносила желанного оргазма.

Короче.

Все начало терять смысл.

Все.

И Хуртин находит выход. Под предлогом: «Мне нужно позвонить жене», он сходит на берег.

У памятника затонувшим кораблям оставляет форму и документы, переодевается в заранее подготовленный костюм и... уезжает в Ленинград.

Трое суток водолазы лопатят дно. Находят мину и два трупа. Но их опухшие лица далеки от физиономии Вадика.

Пока его искали, решали, прошел месяц.

Наконец командование корабля в письменной форме выражает скорбь родителям Хуртина.

А спустя полтора месяца все святое семейство Хуртиных появляется на крейсере.

Вадик, опустив губы до подколенной ямки, что-то лепетал в свое оправдание.

Политический и особый отделы были строги, но, на удивление, милосердны.

После месячного разбирательства, Хуртин заимел все возможные и невозможные взыскания, которые только может иметь офицер. Но ему сохранили звание. Его не привлекли к уголовной ответственности. Видимо, были найдены серьезные нарушения со стороны командования по отношению к нему, вынудившие его поступить таким образом.

И Вадик был сослан в город Николаев на БПК «Сообразительный».

Здесь ему дали комнату в общежитии.

Здесь он родил дочь.

И служба его потекла в размеренном для завода ритме.

ЧЕРНАЯ ПОЛОСА ЖИЗНИ

Вслед за белой полосой на тельняшке всегда следует черная. Так и в жизни. И ширина этой полосы бывает очень разной, от нитевидной до бесконечной, но все равно за черной всегда идет белая.

Окутанный светлой аурой, я служил на БПК «Сообразительный» до середины декабря. До Нового 1978 года было, буквально, рукой подать. И все замечательно – служба, семья, предпраздничное настроение.

И вдруг: «Начальнику медицинской службы прибыть в каюту командира корабля».

Командир за столом, в хорошем настроении, купил новую машину. Усы расплываются в улыбке.

- Доктор, ты готов встретить Новый год в Донузлаве?

Что такое Новый год – мне ясно, но вот что такое Донузлав, это все равно, что для пигмея Чукотка.

Непонимающе, но уже с тревогой смотрю на смеющееся лицо командира. Для флота шутка – больше, чем шутка.

- Собирайся. Через два дня туда идет машина.

- Надолго, товарищ командир?

- Пока на три месяца.

- На три-и-и! - лицо мое, наверное, выражает ужас. – А что я там буду делать?

- Лейтенант, вы задаете слишком много вопросов. Там вам все объяснят.

Объяснят-то, объяснят.

А что я дома скажу, жене и сыну, которому два с половиной года?

Жена собрала меня в дорогу, на корабле дали командировочное предписание и отвезли в Донузлав, что недалеко от Евпатории. Вот только Евпатория - курортное место, а Донузлав – обдуваемое всеми ветрами «гнилое озеро».

На берегу моря, как в сказке, стоит белый домик. Это штаб. К причалам пришвартованы корабли. Километров в пятнадцати поселок Новоозерный.

Захожу в штаб. Представляюсь. Полупьяный капитан-лейтенант начинает философскую тираду о том, что я поздно приехал, что это почти уголовное дело и об этом будет сообщено командующему.

Запуганный насмерть, я все-таки пытаюсь выяснить цель своего прибытия:

- Вы что, доктор, святой? Корабль завтра уходит в Красное море в район боевых действий. Там война идет между Эфиопией и Сомали. Гибнут ваши черные братья. А вы тут сопли жуετε. Никакого понятия. Жуткое безразличие и полное отсутствие интернационального порыва.

Тут моя матка выпадает из правой брючины и растекается по полу.

- И на сколько корабль идет?

- Минимум на полгода. Ты, либо, правда святой... Тебя что, не предупредили?

- Нет.

Дикий, злорадный хохот.

- Мичман, проводи Эскулапа на корабль, а то еще убежит. Лови его потом.

Мичман ведет меня на причал.

- Мне же нужно сообщить домой. Жена ничего не знает.

- Пиши письмо и быстрее, а то не успеешь сдать почту.

Представляюсь командиру.

Капитану третьего ранга явно не до меня.

Он вызывает фельдшера, и я селюсь в амбулатории, она же каюта, вместе с ним, мичманом Виталием Шевченко. Ему лет сорок и он уже съел не один пуд соли.

Это малый ракетный корабль, приписанный к Потийской бригаде.

Вот она – черна полоса! Началась без перехода. Как снег на голову!

Быстро пишу письмо, чтобы не скучали и ждали вестей с «курортной» зоны.

Наступает «светлое» завтра!

Якоря подняты и «Марш славянки» будит скупую окружающую среду.

Скрылись берега, и началась настоящая кораблядская жизнь.

Чтобы меня сильно напрягали, не скажу.

Моя миссия – усиление медицинской службы в районе боевых действий.

Узкости (проливы) проходим по тревоге. Поэтому посмотреть турецкие берега можно было только через полуоткрытый иллюминатор. Чужие мечети, чужие машины, мост, идущий из Европы в Азию.

К утру подошли к Африканскому берегу и встали на якорь.

На переходе я впервые почувствовал все прелести морской болезни. То, что из тебя вылезает через горло все, что ты съел еще в прошлом месяце, - это одно. Второе – это постоянная неутихающая головная боль. Рвота повторяется неоднократно, уснуть невозможно. Полное отвращение к пище. Состояние ужасающее. И черная полоса становится от этого еще шире и темнее.

Итак, мы подошли к порту Саид. Здесь формируется караван, который пойдет по Суэцкому каналу. Канал не широк. Насыпь высоко поднята и поэтому корабль идет по нему, как по туннелю. Проход канала длится весь световой день, как, собственно, и проход по Босфору и Дарданеллам.

Доходим до Соленого или, по другому, Горького озера. Корабль опять встает на якорь. Обед. Ждем, когда встречный караван, идущий из Суэца, придет сюда. До Красного моря еще идти и идти. Ночь прошла, на удивление, спокойно. Море Красное, действительно, несколько буровато из-за того, что оно не так глубоко и переполнено растущими по дну кораллами.

К вечеру следующего дня приходим на рейд Эфиопии. Здесь море кишит от изобилия военных кораблей. Кого здесь только нет. Преобладают, естественно, советские и американские корабли. Наличие американского авианосца, диковинного для нас в те годы, оставляет сильное впечатление. Англичане, французы, японцы, китайцы и индийцы не берутся в счет. Они малочисленны и не производят должного эффекта. Над головой кружат десятки американских самолетов. И сразу появляется тревожное чувство. Ведь каждый держит палец на кнопке. Мгновение и ...

Война Сомали и Эфиопии где-то вдали, хотя иногда доносятся далекие оружейные залпы.

Как такового участия в каких-либо военных действиях у нас не было. Хотя однажды ночью заходили в порт Асэб, и передали какой-то груз. Но «мессеры» не кружили, бомбы не рвались. И слава Богу. Основной работой было провоз из Красного моря в Аденский залив через Баб-Эль-Мандебский пролив наших подводных лодок и обратно. Ну и, естественно, слежение за супостатом.

Второй, менее приятной, задачей было участие в тралении мин. Тральщик ползет впереди, а мы за ним. Вот здесь не зевай, иначе поднявшаяся мина может с успехом отправить тебя к праотцам на тот свет. Незабываемо впечатление, когда за прошедшим тральщиком прогремел мощный взрыв от поднятой мины, что даже у сигнальщика лопнула барабанная перепонка.

После всех этих походов через пролив шли к острову Дахлак. Там заправлялись топливом, водой и шли назад.

Этот остров был почти советским. Там находилась база подводных лодок, осуществлялся их ремонт и отдых экипажа.

Стояночных дней почти не было.

Служба моя ратная продолжалась без малого полгода.

Вернулись на Родину жарким летом.

Представьте себе, в каком виде я сошел на родную землю: в чужой, замызганной белой фуражке, зимних ботинках, застиранной до дыр полугрязной рубашке, засаленных брюках, со скатанной шинелью в одной руке и портфелем в другой. Ну, не правда ли, настоящий солдат, идущий с войны. Но каждому встречному ты это не объяснишь.

Кроме веселого смеха у окружающих, по-моему, я ничего не вызывал.

Обливаясь потом, усталый и грязный, я автобусом ехал из Евпатории в Николаев. Но это был путь домой, а он, как бы ни был труден, всегда устлан розами.

Вскоре я был направлен на учебу по хирургии в Севастополь в 23-ю интернатуру Черноморского флота, а после нее меня перевели на эсминец «Благородный», где я продолжил свои скитания по морям и океанам.

Впереди меня ждали суровые флотские будни, несущие новые радости и горести, победы и поражения со своими белыми и черными полосами.

ГОД НА ГОД...

Новый год всегда остается Новым годом, где бы ты его не встречал.

Свой первый флотский Новый 1978 год я встретил в Красном море.

В этот день мы стояли на якоре недалеко от острова Дахлак.

Не было привычных сугробов снега, трескучих морозов и наряженной елки.

Стоял обычный летний день, с палящим в полдень солнцем и слегка прохладным вечером.

Звезды на ночном небе были огромными и находились, не естественно для нашего северного глаза, низко.

Как бы то ни было, но все было по-новогоднему серьезно, несмотря на несерьезность моего здесь нахождения.

В каютах, кубриках и каюткомпаниях с подволока свисает серпантин и елочные игрушки, на иллюминаторы и переборки наклеены бумажные звезды, а весь экипаж находится в предпраздничном настроении.

Сложно представить себе полет фантазии в ограниченном бортами мужском военном коллективе. И тем не менее все готовились к этому торжеству. Ведь, именно Новый год всегда несет в себе что-то новое, в которое, непременно, хочется верить.

Наверное у всех, кроме меня, естественно, который попал на этот корабль каким-то невероятным способом, в закромах были припрятаны бутылочки. Они ждали своего часа, боя курантов, чтобы лишний раз вспомнить о семьях и пожелать себе и сослуживцам благополучного возвращения домой и, естественно, мира на планете, ведь именно война между Эфиопией и Сомали заставила нас находиться здесь. И пусть не летят бомбы и не погибают товарищи, но само слово «война» заставляет быть собранным. Да и на театре военных действий мы без году неделя.

Но молодость есть молодость! Она всегда беспечна и безрассудна.

После вечерней проверки в столовой команды и каюткомпаниях накрыли сладкие столы.

Часть офицеров и мичманов, в том числе и я, встречают Новый год с личным составом, чтобы предотвратить, не допустить, вовремя локализовать.

Наконец прозвучало по радио поздравление Генерального секретаря ЦК КПСС, к нему присоединился командир. Куранты пробили двенадцать ударов и все подняли кружки с соком.

Наступил Новый 1978 год!

Пришли дедушка Мороз и Снегурочка. Были Водяной, Леший и Русалка.

Праздник прошел весело. Все шутили, пели песни, вспоминали родных и близких.

В злоупотреблении среди моряков никто замечен не был. Но у отдельных, все-таки, неестественно блестели глаза.

В час ночи прозвучала команда: «Отбой!». Личный состав лег спать.

А мы, фельдшер Виталя Шевченко, артиллерист Володя Бондаренко и я, сели в каюте за стол, проводили старый и встретили Новый год.

Наш народ не приучен праздник закончить празднично. Всегда встречаются индивидуумы, для которых он кончается с какими-либо не желательными последствиями.

Очень поздней ночью или, скорее, очень ранним утром в каюту ввалился пьяный «в зюзю» механик с залитым кровью лицом. У него была разбита бровь.

Ну конечно, ударился о переборку. Обо что же еще?

Пришлось наложить два шва.

Старый год остался в прошлом и уже шел новый.

Он нес для меня новые жизненные перемены: переезд в Севастополь, обучение в интернатуре по хирургии и переход на новый корабль.

Но это потом. А сейчас продолжалась боевая служба по оказанию интернациональной помощи братскому народу Эфиопии.

ПЛЕНЕНИЕ

Лейтенантские годы вспоминать не хочется. Нахождение в постоянном состоянии униженного и оскорблённого, накладывает на тебя печать полной растерянности. Ты мечешься как шатоломный, а толк

нулевой. И все дрючат тебя, и ты к этому начинаешь привыкать, и всё-то тебе становится безразлично. Наступает состояние всеобщего похуизма, когда ты от постоянного орального и анального секса перестаёшь получать удовольствие.

После военных действий в Красном море я закончил интернатуру по хирургии и был направлен на эскадренный миноносец «Благородный». Опыт службы на двух кораблях у меня уже был, но лейтенантское звание не давало распускать крылья.

Я постоянно имел несчастье забывать свои ключи в каюте и захлопнув её, создавал для себя новые трудности.

В боевой части 2 служил матросик до того маленький и худенький, что спустив его на верёвках за борт, он без труда через иллюминатор проникал в каюту и открывал её. Так было несколько раз.

Но дурак оттого и дурак, что даже на своих ошибках не учится.

Была суббота. Мой сосед, начальник РТС, был на сходе, а этот самый морячок был куда-то выделен.

И каюта снова была захлопнута. Я метался как попугай в клетке. Да к тому же командиру надо было что-то представить.

Что делать?

Ищу замену.

Есть. Но она не такая худенькая и не такая маленькая.

А русский авось?

Спускаю его за борт.

Моряк полез и ... застрял. Ни туда, ни сюда. Голова и рука – в каюте, а всё остальное за бортом. Состояние, что у него, что у меня, ужасное. Это не в окне застрять. Это броня сантиметров десять.

Выбиваю ногой дверь.

Бедный мальчик! Он бледный и испуганный, торчит в иллюминаторе. В его лице отчаянье и ужас. По-моему, моё состояние ещё ужаснее. Я что-то советую, успокаиваю, понимая, если он не вылезет, мне задница.

Мальчик делает какое-то дикое конвульсивное движение. Это последний крик надежды в безысходности.

И, о, чудо!

Его тело выскальзывает из плена наружу!

Слава Тебе, Господи!

Моя задница осталась целой.

Ну а что замок? Замок поставили новый. А ключ был привязан намертво к брюкам.

ФЛОТСКИЕ БОГАТЫРИ

Болгария!

Удивительно красивая страна.

Существует легенда, согласно которой, когда Бог раздавал народам землю, болгарин, по своей лени, проспал. Пришел вечером к Богу и спрашивает:

- Почему, Бог, ты обидел болгар? Почему ты не дал им земли?

- А где ты был, когда я раздавал всем народам землю?

- Проспал.

- Хорошо. Я оставил на земле райское место, где собирался жить сам. Теперь отдаю ее вам, болгарам, а сам буду жить на небесах.

И вот — я в раю.

1979 год, год расцвета советско-болгарской дружбы.

Все есть и все, относительно, дешево.

Если обменные пункты валюты для нас тогда были чем-то невероятным, то там их было в изобилии.

Рубли вместе с левами (болгарские деньги) таяли как снег в знойный полдень. И все-то хочется купить!

Но вот ты банкрот.

Что делать? И жажда транжиры находит выход.

Занимаю у нашего мичмана-ларечника 100 рублей до прихода в Союз. Жене платье, жене бижутерию, жене французские духи, сыну жвачку и себе пива. Вроде не обидел никого.

Вот и Союз.

День получки неотвратим, как восход солнца.

Наступил час расплаты.

Приглашаю мичмана в каюту.

Витя Кривогубец широк в кости, но не жирен. Рост под два метра. Сибиряк. Тело пышет здоровьем. Ему чуть более тридцати. Кулак – с голову пионера.

Отдаю деньги, благодарю.

- Витя, выпьешь?

-Выпью.

Я достаю из сейфа бутылку медицинского «шила».

- Наливай, - протягиваю ее ему (на флоте каждый наливает себе сам).

- Я себе не наливаю.

- Хорошо! Налью я.

Хрустальная, лучезарная жидкость потекла в двухсотпятидесятиграммовый хрущевский «гранчак» с ободком.

- Сколько тебе? – поднимаю я глаза.

- Сколько не жалко.

Я лью. Хотя, если честно, немного и жалко этого флотского эквивалента расчета.

- А разбавить?

- Я не разбавляю.

Это уже становится интересным.

Наливаю полный стакан, с «горочкой». Себе – чуть-чуть, сверху воды.

- Ну, - чокаемся аккуратно мы, - за тех, кто в море!

Виктор аккуратно, с чувством собственного достоинства, медленно подносит стакан ко рту и, смакуя каждый глоток, выпивает все его содержимое, бережно ставит стакан на стол, подносит рукав к носу и долго втягивает воздух из синей куртки.

- Витя! Запей, закуси.

На столе хлеб, банка каких-то консервов, вода.

Он отнимает руку от носа и говорит аксиому, спорить о которой просто нет смысла.

- Через полчаса обед!

В 14.00 экипаж строят (хотя строят когда попало, но в 14.00 обязательно) для развода на работы.

Где же Кривогубец? Наверное спит без задних ног.

Нет.

Он твердо стоит на палубе, вразумительно отдает распоряжения команде. Буд-то и не было этих полутора литров водки.

Богата богатырями земля русская!

Я бы точно не встал с койки суток трое. Но скорее бы всего от такой дозы умер.

САНИНСТРУКТОР

Витя Албот – мой санинструктор на корабле.

На гражданке он был сантехником, но волей судьбы был призван на флот из солнечной Молдавии.

Закончил учебку при Крондштатском госпитале и стал санинструктором. И надо отдать ему должное, талантливый был молодой человек. К концу своей службы он мог заменить меня полностью. Я научил его вскрывать панариции и фурункулы, рвать зубы, вырезать фибромы и линомы. Он даже начал вшивать в крайнюю плоть шарики. Но это вовремя пресекли особисты.

Ему можно было полностью доверить подготовку больного к операции, укомплектацию и стерилизацию хирургического инструментария.

Он был лучше отдельной операционной сестры. Ему не требовалось говорить, что, когда и какой инструмент надо подать.

Документация всегда имела образцовый вид.

С нерадивыми больными он поступал по-своему. Сначала проводилось воспитание кулаком, а затем уже, к примеру, обрабатывалась рана. Ведь если ее сразу не обработать, она через сутки нагнаивается, присоединяется стрептодермия. И лечение такой раны, особенно во влажном климате средиземноморья, может затянуться до полугода.

А сколько уходит на это лечение средств? Одних бинтов сотни километров.

Много прошло через мои руки санинструкторов, но такой был единственный.

И если он не стал врачом, а пошел по легкому пути, а к этому у него была предрасположенность, то медицина, мне так кажется, потеряла в нем профессионала с большой буквы.

МОРСКАЯ БОЛЕЗНЬ

Море – это стихия. И когда она просыпается, становится тяжело и тошно.

Шторм!

В самом звучании этого слова есть что-то зловещее, жуткое.

Я всегда страдал морской болезнью. Еще трехбалловое море я как-то с трудом выдерживал, а вот дальше – все и начиналось.

Голова становилась свинцовой, постоянно тошнило и выворачивало на изнанку. Я сразу ложился в койку, но уснуть в шторм невозможно. Санинструктор приносил мне мешок черных сухарей и только их я мог употреблять, но, опять же, до определенного момента. Потом и они все вылазили наружу.

Начальство знало, если шторм, значит доктор в койке. Штормует. И сколько бы он не длился, столько я лежал, как неприкаянный.

У других, а таких было очень мало, качка вызвала бурный аппетит. Это тоже проявление морской болезни. Они приходили в каюкампанию, которая в этот период пустовала, и пожирали несметное количество пищи.

Как-то, после докования, мы выходили из болгарского порта Варна. Поступило сообщение: «В море шторм девять баллов».

Я и предполагать не мог, чтобы в Черном море так штормило. Как в океане.

Экипаж пообедал.

Сыграли «аврал» и через час корабль вышел в море.

Перед выходом я взял у продовольственников банку соленых огурчиков и пошел к командиру БЧ-4, связисту, Леше Шеметюку. Огурчики были размером с полмизинца и до того вкусные, что мы с аппетитом съели их все. Соленое уменьшает саливацию, а от этого меньше тошнит.

Такого моря я действительно больше не видел никогда.

Это было что-то ужасное. Волны с пятиэтажный дом бросались на наш корабль, пытаясь перевернуть его и поглотить в свою пучину. Одна волна ударила о борт с такой силой, что нам не хватило полутора градусов, чтобы не перевернуться.

Я блевал со страшной силой. Казалось, что через мой рот вышло все, включая и содержимое прямой кишки.

Уснуть, повторяю, во время шторма невозможно, но и лежать, как пласт, человек тоже не может. Но, буквально, малейший поворот головы заставляет содрогаться все тело в конвульсиях. И пока капля желчи не выйдет из тебя, позывы рвоты не прекратятся. Это длится сутки, двое, трое, пока море не успокоится.

К этому привыкнуть и адаптироваться нельзя.

После выхода корабля из зоны шторма, объявляется большая приборка, поскольку корабль облеван и запах кислого желудочного содержимого впитывается в переборку, палубу и все, что тебя окружает.

Ну, я, как я. Хотя, когда дело касается жизни члена экипажа, тут уж не до морской болезни. Жизнь дается человеку один раз и ты, врач, должен, обязан ее спасти в любых условиях.

Что касается остальных членов экипажа, кто стоит у действующих механизмов, обеспечивает ход и живучесть корабля, акустики и рулевые, коки и связисты, им же тоже плохо, они тоже укачиваются. Но они не могут бросить свой пост. Это равносильно гибели кораблю и экипажу.

Вот это уже подвиг!

Это настоящий героизм!

Корабль идет и побеждает стихию. И его ведут простые люди, матросы Военно-морского флота.

Именно поэтому корабль живет одной семьей. И от одного человека, порой, зависят сотни жизней сослуживцев и жизнедеятельность корабля.

НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ

Шёл третий месяц боевой службы, когда у меня закончился одеколон.

В походе на корабле работает ларёк, где можно купить курево, зубную пасту, конфеты, печенье, ну и одеколон, естественно.

Ларёчник – это мичман. Выдаёт тебе всё, что душа желает, записывает твой долг в тетрадь, а по приходу в Союз с тебя высчитывают за это удовольствие из заработной платы.

Обязанности ларёчника исполнял старшина команды радиометристов БИП мичман Савик.

- Валера. Дай мне, пожалуйста, флакон одеколona.

- А одеколona уже нет.

- Как, нет?

- Закончился.

- Я же сам видел, как на корабль загружали пять ящиков! Неужели всё разобрали? Такого не может быть!

- Может.

- Брось шутить! Давай флакон!

- Доктор, мы его весь выпили, – Савик улыбается.

- Выпили? Пять ящиков? Обалдеть можно. Чем же теперь после бритья лицо освежать? – я озадачен.

- Могу отдать тебе свой. У меня полфлакона осталось.

- Давай.

Мичман – это страшный человек, и, в своих действиях, никогда не предсказуем. Его поведение нельзя предугадать. Это тот объект, то белое

пятно на теле общества, которое необходимо изучать учёным. И результаты, явно, будут непредсказуемыми для всех, даже для самих мичманов.

РАДОСТИ ОБЩЕНИЯ И ВСТРЕЧИ

На севере, в отдалённые точки базирования кораблей, продукты питания доставляются кораблями обеспечения – военными транспортами. Обслуживают эти корабли гражданские лица.

А поскольку со спиртным в этих местах не только слабовато, а порой даже и совсем плохо, то для любителей этого дела у экипажа транспортников завсегда можно было выменять на тельняшки или робу литр чистой суррогатной водки.

В ожидании таких благих дней бригада ОВРа (охрана водного района) страдала, наверное, больше всех.

Ещё бы!

Ну, во-первых, базировалась она чёрт знает где, а во-вторых, служба – адовая! И мало того, что месяцами, как слива в анусе, торчишь в одной точке по охране родных берегов без каких-либо примитивных радостей жизни, так за это тебе и благодарности, как у нас это всегда водится, тоже шиш!...

Годки тральщика, жившие в предвкушении дня рожденья своего товарища, взвизгнули от радости, при виде того, как долгожданные обеспеченцы швартуются у стенки на беспокойной волне Северного моря.

Сбросившись, они незамедлительно приняли решение – послать продовольственника. Ему и на берег сойти сподручней, мол, документы подписать, или, там, заявку подать – не важно, да и командование на это смотрит сквозь пальцы!

К утру транспорт был разгружен. А раз выход назначен на завтра, то экипаж корабля от нечего делать сошёл на берег. По земле походить, а, при случае, и себя показать.

Поднявшись на транспорт, продовольственник привычным делом прошёлся по каютам – заперто. Спустился ниже – и в провизионках никого! Что такое? Как повымирили – везде замки, всё опечатано!

В поисках хоть кого-нибудь ноги сами собой привели пытливого героя на камбуз.

Заглянув в помещение, его взору предстала чарующая картина – кокша (девушка лет 25-30), высунувшись по пояс из иллюминатора, что-то выбрасывала в море из кастрюли, а её тонкая юбка высоко поднялась, обнажая дородные белые ляжки.

Глядя на всё это, продовольственник даже ошалел.

Мысль о водке мгновенно испарилась.

Вся кровь с шумом отлила вниз, переполняя пещеристые тела, а головка полового члена больно упёрлась в грудину.

Решение созрело автоматически.

Закрыв за собой дверь и, на ходу расстёгивая брюки, продовольственник в два прыжка очутился у цели. Резким похотливым движением он прижал кокшу к переборке, чтобы та не смогла вылезти и, не давая ей опомниться, задрал юбку и спустил трусы.

Остальное было делом техники.

В то самое время у стенки швартовался СКР.

Онемевшая было от неожиданности девушка ожила и, в надежде обрести спасение, яростно замахала в его сторону руками, истошно визжа: «Помогите, насилуют!»

Но шум работающих машин, постоянный ор с ГКП заглушали крики взывавшей о помощи кокши, поэтому её машущие руки расценивались не

как иначе, как искренняя радость от долгожданной встречи с вернувшимися в родную базу защитниками Отечества. Счастливые моряки тоже весело махали руками и что-то кричали ей в ответ.

Всеобщая эйфория радости продолжалась минут десять.

Наконец, закончив свои дела, продовольственник пулей вылетел с камбуза, и пока кокша вылезала из иллюминатора, пока приводила кое-что в порядок и озиралась – насильника уже и след простыл.

А где искать его? Да и нужно ли позорить себя?

Наверное нет.

Женщина, помывшись, продолжала приготовление пищи.

Дождавшись возвращения экипажа, дабы завершить свою миссию, продовольственник, как ни в чём не бывало, снова поднялся на корабль обеспечения.

Купив пойла, он, вдвойне счастливый, вернулся на свой тральщик.

ЗВЁЗДНАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Похож он был на макаку.

Конечно, все мы произошли от обезьяны, разве кто спорит, и по логике вещей просто обязаны напоминать своего далекого предка, но не настолько же!

И пускай ростом он был повыше, да и форму носил мичмана, а вот раздень его, разуь, посади в клетку – вылитая макака.

Фамилия его была Кармалита.

Поначалу он служил старшиной команды торпедистов. Но что с торпеды возмёшь?

И перешёл Кармалита в службу снабжения. Стал начальником продовольственной службы.

О! Здесь для него был уже Клондайк!

Тут его “сундучья” натура развернулась полностью.

Воруй, что хочешь!

И он воровал!

Воровал, но бумагу любил. Всё записано, всё списано, всё зафиксировано – не придерёшься.

Не думаю, что он знал незыблемый закон экономики “товар-деньги-товар”, но на практике это у него получалось здорово.

Через год он вступил в кооператив на трёхкомнатную квартиру, через полтора – купил “Волгу”.

И всё это в застойные Советские времена.

Жизнь даётся человеку один раз! И прожить её надо мичманом на должности начпрода. А на кого ты похож – на обезьяну ли, или на Алена Делона – это, на самом деле, до задницы. С лица, как известно, воду у нас не пьют!

ПОМЫВКА

На боевой службе раз в десять дней нас моют. Если, конечно, то, как это делается, можно назвать мытьем.

Ведь мытьё подразумевает под собой целый ритуал: огромное количество воды, парилочка, пиво... И всё без суеты, спешки, с чувством собственного достоинства.

Красота...

Но это в теории.

А на практике – дефицит пресной воды не даёт фантазии разгуляться.

Офицеры и мичмана разделись (без замполита – разумеется замполиты вместе с нами мыться стесняются), зашли в душ и ждут.

Ждут долго.

- Готовы? – Наконец орут из ПЭЖа (пост энергетики и живучести).

- Готовы! – Орут из душа синие от холода офицеры и мичмана.

- Даю воду! – Снова орут из ПЭЖа.

Но, даю – это пока слова.

Ждём-с!!

- Пошла вода?

- Нет! – Орём мы.

- Трюмные, ё... вашу мать, чего воду не даёте!? – Это дежурный механик пробует рассердиться.

- Дали уже! – Орут в ответ трюмные.

В трубах раздаётся долгожданное шипение, бульканье.

Все напряжены.

Ждём-с!!!

И вдруг из кранов нам на кожу летят брызги кипятка и пара. Мы отскакиваем. Слышится мат, проклятья в сторону механика. Появляются первые ожоги.

Минуты три течёт вода. Кое-как все успевают намылиться.

- Все намылились? – орёт механик.

- Все! – весело отвечаем мы.

- Мойтесь! – благословляет механик и вода отключается.

Моемся.

Истошно трём себя мылом, мочалками, растираем на себе Средиземноморскую грязь.

- Потёрлись? – Раздаётся голос сердобольного дежурного.

- Да! – Орём мы в ответ.

Учённые горьким опытом, ждём команды “Даю воду”, чтобы вовремя отскочить от сосков. Но вместо неё мощная струя пара и брызги

кипятка снова ошпаривают нас. Крики о помощи и нецензурная брань сливаются в единый ор.

- Мех, сука, ты чего не предупредил, что воду подаёшь!!!???

Тот весело хохочет.

Все смывают с себя грязь.

- Помылись все?

- Все!

- Отключаю воду!

Вот и всё.

Быстро, мобильно, но не качественно.

Ведь люди в нашем государстве гораздо дешевле воды. Они всё вытерпят, всё вынесут и... вынесут тоже.

Это там, за бугром за дискриминацию, за унижения можно в суд подать. А у нас судьи кто? Ау-у-у-у! Да нет их у нас.

Ругнись крепко, выплесни адреналин и тем самым облегчишь себе душу. И полегчает.

Аминь!!!

НАЧАЛО

- Доктор, что ты мне принёс?

- Отчёт.

- Мать твою, я тебя спрашиваю не как это называется, а что за х...емотину ты мне подсовываешь?

Вот уже с полчаса командир корабля, капитан третьего ранга, Жилин Александр Васильевич, дрючит меня, молодого офицера, на чём свет стоит.

- Товарищ командир, я проверил, всё сходится, — пытаюсь объяснить я, но всё впустую.

- Проверять ты будешь жену, когда с похода вернёшься. А мои мозги засирать не надо. Рано тебе ещё мне в мозги своё говно закачивать. Тут и без тебя полно тех, кому это по штату положено. Ясно?

- Так точно!

- Всё переписать и доложить!

- Есть! – ошалело рапортую и на автопилоте закрываю за собой дверь.

Блин. Вот, паскуда. Я же всё проверил.

Сажусь.

Начинаю сверяться.

Все ж правильно. Какого он хрена выпендривается?

Ладно.

Что там говорили: переписать и доложить? Будет сделано.

Беру чистый лист бумаги и слово в слово, как под копирку, заново переписываю содержимое раздолбанного отчёта.

Спустя час, набираюсь наглости.

- Прошу разрешения.

- Уже? – В голосе ни грамма человечности.

- Так точно! – Протягиваю каракули.

- Ну-ка, ну-ка... А где старый вариант?

- Сжёг.

Жилин долго и внимательно вглядывается в каждую строчку. Наконец, он довольно восклицает:

- Вот! Это – другое дело. Вас, молодёжь, пока не раздолбаешь, вы ж ни х...я и делать не будете, – и командир ставит на титульном листе свою подпись. – Так?

- Так точно!

- Послужишь с моё, лейтенант, сам каждую цифру жопой чувствовать будешь.

С тем я и вышел.

Служить оставалось ещё долгих 19 лет.

ЖЕРТВА ЛЮБВИ

Старпом Захаров был всегда задумчив.

Да и будешь тут не задумчивым, когда женился на молотой. Тут не думать надо...

И дрючил он нас, молодых офицеров, как-то нежно.

Я только прибыл на корабль.

Уже лейтенант, уже со стажем – как никак два корабля за плечами. Уже и голос прорезывается. Уже и писька иногда на службу стоит.

Захожу к нему в каюту.

- Виктор Васильевич! В кубриках три, пять и семь приборка сделана плохо.

- Ни х...я себе, доктор! Где вас так учили обращаться к старшим?! – он оглядывает присутствующих. – В своей академии?

Присутствующие тоже все капитан-лейтенанты. У всех даже лобок в ракушках, а у многих и выше.

- От основания флота Российского офицеры звали своих начальников

только по имени и отчеству.

- Ты смотри, какой умный! Что ещё у вас?

- Вы не займёте мне 150 рублей?

Он, аж, слюной захлебнулся. Брови поползли к затылку.

- Зачем тебе такие деньги, лейтенант?

- Мне командир сказал в отпуск идти, а денег нет.

- Первый раз вижу такого наглого офицера. Иди, и не раздражай меня!

Шли годы.

Мы уже пили с ним из одной кружки.

Солёные ветра носили нас по всему Средиземному морю, дубя кожу и закаляя нрав.

И вот как-то пришли мы с визитом в Югославию в город Сплит.

Старпом напокупал горы какой-то пахучей эссенции (видимо жена его любила кашеварить) и вечером мы вместе с ним сели пить «горькую».

По чуть-чуть подливаем его дряни себе в «шило», перемешиваем и вперёд! Поначалу даже нравится. Потом, чувствую,- больше не могу. А старпом всё не унимается: «А теперь вот с этой, ну...». Эх! Как тут откажешь?

Глаза от питья уже, как у чукчей после сна. Но... «всё пропьём, а флот не опозорим».

Он мне о жене начал говорить. О том, как ему трудно.

А кому легко? Покажите, кто мочится кипятком от счастья?

Беседа прервалась далеко за полночь. И я пополз в каюту.

К слову сказать, в этот день на наш корабль поселили жену военного атташе. Но я об этом не знал.

А утром было что-то страшное.

Такого жутчайшего похмелья до этого я не испытывал никогда.

Болели даже ногти.

Лучше бы я умер вчера.

Будь проклят тот, кто первым придумал пить «шило»!!!

А ещё на мне обязательный выход с моряками в город.

Только к вечеру отхожу и вспоминаю о старпOME.

- А его сняли.

- Сняли??? Когда? За что?

Оказывается, вчера, сразу после того, как мы с ним расстались, эссенция сильно стала давить старпому на яйца. Да и разговоры о молодой жене тоже лишили его сна. Он и решил открыться, излить душу жене военного атташе. А эта дура (ну дай защитнику, и дело с концом, не убудет – одним больше, одним меньше) возомнила из себя целку, и ну орать на весь корабль. На этот визг сбежалось всё трезвое командование, плюс особый отдел, и Витю в считанные часы с удручающей характеристикой отправили на гражданском судне в Севастополь. Там для проформы попытали его маленько. Получил он со всех концов по выговору и был списан с плавсостава на берег.

А все остальные, до нельзя преданные Уставу и Присяге, так и остались бороздить необъятные просторы мирового океана.

Если женщина на корабле – жди неприятностей. Это уж, как правило.

Как пить дать.

ЧЕЛОВЕК СЛОВА

Командиром БЧ-4, боевой части связи, на ЭМ “Благородный” был капитан-лейтенант Лёша Шеметюк – светловолосый рассудительный белорус.

Он никогда не кричал, не выпячивал своё “Я”, не искал ни с кем конфликта.

Все его женщины, хотя он, по большому счёту, и не слыл бабником, были красивы и умны.

Пил он в меру и всегда имел деньги.

Форма его была чиста и безукоризненно выглажена.

Такой вот образ.

Были ли у него недостатки? Конечно, да.

У кого их нет? Святых ведь людей не бывает.

Но что особенно важно, Лёша был человек слова.

- Лёша, ты чего не женишься?

- Вот стукнет тридцать лет, тогда и женюсь.

- А на ком?

- На той, кто понравится в этот день.

И вот оно наступило, его тридцатилетие.

Утром мы, его друзья, вместе выпили по рюмке армянского коньяку.

- Ну, я пошёл, – сказал Лёша, слегка волнуясь.

- Удачи тебе, – ответили мы.

Он медленно шел по Большой Морской Севастополя. Был прекрасный летний день. Отдыхающих в это время года – огромное количество.

Навстречу Лёше шли три девушки. Он остановился.

- Здравствуйте, девушка! Можно вас на секундочку, – обратился он к одной из них.

Они отошли.

- Слушаю вас.

- Не могли бы вы оставить своих подруг и пойти со мной?

- Куда? Зачем?

- Вы мне очень понравились. Я предлагаю вам стать моей женой!

Девушка зарделась. Она была явно не готова к такому повороту событий. Он не дал ей опомниться.

- А хотите, берите подруг. У меня сегодня день рождение. Вместе пойдём в ресторан. Отметим это событие и нашу помолвку.

Вскоре в ресторане все забыли о Лёшином дне рождения и горячо обсуждали предстоящую свадьбу, которую молодые решили сыграть этой осенью.

И учительница из Курска переехала в Севастополь, и став женой моряка, родила ему двух прекрасных детей.

Счастья вам, дорогие мои!

И долгих-долгих лет жизни!!!

ВАСЯНОВИЧ

Капитан третьего ранга Васянович Николай Иосифович – командир БЧ – 2 на эсминце «Благородный».

Боевая часть большая, хозяйство огромное: пушки, РБУ (ракетно – бомбовые установки), пулеметы, боезапас, хранящийся в погребах, автоматы, пистолеты, гранаты и что-то еще, о чем врачу и знать не положено.

Служил он до этого на крейсере «Дзержинский». Но то ли развод, а офицеру – коммунисту это противопоказано, то ли пьянка, то ли еще что-то, но с понижением он пришел на «Благородный».

Лет ему было далеко за сорок и нам он казался бесконечно старым.

Он был красив. Волосы, посеребренные холодными морскими ветрами, слегка вились. Фуражка чуть повернута влево.

Васянович страстно любил женщин, знал в них вкус, да и женщины никогда не отказывали ему в этом.

Сход на берег был для него праздником.

А что на берегу? Кабак, алкоголь – сколько выпьешь под хорошую закуску, очередная женщина, а Севастополь просто кишит ими. И не какая-нибудь, а красавица.

Утром, как водится, похмельный синдром и возвращение на корабль.

Наши каюты с ним разделяла переборка.

Как правило, после длинного схода (суббота, воскресенье) он приходил часов в семь утра. Старые дрожжи еще бродили в его голове. Он садился посреди каюты, закуривал «Приму» и начинал надсадно и долго кашлять. Так продолжалось минут пятнадцать.

После прочищения таким образом мозгов, раздавалось следующее: «Доктор!».

Я, зная, чем все это кончается, молчал.

- Доктор! Доктор, е... твою мать!

Я упорно молчал.

Он не выдерживал, вставал. Резким ударом в дверь открывал мою каюту и входил: «Ты что, блядь, молчишь?»

- Николай Иосифович, у меня ничего нет, - блеял я, зная, что он все равно не отстанет.

- Налей чуть-чуть.

- Ну нет у меня.

Он меня упорно не слышал.

- Налей. Для запаха.

Терпение мое кончалось, я открывал сейф, наливал «шило» в стакан и запирал бутылку обратно.

Довольный Васянович подходил к умывальнику, слегка разводил драгоценнейший напиток водой, выпивал, закуривал и начинал рассказ о том, с кем он провел ночь.

И так повторялось бесчисленное количество раз.

А вся эта неприятность начиналась для меня с его надсадного кашля.

ОТВЕТНЫЙ УДАР

Штурман был в расстроенных чувствах. Его уже несколько дней мучил зуб. Таблетки не помогали. Он с трудом глотал пищу.

- Ну что, Николай, может дёрнем его,- доктор искал работу.

Молоканов скривился.

- Доктор, ты ветеринар, - вдруг изрыгнул он в атмосферу.

Это было для начмеда сильнее пощечины. Но за словом в карман он никогда не лез.

- Потому что с тобой, скотиной, живу!

Кают-компания весело заржала.

Полемика с доктором всегда проигрывалась. Но её интересно было послушать.

Ужин хаотично продолжался.

БОРЯ МИШИН

Начальник радиотехнической службы Боря Мишин, был он рыхл, добр, боязлив, не требователен к себе и подчинённым. Он был лейтенант, а лейтенант на корабле – это самое поганое звание. Его никто не любит, не слушается, да и сам он, в конце концов, перестает себя уважать. Но удачно женившись, Боря сразу получил хорошую начальствующую должность.

Должность большая, хозяйство большое и обязанностей много.

Спал он всегда одетым, и как только по кораблю раздавалась команда: «Начальнику ...» (а начальников на корабле всего двое – это начальник РТС и начальник медицинской службы) он срывался как ошпаренный, и стук его ботинок удалялся по трапу. Но если после этого следовало «... медицинской службы прибыть на ГКП или ещё куда-то», то он удручающе брёл назад в каюту и падал на койку.

Он всего и всех боялся, даже себя, и никак от этого его нельзя было отучить.

Возвращаясь после докования в Севастополь из порта Варна, Болгария, мы попали в девятибальный шторм. Корабль пустой, без боезапаса, так как все снаряды и торпеды перед ремонтом сдали на склады Севастополя, и его болтало и крутило, как дерьмо в проруби. Это было что-то ужасное.

Была ночь.

Боря лежал на кровати, как всегда, одетый и обутый (а вдруг вызовут). В его ногах, на вентиляционной трубе стоял огромных размеров, фанерный ящик, доверху набитый книгами. Это я вёз их оттуда. Там можно было купить всё, что издавалось в Союзе и было большим дефицитом у нас. Вес его был приличен.

И тут корабль резко лёг на левый борт. С полок и со стола все посыпалось на палубу, а через задраенный иллюминатор хлынула вода. И сквозь шум этого стихийного хаоса я услышал тихий жалобный писк:

- Ой!!!!

Я соскочил с верхней койки, крепко держась за поручни кровати, так как стоять на палубе было невозможно. Голова кружилась и сильно тошнило. Но то, что я увидел, привело меня в бурный восторг. Я хохотал, как душевнобольной. Картина была потрясающей. На кровати виднелась одна голова начальника РТС, а сверху, от шеи до ног, на нём лежал ящик, доверху набитый великим наследием классиков и современников. Его руки и ноги были прижаты огромным весом, и сдвинуть этот ящик с себя он не мог.

С большим усилием я освободил Борю из этого плена.

Мишин постоянно носился по кораблю, как бильярдный шар по полю, обо все бился и был весь в синяках, постепенно превращаясь в один сплошной синий шарик.

Как-то на наш корабль сел штаб бригады, что, собственно говоря, для офицеров равносильно катастрофе. Каюты освобождаются для старших «товарищей». И все расселяются по постам. И только доктор живёт как человек, хотя тоже переселяется, но в лазарет.

Мишин с минёром поселился в гидроакустическом посту. Кроватью для себя он выбрал стол. А так как Боря был постоянно задрочен, то принимая горизонтальное положение, мгновенно засыпал.

Шло ПЛЗ – учения по противолодочной защите. Вся нагрузка, естественно, на РТС. Лодку надо найти и держать с ней радиолокационный контакт.

Но прежде, чем держать этот контакт, эту лодку ещё найти надо.

Вот тут-то и начинается истерия.

Начальник РТС истекая потом, ищет вместе с лодкой пятый угол, бросаясь от одного к другому, от другого к третьему.

В период затишья он спешит в пост, чтобы залечь хоть на секунду.

Ночь.

В посту темно, как у негра под мышкой. Борюсик, улучив минутку, лёг и мгновенно уснул. И только уши его не спят, ждут вызова на ГКП.

Наконец эта долгожданная команда раздаётся.

Со сна, не понимая, где он, Мишин резко встаёт. Внизу пустота (он же на столе). Потеряв равновесие, его тело падает на палубу и ударяется о сейф.

Итог: раскуроченный пост, синяк 80x120 и ... вечное стремление к совершенству.

Больших звёзд тебе, лейтенант!

Люби тестя, а он уж сделает свою дочь счастливой!

ПРИРОДНАЯ НАХОДЧИВОСТЬ

Югославский город Дубровник встретил моряков – черноморцев цветом многочисленных садов, теплой солнечной весенней погодой и каким-то чужим, но приятным запахом,- запахом Адриатики, смешанным с ароматом бурно цветущей растительности.

Встреча с землей для моряка всегда праздник, а если эта земля еще и чужая, то к этому присоединяется какое-то чувство таинственности.

Но русский моряк и в чужом порту осваивается очень быстро. Природная скромность, сочетающаяся с такой же природной распущенностью, позволяет ему быстро пойти на контакт с любым человеком.

Боевая служба приближалась к концу. Остались каких-то полтора–два месяца и легендарный Севастополь примет уставших от службы и скитаний защитников. Поэтому запасы спирта остались только у командира и доктора. Все же остальные находились на голодном пайке.

Но после первого же схода на берег вечером на глаза стали часто попадаться веселые мичмана.

Купить спиртное в магазине они бы себе не позволили. Во-первых, скупы от природы, а во-вторых, стоило оно непозволительно дорого для нас всех.

- Откуда?

Этим активно заинтересовались все. Ведь выпить для русского, все равно что богомольному перекреститься.

Первым принес благую весть начальник РТС Эдуард Хайкин, он же внештатный разведчик корабля.

- Мичмана купили спирт в аптеке. Стоит он там очень дешево.

Ну какой европеец додумается купить спирт в аптеке, чтобы его выпить. Это только у нас «шило» является эталоном всего спиртного.

Скоро во всех аптеках Дубровника кончились запасы спирта. Он весь перекочевал на наш корабль.

Служба продолжалась. Жизнь была ключом.

И за дверьми кают снова слышались громкие голоса.

АТОНИЯ

Врачу в длительном плавании приходится заниматься всем — и прыщи давить, и зубы рвать, и раны зализывать, и пневмонии лечить, и хирургические операции делать, от вскрытия флегмоны и панариция до более сложных полостных. С годами он набивает руку и становится универсалом.

Мичман Магдыч пришел в амбулаторию как все истинно больные на корабле, после отбоя. Это «сачок» приходит утром, чтобы получить освобождение и потом целый день валять дурака. А здесь все нормально. Болит живот.

Расспросив и пропальпировав живот, стало ясно - аппендицит.

На службе все необходимо докладывать по команде. Сначала идешь к командиру, который, в свою очередь, докладывает командиру эскадры, ну а тот, наверное, непосредственно на флот. Сверху начинают задавать «умные» вопросы, на которые по-умному требуется и ответить.

Параллельно подготавливается операционная. На это дело тратится не менее полутора — двух часов.

На эскадренном миноносце штатной операционной нет. Для этих целей предусмотрена мичманская каюткомпания. В ней все моется, драится, чистится. Кипятятся инструменты и готовится все, что может потребоваться во время операции.

Наконец все готово.

Высокое начальство, крепко подумав, дает «добро» на операцию.

Доктор на корабле один. А все его помощники – это люди, знающие о медицине либо по наслышке, либо из журнала «Здоровье». Самые одаренные являются родственниками медицинских работников, а отдельные имели счастье с ними переспать. Вот они-то и становятся ассистентами, а кто-то из моряков – за операционную сестру, ну а непосредственно подчиненный доктора, на подхвате – укол сделать или пойти, куда пошлют. И всю эту свору нужно предварительно помыть, одеть и следить за тем, чтобы они что-то не цапнули своими стерильными руками, не поковырялись в носу или не вытерли пот.

Ну вот все готово и... операция начинается. Длится она, в среднем, час, а если кто-то из помощников упадет в обморок – полтора, а то и два.

Обезболивание местное.

Слава Богу, в этот раз все было тихо и мирно. Никто не падал в обморок и не чесал мошонку. Все работали четко и слаженно. Операция закончилась быстро.

Магдыча переносят на койку.

Сверху лед.

Утром обязательный подъем в туалет (больной должен сходить по-малому). После этого полусладкий чай с сухариками.

Над больным после операции колдует санинструктор. Он обязан четко выполнять рекомендации доктора.

Я же с ассистентом, дежурным по кораблю и теми, кто ждет окончания этой операции, иду пить «шило». За здоровье больного, свое и всех присутствующих.

Доктор после операции герой. И на пике славы ему можно несколько дней игнорировать весь флотский распорядок дня.

Проснувшись часов в десять, я иду к больному.

Магдыч улыбается, состояние бодрое.

Утром, как было сказано, ходил в туалет. Все нормально.

Пощупав живот, долго слушаю фонендоскопом перистальтику кишечника. Она, отчего-то, вялая. А это – гарантированное вздутие живота за счет гнилостных процессов в кишечнике, чего допустить никак нельзя, так как могут разойтись швы в толстой кишке.

Об этом и подумать даже страшно.

Начинаю волноваться.

Что это?

Из-за чего?

Вроде бы кишечник сильно не травмировался. Откуда взялась эта атония?

Уколы дают хотя и положительный, но слабый результат.

На следующее утро принимаю довольно рискованное решение – надо чистить кишечник.

Живот больного туго фиксирую простыней. Магдыч ставится в позу стартующего египтянина и из кружки Эсмарха в него, через заднепроходное отверстие, вливаю воду.

Посмотреть на это зрелище собралась масса народу.

Бесплатный цирк!

Весело всем. Хохот стоит дикий.

Магдыч орет, что его сейчас разорвет и с каждой новой каплей воды, попавшей внутрь, все сильнее и сильнее раскачивает морщинистой мошонкой.

Деловито матерясь, делаю свое дело.

Наконец наконецник извлечен и из ануса больного вырывается столб воды. Он сидит над «уткой», олицетворяя собой скульптуру Самсона, обсирающего Дракона.

Лишь после этой, несколько «фашиствующей» процедуры, кишечник, наконец, заработал и все пошло на поправку.

Как показало расследование, утром к Владимиру пришли друзья – мичмана. Для больного друга они принесли яичницу из десяти яиц, горячий, только что испеченный хлеб и банку куринной тушенки. Магдыч все это с аппетитом съел, что и явилось причиной к развитию атонии.

Дежуривший у больного санитар все видел и не противился этому вандализму. Да еще и промолчал.

А чтобы впредь такого не допускалось, пришлось настучать ему по дурной башке.

Иногда такие методы воспитания более действенны, чем повторенные ему, в тысячный раз, слова.

Через десять дней мичман Магдыч заступил дежурным по низам.

ТРУСЫ

К молодому матросу Зеленому, из трюмной команды, приехала тетя.

Этот матрос прослужил на корабле без году неделю и был до неузнаваемости зачуханный.

Помыли его, приодели и отпустили до утра для общения с родственницей.

Как в последующем оказалось, эта тетя была не просто тетей, а еще каким-то большим начальником.

Вроде бы все сделали хорошо, но и у хорошо есть обратная сторона.

Нагулявшись вволю по красавцу Севастополю, родственники пришли в гостиницу. Пришло время отходить ко сну.

- Раздевайся, Витенька, ложись спать.

А Витенька мнется. Что-то не раздевается.

И тут выясняется, что у него нет... трусов.

Вот это и послужило поводом к написанию данного рассказа.

Корабль жил своей обыденной жизнью. И..., как гром среди ясного неба, по кораблю прозвучали четыре длинных звонка, что означало, - на борт прибыло высокое начальство.

Эта тетя, как потом выяснилось, с этими вонючими трусами, точнее с их отсутствием, дошла до штаба флота.

И вот помощник командующего, целый контрадмирал, пришел разбираться с этим вопиющим безобразием.

Пошла жара!

В каюткомпании командир, замполит, секретарь парторганизации, то есть я, командир БЧ-5, его зам, командир группы, старшина команды, командир отделения. Короче, от мало до велико.

Разбор был краток. Все мудаки, дебилы, бездельники, тунеядцы. Никакой работы с личным составом не проводится, контроля нет и т.д. и т.п.

Наказание шло одно за другим и было однообразно – десять суток с содержанием на гарнизонной гауптвахте. Гарнизонная гауптвахта экстренно освобождалась для экипажа эсминца «Благородный». На «губу» пошли мгновенно разжалованные старшины и мичмана.

Затем пришла пора выговоров и строгих выговоров. Венцом же всего этого разбора было объявление кораблю десять суток организационного периода. А оргпериод – это всеобщий сухостой и ононизм без схода на берег кому-либо.

Человечность и гуманизм, в виде увольнения моряка до утра, с этой поры были командиром корабля категорично запрещены.

И еще долго кораблю икалист эти трусы, этот немаловажный атрибут военной формы одежды.

ЛЖЕГЕРОЙ

Море сильно горбатило.

А эсминец «Благородный», этот труженик моря, следил за американской эскадрой.

Качало прилично.

Я, как всегда, штормую в койке. Входит санинструктор.

- Товарищ старший лейтенант! В санчасть матрос пришел. У него живот болит.

- Положи в лазарет, пусть полежит. Есть не давать.

- Похоже, что у него аппендицит.

Вот это новость, вот это «счастье»! Если уж не везет, то не везет по-черному.

Поднимаюсь.

Тошнота подступает к горлу.

Точно, аппендицит. И клиника выраженная. Терпеть нельзя, надо оперировать.

Пока доклады, пока мытье каюткампании, стерилизация и все прочее, что требует подготовка к операции, я принимаю «Аэрон», да не одну таблетку, а две. Ну, чтоб надежнее. Он блокирует слюно- и слезеотделение. И эти таблетки так мне все забили, что во рту сухо, как в сауне. Слюны нет вообще и язык еле шевелится.

Ну вот и все готово.

Больной на столе, ассистенты помыты и одеты, инструментарий кипит. Осталось выложить его из стерилизатора на стол, помыться, одеться и можно начинать операцию.

Стерилизатор весело пыхтит на холодильнике.

Все ждут: больной со страхом, ассистент с любопытством, а для остальных операция уже привычное дело.

И только я протягиваю руки, чтобы взять стерилизатор, как в это время корабль резко меняет курс и ложится на правый борт. Стерилизатор сползает и падает мне на ноги. Крутой кипяток выливается на голени и стопы. Мгновенно ноги покрываются огромными пузырями. Жуткая боль обожженного тела отодвигает морскую болезнь.

Но ведь еще есть больной!

И оперировать его нужно безотлагательно, клиника растет.

Собираю с пола разлетевшиеся хирургические инструменты, со слезами на глазах мою их и снова ставлю на два часа стерилизоваться. А потом, в одном халате, босиком, весь обожженный, делаю аппендэктомию.

Это подвиг?

Подвиг!

А кто-то оценил его?

Да нет, конечно.

Просто прооперировал и все. Сколько их, этих операций, уже было. А что ожоги получил, - с кем не бывает. Заживет.

Ты делал свою работу. Ты, преодолевая собственную боль, возвращал больному здоровье.

А где же были те, кто оценивал этот труд, партией был поставлен контролировать весь ход боевой службы?

А они рапортовали: мы прошли, мы выполнили, мы отстреляли, мы прооперировали, мы выпустили, мы приняли столько-то человек кандидатами в члены КПСС. И получали за это звание и награды.

Мы!!!

Опять Николаевское «Мы»!

Ну да Бог им судья.

Не все же герои – герои.

БОЛЬ УТРАТЫ

Боевая служба шла своим чередом и ещё не успела надоесть. Всего только месяц, как мы вышли из Севастополя, и два - как я вышел из отпуска.

Наступил День Военно-Морского флота.

Средиземное море было слегка горбато, но командир Средиземноморской эскадры обошёл на катере все стоящие в точках корабли, поздоровался с выстроенными по этому случаю экипажами и поздравил их с праздником.

Праздничного настроения не чувствовалось. Хотелось куда-то уединиться, и я сел в кают-компанию, где днём всегда пустынно.

Решил перечитать «Войну и мир» Л.Н. Толстого. Но что-то не читалось.

Зашёл командир. Я поднялся.

- Ты что, доктор, здесь сидишь?

- Да вот, товарищ командир, решил почитать. Здесь никто не мешает.

- У тебя всё в порядке?

- Всё нормально, товарищ командир,- сказал я, пожав плечами.

День прошёл как-то бесцветно. Ко мне, что было не естественно, никто не приходил и все как бы избегали встречи со мной. Да и меня, собственно, ни к кому не тянуло.

Наступило утро. Всё как всегда. Малая приборка, завтрак, подъём флага. Я собираюсь на политзанятия. И вдруг по кораблю раздаётся

команда: «Начальнику медицинской службы прибыть в каюту командира корабля». А я что-то должен был ему представить, какой-то документ, но его не сделал. Иду я по трапу, лихорадочно придумывая правдоподобную версию, почему я его не сделал и клятвенные обещания, что сегодня всё представлю к вечернему докладу.

Постучавшись и спросив «добро», захожу в каюту командира корабля.

- Заходи, Александр Витальевич.

С ним в каюте сидит замполит Мохорт Александр Михайлович.

- Товарищ командир! Капитан Финогеев по вашему приказанию прибыл.

- Читай, Александр Витальевич, - зам протягивает лист радиогаммы.

«Дорогой Сашенька! Умерла наша мамочка. Крепись. Целую тебя. Галя.»

Я никогда в жизни так не плакал. Из моих глаз ручьями текли слёзы. Просто физиологически невозможно себе представить, что у человека они могут вырабатываться в таком количестве. Я ничего не видел, ничего не соображал.

Как? Как это могло случиться? Ведь два месяца назад мама меня провожала на поезд. Было всё хорошо. И вроде бы она не болела, ну давление кое-когда подскочит. И на пенсию только ушла, строя грандиозные планы на будущее. Что произошло?

Воспитывался я в женском обществе. Мама, бабушка и тётя были для меня всем. Отец ушёл, когда мне было три месяца. Жили мы тяжело, на одну мамину зарплату, и, можно сказать, очень бедно. Отчего, наверное, у меня до сих пор сохранилась природная доброта, сопереживание чужому горю и человечность, редкие для сегодняшнего

времени, качества. Пройдя через нужду, ценишь то, что тебе дали родные и близкие. Понимаешь, что недоедая сами, учили меня, хотя я был противником того, когда мама присылала мне 10 рублей. Десять, а ведь были и такие, кому приходили сотенные переводы. Но эти обычно заканчивали, как правило, всегда плохо, как бы долго и высоко их не поднимали родительские руки.

Мама была честнейший человек и коммунист с большой буквы. Но в нашем государстве честность никогда не поощрялась, и эти люди, отдавая всё на благо строительства коммунизма, находились в тени, и пребывали в нищете. Ну такая была у нас страна, таким было государство рабочих и крестьян.

- Иди, Александр Витальевич. Только без глупостей. На политзанятия не ходи. Их за тебя проведут.

Я спустился в каюту. Позвал своих боевых товарищей. Мы молча выпили.

Оказывается, телеграмма пришла ещё вчера, но командир предупредил весь экипаж, чтобы мне не говорили, не омрачали праздник. Но сердце чувствовало какую-то беду.

Потом пошли томительные месяцы ожидания. Вестей с берега не было. Что там на родине? Как жена, дети? Они же остались у мамы.

Жена посчитала, что вдруг телеграмма не дойдёт или её не передадут, и решила меня больше не беспокоить. В те далёкие времена связь осуществлялась только посредством писем. А их-то не было.

Спустя три месяца, когда корабль пришёл на межпоходовый ремонт в Севастополь, я на неделю уехал на свою Родину, в поселок Беково Пензенской области, чтобы поклониться своей дорогой и любимой мамочке, почтить ее память.

Боль утраты до сих пор гложет сердце. Как бы там ни было, а сын не приехал, чтобы проводить мать в последний путь. Время такое было, служба была такой.

Вечная тебе память, Зоя Николаевна, Царствие Небесное и земля – пухом.

ИНИЦИАТИВА

Для корабля бич – это тараканы, крысы и политработники. Если с первыми двумя хоть как-то можно бороться, то с последними бессмысленно. Исход в этой борьбе предначертан практикой - либо ты спиваешься, потому что тебя, просто напросто, затрахает эта стая воронья, либо ты попадаешь в психиатрию и уходишь с флота с желтым билетом.

Поэтому любимым коньком для командования есть борьба с грызунами и насекомыми руками врача.

- Доктор! Тараканы (или крысы - все зависит от ситуации) по кораблю пешком ходят! Вы думаете о чем-нибудь?

- Думаю, - звучит глупый ответ.

- В субботу проведите ученье по уничтожению (того или другого, опять же в зависимости от ситуации).

И вот начинается дикая подготовка к этому историческому мероприятию. Пишется план ученья. А без плана как уничтожить эту гадину? Никак! Мероприятие забивается в корабельный план.

И, наконец, наступает суббота.

Из жилых помещений и боевых постов выносятся, буквально, всё. Делается легкая приборка и после этого с автомаксами идут работники гуманной профессии, заливая все хлорофосом.

Но итог всегда один. Эти долбанные тараканы так уже адаптировались к покушениям на их жизнь представителями гуманной профессии, что все эти химикаты для них, что духи для мужика. После проведенных экзекуций они только интенсивней начинают размножаться.

С крысами проще. Варится каша, в нее кладется отрава и все это раскладывается по шхерам.

Результат выше, но и они продолжают ходить по кораблю.

Как-то жарким - прижарким летом, в Средиземном море я самостоятельно решил проявить инициативу и потравить крыс. А их, правда, было очень много.

Инициатива на флоте всегда наказуема.

Но эта заповедь мной была забыта. И принятое решение претворилось в жизнь.

Спустя неделю корабль погрузился в зловонье.

Одним из таких мест, где не только жить, но и находиться рядом невозможно, была каюта моего лучшего друга Саши Пушкина.

Там концентрация трупного запаха перекрывала предельно допустимые дозы в несколько раз.

А жить—то надо.

Шурик по кораблю ходил с дезодорантом и, прежде чем зайти в каюту, он зажимал нос, приоткрывал дверь, просовывал в щель руку и выпускал пол-флакона пахучего содержимого. Только после этого туда можно было войти.

Так продолжалось три недели.

Конечно, благодарность от командования я не получил, а вот упреки сыпались как из рога изобилия.

Иногда чертовски хочется сделать хорошо, а получается как всегда.

После этого моего «героического» поступка у командования корабля надолго были забыты и крысы, и тараканы.

Ну, а политработников травить тоже бесполезно. Они, как «Гидра», плодятся, опережая рост грызунов и тараканов.

ПОЖАР

Пожар на корабле – это что-то ужасное. Задымленность помещений наступает мгновенно. А если еще и гаснет свет, то наступает полная задница.

Обычные противогазы от угарного газа не спасают, а индивидуальных защитных средств почти нет. А если и есть, то работать в них можно от десяти до пятнадцати минут.

И гибнут парни чаще от угарного газа, нежели от пламени.

Пожар на БПК «Комсомолец Украины» случился под утро. Начала тлеть ветошь в трюме. Дым окутал весь корабль.

В таких условиях и организовать борьбу за живучесть и потушить очаг возгорания очень сложно.

На близстоящих кораблях тоже сыграли тревогу.

Со своим подчиненным прибегаю на «Комсомолец».

Поскольку все помещения из-за дыма не пригодны для работы, пост медицинской помощи разворачиваю на юте.

И вот выносят двух, без сознания, старшин. Это разведчики очага пожара.

Одним занимаюсь я, а другим местный начмед, старший лейтенант Сурков. У обоих – отравление угарным газом.

Чтобы не западал язык и не качать кислород в желудок, пришиваю его к нижней губе.

Все запасы кислорода уходят на спасение жизни моряка.

Когда из госпиталя пришла машина, мой пострадавший пришел в сознание, задышал.

А вот второй погиб, погиб из-за неправильной тактики врача. Жаль парня. Наверное, и его можно было спасти.

СТАРПОМ

Старпом Яковлев появился на нашем корабле в Средиземном море, на боевой службе, после того, как бывший старпом Захаров неудачно хотел поиметь жену атташе, а та, то ли от нахлынувшей, в пятьдесят лет, страсти, то ли спросонья, стала кричать, чем вызвала ненужный шум. И Захарова ближайшим транспортом отправили в Союз.

А так как корабль без штатного старпома, тем более на боевой службе, не может существовать, прислали капитан-лейтенанта.

До этого Яковлев был где-то штурманом, но, удачно женившись на дочери помощника командующего, он резко пошел в гору.

Красив Саня был лишь душой. Внешне же его данные растворялись в серой однородной массе. Крупная кость, обросшая толстым слоем сала, делали его огромным. Лицо одутловато, гоголевский нос, полное отсутствие талии, слегка висящий живот и срезанная задница, - вот та картина, которую он, собственно говоря, представлял.

При полном параде он еще смотрелся, а вот в море, в шортах – это была карикатура.

По природе он был ленив. Страстная любовь послать, явно, мешала ему служить.

Но высокое положение жены в геральдическом дереве не позволяло командиру и, особенно, «душелюбу» замполиту, поставить его на место, хотя покрикивать на него они покрикивали.

И сам он тоже кричал на подчиненных, но кричал нехотя, с ленцой, потому как кричать было нужно, ведь должность собачья, а собака должна, обязана лаять, а не скулить.

Первые дни на него без восхищения нельзя было смотреть. Он выходил на послеобеденное построение в шортах, которые висели на нем как на сучковатой палке. Спина была изрыта складками от одеяла, а рука постоянно тянулась к заднепроходному отверстию, чтобы почесать его. Видимо плавящийся жир раздражал анус. А из строя слышались выкрики: «Лови ее, лови! Глубже пихай!», ну или что-то подобное другое.

Саню это нисколько не смущало. Он отрешенно стоял на юте, с полуоткрытым ртом, слушая командира. И было такое впечатление, что его сейчас нет на этом месте, а присутствовал лишь фантом, эфирное тело.

Но с годами он окреп, возмужал, стал командиром, закончил академию, развелся с привелегированной женой и завершил свою службу на далеком Тихоокеанском флоте, где и оклад повыше, и алименты побольше.

ЗЕМНЫЕ ЛЮДИ

Для своей должности он был беспредельно добр.

Старпом – это цепная собака, которая постоянно, по делу и без дела, брешет и даже, иногда, больно кусает.

Яковлев Александр Николаевич тоже брехал, но как-то не страшно. Ну и на его человечность экипаж отвечал тем же. Это, конечно, сильно раздражало замполита, но... дела делались, грубых нарушений воинской дисциплины не было и с этим приходилось мириться.

Я с ним жил, как, впрочем, и со всеми, в мире и согласии. Между нами была негласная дружба, поскольку дружба начальника и

подчиненного в вооруженных силах не практикуется и, даже, вредна для обеих сторон.

Когда по кораблю завершала звучать команда: «Команде, руки мыть! Бачковым построиться, шкафут, левый борт» в каюту старпома раздавался стук:

- Да, - говорил сосредоточенно старпом.

Стук повторился.

- Да, - снова говорил старпом, решая какую-то свою глобальную задачу.

За дверью молчали.

Стук повторился в третий раз и не ожидая запланированного матерного сленга начмед, то есть я, открывал дверь.

- Прошу добро, - и я заходил в каюту.

- Что тебе, доктор?

Я молчал.

- Что ты хочешь? – не зло хмурил брови Яковлев.

Молчание было моим ответом.

-Как ты меня, доктор, заебал. Закрывай дверь.

Дверь замыкалась. Старпом открывал сейф. На устах сияли улыбки. В стаканы наливалось «шило», слегка разводилось и выпивалось. Тепло доброты и умиления разливалось по нашим здоровым молодым телам. И мы молча шли на обед в каюткомпанию.

Так повторялось изо дня в день, из года в год.

Чем-то наши души были близки. Мы просто были земные люди.

ПОДПОЛКОВНИК

Когда корабль стоит у стенки (у причала) – это высшее состояние боевого духа моряка. Всегда можно найти предлог сойти на стенку, покурить, поболтать с корешами и даже выпить пива.

Этот день был необычайно красив и располагал к лени. Командир и зам ушли на катере на флагманский корабль на подведение итогов, старпом, по доброте душевной, не любил напрягать себя и других. И корабль накрыло маревом всеобщего похуизма.

Вот и долгожданная команда по кораблю: «Команде обедать!».

Офицеры дружно собрались в каюткомпании. Ведь голод не тетка. Входит старпом и царственным жестом приглашает к столу. Слышна веселая перебранка, стучат вилки и зубы, мечутся вестовые.

Все как всегда!

Вдруг открывается дверь... и входит армейский подполковник. Входит молча. Ни «Здрасьте», ни «Приятного аппетита» - это для земных офицеров верх совершенства.

Он молча проходит до середины каюткомпании, слегка задерживается, что-то соображая, а потом, минуя свободные места замполита и особиста, садится на место командира корабля. Воцаряется жутчайшая тишина.

Ведь место командира свято!

Даже командующий, даже главком, эти отпрыски Ушакова и Нахимова, никогда не занимают командирское кресло. Оно, как царский трон, принадлежит только одному.

Если бы сейчас воцарилась ночь, - это не вызвало бы такого внутреннего возмущения даже у меня.

«Ни хуя себе!» - это наш артиллерист Васянович, выражает свое негодование.

И тут старпом, этот святой человек, поворачивается ко мне, выдвигает вперед свою могучую челюсть и, брызжа от этого мне в лицо флотским борщом (дал Бог соседа), говорит сакраментальную фразу, от которой мои редкие волосы зашевелились:

- Доктор, кто это?

- А я откуда знаю? – от возмущения спазм сжал глотку.

- Ну это же ваш... - он многозначительно поглядел на мои красные просветы на погонах.

Я поперхнулся, глаза покрылись слезами, лицо покраснело, как при апоплексическом ударе. Слов возмущения не было.

Тут раздались по кораблю три звонка, - на борт прибыл командир корабля.

Шевченко Григорий Николаевич слыл человеком прогрессивных взглядов. В нем не было гонора самодура и напыщенного павлина. Он ценил исполнительных и был строг к нерадивым, и всегда оставался человечным.

Быстрым шагом он входит в каюткомпанию.

Традиционное: «Приятного аппетита!».

Все наши взоры устремлены на командира.

Что будет дальше? Жутко интересно. Неординарная ситуация всегда привлекает к себе внимание.

Наконец его глаза округляются. Он резко останавливается, шея и лицо багровеют.

Ни слова ни говоря, разворачивается и на выходе бросает старпому:

- После обеда зайдите ко мне!

Нам это, что валидол сердечнику!

Это значит, что старпома будут дрючить. Не все-то нас.

Проведенное расследование показало, что никто, - ни дежурный по кораблю, ни дежурный по низам, ни вахтенный у трапа не могли ответить кто это был и как эта сухопутная сволочь попала на боевой корабль.

Естественно вся вахта была снята с дежурства и пошла черед оргмероприятий.

И марево всеобщего похуизма унесло легким бризом.

ЕСТЬ

Самое тоскливое – это когда после построения экипажа оставляют офицеров и мичманов. Повторяется то же самое, только на более «интеллектуальном» уровне.

Что-то смешное шепчу соседу.

Старпому Яковлеву это тоже дико осточертело, но должность обязывает и он изображает из себя глашатая революции.

- Доктор!!! – Голос театрально суров.

- Я.

- Не «я», а «есть».

- Есть?

- Да, есть, товарищ капитан!

- Есть, - говорю я, выходя из строя, и направляюсь с юта в сторону кают-компаний.

- Доктор!

- Я.

- Вы куда?

- Есть.

- Что есть?

- Пока не знаю, но согласно меню-раскладки: первое, второе и компот.

Строй оглашается диким хохотом. Смеётся и старпом.

- Товарищ капитан! Встаньте в строй.

- Есть?

- Е-е-е-есть, - машет он головой.

Уставная мысль сбита. Говорить уже ничего не хочется и нас распускают. Хотя и до этого все мы давно распущены.

УМЕЛЕЦ ИЛИ СПАСЁННАЯ КАРЬЕРА

Танкер подошел к эсминцу.

Заправка в море — дело обычное. Без заправки жизнь боевого корабля недолговечна и бессмысленна.

По шлангам закачивают в трюм мазут и пресную воду.

Вместе со шлангами передают и пакет документов, в которых фиксируется количество полученных на борт воды и мазута. Они скрепляются печатью и возвращаются обратно на танкер.

Таков порядок.

В этот день всё шло как всегда.

Заправка близилась к своему логическому завершению.

Вдруг старпом, Яковлев Александр Николаевич, занервничал — документы ещё не готовы.

Печать, как и всё самое ценное, старпом держал у себя в сейфе, а ключ от него он потерял.

Это грозило большим раздолбоном!

Боцманы с ломami в срочном порядке скопились в каюте Яковлева.

Предстояло, просто-напросто, вырвать эту дверь. Бог с ним, с этим сейфом!

Приборщиком каюты у старпома был матрос Сопеску с БЧ-3, торпедист. Он был по-молдавски хитёр и отличался жуткой скрытностью.

- Товарищ капитан-лейтенант. А что это вы собираетесь делать? – спросил он.

- Не видишь, что ли? Дверь у сейфа ломать будем!

- А можно я попробую? Только вы выйдете все из каюты.

- Нет у меня времени на твои эксперименты, – лихорадило старпома.

- Разрешите! – Не унимается матрос, – Буквально пять минут.

Махнув рукой, старпом приказывает всем выйти, затем вышел сам.

Через три минуты дверь каюты распахнулась и улыбающийся Сопеску указал на сейф.

- Ну!!!??? – Старпом кипел от нетерпения.

- Открыл.

- Да??? У тебя что, ключ есть?

- Никак нет! Это я своим методом.

Репутация была спасена. Печать поставлена, документы переданы на танкер.

Замок на сейфе поменяли.

Но Сопеску от приборок в каюте старпома отстранили. Ведь в сейфе не только печать, но и секретные документы со спиртом хранились.

От греха подальше.

Как же всё-таки богата на таланты земля наша.

И если одному на ней назначено изобретать замки, то другому, сам Бог велел, их открывать.

Каждому свое!

КОСЯК

До самого горизонта Средиземное море окрасилось лазурью. И будто старательная хозяйка выгладила его утюгом, - не единой складочки. А солнце своими жало-лучами плавит наш, стоящий на якоре, эсминец.

После обеда что-то не спалось. То ли подушка окаменела, то ли нервы расшатало этими красотами. Ведь даже красота, порой, выводит из себя от частого ее созерцания. А уж мы так часто бывали в бескрайних морских просторах, что этой красоты насмотрелись до отрыжки.

Обуреваемый мыслями о земном рае, а рай земной олицетворялся нами всегда с женщиной, поскольку женщина имеет то, что нет у нас, мужчин, я, облокотившись на леера, закурил. И вдруг вижу идущий на глубине огромный косяк рыбы. Море из бирюзового цвета превращается в серебристое.

Вот это действительно красиво!

А когда военный корабль стоит на якоре, то в определенные приказом часы проводится профилактическое гранатометание против ПДСС (противодиверсионных сил и средств).

Зная эти нехитрые флотские премудрости, я поднимаюсь на мостик. В кресле дремлет старпом Яковлев. Вахтенный офицер, Саша Пушкин, на другом борту курит.

- Санечек, - говорю я своему лучшему другу, - давай гранату швырнем, смотри сколько рыбы.

- Не время. Иди спроси у старпома.

Я подхожу к дремлющему старпому:

- Николаич! Смотрите какой косяк рыбы идет, давайте бросим гранатку.

Старпом приоткрывает глаз и вместо ответа на мою просьбу спрашивает:

- Доктор! Вы почему на ГКП находитесь без головного убора?

- Александр Николаевич! Внизу косяк рыбы! Сейчас уйдет! Давайте гранату бросим.

- Пушкин!

Подходит Саня. Для него морская стихия - все равно, что для птиц небо.

- Есть товарищ капитан-лейтенант!

- Сколько времени?

- Тринадцать пятнадцать.

Старпом поудобнее усаживается в кресло, закуривает.

- Ну что? – говорю я.

- Ты слышал, который час.

- Ну и что, рыба уйдет.

- Все, пошел на х...й.

- Николаич...

- Иди к командиру. Даст добро, бросим.

- А где он?

- Отдыхает.

Жажда приключений побеждает страх получить внеочередную пиздюлину.

Робко стучу в дверь командирской каюты и тихо прошу добро войти.

- Что тебе, доктор? – заспанным голосом спрашивает командир, Шевченко Григорий Николаевич.

- Товарищ командир! Внизу идет огромный косяк рыбы, разрешите бросить гранату. Без вас старпом не может.

- А который час? – буд-то это ему так важно.

- Половина второго.

- Скажи старпому, что я разрешил. Только пусть запишет, что бросил в указанное время.

Вбегаю на ГКП.

Старпом уже встал, закуривает вторую сигарету. Пушкин что-то пишет, но явно не стихи.

- Командир разрешил, - кричу я.

- Что орешь? Экипаж разбудишь!

- Его пушкой не разбудишь. Давайте быстрее кинем.

Яковлеву, явно, нравится, когда его упрашивают.

- Доктор, ты можешь заебать мертвого. Как тебя командир на х...й не послал! Пушкин, неси гранаты.

Прозвучало два взрыва. Но косяк как шел, так и шел. Ни одна рыба не всплыла. Видимо шли они на приличной глубине.

Мои благие намерения не увенчались успехом.

И только море продолжало радовать истосковавшуюся душу своей сказочной красотой.

ОБЕСПЕЧИВАЮЩАЯ СМЕНА

Корабельная жизнь построена таким образом, что на корабле всегда остается обеспечивающая смена из офицеров и мичманов.

Самый обеспечивающий из офицеров – старпом, ему даже Устав запрещает длительно пребывать на берегу, так как это несовместимо с его службой.

Самый сходящий – конечно замполит. За сутки он так утомит себя идеями наследников коммунистической идеологии и утопического социализма, что возникает слабость во всех членах и даже, даже, начинает болеть голова, что свидетельствует о наличии в черепной коробке мозга. Но как только его нога с трапа ступает на причал, симптомы недомоганий стихают, а за пределами проходной и вовсе проходят.

Вроде бы как и не было этих идей.

В обеспечивающей команде доктор всегда со старпомом.

Итак, произведена малая приборка, проведена вечерняя проверка, поставлены задачи по контролю за несением вахты и порядком на корабле и, наконец, отбой.

Еще до команды «Отбой» доктор уже в койке. Горит ночник, раскрыта книга. И вроде бы все заботы ушли на четвертый план.

Но это обманчивое ощущение. Через десять – двадцать минут слышен по трапу топот спускающихся башмаков, раздается стук в дверь и входит рассыльный или вестовой.

- Товарищ капитан! Вас вызывает старпом в кают-компанию.

Зная, чем это заканчивается, начинаю сопротивляться.

- Передай стропому, что меня в каюте нет.

Уверенный в том, что рассыльный скажет, что доктор в каюте и лег спать, жду второго вызова, который следует, буквально, через три минуты.

Я упорно сопротивляюсь.

Заканчивается это одним. По трансляции идет команда, а она идет по всему кораблю и уж от нее скрыться нельзя: «Начальнику медицинской службы прибыть в кают-компанию офицерского состава».

Проклиная все и всех, я спускаюсь с койки, одеваюсь и поднимаюсь в кают-компанию.

Сигарета в зубах и идиотская улыбка старпома полностью кончает мое, еще не до конца упавшее настроение.

Это означает, что надо играть либо в домино, либо в «шешь-бешь».

- Садитесь, - широкий жест в сторону стола.

- Я не хочу.

- Садитесь, иначе накажу.

- Но я не хочу.

- Так, все! Никаких пререканий!

Мне несут чай. Предлагается сигарета.
Я неохотно сажусь. И игра начинается.
Сигаретный дым окутывает играющих, выедавая глаза и хрипя в их легких.

И это до часа или двух ночи.

Я начинаю ныть.

В конце концов, старпом сдается и милостливо отпускает меня.

А утром дурацкий вопрос:

- Доктор, где вы были по подъему?

- Я не слышал команды.

- Я тебя накажу когда-нибудь.

- Есть.

Надо всегда соглашаться. И кратное «Есть» есть именно тем словом, которое служит примирением в сложных военных вопросах.

Вот и еще один день прошел. И как гласит крылатая матросская поговорка: «День прошел и х...й с ним!».

Что день грядущий нам готовит...

ЯКОРЬ

Эгейское море всегда «горбато». Не помню, чтобы когда-то на нем был штиль.

Ветер, шторма.

То тише, то сильнее.

Но чтобы штиль – не помню.

Эскадренный миноносец «Благородный» снова несет боевую службу. Обычно его можно встретить у берегов Сирии или Испании. Но в этот раз его занесло к берегам Греции. Экипаж готовится к посещению Югославии. А это – покраска (покраска – любимое занятие у моряков и

нет ничего на свете страшнее, чем моряк с кисточкой, потому что он красит все, что попадает на глаза, и все ходят в краске, проклиная всё и всех), помывка и, вообще, наведение всеобщего порядка.

Спускается ночь.

Экипаж отошел ко сну, чтобы завтра, с новым остервенением приняться за покраску.

А ветер все усиливается.

Надвигается шторм.

Обычно с усилением ветра корабль снимается с якоря и начинает штормовать, то есть идти против волны. И сколько длится шторм, столько он и штормует.

А в этот раз что-то отвлекло командира или он понадеялся на русский авось, но корабль, прикованный могучим якорем к грунту, болтался как дерьмо в проруби.

И вдруг корабль лег на волну, резкий рывок... и рвется якорь-цепь.

Потерять якорь, да к нему еще метров шестьдесят якорь – цепи, всегда считалось позором у моряков. Это не борт пробить, а потом заварить его. Это потерять якорь.

Через неделю заход в иностранный порт и отменить его уже нельзя. Без якоря – это позор на весь мир.

И вот в штаб флота идет телеграмма ЗАС. В ответ ебуки с пожеланиями счастливого плавания.

В Севастополе срочно на плавтранспорт «Память Меркурия» грузится якорь, 120 метров якорь-цепи и он идет к нам на помощь.

А море уже пять – шесть баллов.

Опять ночь.

Наверное, чтобы нашего позора со спутника не видели.

Кто же его днем собирается показывать?

Сошлись корабли и началась перегрузка.

Условия работы – адовые. Если один корабль стоит на пике волны, то второй идет вниз.

И вот, когда якорь – цепь уже заняла свое место и была заведена на шпиль, и вроде бы, якорь был передан, «Благородный» совсем не по благородному лег носом на борт «Памяти». Леера срезаются как бритвой, шлюпка раздавливается в щепку. Но, слава Богу, мы его не перевернули и не было человеческих жертв.

Через неделю экипаж ходил по югославской земле.

Визит прошел, как было положено в верха, с оценкой «отлично».

КОРАБЛЯДСКАЯ ЖИЗНЬ ИЛИ ЧЕРНЫЙ ЗАМПОЛИТ

Эскадренный миноносец «Благородный» был на Черноморском флоте ездовой собакой. Где ни дыра – там «Благородный».

За свою шестилетнюю службу на нем я более четырех лет провел в море.

Боевая служба сменялась дежурством по флоту, а выходы на выполнение каких-то задач или обеспечение выполнения тех же задач другими кораблями – уж это святая обязанность.

Этот эсминец был как атомоход. Заправят его мазутом и пошел он, солнцем политый и обдуваемый всеми ветрами.

А люди..., кто о них тогда думал?

Это все на бумаге, в Кодексе, семья была ячейкой коммунистического общества, а на самом деле наши духовные руководители на все это дело насрали огромную кучу, не забыв сверху сахаром посыпать.

Ты коммунист – вперед!

И не стонать!

Что?

Семья не может в Севастополе квартиру найти – плохо ищет.

А ты служи! И через 12-15 лет обязательно получишь свое жилье. Но не как идеологи партии трех-четырёхкомнатную, а одну-двухкомнатную... и тоже не стонать.

О тебе позаботились.

И красный билет с барельефом великого Ленина обязан согреть тебя и в море, и на берегу, если не со своей, то, обязательно, с чужой женой.

Длительность пребывания в море, редкая смена офицерского состава, а их на корабле было восемнадцать человек (я здесь не учитываю офицера особого отдела, он был девятнадцатым, в задачу которого входило наблюдать и пресекать, короче – искать шпионов) на более чем триста человек экипажа, «притерали» офицерский корпус, отчего кают-компания была сплоченна и дружна.

Получалось, что и радости и горести приходилось делить на всех.

Но если учесть, что пять человек не несли ходовой вахты, то какая нагрузка оставалась остальным девяти-десяти человекам.

Из этих пяти – замполит и доктор вообще не несли никакой вахты. Но если у доктора еще была кое-какая работа, ну, там прыщ выдавить или аппендицит вырезать, то пропагандисты светлых Ленинских идей так их исчернили, что стали проповедовать кривду вместо правды. Эти, Господи прости, комиссары, ничего не понимая в корабельной жизни, лезли всюду, мешая и ища криминал. Недаром народ сложил анекдот про замполита, который попал в плен к врагу и через какое-то время пишет письмо в родную часть: «Ребята! Учите матчасть! Здесь очень строго спрашивают».

Если для нормального человека грязь – это действительно грязь, то для политработника грязь – это самое светлое пятно. Это был их

двигатель к вершине, путь к Парнасу. И чем больше ты ее нашел, чем больше ее принес в политотдел, тем ты лучше и краше.

Когда я вспоминаю эти холенные, без морщин и усталости лица, меня просто выворачивает, и я забываю о чем хотел написать. И все-таки еще два слова об их «отцовских» отношениях с личным составом. Ведь каков лозунг командира: «Делай как я», а замполита: «Делай, как я сказал».

Так вот, это, блядь, холенное, переспавшее тело, идущее с высоко поднятой головой, отражая солнечные лучи от гладко выбритого лица, вдруг, прерывая ход своих светлых мыслей, ну, конечно же, о том, как корабль сделать лучшим на флоте, волевым усилием пытается изобразить боль на лице и изрезать его же морщинами, похожими на след от сабельного удара, останавливает, куда-то по делам бегущего, моряка, и задается очень важный, политически важный вопрос. Вопрос, влияющий на выполнение всех боевых задач, поставленных кораблю.

- Почему не бриты?

А когда ему бриться, если вахта четыре через четыре, если в это время еще нужно пожрать, сделать приборку и хоть полчаса поспать.

Но вопрос задан и требует неотлагательного ответа.

Ответа нет. Одна задроченность видна в глазах этого несчастного моряка.

Губы зама вытягиваются в тонкую линию, слышен шип гюрзы:

- Через пять минут ко мне в каюту с командиром отделения. Вы поняли меня? Не слышу!

- Есть, — с дрожью в голосе говорит уже готовый описаться матрос.

И начинается двух-трехчасовой разбор этого преступления. Ведь скучно, ох, как скучно жить ни хера не делая. А показать что скучно — это все равно, что поссать на греющий тебя огонь.

Идет командир отделения, затем старшина команды, затем командир группы и, наконец, командир боевой части. И все это методично, с глубоким знанием партийно-политической работы и идеологии.

Жизнь в боевой части останавливается. И насрать, что корабль следит за американским авианосцем или ищет подводную лодку. Этого всего для «Черного замполита» не существует.

Сорвут задачу – на партсобрание.

Выговор одному, строгий – другому, на вид – третьему, мичмана лишит тринадцатого оклада, командира отделения разжаловать.

Вот это работа!

Смотришь, а на груди уже медаль «За боевые заслуги» и квартиру обещали дать побольше, а то трех комнат явно не хватает. Негде подумать о светлом будущем. Глядишь – и звезд на плечах прибавилось.

И вот компромат собран. С чистой совестью и чувством выполненного долга, замполит поднимается на мостик к командиру корабля. А там – жизнь кипит. Что-то снимается, что-то передается. Команды одним, распоряжения другим, донесения в эскадру. Командир – это та ось, вокруг которой крутится вся эта боевая подготовка и служба. Кроме, естественно, замполита. Он то думает, он тоже умеет думать, что он ось, и что все крутится вокруг него. Блаженный, что возьмешь.

И, прерывая весь ход событий, зам выкладывает этот криминал командиру: и с кем он провел беседу, и какие оргвыводы нужно сделать.

И это все тогда, когда стопорится носовая машина, сигнальщики не увидели новую цель, радиометристы не произвели вовремя доклад, корабль противника увеличивал ход, прекратилась подача пара на камбуз и срывается обед, отчего-то обесточен левый борт. И так дел неprovорот и командир, как Зевс, изрыгает на всех молнии... и тут еще этот небритый матрос. Послать бы с превеликим удовольствием этого замполита на

«переделку» к матери или еще куда подальше, но нельзя. И у тебя, командир, партбилет и твоя карьера тоже зависит от этого недоумка, этого членососа.

И вот замирает жизнь на ГКП (главный командный пункт).

Уже командиру не до пара и не до электриков. Только бы не упустить противника. Внимательно выслушивая этот «понос», отдаются нервные команды на руль и в машину.

Наконец, все это командиру надоедает, а показать нельзя. Отдается команда вахтенному офицеру: «Старпома ко мне!». А старпом только сорок минут назад передал управление кораблем командиру и пошел покемарить.

Но какой может быть сон, если матрос не брит!

- Старпом! Займитесь боевой частью (и называется цифра). Там у них конь не валялся.

И пошло, и поехало.

Злой, даже очень, что его разбудили, старпом строит боевую часть и полчаса объясняет нерадивому личному составу, приукрасив свою речь всеми имеемыми и не имеемыми матерными выражениями, что такое воинская служба.

Наконец запал выпущен.

Еще пятнадцатиминутная накачка офицеров и мичманов.

Уж если встал, нужно обойти корабль, проверить, как несется служба в других БЧ, как организована приборка, не спит ли, ненароком, врач... и вот уже надо идти менять командира.

А «черный» замполит, сытно пообедав, а если вдруг продолжит сосать под ложечкой, вызовет продовольственника и тот принесет в каюту дефицита, ложится в люлю и спит, пока не проснется, а проснувшись, снова идет на охоту.

Спи, спи, мой дорогой, вечно спи.

УЛЫБКА ИУДЫ

Меня всегда поражал никогда не улыбающийся рот замполита. То ли это паранормальное явление природы, то ли при выпуске из училища методом зомбирования убирают это, одно из чудеснейших проявления человечества – улыбку.

Они ходят, как будто только что ебнули под одеялом (чтоб, не дай Бог, никто не увидел) рюмочку уксуса. А на шару для них и уксус мармеладом кажется.

Губки – как куриная задница. Если что-то и перданет ими, так это лозунг к первомайской демонстрации, взятый из газеты «Правда».

Фуражка вечно скосеблена на левый бок, чтоб мыслям светлым не мешать.

И все, что сделали в жизни, - написали три письма матери, законспектировали «Капитал» Карла Маркса и выступили, блистая красноречием, на партсобрании.

Ну почему природа берет на такую работу уебков? Или эти особи не нужны природе и она отвергает их от себя? Или это люди тьмы?

В рассказах А.М.Покровского почти все замы какие-то убогие и безрогие существа. Целуй их в грязный пупок и радуйся.

Может это специальная селекция замов – подводников?

На надводных кораблях это монстры. И все козлы! Тут они как личинки в говне. И никому не дают слово сказать, ибо ОНИ всегда правы! И неправыми ОНИ быть не могут. И старпомы ходят у них в пасынках. ОНИ мысль, а мысль только у НИХ. А старпом может у них и эксцентриком, и клоуном на дроте послужить.

ОНИ никогда не моются с офицерами, а тем более с мичманами. У них залупа по другому устроена, дырка с боку и глянец не тот, не как у людей.

Обычно это бывает так. Выспавшись за день до отрыжки, они ДУМАЮТ:

- Что бы еще сегодня полезного сделать? А не помыться ли?

По телефону набирается ПЭЖ (пост энергетики и живучести).

- Это зам. Кто на вахте?

- Старший лейтенант Винокуров.

- Винокуров! На душ подай горячую воду.

Никто обычно не противоречит и, по команде «Есть!», подается вода.

Но здесь все иначе и от Винокурова может прозвучать следующее:

- Товарищ капитан – лейтенант! Воды на корабле мало.

Вот тут-то и начинается истерика. Куда это вы, суки, воду дели? Замполит не помыт, а экипаж чай пьет?

- Командира БЧ-5 ко мне!

И потекла политработа, полилась политбеседа.

В конце концов, на пять минут, а там, где пять, там и двадцать, включают ему воду. И это многочисленное животное смывает с себя тоску.

И рождаются у него новые, грандиозные планы о пополнении домашней библиотеки за счет нового корабельного фонда, списывая его томами классиков марксизма – ленинизма, обеспечение семьи продуктами питания из корабельной провизионки и краской для ремонта из боцманской кладовой. И все это делается с очень серьезным лицом, выражающим непримиримую ненависть к империализму.

У нас на эсминце, как спускаться в четвертый кубрик, была раздвижная дверь, ведущая в офицерский коридор. А находилась она, в

аккурат, напротив замовской каюты. Так он ее на замок приказал закрыть. Мешала она ему своим скрипом думать и спать. А вот на аварийный выход ему было глубоко насрать. И вся эта борьба за живучесть, удел других, а дело зама – вовремя проинформировать высокое начальство о том, что сделано на корабле под его руководством, решить семейные и квартирные вопросы, и с чистой совестью на берег сойти.

Так что замы были на надводных кораблях чисто звери.

Ну а если уж вдруг нервным тиком скосебило рот замполита, - знай, пришел твой пиздец. Если не заебет, то задергает насмерть.

Бойся этой улыбки Иуды.

Замполит хорош в двух случаях: либо когда он спит, а еще лучше – когда он мертв.

МАНДОВОШКИ

Секретарь комсомольской организации эскадренного миноносца «Благородный» лейтенант Басов был тих и незаметен, чем вызывал частые недовольства у замполита.

Заму что нужно?

Информация.

А если ее нет, - нет и партийно-политической работы.

А нет глубокого проникновения в массы, нет и никакой боевой подготовки.

Разве можно с отличной оценкой выполнять стрельбы или ставить мины, не зная исторических значений съездов КПСС?

Нет! И еще раз нет!

Ну а Басов слабо работал с народом, отчего их головы были забиты не цитатами Брежнева и Ленина, а анекдотами про Чапаева и Анку с матерными словами.

А это антипартийно.

И вдруг Басов заболел. День лежит, второй, третий.

Ну лежит и лежит, не обращается. Что лезть в душу?

И вдруг замовскую голову осенили думы о подчиненном.

- Доктор, что там с Басовым?

- Сейчас выясню, товарищ капитан – лейтенант.

- Не я вам должен об этом говорить, а вы мне. Что не ясно?

Спорить бессмысленно.

Иду в каюту к комсомольцу.

Тот лежит, накрытый шинелью.

Температура тридцать восемь и четыре.

ОРЗ!

Пишу диагноз в медкнижку, выписываю продовольственный аттестат и направляю его в госпиталь.

Спустя какое-то время высшее медицинское начальство стало ко мне сексуально домогаться. То один дрюкнет, то другой, а то и хуже.

Что случилось?

Оказалось, что доктор Финогеев неправильно поставил диагноз, не осмотрел больного перед отправкой в лечебное отделение, как того требуют законы пропедевтики внутренних болезней, а доверился словам больного.

Этот проклятый Басов хватанул где-то на берегу мандовошек и нет, чтобы сказать об этом доктору (он бы, конечно, содрал с него бутылку, но тайну-то сохранил), этот недоумок с идеями утопизма проник в светлую душу санинструктора и выпросил у того серно – ртутную мазь. Намазал себя ею, как не жалко, и получил серьезное отравление ртутью.

Не знаю, скончались ли от нее мандовошки, но вот я до конца года был у всех на языке. Правда, надо отдать им должное, политработники и

словом не обмолвились, ведь, пусть и паршивый, но их собрат заболел «неприличной» болезнью.

Прошел год и все забылось.

Но вот я еще помню протекшее сквозь пальцы дармовое «шило».

БОЕВОЙ ЛИСТОК

Одним из видов партийно-политической работы является наглядная агитация.

Здесь тоже десятки всяких прибамбасов: и стенгазеты, и плакаты, и лозунги, и боевые листки, и еще что-то, о чем не слышал вообще.

Это один способ угнетения и закабаления замами командиров боевых частей.

Ведь что для зама главное, - разобщить офицеров, поссорить их, разбить на удельные княжества, то есть принцип: «Разделяй и властвуй» для них является обязательным атрибутом в их профессиональной карьере.

Чем лучше этот принцип работает, тем быстрее зам движется по служебной лестнице.

Боевой листок.

Для тех, кто далек от флота, как я от космоса, хочу объяснить, что он представляет собой лист бумаги в четверть газетного листка, сверху которого написано: «Боевой листок», нарисованы силуэты солдата, летчика, моряка и что-то типа танка, самолета и корабля.

Вроде бы не солгал.

В начале учебного года в группах и командах избираются, я еще раз подчеркиваю, избираются, редакторы Боевых листков. Они закрепляются приказом по кораблю.

Чувствуете, как серьезно?

Редакторы... Приказом...

И вот – цирк начинается. Точнее, не уезжая, продолжается.

Контроль за всем возлагается, естественно, на командира боевой части.

Ну не зам же и его сателлит, секретарь комсомольской организации, будут это делать?

Они проверят и накажут нерадивых.

Естественно, что редактор, - это молодой моряк. Не будет же «годок» писать всякую херню.

А в службах и командах это, обычно, какой-то представитель многонациональной Средней Азии, плохо владеющий русским языком.

Как часто надо было выпускать этот Боевой листок, я, честно, что-то подзабыл, но раз в месяц – точно, плюс к великим праздникам и по случаю выполнения кораблем боевых задач и, естественно, к началу нового учебного года и завершению старого.

То есть, грубо, в год получалось таких листков должно быть не менее двадцати.

Моряку этот листок, по большому счету, и не нужен. Творческие дарования на флоте и в армии не служат. Они к восемнадцати годам становятся калеками и добрые дяди из военкоматов их признают не годными. Кому юродивый нужен? С ним все мучаться будут. Пусть уж на гражданке поживет маленько, да сам и помрет.

Но это тело, вдруг, на вольных хлебах, резко поправляется, а... имея на руках «волчий билет», уже никак не может попасть в армию. И от этого вынужденно «страдает» всю жизнь, расшатывая свою, и без того расшатавшуюся, нервную систему.

И так, цепь событий от идеи к творческому завершению идет по следующему сценарию.

Заместитель вызывает к себе первого комсомольца.

Он его слегка «дрючит». Но это носит, в первую очередь, воспитательный характер.

Вы видели, как кошка дрессирует своих котят?

К первой мыши она никого не подпускает. Рычит и бьет нахальных по морде. Затем с аппетитом съедает ее.

Вторую отдает котенку и следит, как он себя с ней ведет. И если плохо, то тот снова получает тумака и лишается деликатеса.

Вот так, приблизительно, и здесь.

Решая какие-то важные для корабля проблемы, не важных проблем у них нет, зам морщит череп и поднимает очень актуальный вопрос:

- А что с Боевым листком?

Это удар ниже пояса.

Комсомолец краснеет. Пишет «умную» мысль в блокнот.

Вызывается комсомольский актив. Это уже моряки повзрослее, поопытнее.

С ними секретарь комсомольской организации не жует сопли. Он на коне! Он лидер!

- И последнее, - резюмирует секретарь, - завтра в кубриках должны висеть Боевые листки. Тема: «Мой корабль – мой дом».

Ропот в народе не находит отклика.

Актив расходится по кубрикам. Везде разговор приблизительно одинаков.

- Душара, бля, иди сюда! Завтра чтобы висел Боевой листок. Вот тема, - он сует ему бумажку.

Редактор лепечет, что ему еще красить в трюме, стирать рабочее платье, заступать на вахту, делать приборку и еще тысячу чего-то, что положено делать молодому.

- Меня это... - и активист доходчиво, с помощью флотского сленга, объясняет обалдевшему моряку, как это все его не колышет.

В придачу редактору дается агитатор, который тоже выбран коллективом и утвержден приказом и который слабо представляет, что и кого должен агитировать.

И вот, два задроченных службой моряка, абсолютно не представляющих себе, как корабль может быть домом, в творческих муках рожают небылицу. Фантазия не выходит дальше переборки кубрика.

Но к пяти утра листок все же висит на переборке.

Час, оставшийся для сна, пролетает секундой. Сон настолько глубок, что команда: «Подъем!» творческой молодежью не слышен.

Никого абсолютно не интересует этот Боевой листок. О нем уже и забыли. А редактор и агитатор получают свой заслуженный подзатыльник.

Хуже всех, естественно, представителю среднеазиатской пустыни. Он далек от понимания не только, что такое корабль, но и слабо представляет, что такое дом.

Мысль, не пробив черепной коробки, гаснет, и голова гулко падает на листок, лежащий на столе.

Слюна, вытекающая изо рта, чертит свои фантазии на бумаге.

Утром комсомольский активист сильно гневается, а сын пустыни ищет пятый угол и завидует мертвым.

Часов в десять секретарь комсомольской организации корабля обходит кубрики. Цель – наличие Боевых листков. Именно наличие, а не содержание, потому что этот бред, вообще, никто и никогда не читает. Главное, чтобы стояла сегодняшняя дата.

И вот – кубрик №3. Кубрик службы снабжения.

Боевого листка нет.

Сразу к заму.

По кораблю звучит команда: «Помощнику командира корабля по снабжению прибыть в каюту заместителя командира корабля по политической части».

Помощник, ничего не подозревая, входит в каюту.

Сорок минут ему объясняют, что такое Советская власть и что теперь с ней будет после того, как в его подразделении даже конь не валялся.

С разорванным очком помощник несется в рубку дежурного:

- Службе снабжения построиться, шкафут, правый борт!

Пятьдесят семь минут помощник, вспоминая русскую мать и тыча виртуальным членом во все виртуальные дырки личного состава, объясняет до хрипоты своему многонациональному личному составу сложившееся взрывоопасное положение на земном шаре.

Обалдевший от этого и осознавший всю нестабильность политической обстановки, личный состав, с криками «Банзай!», проводит разъяснительную работу с редактором, агитатором и активом.

Актив, понимая, что если через тридцать минут не будет Боевого листка, разразится третья мировая война, диктует брату по оружию о доме и о корабле

Через час пошли доклады.

Всё и все успокоились.

Политработа временно прекратилась.

ШТУРМАН

Штурман Коля был человеком особым, хотя и не очень многогранным. Женился он много раз (некоммунистам это позволялось).

И всегда женился на женщинах с ребенком. Сердцу, конечно, не прикажешь.

Второе, и обязательное его правило, - в Новогоднюю ночь предпочитал переспать с новой женщиной, что, естественно, служило поводом разлада в семье, а порой и очередным разводом.

Третье – он был немногословен, но и не замкнут.

Четвертое – он курил самые дешевые сигареты и предпочитал шмурдак хорошим спиртным напиткам. Ну а спирт в счет не входил. Он его просто обожал.

Ну и пятое – у него просто жутко пахли ноги. То ли это мать–природа... То ли его иксобразные ноги глубоко вросли в задницу.... Но запах был такой жуткий, что вызывал рвотный рефлекс. Он не гасился ничем. Единственный способ освобождения от него – это надо было отрубить ему эти самые ноги по самое немогу.

Как-то он пришел к новой женщине.

Сидят они за столом и, как водится, что-то пьют, чтобы быстрее подойти к традиционному сексу. Она и говорит ему:

- А вы, наверное, Коля, не женаты?

- Нет. А почему вы спросили?

Боже, на «вы» перед предстоящей оргией со стонами и частыми вздохами. Советский ренессанс.

- Просто у вас пахнут ноги.

Ей, естественно, хотелось добавить слово «очень», но, вспомнив о девической скромности, она это опустила.

Коля при этом краснел. От этой привычки он не смог избавиться никогда.

Так он и шел по жизни от женщины к женщине с вонючими ногами.

А куда их девать? Не отрубить же! И за порогом их не оставишь.

ХВОРОБА

Саша Пушкин, командир ГУАО (группа управления артиллерийским огнём) любил болеть. Не потому, что он не любил службу, а просто сам процесс похода в поликлинику был им возведён в ритуал.

Он тщательно брился, гладился и взяв медицинскую книжку под мышку с записью врача об очередной консультации очередным специалистом, самодовольно шёл к сходне. Но ему часто дико не везло. Его всегда кто-нибудь из начальников встречал на юте.

- Пушкин! Вы куда?

- В поликлинику.

- Что случилось?

- Да вот ...

И Саша рассказывал о симптомах, поселившихся в его истерзанном организме.

- Вам дробь сходу.

- Почему? Меня доктор направил.

- Вам «добро» болеть на корабле.

И Шурик с проклятьями шёл в каюту. Но прежде он заходил к врачу, будил его (это происходило всегда в послеобеденное время) и, закуривая сигарету, отчего спать было уже невозможно, начинал рассказывать, какие все мудаки и сволочи.

Вылив желчь и лишив доктора сна, он шёл к себе, раздевался и мирно засыпал.

А когда наступал вечер, все его болезненные симптомы исчезали, и он шёл на сход. Но берег он не любил и всегда ждал, когда же мы снова уйдём в море на боевую службу.

И вся его болезненность в море исчезала сама по себе.

ИСКОПАЕМЫЕ

Трудно представить человека, который бы с удовольствием шел в море на боевую службу.

Море – это бесконечные лишения, тяжелый ратный труд, отрыв от всех прелестей жизни и непрерывная служба. Служба до умопомрачения, до тошноты.

Море для гражданских моряков – это способ зарабатывания больших денег, а уже это компенсирует многое. К тому же здесь почти нет бесправия. И это немаловажно. А наличие особей другого пола позволяет периодически попарить конец и спускать пары.

На военном же флоте психо-эмоциональной разгрузкой служат душещипательные беседы с замполитом да красочные фантазии ононизма.

Саша Пушкин любил боевую службу, длительный отрыв от главной базы, шторма. В этом он находил свое упоение.

В базе что?

В базе для него была полная тоска. Там раз в неделю дежурство по кораблю, причем каждое дежурство Сашу за что-либо снимали и он заступал по новой. И самое счастливое время – это когда он передавал повязку новому дежурному и они шли на доклад к старшему помощнику.

Подчиненный личный состав требовал к себе постоянного и пристального внимания. Если ему его не давали, он начинал нарушать Устав и воинскую дисциплину. Ну а так как Саша не любил свой личный состав, то имел от него постоянно одни проблемы. За это Пушкина дрючили все, от командира боевой части и кончая замполитом.

И это тоже не повышало настроения.

А бумага?

Она же просто съедала бедного Сашу. Планы, учения, летучки, политзанятия, тактическая подготовка, самоподготовка, журналы боевой подготовки и сотни еще никому не нужной макулатуры. Бумаг ради бумаг, без которых сход на берег будет запрещен.

А зачем стоять в базе, если не пускают на берег? Жизнь теряет всякий смысл.

А вот в длительном плавании Пушкин расцветал.

Весь личный состав расписан по постам, несет вахту. Все заняты, шалить некогда. Да и у самого не жизнь, а рай – отстоял вахтенным офицером четыре часа, а следующая вахта аж через шестнадцать часов. И поспать можно, и отдохнуть, и «шила» выпить.

А бумага?

Кому она нужна в море? И без нее корабль хорошо идет. Вот в базу придем и все напишем.

Есть ли моряки, которые не любят берег?

Есть!

Только встречаются редко, как ископаемые.

ПОКЛОННИК БАХУСА

Саша Пушкин любил выпить.

Но пил не до скотообразного состояния.

В питье видел он своеобразную прелесть, красоту. При этом всегда смаковал. А чутье на выпивку у него было огромное, просто звериное.

Соберутся, офицеры в каюте, тихо сидят, чтоб начальство не услышало и вдруг:

- Тук, тук, тук...

- Пушкин пришел. Ну его на ...

А Саша выводит свою трель.

Этот стук может продолжаться и пять, и десять минут, пока не откроют дверь.

- Докторинчик, открой. Я знаю, что ты здесь.

Приходится открывать. Каюта замполита рядом. А это опасно.

Он входит с улыбкой во все лицо.

- Заебениваете?

- Тихо, Шура. Зам услышит.

Он весело рыкаяще смеется, наливает «шила», выпивает и закуривает.

Общество вынужденно мириться с этим новым нахлебником и трапеза продолжается.

И где бы не собирались офицеры, их тут же вычислял Саша.

Однажды он жутко был обижен. Это была, наверное, его единственная обида на весь мир.

Сидим, как-то, мы в каюте Юры Винокурова, играем в шеш-беш и, как водится, пьем «шило», ведя непринужденную беседу. И снова знакомый до боли, до ненависти стук. На сей раз не открывали долго. Но прежде чем открыть каюту, Винокуров прячет «шило» и вместо нее ставит бутылку с водой.

Входит Саша, глаза блестят. Он подходит к умывальнику, видит бутылку, и радостное благодушие переполняет его душу. Пушкин наливает содержимое бутылки в стакан, слегка разбавляет водой и на выдохе выпивает. Секундное замешательство, лицо резко краснеет, брови собираются у переносицы и, изрыгая нецензурные проклятия, он собирается покинуть это недостойное общество.

Юра молча достает подлинник и ставит его на стол.

Лицо Саши резко преображается и снова улыбка украшает его лицо. Но он осторожен. Сначала нюхает содержимое и, убедившись, что это не обман, становится прежним, - мягким и доступным.

При нахождении корабля в иностранном порту, каждый офицер выводит в город пятерку моряков. Ну и чтобы никто не позволил себе выкинуть на берегу, на глазах у иностранцев, что-нибудь наше, эдакое, в каждой пятерке есть «шестерка». Списки эти готовятся заранее замполитом и особистом.

И вот корабль в югославском порту Дубровник.

Осмотрев достопримечательности, мы с Пушкиным решаем заглянуть в маленький ресторанчик. Попросив кого-то посмотреть за нашими подопечными, заходим в него. За столиком сидят 3-4 посетителя и, мило беседуя, пьют из «наперстков» бренди. Так они могут сидеть и час, и два.

Подойдя к стойке бара, просим налить бренди и нам. Бармен берет два таких же малюсеньких стаканчика, но Саша, остановив его пальцем, просит налить ему в большой, двухсотграммовый стакан. Бармен наливает и с любопытством смотрит на Пушкина.

За столом разговор замолкает, и взоры обращаются в нашу сторону.

Оттопырив мизинец, Саша торжественно поднимает стакан и с достоинством выпивает.

Бармен, ошалев от увиденного, быстро набирает в стакан минеральной воды и подает ему.

Шурик делает останавливающий жест и достает деньги.

В зале раздаются хлопки одобрения и восхищения. Бармен показывает, что денег не надо. Это за его счет.

Пушкин благодарит по-английски и мы уходим.

Настроение Александра приподнято демонстрацией мощи советского моряка.

Саша пил не только «шило», но и все его суррогаты.

В далеком Крондштате, куда мы попали, обогнув матушку Европу, его страстью и новой любовью был портвейн. Он пил его в огромном количестве.

Однажды, поздним вечером, я увидел знакомую тень у проходной завода.

- Докторинчик, – проревел Пушкин, - взял сейчас на грудь восьмисоточку! – и он весело рыкаяще засмеялся.

С одной стороны здорово, что боги Олимпа придумали веселящий напиток, но никогда нельзя быть его рабом. Мозг должен всегда трезво и четко мыслить, даже находясь в пьяном состоянии. Ибо, от веселящего рая до падения в ад, всего один шаг. И не дай Бог никому его сделать.

Саша был любителем. Им он, слава Богу, и остался.

А ГДЕ ПАПА?

Малые дети до того привыкают, что их папа постоянно на службе, что присутствие отца в доме никак ими не воспринимается.

Мы с женой пришли в гости к моему лучшему другу, Саше Пушкину. Они снимали квартиру в Кронштадте.

Когда наши семьи вместе, у нас нет закрытых тем. Рот не закрывается ни у одних, ни у других ни на минуту. Совместная служба сделала нас и наши семьи больше, чем родные.

Мы сидим за столом. Дочь на руках у Светы, жены Саши, а сын у него на руках.

- А где у Бори носик? – спрашивала Света.

Он тыкал пальцем в нос.

- А где ушки?

Он показывал.

- А где Юля?

Палей направляется на сестру.

Боре было чуть больше года, и он уже ходил самостоятельно.

- Боря, а где папа?

Борюсик слезает с Сашиных колен, подходит к двери и, показывая на неё пальцем, укает, мол, папа там, на работе. Всем весело, все смеются. Но это грустный смех, ибо ребёнок не видит в отце отца. А должен! Обязан!

Ведь в ВМС США, в какой бы порт не зашёл корабль, туда может вылететь семья офицера. И для неё будет заказана гостиница. И всё это за счёт министерства Военно-морских сил. И только Коммунистическая партия Советского Союза, ратуя о соблюдении всеми гражданами СССР морального кодекса строителя коммунизма узаконивало блядство, беспутство и пьянство, ибо чем может заняться этот строитель, когда его семья в другом городе, квартиры нет, да и супружеских обязанностей соблюдать не с кем.

Вот и воспринимают дети своего родителя не больше и не меньше, как предмет мебели.

ДОБРОТА ХУЖЕ ВОРОВСТВА

Без общения с землёй моряк не представляет своего существования. Во-первых, сам сход с «коробки» - это уже психоэмоциональная разгрузка. Во-вторых, соприкосновение со свободой, несёт в себе множество приятных ощущений, как то женщины, горячительные напитки, и вообще, просто пройти по материковой части для моряка верх всякого наслаждения.

Корабль пришвартовался к «стенке» поздним вечером. Ну какой дурак будет сидеть на корабле, если у него есть заслуженный сход на берег? Время приближалось к полуночи, когда два артиллериста Саша Пушкин, Вася Старухин и доктор сошли на берег. Поднявшись с Минной стенки наверх, зашли в ресторан «Приморский». Но ... буфет уже был закрыт, касса сдана и получив от ворот поворот, они зашагали по направлению к Графской пристани. Лёгкий ветер с моря пьянил душу, которая жаждала подвига. Город буд-то вымер. «Развод» по ресторанам произошёл и вновь образовавшиеся пары разбрелись по квартирам для взаимного удовлетворения. И вот, среди этого, казалось бы, благодушия, Саша, как бы невзначай, обронил фразу:

- А у меня в дипломате чекушка «шила». Хряпнуть бы.

- А где? – спросил Старухин.

- Пошли в туалет на Графской, - предложил доктор.

Предложение одобрили. И шаг стал шире. И настроение повышалось с каждым этим шагом.

Вот и туалет.

- А из чего пить?

- Из горла.

- Я из горла пить не могу, - заканючил доктор.

- Не пей, - Пушкин по-доброму улыбнулся.

Все же бутылка пошла по кругу. Доктор действительно пил как последняя скотина. Вначале набирал в рот из крана воды, потом вливал в него спирт, глотал, дико морщился и снова в изобилии запивал водой. Зрелище было ужасающее. Остальные делали это профессионально. Но тут в туалет вошли два курсанта, идущих с увольнения. То ли начинающий действовать хмель, то ли воспоминания о потерянных юных годах сделали начмеда сказочно добрым.

- Ребята! Хотите выпить?

Им бы не мешало отказаться, но они как-то сразу дружно согласились. И щедрая рука доктора протянула им этот божественный напиток. Первый отхлебнул глоток и передал бутылку второму. «Шила» оставалось грамм двести. Он сунул бутылку в рот, запрокинул голову и вылил в себя все оставшееся содержимое. Сказав «спасибо», они побежали на катер.

Все онемели, и только доктор восторгался юными дарованиями.

Тупо смотря на пустую тару, Пушкина наконец, прорвало:

- Докторинчик! С тобой вечно влезешь в какую-то задницу. На хер тебе сдались те курсанты? Вот что мы теперь будем пить? Я ещё думал настоять спирт на ореховых корочках, а потом дома с тобой его выпить.

Мы вышли из туалета.

Тот же легкий бриз колыхал листья каштанов. Вася поехал на Остряки, а два закадычных друга, доктор и Пушкин, поехали на проспект Лётчиков, где один снимал квартиру, а другой жил у тёщи.

Всю дорогу на доктора лились проклятья, его мешали с дерьмом и грязью, а он виновато молчал.

И только после клятвенного обещания, что завтра Саше будет возмещена потеря, он успокоился.

И всё равно, нет-нет, да и вспоминал он тихим и не совсем добрым словом, наглых курсантов и сермяжную простоту доктора.

АЛХИМИКИ ДРУЖБЫ

Перед заходом в каждый иностранный порт заранее готовится культурная программа. На корабль сажают флотский вокально-инструментальный ансамбль или оркестр, обновляются стенды, отражающие славный боевой путь, закупаются сувениры, значки и,

обязательно, водка. Именно она сближает народы, скрепляет интернациональную дружбу, развязывает языки.

Как же без нее, родимой?

В этот раз что-то с водкой произошло. То ли зам ее выкрал, то ли случайно «забыл» в базе, но... заходя в порт Тунис корабль был явно не готов. Нечем встречать гостей!

Русское гостеприимство рассеивается как миф.

За трое суток до захода замполит прозрел.

Он забрал у старпома все «шило», в санчасти глюкозу, заставил сварить сахарный сироп, принести из машины дистиллированную воду и начал экспериментировать.

Занимаясь алхимией и смешивая все в разных пропорциях, он к вечеру со своими единомышленниками был в сильном подпитии.

Но это не относилось к разряду пьянки. Это была политическая работа. А каким образом она делается и из чего, - это уже не важно. Главное, чтобы честь первого в мире социалистического государства была не посрамлена.

Проснувшись часов в десять утра, он вызвал меня.

- Доктор! На, попробуй, - он налил мне из бутылки. – Чего здесь не хватает? Можно это ставить на стол иностранным гостям?

Я выпил.

Надо отдать должное, напиток был не дурен.

Жуя, на шару, сухую колбасу, я многозначительно заметил:

- В принципе ничего, хорошо. Предлагаю придать напитку загадочность. Давайте в бутылку добавим капелек пять настойки эвкалипта. Это придаст и аромат, и затушует запах резиновой пробки.

Предложение понравилось.

Я принес два флакона настойки и пипетку.

Добавив в бутылку волшебные капли, мы снова попробовали эликсир дружбы. Вкус изменился.

Зам остался доволен и как всегда, естественно, собой. Выпив еще по стаканчику, я пошел к себе в каюту.

На обеде замполита не было. Видимо вкус и качество проверялись еще не единожды.

Заход в Тунис прошел на отлично. Вечер дружбы – на «Ура!».

Подделки после третьей рюмки никто не заметил.

ОРЕЛ И РЕШКА

Советский моряк за границей шалее. Для этого несколько причин.

Во-первых.

Пребывание моряка на земле, - это уже счастье.

Во- вторых.

Мы представители великого государства и на нас местное население смотрит совершенно иными глазами, а это ко многому обязывает. И не хочется ударить в грязь лицом.

В третьих.

Если эту землю твои соотечественники видят только по телевизору, то ты по ней ходишь, ты ее видишь и можешь, даже, потрогать руками.

В четвертых.

Если для девяноста процентов населения Советского Союза заграница закрыта «железным занавесом», то для тебя открыта какая-то щелка.

И когда в глубинке ты скажешь, что был, к примеру, в Сирии, а для них Сирия дальше, чем Луна, то становишься полубогом.

Это все равно, что видел Ленина, а с Марксом пил пиво.

Ну и последнее. И, наверное, самое главное. Для нашего человека, забитого идеями светлого будущего и грандиозными решениями съездов КПСС, вытирающего задницу газетными листами с фотографиями руководителей партии и правительства, видевшего бутылочное пиво не чаще, чем солнечное затмение и считавшего себя самым счастливым человеком в мире, пребывание за границей, где всего много, где всё не наше и где всё есть, представлялось нам раем, сказкой, читаемой нам в детстве.

Конечно, в такой ситуации, где глаза разбегаются и ты теряешь рассудок от увиденного количества товаров в магазинах, в которых нет очередей и где, буквально, всё есть, можно сравнить только с экскурсией по Эрмитажу и Третьяковской галерее.

Все, что запоминается, что откладывается в хранилище мозга, - это путь от корабля к супермаркету и обратно. Ну и, естественно, нахождение в нем. Это, собственно говоря, вся культурная программа.

В течение десяти суток ты ходишь с моряками одним и тем же маршрутом, по одной и той же дороге. Скучное денежное содержание, выдаваемое в порту, не позволяет широко шагнуть. Поэтому все по стандарту: себе сигареты, пиво или бренди, детям жвачку, жене платья, кофточки и парфюмерию.

Так поступают и остальные.

Отчего все наши жены, выглядят, как сиамские близнецы или девочки из детдома: в одинаковых платьях, туфлях и, даже, одинаково пахнущих.

Хорошо, что у всех кораблей разные порты захода, а то бы Севастополь выглядел как-то нелепо.

Мир, выкрашенный одной краской, сводит с ума.

ЖИЗНЬ В ПАРАДОКСАХ И РЕАЛИЯХ

Вся наша жизнь состоит из традиций и примет.

Первая и самая незыблимая традиция нашего народа – это чтобы ты не сделал: родил ребенка, посадил дерево или построил дом и, даже удачно, купил коробку спичек, - надо обмыть.

За этим стоят века. Это уже в крови у каждого из нас.

Вторая, более древняя, чем первая – украсть. А крадется у нас все, от гвоздя до сопла от самолета.

И вроде бы не нужно это в доме. Но пусть лежит. А вдруг...

Если ты в жизни ничего не украл, значит прожил ее зря. И ты – белое пятно на теле общества. И общество над тобой смеется. Потому как живешь смешно, не по-людски.

Перебежала кошка дорогу – плюнуть три раза через левое плечо.

Навстречу женщина с пустым ведром, - развернуться и пойти другой дорогой.

На удачу – постучать по дереву три раза, держать фигу в кармане, спиной войти в помещение.

Успешно экзамены сдать – положить под пятку пять копеек.

Чтоб злых духов из новой квартиры выгнать, жить в ней счастливо, без бед и весело – кошку надо вперед пустить.

Да жить будешь так же! От зарплаты до зарплаты!

А вдруг? Осеменяться будешь, как Даная, золотым дождем, жрать со скатерти-самобранки, летать на ковре-самолете, а деньги брать из волшебного кошелька...

А не пустишь кошку, будет все вверх тормашками, всю жизнь себя проклинять станешь.

И пошло, и поехало.

Чем дальше в лес, тем жирнее партизаны.

Зубов бояться, в рот не давать.

Бросил дело, пей смело.

И таких примет и традиций – миллиард.

Главное, что все это действует. А если не получилось, значит, что-то не так сделал. Не доплюнул или не довертел.

Флот, плоть от плоти народа, взял от него все, что тот накопил, особенно две первые, - выпить и украсть. И добавил еще свое.

Ну, чтоб как у людей.

У них есть и у нас.

Чтоб стать настоящим моряком, при первом же выходе в море тебе дадут выпить плафон забортной воды.

Уходит из базы корабль на боевую службу, непременно нужно отсалютовать.

Это касается, в первую очередь, паросиловых кораблей.

При выходе из базы, в котельном отделении матросы закрывают на несколько секунд заслонку, а потом резко открывают. Столб дыма из трубы обеспечен. Это повторяется неоднократно, что вызывает естественный гнев командира, которого воспитывают дежурные штаба бригады, дивизии, а иногда и флота. А он уже спускает пары на командира БЧ-5.

Дальше все идет по нисходящей.

Пока корабль не пройдет боновые ворота и не выйдет в море, «салюты» будут повторяться с завидной чередой.

Есть еще десятки военных прибабасов, которые, непременно, «улучшают» и качество службы, и держат корабль на плаву.

И пусть всех этих традиций и примет будет гораздо больше, лишь бы корабли не тонули и не гиб личный состав.

КРОВАВАЯ КАРЬЕРА

Витя Вольф, наш заместитель командира одиннадцатого взвода в академии, славный представитель этнических немцев Тюмени.

До поступления в Военно-медицинскую академию служил где-то в морской части Москвы, получил там сержанта, а уже в академии стал «настоящим» моряком и звание изменил на старшину первой статьи.

Ничем он особо не отличался. Был мышью серой. Начальству не досаждал и в командирах числился.

Получив лейтенанта, послали его защищать северные рубежи нашей необъятной Отчизны.

Но не дали коммунисту Вольфу атомную подводную лодку, а засунули на дизельную. Видимо национальность настораживала кадровые и политические органы. Да и славные продолжатели дела Дзержинского тоже были начеку.

И служил на ней Витя, не вникая, лет семь. Потом лодка перешла с севера на юг вокруг матушки Европы и оказалась в Севастополе.

Передали лодку, за ненадобностью, на Черноморский флот. На севере превалировал атомный подводный флот.

Увидел я Витю сразу после швартовки и в начале даже не узнал его. Это было грязное, худое, бледное существо.

Передо мной скулил о преимуществах подводного флота не Волк, а Волченоч.

Грех обижать юродивого. Я слушал его с жалостью и отцовской нежностью.

- Ну что, Витек! Пойдем ко мне на пароход, я тебе налью за храбрость, мужество и переход.

- Нет, что ты! Нам нельзя отлучаться с лодки.

- О, как тебя запугали! Скоро майора получать, а ты ссышь на кусты, думая, что это дуб.

Лодка перешла из Севастополя в Балаклаву и подводник Вольф ушел вместе с ней.

Через год я перевелся в Николаев.

Встретились мы с ним потом года через три. Он уже был начальником станции переливания крови. Загорел. Авитаминоз прошел. Жировая прослойка заметно увеличилась.

Флот сдавал тогда тонны крови.

Но вот Союз распался.

Все поделилось, все зажили своими законами.

Это коснулось и Черноморского флота. Кораблей мало, личного состава тоже.

Беда.

Крови нет. Витю дрючат.

Что делать?

И он находит выход.

Запугав сотрудников и себя, в первую очередь, возможным сокращением, он всех на станции сделал донорами. Каждые полгода Вольф выдавливал из себя и остальных по четыреста миллилитров крови, что в итоге давало дополнительно свыше трех литров этой драгоценной жидкой ткани человеческого организма.

И жизнь спокойнее стала. И служба. И погоны носил, пока яйца не поседали.

Но заметил он это слишком поздно. Раньше заметили другие. В кадрах.

Демобилизовали Витю, но на станции переливания крови оставили.

Кровь-то кто-то должен сдавать!

ТРАГИК

Маленькие, близколежащие глаза, длинный мясистый нос и небольшой рот, делали командира электро-технической группы старшего лейтенанта Кольцова похожим на недоразвитого грифа. А хищное выражение лица и сварливый характер мешали в общении с коллективом.

Он был сам по себе.

Просто сам.

Просто по себе.

Всем-то он был недоволен. Все-то его раздражало. И если он шагал левой ногой, то все ему мешали, шагая правой.

В одном он был велик. Член у него был сантиметров двадцать. Все, в тайне, конечно, ему завидовали, а он этим гордился. Народ звал его за это Концовым.

В те далекие советские времена жена у него начала заниматься бизнесом, тогда это называлось простым словом «спекуляция». Там покупала, здесь продавала.

Закружились денежки.

Весь бизнес, в том числе и спекулятивный, в одиночку не делается. Нужны помощники. А частое пребывание в море мешали росту благосостояния семьи. И задумал Кольцов под «шланга» закосить. А вдруг спишут.

Земля не море. На ней служи и служи в радость.

Боевая служба подходила к середине, когда Володя «занемог». Он стал подкашливать, появилась зябкость в теле. Вечерами на плечи (а было лето) накидывал шинель. Он больше лежал, чем сидел. Ссылаясь на недомогание, перестал заниматься личным составом. Температура в

присутствии врача не поднималась более 36,6, со слов же лжебольного она постоянно держалась на точке 37,2-37,3.

Прошел месяц, два. Состояние больного никак не улучшалось. Лекарства не помогали.

Больные подчиненные всегда раздражают командиров.

Уже и доктор стал плохим от болезни Кольцова.

Наконец командование принимает решение: отправить его для обследования в Севастопольский военно-морской госпиталь.

Переходя на борт гражданского судна, идущего в Союз, Кольцов, собрав в кучу карие глаза, зло улыбнулся в усы.

- Пока, мужики, - буркнул он.

Все дико ему завидовали.

Через шесть месяцев, под звуки «Славянки» корабль пришвартовался к родным берегам. На берегу, среди встречающих, мелькнула фигура Кольцова.

Глубокое обследование умирающего офицера показало, что болезней в его теле не обнаружено. «Пошланговав» еще месяц на боевом корабле он был переведен на ремонтирующийся корабль, в завод.

Мечта идиота сбылась. Он был ближе к земле.

И кто оказался идиотом, он или мы, неизвестно. Наверное все-таки мы, разрезающие носом волну океанских просторов.

Он же имел, стабильно, вечером сход на берег. И здоровье его, естественно, резко восстановилось. Да и бизнес пополз вверх.

Так что не всяк способен играть дурака. Для этого надо быть очень умным. А остальные дураки, думающие, что они умные, были, есть и будут.

Дай им Бог!

РЕЗЬБА ПО ДУБУ

Каждый годок стремится увековечить силуэт родного корабля на своём плече. Для этих целей существует масса приспособлений, начиная от простой иголки с тушью и кончая механическими машинками.

Но и прогресс не стоит на месте. Уже существуют сделанные умельцами трафареты. Шлёп – и готово!

Татуировка на флоте зовётся резьбой по дубу. Безо всякой расшифровки. Просто, резьба и, непременно, по дубу!

И хотя борьба с этим пагубным явлением велась постоянно, хотя всё это находилось, изымалось и выбрасывалось за борт. Его снова делали, прятали и кололи.

Чёрное, да, впрочем, и все остальные моря, в которых ходили советские военные корабли, усеяны этими простыми и модернизированными прибабасами.

Несмотря на все применяемые меры и запреты, каждый годок, тем не менее, имел на плече татуировку.

Так было и так будет, пока есть и будет военный флот!

А флот будет всегда!

И значит, на левом плече, моряк всегда будет уносить с собой на берег частичку своего корабля.

Это одно из проявлений взаимной любви – любви моряка к кораблю и корабля к морякам.

БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Кают-компания на эсминце довольна приличная – для девятнадцати офицеров. Длинный большой стол, зеркало, отображающее каждого входящего героя, телевизор, пианино и пара маленьких столиков.

Когда корабль стоит у стенки, обычно хватает и одного большого стола, чтобы накормить офицеров. В море же накрывается ещё и маленький – для командиров групп.

За большим, конечно, сидеть престижней! Но это право надо заслужить.

За ним набивают своё чрево, прошедшие Крым и Рым, командиры боевых частей. Именно здесь ведутся светские, интеллигентные (от слова «телега») беседы. И с возрастом каждый командир группы неизменно займет тут своё прочное место, за этим престижным столом.

Старший в кают-компании – старпом.

Еще выбирается из числа, естественно, молодых офицеров заведующий кают-компанией, в обязанность которого входит собирать с офицеров деньги и разнообразить меню стола.

Сумел угодить – попал в милость, а это на флоте уже не мало.

Но если же ты плохо выполнил эти обязанности заведующего, тебя могут переизбрать, но и если хорошо – тоже!

Поэтому надо всегда держаться золотой середины, иначе затрахают – либо от удовольствия, либо от злобы!

За большим столом всегда всё в изобилии, всегда всем довольны. За маленьким же, а там питаются обычно 4-5 человек, всегда находятся обделённые – первые сжирают всё, опоздавшим остаётся только роптать на своих прожорливых собратьев.

Однажды, когда за не престижным столом ёмкости с закуской были уже пусты, в кают-компанию вошёл Винокуров – командир машинно-котельной группы. Сев на привычное место, он с “любовью” окинул

уткнувшихся в свои тарелки товарищей, безошибочно определив, у кого положено больше всех, и, наконец, не выдержал:

- Пушкин! Я назначаю тебя старшим за этим столом! А старший у нас будет сидеть в фуражке!

- Угу, – Саша довольно зачавкал и, не отвлекаясь от трапезы, мотнул головой, продолжая уничтожать гору наваленного в тарелку салата.

На том и порешили.

АЛЕКСАНДР-ВТОРОЙ

Частые, можно сказать, челночные рейды земля-море-земля, а чтобы ещё реальнее представить – два месяца на берегу и десять в море, привели к тому, что у нас в семье появился Саша. Для меня это произошло почти незаметно, может быть только слегка ощутимо.

Конечно, резонно возразит читатель, всё это брехня, мол, он что, Ихтиандр – кому нужен такой муж, такой отец? Даже фантасты ближе к истине, чем этот завравшийся доктор. Но факт остаётся фактом.

Осенью 1979 года наш корабль пришёл из Болгарии в славную столицу Черноморского флота – Севастополь. Город встретил нас солнцем, светом и радостными криками родных, вселяя в души моряков ожидание праздника.

После долгих походов и встречи с любимой женой, все происходит как в первый раз. Естественно, слёзы, объятия, поцелуи возле трапа делают своё дело – и я, не в силах совладать с желанием, как ненормальный, волоку ненаглядную к себе в каюту, закрываюсь, и там мы оба уходим в такую нирвану, о которой даже не мечтают монахи тайных монастырей Тибета.

Снова поход.

Снова встреча. И тут становится ясно. У нас будет маленький. Как назовём? Давай – Сашенька? Давай. И снова расставание – Галя в Ленинград, а я опять на корабль и в Средиземку.

Как проходит беременность, всё ли в порядке, когда роды и много всего другого – в поисках ответа на эти вопросы я нигде не мог найти успокоенья.

По кораблю было объявлено:

- Кто первым принесёт весть о том, кто у меня родился, получит бутылку «шила»!

Надо сказать, почту в море нам доставляли в мешках корабли, идущие из Севастополя. И пусть часто они нас собой не баловали, но обязательно, хотя бы раз в месяц благодаря им мы имели весточку от родных и близких.

Обязанности почтальона на нашем корабле исполнял подчинённый Сани Пушкина, ну, а зная Пушкина можно было сказать твёрдо: «Этот мимо себя бутылку не пропустит».

Поэтому он, в тайне ото всех, отстранял подчинённого от выполнения функций почтальона. И сам аккуратно сортировал всю поступившую корреспонденцию, чтобы не дай Бог не пропустить радостную и для него, и для меня весть.

И вот в июне пришла очередная почта.

Пушкин влетает ко мне в каюту. Глаза весело блестят, рыжие усы торчат кверху.

- Докторинчик! Наливай!
- Шура, пошёл в трещину! «Шила» нет!
- Наливай! У ТЕБЯ СЫН РОДИЛСЯ!!!!!!!

Боже!!!

Какое это счастье!!!

Стол накрыт в одну минуту, и праздник начался. Двери не закрываются.

Заходит командир.

- Доктор! Прекрати наливать офицерам. Ни одного трезвого на борту!

- Товарищ командир! Присаживайтесь. У меня сын родился!

- Знаю. Поздравляю! – он выпивает рюмку, – Всё! Прячь всё в сейф, не то заберу у тебя весь спирт. Всем разойтись по своим местам!

Все расходятся, чтобы скоро снова собраться.

Гулянье шло весь день.

Когда мы вернулись в Севастополь на межпоходный ремонт и меня отпустили в Ленинград, Александру-второму было уже три месяца.

Второй раз я увидел сына, когда он уже начал ходить.

Такова судьба отца-моряка, жены со вдовой долей и лишённых отцовской ласки детей...

Шурик был худой, маленький и очень шустрый. В детстве он не обладал даром гениальности.

Посредственный сын посредственных родителей. Обувь всегда носил шиворот-навыворот – левый ботинок на правой ноге, а правый, соответственно, на левой. Заученный стихи он перевирал таким образом, что узнать в услышанном первозданное творение было очень и очень трудно, и автор, если бы слышал его, наверняка корчился в муках.

Его что-то изнутри постоянно двигало. Это движение первоначально выражалось в танцах, потом в акробатике, потом в туризме. И везде он был лидером. К учёбе относился не серьёзно, но не опускался до полного провала.

Что-что, а вот языки, и не зависимо какой – родной или иностранный, давались ему с большим трудом.

В школе он был инициатором всяких выступлений, сценок, представлений. И учителя относились к нему с уважением. Последнее его хобби – это танец хип-хоп, то есть на башке. И здесь он был в числе лучших.

Когда была закончена школа, меня поразило его стремление к дальнейшей учёбе. Практически не зная украинского языка, он выучил наизусть три сочинения и ещё два знал на твёрдую тройку. Он по много часов сидел и писал их, а потом сверял с оригиналом. И дважды, когда на экзаменах он писал сочинение, то получал положительные оценки. Его целеустремлённость вызывала уважение.

И как итог, – три высших образования.

История не раз подтверждала, что люди маленького роста: Ленин, Суворов, Наполеон в своей карьере достигают невиданных высот.

Что ж, Саша, в добрый путь!

И помогай тебе Бог!

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Среди огромного вида подготовок военного моряка одной из важнейших считалась, в те далекие советские времена, марксистско-ленинская подготовка. Если что-то можно было перенести или даже похерить, то политические занятия были святыми. Они проводились всегда и только по понедельникам, хотя понедельник и трудный день. К ним все готовились. И причем очень конкретно.

Журнал «Коммунист Вооруженных сил», подписчиками которого являлись все офицеры и мичманы, имел одну из рубрик «В помощь руководителю политических занятий», где давалась тема для этих самых занятий. Офицер, руководитель этих занятий, добросовестно переписывал с журнала эту тему к себе в тетрадь. А в другую тетрадь, тетрадь для

первоисточников, конспектировались рекомендованные работы Ленина, Маркса и других классиков марксизма – ленинизма. И попробуй-ка это все не напиши.

Умный зам проверит тебя (он ведь, конечно, все это не пишет, он ведь, конечно, все это знает). И если, не дай Бог, ты это не написал, можешь ставить крест на своей карьере, когда в твоей характеристике появится запись: «Политически не грамотен, идеологически не подготовлен».

Но никто тебя за это не уволит, а будут только драть со всей пролетарской ненавистью, как врага народа, пока ты психически не ёбнешься или не покончишь свою жизнь в пьянстве или другим каким-либо способом.

Но вот конспект написан. Теперь все это надо довести до моряков, которым, по большому счету, все по херу. Но такие меры воздействия, как «лишение увольнения на берег» и заставляет их писать эту муть, то есть идеологически подковываться.

В Военно-морских базах были еще Университеты марксизма-ленинизма, где на высоком идейном и политическом уровне обучались офицеры и мичманы. Этим людям завидовали черной завистью, ведь они не проводили политических занятий, и их учеба длилась два года.

Начальником Университета в Севастополе был капитан второго ранга Алиев, добродушный азербайджанец. Он часто посещал наш боевой эсминец, где я был начмедом, а заодно и секретарем партийной организации корабля, руководителем группы политических занятий в Службах и командах, заведующим каюткомпанией, председателем комиссий по проверке вещевого, шкиперского, химического имущества и продовольствия, а также выписывал воинские перевозочные документы, в девяти комиссиях был заместителем председателя комиссии и в

двенадцати его членом. То есть как член я был задействован везде, так как считалось, что доктор и так ни хера не делает.

А так как доктор я был боевой и много оперировал, находясь вдали от нашей великой Родины, меня знали на флоте и, можно сказать, многое прощали.

- Саша, - обратился Алиев к нашему замполиту Мохорту Александру Михайловичу, - а почему у тебя (вот как высоко: у тебя) доктор не учится в Университете?

Мохорт собрал складки над переносицей, фуражка сползла на правое ухо:

- Планируем послать его со следующего года, – честно отрапортовал он.

И вот я слушатель Университета марксизма-ленинизма. Уже и мне завидуют по-черному.

Достоинства этого обучения я оценил сразу. Во-первых, до обеда, да еще и в понедельник, ты на берегу. Берег для моряка, как небо для летчика – непочатый край работы. Можно в кино сходить, пива попить, к жене поехать. А если она отсутствует, к чужой жене. Тоже не хило. Да и само пребывание вне корабля – это уже праздник. Главное, не угодить в комендатуру. А то праздник сразу перейдет в скорбь. Такое бывает. Где-где, а в Севастополе очень часто.

Из двух лет «обучения» в Университете я там был всего лишь два раза – на первом занятии, где яблоку негде было упасть от изобилия слушателей, потом меня нечистая занесла на какой-то семинар, где передовые офицеры и мичманы с пеной у рта доказывали преимущество социалистического строя.

И все. На этом закончились мои университеты.

Два года я добросовестно сходил на берег, если, конечно, корабль стоял у стенки. Два года я катался как сыр в масле!

Сколько всего было совершено! Пару раз замполит, правда, пытался поинтересоваться моим образованием. Но честный, преданный партии и правительству взгляд, четкие ответы на поставленные вопросы убедили ничему не верящему зама в моем стремлении к знаниям.

Прошло два с половиной года. Я уже забыл о своем возросшем партийно-политическом уровне, как вдруг на корабль приходит капитан второго ранга Алиев и в торжественной обстановке вручает мне красный диплом. Я чуть не сгорел от стыда.

Буркнув: «Спасибо большое», я так и не посмел встретиться с ним взглядом.

Мичмана, закончив этот университет, сразу цепляли себе на грудь самопальный ромбик с изображением Ленина, Маркса и Энгельса. Теперь их матери и жены с гордостью всем говорили, что их сын или муж закончил университет.

Куда там этим офицерам. Они училище-то кое-как, А мой – университет!

И гордились родственники такими героями.

А мне и гордиться-то нечем. Нетабельные значки не ношу, да и стыдно. А вот вспомнить могу многое.

ВОПРОС НА ЗАСЫПКУ

- Доктор, – помощник командира по снабжению Мишук решил проверить мою находчивость, – а презерватив можно использовать вместо напалечника?

- Можно, – ответил я, не оборачиваясь.

Мишук не отставал:

- А наоборот? Напалечник вместо презерватива? А?
- Нет, Мишук, тебе нельзя! Всем – можно, а лично тебе нельзя!
- Почему, – насторожился он.
- Да потому что для тебя и напалечник велик, сваливаться будет. Резинка от пипетки – вот твой размер!

МНОГОРУКИЙ ИСКУСИТЕЛЬ

Между Севастополем и Балаклавой стоит ресторан “Солнышко”.

Он круглый и издали больше смахивает на шайбу, чем на Солнце. Поэтому все его так и называют – “Шайба”.

Это место, куда ездят, в основном, перекусить, а в нём действительно вкусно готовят, порешать какие-то застольные деловые вопросы, ну и, наконец, просто отдохнуть от суеты.

Для женщин это заведение слишком далеко, поэтому их здесь нет. А раз нет – нет и съёма! Разве кто привезёт с собой. Но здесь это не практикуется.

Мы тоже сторонники такого вида разрядки – хочется же иногда просто хорошо покушать и тихо отдохнуть.

В один из редких пребываний на берегу, я, Базай и Винокуров, взяв такси, поехали в “Шайбу”.

Вечерело.

Народу было очень мало.

Заказав мясо в горшочках, коньяк и лёгкую закуску, мы мирно беседовали о своем, о молодом.

Уже спустились сумерки, когда в ресторан ввалились Балаклавские подводники, бывшие и без того уже навеселе. Их было человек пять. С ними была уже не первой свежести дамочка. Они сели за соседний стол.

Сразу стало шумно.

После первой бутылки между подводниками и надводниками начались братания.

Вова Базай подсел к ним за стол, обнял их подругу и, философски держа приподнятую рюмку, что-то осоловело плел ей на ухо, а Винокуров, повернувшись к их столу, стал гладить ее задницу.

- А что? Пусть думает, что у него три руки! – изрёк он в мою сторону и дико захохотал.

ЗАКОН НЬЮТОНА

Зима.

На улице метёт метель. А дома тепло, тихо.

Все спят.

Это я пришёл после полуночи.

Ещё не раздевшись, в шинели, лезу в холодильник. В кастрюле нахожу плотную желеобразную массу. Интересно, если переверну, выпадет или нет.

Нет. Держится.

А если над головой?

Держится.

А вот уже и не держится.

Вся эта масса летит на меня, раскалывается, и ползёт по шинели, тужурке, рубашке, брюкам. Вид – будто тебя облевали со всех сторон.

Есть уже не хочется. Надо будить жену, ведь утром на корабль. Не пойдёшь же в таком виде.

«Обрадованная» приходом, а точнее видом мужа жена, высказывает свои, как ей, наверное, кажется, умные мысли воспитательного характера. Затем с «сердечной добротой» чистит, моет и стирает всё то, что на себе подтвердило Закон всемирного тяготения.

Я всё-таки что-то поел.

Извинительно молча и пропуская мимо себя все её педагогические постулаты, ложусь спать в пустую сиротскую постель.

Уже забрезжило хмурое, серое зимнее утро, когда жена соизволила всё-таки посетить супружеское ложе любви.

С красными от бессонницы глазами, но в чистой и выглаженной форме я ранним утром спешу на Минную стенку, на свой родной корабль, где меня ждут новые дела и невероятные приключения.

Без инициативы жизнь была бы и не интересна. Но инициатива всегда была, есть и будет наказуема.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОРЫВ

Постоянное нахождение в море угнетает, тем более, что семья на берегу не устроена. Квартиры нет, двое детей, извечные скитания в поисках угла. Всё это вносит дискомфорт в душу защитника.

Накал доходит до фазы сгорания. Надо что-то решать.

И вот выход будто-бы найден.

А куда уйти с корабля, не важно, лишь бы уйти, лишь бы берег. Иду в каюту, пишу рапорт:

Командиру войсковой части

13181

Рапорт

Настоящим прошу Вас о ходатайстве перед вышестоящим командованием о направлении меня врачом-хирургом в ограниченный контингент Советских войск в Афганистане.

Начальник мед. службы в/ч

13181

Капитан м/с Финогеев

- Разрешите, товарищ командир?

- Заходи, доктор, что у тебя?

- Рапорт, товарищ командир.

Я был неплохим офицером и классным доктором, и начальство меня уважало.

Командир, Шевченко Григорий Николаевич, был нормальный мужик. Он внимательно прочитал рапорт и посмотрел на меня.

- Ты что, долбоёб?

- Так точно, товарищ командир, меня уже задолбало это море.

- Сядь.

Я сел.

Он встал, запер дверь. Достал рюмки и порезанную колбаску.

Мы выпили.

- Отлегло? – и он, порвав рапорт, бросил бумагу в урну. – Всё. Иди, работай.

- Товарищ командир...

- Я сказал «иди», а то накажу.

Мой интернациональный порыв был не понят, а может и понят как старшим товарищем, как отцом. И, может, этим он мне спас жизнь.

Дай Вам Бог всего хорошего, Григорий Николаевич!

НЕОЦЕНЕННАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ

Мы стоим в точке якорной стоянки в центре Средиземного моря. Весь экипаж на юте.

Комсомольское собрание. Повестка собрания как всегда - “Задачи боевой службы” – на “отлично”.

Сижу в заднем ряду.

Лозунги о бдительности, высокой боевой готовности, выполнение Присяги и Устава – сидят в печенке. Лениво смотрю на уходящее за горизонт море. Светит солнышко. Высокие призывы убаюкивают.

Вдруг моё внимание привлекло что-то странное. На расстоянии около пятидесяти метров от борта корабля что-то поднялось над водой и слегка фыркая, стало двигаться в сторону носа корабля. Толкаю моего соседа Эдика Хайкина, начальника РТС, он дремлет рядом.

- Доктор, ептыть, что вам там не сидится? Я вас сейчас посажу на первый ряд.

Все просыпаются. Смотрят на меня.

- Товарищ командир! Вон кашалот плывёт, - оправдываюсь я.

И тут кричит Хайкин:

- Товарищ командир! Это переслон подводной лодки!

Вот вам и 22 июня! Проспали, суки! Один я молодец!

Но я уже всеми забыт.

- Боевая тревога! – орёт командир.

Все разлетаются по постам. Немедленно радио на флагманский корабль. Там тоже все на ушах. Американская атомная подводная лодка под бортом!

Два современных корабля срочно снимаются с якоря, и ведут лодку, пытаюсь поднять её на поверхность.

Три часа корабли преследовали её, но их скорость ниже, чем атомохода, и лодка ушла в территориальные воды Туниса.

За это Родина награждает героев. Но в числе этих героев меня не было, да и быть не могло.

Доктор и Герой, - не катит.

По рангу не положено.

БИНОКЛЬ

День Военно-морского флота – это апогей, апофеоз всех славных, героических дел моряков.

Севастополь в этот день прекрасен!

Женщины - цветы и спутницы потомков Корнилова, Ушакова и Нахимова благоухают в нарядах. Дети, будущие славные продолжатели дел Беленцгаузена, Литке и Крузенштерна своим беспокойством не дают матерям показаться во всей своей красе, а показать-то есть что, да и посмотреть тоже.

Ну а мужчины ради кого придуман этот праздник, все на кораблях.

Флот выстроен на рейде Южной бухты. Все экипажи в форме-1, которая одевается всего лишь один раз в год, именно в этот праздник. Издали белоснежные моряки выглядят торжественно и, действительно, празднично. Все ждут командующего Черноморским флотом, который выступит с пламенной речью с флагманского корабля, затем на катере обойдёт строй кораблей, поздравит экипажи, которые ответят троекратным: «Ура», пойдёт на трибуну, и праздник начнётся. Ну для кого праздник, а для кого и продолжение флотских будней.

Эсминец «Благородный» стоял в этот день у Минной стенки. Место, из-за старости, ему в строю красавцев-кораблей не нашлось.

Но мы все тоже стоим по левому борту в белой форме. Ждём-с.

Я уже старший лейтенант, и у меня изредка появляется право голоса. Но это пока что как атавизм.

У 90 % наших офицеров и мичманов, как собственно и на всех кораблях, белые полуботинки переделаны из чёрных. Просто они покрашены белой краской. Нам в них не ходить, а издали не видно. Сойдёт!

Стоим как истуканы.

Нам ничего из этого праздника не видно, а там, перед трибуной плывут, стреляют. То есть война полным ходом.

Командир с замом ушли на ГПП. Мы паримся на солнце и попарно спускаемся вниз для поднятия настроения. И жизнь, вроде бы, как-то и налаживаться начинает, как ко мне подходит вестовой:

- Товарищ старший лейтенант! Вас командир на ГКП вызывает.

Иду.

Командир, Шевченко Г.Н. уже напутствует:

- Так, доктор, сейчас пойдёте на трибуну командующего и отнесёте бинокль.

Я обомлел.

- И кому я его отдам?

- Капитану II ранга Блинову, помощнику командира дивизии. Но смотрите, если он у вас пропадёт, заплатите 180 рублей.

Радостная перспективка.

- Товарищ командир! А что я пойду? – Вспомнил я о своём праве на голос, - Я никого не знаю. Пусть Пушкин сходит ...

Вызывают Пушкина.

- Товарищ командир! Я через сорок минут на вахту заступаю.

- Всё, доктор, собирайтесь.

Чувствую, назад дороги нет. Начинаю уповать на крашенные ботинки, которые уже в трещинах, да и вообще на неуставной вид, патрулей, которых сегодня больше, чем капель в море.

- Так, доктор, не пререкайтесь. Шагом марш.

Вид у меня конечно удручающий. И без зеркала знаю, что похож на уёбище: уставная фуражка, мешковатый костюм, длинные, почти до колен, чёрные семейные трусы, которые просвечиваются через брюки, и крашенные, все в трещинах, ботинки. Чучело отдыхает. И это при моей-то

огромной любви к себе. Такого низкого падения в собственных глазах я больше не испытывал никогда.

Подтягиваю до сосков трусы и иду как на каторгу. Наверное, многие отвели душу, глядя на такого защитника. Патрули просто как волкодавы набрасываются на меня. Но! В руках я держу волшебный бинокль. Я несусь командующему! Он ждёт!!! И меня отпускают.

Иду твёрдо к трибуне. Народу – океан. Трусы уже сползли ниже колен, но не до них сейчас. Скорее бы уж дойти. Струйки пота стекают в крашенные ботинки, отчего краска стала отслаиваться сильнее.

Прохожу через загородительные кордоны, ведь у меня в руках волшебный бинокль.

Ну вот и долгожданная трибуна. Снова охрана. Тычу и ей бинокль.

Я уже на трибуне. И вижу, как спотыкаясь о чужие ноги и мацая бабьи талии, ко мне летит Блинов.

- Принёс бинокль? Ну давай сюда!

- Нет, Вы мне напишите расписку, что его взяли, а потом берите, - мысль о возможной его утрате и 180 рублях делала меня сильным, бесстрашным и твёрдым.

- Никакой записки я писать не буду, тебе сказано принести его мне, так что, давай.

- А если он пропадёт, Вы будете платить или я?

Его мозг что-то соображает. Мысли морщинами покрывают усталое лицо. Ему, явно, хочется сказать что-то нецензурное. Но мешают гости. Он уничтожающе на меня смотрит и, ничего не говоря, уходит. А я весь праздник простоял с волшебным биноклем.

Когда праздник закончился, я с облегчением вернул этот драгоценный груз командиру. Обед уже прошёл, и пришлось доедать объедки с праздничного стола.

Когда гражданскому праздник, военному всегда пытка.

БУМАЖНЫЕ ВОИНЫ

То ли это повелось со времен основания флота, то ли ее потом придумали современные начальники, которые росли из года в год, словно грибы после дождя, но документации на кораблях было очень много.

Наверное, много – сказано слишком мягко.

Очень много!

Тысячи всяких журналов, планов, актов, обязательств и прочее и прочее...

Если подойти бюрократически, то все это, безусловно, нужно.

Просто необходимо.

Один журнал – где ведется боевая деятельность, другой – как хранится оружие, третий, как сдается дежурство и вахта, четвертый... и пошло, и пошло, и пошло.

Теперь планы.

Конечно же, первый – это план партийно-политической работы, который дробится на годовой, полугодовой, квартальный и месячный. Вторым идет, он никак не может быть первым, поскольку это противоречит марксистско-ленинской идеологии, план боевой подготовки корабля. Ибо партия, все-таки, есть ум, честь и совесть какой-то эпохи.

И каких только планов на кораблях нет: планы учений, тренировок, летучек, занятий; зачетных учений, тренировок, летучек, занятий; планы устранения замечаний по проведению учений (соответственно здесь сразу же подразумеваются и зачетные все мероприятия), тренировок, летучек, занятий.

Есть еще и перспективные планы на все, что угодно: и по борьбе с пьянством, и по борьбе с неуставными взаимоотношениями, по борьбе с

травматизмом, венерическими заболеваниями, электротравматизмом, просто травматизмом и даже... план роста рядов партии.

Кто когда-либо сталкивался в своей жизни с каким-нибудь планом, тот знает, что в нем, кроме шаровых, всеобъемлющих пунктов, есть конкретные задачи, типа «вырастить», «подготовить», «принять», «завершить». Так вот, эти самые «вырастить – завершить» являются толчком или поводом к написанию очередной, новой бумаги, которая бы позволила и вырастить, и завершить.

А сколько приказов издается по кораблю за год?

А акты проверок?

Акты списания, инвентаризации и еще полтора миллиона таких же?

Да, чуть не забыл про акты административных и партийных расследований. Без них-то как обойтись? Нет таких кораблей на флотах, чтобы кого-то не разбирали.

Не встречал я в своей долгой службе, в которой половину сам ходил в начальниках, чтобы хоть кто-то, хоть раз, ну для приличия, прочитал бы какой-нибудь из этих планов.

Вот когда приходит на корабль или в часть молодой лейтенант и начальник хочет показать себя начальником, он, морща лоб и ища знакомые буквы, с «умным» видом изрыгивает из себя в атмосферу, что-то типа: «Это мне не нравится», «Вот это надо переделать» и, наконец, негодуя: «Да откуда вы все это взяли?».

Но лейтенант к этому не имеет никакого значения. Он ничего из этого не писал. Он все это тупо передрал с прошлогоднего плана.

Начальник довольный уходит, а злой лейтенант, читает этот план, скудным умом видит ошибки, что-то черкает и перепечатывает.

Второй раз начальник его уже читать не будет.

Зачем?

План пишется ради плана, ради галочки.

В жизни же происходит все по-другому. Она сама диктует свои планы.

И все это огромное количество бумаг готовится к первому декабря, к новому учебному году.

Сидит старпом. У него на огромном ватмане написано кто, когда и что должен ему представить.

- Что вы, доктор, мне сегодня принесли? Так! Ученья по борьбе за живучесть вижу, план оргпериода вижу, журнал боевой подготовки старшины вижу. А где акт проверки шкиперского имущества?

- У меня его в заведовании нет.

- Вот и напишите мне бумагу, что шкиперского имущества в медслужбе нет.

- Но в прошлом году этот вопрос даже не возникал.

- В прошлом году не возникал, а в этом возник. Пока у меня не будет этой бумаги, сходу вашему, товарищ старший лейтенант, на берег – дробь, - он выпускает мне в лицо струю табачного дыма и радостно смеется.

Все же остальные мои бумаги он подписывает, даже не заглядывая в них.

Точно так же поступают все, включая командующего и главкома.

Принцип: «хуйню требуют, хуйню и дают» не зыблем.

Будучи авантюристом в жизни, искателем не жемчуга, а приключений, и чтобы еще раз убедиться в нашем всеобщем долбоебизме, я провел эксперимент.

На вечерний доклад к старпому командиры боевых частей и начальники служб приходят опять же, с кипой бумаг, включая и суточный план на следующий день. И в каждой принесенной ему бумаге отражена

фантазия того, кто ее принес. Все это с умным видом, с целеустремленностью делового человека.

Флот – это театр, причем не всегда боевых действий, и играть в этом театре нужно так, чтобы и режиссер, и зритель, и актер, все эти люди, свято верили в то, во что и как они играют и чтобы, в конце спектакля, обязательно услышать аплодисменты, а лучше овации и получить звание «Народного артиста».

Наконец подходит моя очередь выхода на сцену. Медслужба, как второстепенное звено, выступает последней.

Я с негодованием говорю о качестве проведения утреннего осмотра в БЧ-2 и РТС. Указанные начальники вторят мне жалким повизгиванием. Указываю на низкое качество мытья посуды в БЧ-5 и отсутствие крышки на питьевой бачке в кубрике №1.

- У вас все? – старпому все надоело и он спешит на доклад к командиру, чтобы с умным видом вылить всю эту муть на его голову.

- Нет. Суточный план подпишите.

Он, не глядя, расписывается в журнале, где шестым пунктом, синим по белому, написано: «21.00-22.00 Принять участие в убийстве старпома». Ответственный Волнухин, командир БЧ-5. Участники: Васянович, командир БЧ-2, начальник РТС Хайкин, начальник медицинской службы Финогеев»

Документ подписан.

А подписанный документ имеет силу закона.

Смешно?

Смешно.

До слез.

До икотки.

И вот вам школьный вопрос: «А зачем тратить столько бумаги, если можно сделать восемьдесят процентов всех этих планов штатными, переходящими из года в год?».

Вот тогда бы ежегодно не вырубались соловьиные рощи, а тайга до сих пор была бы непроходимой.

«РЫБА»

Склонность Сергеева к философии, рассудительности и терпению делала его не интересным для окружающих. Еще он был скрытен и жаден.

Таких тоже не любят на флоте.

Офицер должен быть открытым, как форточка в летний день и не иметь своих суждений.

Люди же с наклонностью к рассуждению и анализу происходящего, настораживают и пугают, в первую очередь, политработников и особистов.

Сергеев редко ругался матом. Но вместо бранных слов или при обращении к кому-то другому, особенно в гневе, он неизменно употреблял слово «рыба».

И «рыба» прилипла к нему. Его в дивизии все знали под этим псевдонимом, нежели по фамилии.

- «Рыба» на борту есть? – спрашивал кто-то со стенки вахтенного у трапа.

- Так точно!

- Ну позови его мне.

Пить с ним никто не любил, потому что он, еще до выпитой рюмки, монотонно и занудно начинал о чем-то рассуждать. И этот его монолог велся до окончания застолья. Выдержать это ни у кого не было сил, поскольку корабельная жизнь и так сера, и в минуту разгула Нирваны

хочется гореть, сиять, цвести, а тут этот редкий всплеск жизни гасили медленно и нудно. Такая пьянка радости не приносила. И его перестали приглашать.

Отчего пил он сам с собой, иногда даже много.

На нашем корабле он не служил, но относительно часто заменял командира БЧ-3, а повзрослев – и старпома.

В этот период корабль накрывала какая-то невидимая, липкая и тягучая паутина. Создавалось впечатление, что ты вошел в темный и сырой туннель, из которого хочется выйти обратно. Но назад дороги нет. И все мужественно терпели, когда уже родной командир БЧ-3 выйдет из отпуска или выпишется из госпиталя.

Поезд пришел в Севастополь ранним утром.

Город встретил меня штормовым, холодным ветром с дождем.

Отпуск закончился.

Я шел «сдаваться» на корабль.

Уже издали увидел тускло блестящие на борту медные буквы «БЛАГОРОДНЫЙ».

Оказалось, что корабль в четыре часа утра пришвартовался к стенке. Он еще находился в кислом, полудрежном состоянии. Приборку на верхней палубе делали добровольцы.

Бросив вещи в каюту, я решил своим гнусным видом осчастливить старпома.

Бодро стукнув в дверь, вошел в каюту.

Терпкий коктейль перегара, табачного дыма и нестиранных носков наотмашь ударил меня в нос.

Иллюминатор закрыт на броняшку, палуба завалена окурками, тускло светит ночник.

Зная педантизм Яковлева, я в недоумении смотрю на весь этот бедлам. Как можно так разложиться и опуститься за месяц?

Вдруг на койке зашевелилось тело и стало принимать вертикальное положение. Вместо Яковлева я увидел Рыбу. Он опять был у нас в командировке.

Он шатко подошел к иллюминатору, вынул из него броняшку и решил вставить ее перпендикулярно, чтобы создался эффект вентилятора.

Надо сказать, что наш народ, обладая природной гениальностью, в те далекие советские времена, когда все было в большом дефиците, находил возможности заменять одно на другое. Вместо туалетной бумаги с успехом использовалась газета, стельки в ботинках заменял картон, а пеленки шли вместо памперсов.

Так было и в этом случае.

Но что меня поразило, это то, что броняшка, имея больший диаметр, нежели отверстие иллюминатора, свободно прошла через него и упала в воду.

Я ошалел.

Как? Как это пьяное чучело смогла изменить закон геометрии?

Большее проходит через малое.

Парадокс! Фокус!

Я, честно, потом потратил два часа, стоя у своего иллюминатора, пытаюсь просунуть броняшку наружу. Я перепробовал все варианты.

Все тщетно.

То, что сделал Сергеев, не снилось ни Кио, ни Коперфилду.

Он, непонимающе, тупо глянул в сторону канувшей в вечность задрайки и повернулся ко мне.

- Рыба! Ты почему опаздываешь из отпуска?

Я, ошарашенный увиденным, и, только что услышанным, молча повернулся и вышел.

Радости возвращения не ощутилось.

Где-то перед обедом меня нашел рассыльный:

- Товарищ капитан! Вас старпом вызывает.

- Он протрезвел?

- Не совсем.

Захожу в каюту, не стучась.

- Слушаю.

- Доктор, ты зачем забрал у меня броняшку из каюты?

- Не понял!

- Ты брал броняшку?

- Рыба! Надо меньше пить, курить и чаще стирать носки! Угорать меньше будешь!

- Товарищ капитан! Как вы разговариваете со старпомом?

- Чтобы быть старпомом, им надо стать. Рекомендую поспать немного. Сон – лучшее лекарство. И вопросов станет в два раза меньше.

Он что-то угрожающе бухтел мне в след. Я этого уже не слышал.

Прошло четверть века, а вопрос для меня так и остался без ответа.

Ну, как? Как больший диаметр смог пройти сквозь меньший?

Прав народ, сказавший, что пьяному море по колено.

СЕКС И ФЛОТ

В жизни всегда есть место сексу. Он на флоте приобретает хаотичный, несанкционированный характер.

Люди, бывающие часто оторванные от твёрдой почвы, решают эту проблему быстро, без «люблю», «а Вы не могли бы...», «если Вам не трудно, снимите...».

Корабль загружался продуктами на продовольственном складе. Мокрую провизию получал матрос-осетин. Это был очень высокий, симпатичный парень. Он ходил по складу, равнодушно на всё поглядывая. Сроки службы на флоте не позволяли ему по-пустому растрачивать свои годовские силы.

- Что ходишь без толку? Давай накладывай капусту, - гаркнула на него кладовщица, сорокапятилетняя женщина, средней степени упитанности и ростом чуть более полутора метров.

Матрос взглянул на неё как слон на муравья. Кто это там, мол, пищит без дела? Да и вообще, какое право имеет женщина командовать и повышать голос на джигита.

- Не буду. Сама накладывай.

Поняв, что спорить бессмысленно, кладовщица приладила к бочке подставку и перекинув через ребро, опустила верхнюю часть тела в кадку. Увидев перед собой «кардан» шестьдесят восьмого размера, глаза осетина налились кровью. Недолго думая, он выбил из-под горластой женщины подставку, задрал ей юбку и сдвинув вниз трусы, совершил своё мужское дело. Женщина поначалу дергала ногами, орала в бочку, но вскоре затихла. Закончив свой труд, он ногой подвинул подставку и пошёл дальше по складу.

Выбравшись из бочки, красная, потная, но видимо удовлетворённая, кладовщица разразилась незлобной площадной бранью. Выплеснув адреналин, работа по погрузке продуктов продолжилась.

В период ремонта корабля, во внутренних помещениях, силами рабочих завода, проводилась покраска. Одну из вентиляторных (для некомпетентных читателей, вентиляторная – это небольшое, очень тесное, из-за нагромождения всяких моторов, помещение, где и один человек чувствует себя дискомфортно и развернуться в ней невозможно) красила

женщина лет тридцати. Дверь была открыта, и она, изогнувшись и выставив свои прелести напоказ, малевала дальний угол. Вдруг погас свет, в вентиляторную кто-то влез и закрыл за собой дверь. Кричать было бессмысленно, всё равно никто не услышит.

Спустив с неё брюки, этот некто удовлетворил все свои мужские желания и потребности, открыл дверь и ...исчез. Пока-то она подняла брюки, пока-то вылезла, никого уже не было.

Был шум, было построение, были поиски, но счастливчика не нашли. Ей, собственно, как-то глубоко всё равно кто... А парню сидеть.

Не справедливо.

Именно такое или что-то подобное, в вентиляторных, случалось на флоте часто.

В военно-морских базах существуют базовые матросские клубы. На дискотеки моряки не ходят – это территория гражданских лиц, а внедрение чужака на территорию соперника – всегда карается дракой.

Танцы у моряков проходят весело, шумно. Спаривание происходит быстро. Причём молодую самку любят сразу, но согласно очереди от трёх до пяти человек. Всё это происходит в темной ветвистом парке. Стонущая подруга стоит в «Г»-образной позе, а молодые самцы друг за другом выпускают в неё своё семя.

Мичманы – это та обособленная каста, которая не далеко ушла от моряков и остановилась на пути к офицерам. У них всё происходит почти также, как и у моряков, но эволюционно они, всё-таки, находятся на ступень выше, и у некоторых из них даже к концу службы отпадает хвост.

Новый для них эволюционный шаг,- это то, что они могут посещать рестораны, куда начинают ходить и дамы, прошедшие в бурной молодости «кустотерапию» матросских клубов. Эти женщины также не далеко ушли от самих себя, когда они проходили практику базовых

клубов. Их интеллект не поднялся выше уровня плинтуса. А беседовать с ними довольно сложно, ибо интеллегентностью их можно обидеть.

Это - отряд будущих мичманских жён.

Офицеры – это самая высшая каста. Женщин они снимают только в кабаках. Здесь уровень обеих полов интеллектуально выше. Но всё это тоже до определённого времени.

Как только сбрасывается одежда, все, от адмирала до матроса превращаются в приматов, где основным средством общения являются жесты, движения и нечленораздельные звуки, а разум возвращается вместе с надеванием на тело формы.

Моряк на берегу, как северный цветок, который за короткое лето, а в данном случае за своё непродолжительное пребывание на берегу, успевает получить от жизни всё и даже породить себе подобных.

И снова жизнь их бросает в пучину, чтобы через месяцы выпустить на время на волю, где в животной страсти они выльют из себя, давящую на уши сперму.

И так будет всегда.

Ибо флот был, есть и будет.

ЧУВСТВА, ВЫРАЖЕННЫЕ ПОТОМ И КРОВЬЮ

Нельзя космонавту написать рассказ о сапёре, а минёру о лётчике. Но в нашей теперешней жизни возможно всё.

Вот я, например, не могу понять песню «Яблоки на снегу» - «... Кто же их согреет, я уже не могу». Так не грей их, если не можешь. По этому принципу построены станции ЗАС, которые выплёскивают в эфир набор слов и цифр, ну а уж противник, в нашем случае, слушатель, пусть думает и разбирается.

Есть и такие авторы песен, которые ну вообще о море знают только то, что оно море и в нём можно купаться. Поэтому рождаются такие «шедевры»:

« А когда на море качка,
И бушует ураган,
Приходи ко мне, морячка,
Я тебе любовь отдам»

Здесь прослеживается следующее: автор о шторме, качке и урагане имеет понятие из телепередачи «Дикая природа». Поэтому-то и родились эти странные строки.

Ну какой дурак, разве что, debil, может позвать к себе любимую в шторм и ураган на корабль? Можно, конечно, предположить, что в тихую погоду она его игнорировала и не давала и он, паразит, решил заманить ее в штормовую погоду, чтобы она укачалась, и тогда воспользоваться её беспомощностью и надругаться или, как он мягко выражается, любовь, якобы, отдать.

Вот так и пишут все, лишь бы рифма к рифме.

Другое дело, когда опус выстрадан жизнью. Ну что можно добавить к таким лаконичным словам:

«Твёрдая поступь, красные лица.

Морская пехота идёт похмелиться»

Здесь и цель, и решимость, и целеустремлённость. А порыв какой! Маяковский просто отдыхает.

На крейсере «Дзержинский» был командиром электромеханической боевой части, БЧ-5, Кочерга. Офицер серьёзный, строгий, требовательный, то есть мог задолбать даже мёртвого.

Но когда он сходил на берег, все облегчённо вздыхали. Появлялась отдушина.

И вот в эти, бессонные на вахте минуты, и родились строки, поражающие своей глубиной и проникновенностью. В них слышится душевная боль, может быть, даже, незаслуженная обида и чувствуются наворачнувшиеся скупые мужские слезы:

«Ночь. Тишина. И не видно ни зги.

Как хорошо, когда нет Кочерги.

Утро наступит, солнце взойдёт.

Будет хуёво, когда он придёт»

Истинный моряк непременно уловит все тонкости, затронутых за живое механических чувств, трепетание натянутых до беспредела нервов, все тяготы и лишения морской службы.

На эсминце «Благородный», постоянно бороздящем просторы морских глубин, популярной личностью был начальник медслужбы, который делал буквально всё, а иногда творил даже невозможное. И когда его, после шестилетней службы на этом корабле, назначили на другой корабль, экипаж плакал. Он был для них родным отцом. Он понимал боль не только физическую, но и душевную. К нему шли, как к Ленину. И он ходил ко всем командирам, добиваясь, чтобы корабль, кубрик, боевая часть были для моряка домом родным, а не тюрьмой народов. И моряки посвятили ему сердцем написанные стихи. Они, конечно, далеки от совершенства и профессионализма, но чертовски приятно, что и ты не забыт:

«Наш эсминец - «Благородный»

Морем как приворожённый,

Круглый год может ходить,

Как же трудно здесь служить.

А начмед здесь – Финогеев

Не умрёт от скуки с ленью,

Никогда он не грустит.
Улыбаясь, говорит:
«кто немытые ест фрукты,
тем я буду мыть желудки».
Если вдруг живот болит, -
Режет он аппендицит.
Может всё он: резать, рвать,
Ниткой раны зашивать,
Тараканов, крыс травить...
С ним приятно говорить,
Он поймёт и защитит.
Если б он был замполит!
Любит Сашу экипаж.
Финогеев – доктор наш!
Офицер он ничего,
Но... боимся мы его»

Как говорится, «нельзя выбросить слово из песни», но какого-либо заискивания я здесь не вижу, да и попало оно ко мне совершенно случайно. Значит моряки писали для себя и для тех, кто придёт после них. И написано как-то очень гладко, без матюков, хотя доктор это любил.

Служба на Дальнем Востоке не мёд. Если только по карте - три дня без отдыха шагать, то, конечно, расстояние от европейских центров просто пугает.

Край света!

Моряки, оторванные от европейской жизни, не остались к этому равнодушны. Они отразили это по-своему.

А когда не находятся нужные, идущие из глубины души, цивилизованные слова, они заменяются бранными, что придаёт произведению свой, самобытный народный колорит.

«Служба соплёю тянется.

А годы идут и идут.

Туман над заливом стелется,

И, чувствую, уебут.

Уебут. И никто не заплачет,

Только Родина скажет: «Насрать!».

Туман над заливом стелется,

Эх, служба, еби её мать!»

Какая боль, какая экспрессия.

Это тебе не про любовь во время шторма. Конечно, скудные познания флотского фольклора, не позволяют мне дальше продолжить и развить эту тему. Но я уверен, он гораздо шире и глубже.

И своё отношение к службе нельзя выразить сухими словами. Здесь нужна суровая, бранная лирика. Только она даёт возможность почувствовать всю ту пропасть, куда попадает человек на три, а другие на двадцать пять лет.

ЭЛЕКТРОТРАВМА

То ли профессия наложила на мое поведение отпечаток, то ли тяжелое, трудное без отца детство, сделало меня добрым и отзывчивым к чужому горю, к чужой беде, но человечность всегда жила и живет в моем сердце и люди это чувствуют.

Я всегда жалел молодых матросов, которых судьба оторвала от родного дома и призвала защищать рубежи великой Родины. И новые условия для них далеко не райские. А священный долг требует многого: и

бессонных ночей на вахте, и уборку своего заведования и кубрика, и чистоту формы одежды, и еще многого чего разного.

Видишь, идет на тебя, спящее на ходу, тело... и надо помочь, надо восстановить его силы, надо вернуть в строй.

- Фамилия?

- Матрос такой-то.

- Иди в санчасть. Скажешь, что я тебя положил.

И спит этот матрос сутки, двое, трое.

Чем не санаторий?

Оживает. Глаза блестят, силы восстановились. Уже и служить хочет.

- Ну, выспался?

- Так точно!

- Иди в боевую часть. Как будет невмоготу, снова придешь.

Хорошо?

- Спасибо, товарищ капитан.

Точно так же было и в этот раз.

Боевая служба – это не прогулка на яхте. Здесь вокруг – потенциальный враг. И нужно быть предельно внимательным в эксплуатации своей техники, своего оружия. Корабль должен в любую минуту быть готовым вступить в бой. Сама обстановка не дает возможности расслабиться. Из-за одного тебя может погибнуть или пострадать весь экипаж, а это сотни людей.

И вот идет спящий матрос. Рост под метр восемьдесят. Лицо бледное, исхудалое, но симпатичное.

- Фамилия?

- Матрос Тараненко.

- Откуда?

- Электрик слабого тока. Боевая часть пять.

- Ступай в санчасть. Скажешь, что я тебя положил.

- Есть.

И спит он у меня в санчасти трое суток, набираясь сил и энергии.

Корабль стоит на якоре в точке. Беспощадное средиземноморское солнце плавит корабль своими лучами.

Адовая атмосфера угнетает и подавляет.

Наступает воскресенье.

На боевой службе этот день ничем не отличается от понедельника или, скажем, среды.

Я сижу в каюте и что-то пишу.

Раздается стук и входит матрос Тараненко.

- Разрешите, товарищ капитан.

- Входи. Что случилось?

- Разрешите мне идти в боевую часть.

- Зачем? Отдохни еще. Вечером на юте будет фильм. Я отпущу тебя. Пойдешь, посмотришь. А уже завтра вернешься в боевую часть.

- Разрешите мне уйти.

Пытаюсь его уговорить «поболеть» еще денек. Но все напрасно. Его буд-то кто тянет.

Я соглашаюсь.

- Ну хорошо, иди. Если опять служба закроет, найдешь меня. Договорились?

- Хорошо. Спасибо, товарищ капитан.

Отобедав, я спускаюсь в каюту.

Сняв шорты, собираюсь взобраться на койку. Ведь «адмиральский» час на флоте свят.

Вдруг, как гром, раздается команда:

- Начальнику медицинской службы срочно прибыть в кормовой коридор офицерского состава.

Впрыгиваю в шорты и бегу по трапу.

Новая команда толкает меня в спину.

Прибегаю в кормовой коридор.

А там во весь свой могучий рост лежит Витя Тараненко.

Он пошел ремонтировать вентиляторную. Отключил электричество с одного борта, а она запитывалась с двух бортов.

Итог – электротравма.

Метки тока, как в учебнике – безымянный палец левой руки и под левой лопаткой. Мгновенный паралич и остановка сердца.

Два часа реанимационных мероприятий, три укола адреналина в сердце не дали никаких результатов.

Ну согласись он остаться в санчасти, ну прояви я твердость, - и человек остался бы жив.

Потом были разбирательства и каждый получил свое.

К врачу не было никаких претензий, его действия были правильны. Старшина команды, командир электротехнической группы, командир БЧ-5 – партийные взыскания. Командир со старпомом по строгому выговору. Корабль - оценку «двойка» за выполнение задач боевой службы. Ну а весь экипаж – тяжелый осадок от этой трагедии.

И только замполиту присвоили очередное воинское звание – капитана третьего ранга.

ПЕРЕВАЛОЧНАЯ СТАНЦИЯ

Харьков – это сумасшедший город.

В те далёкие времена из него невозможно было уехать. Километровые очереди у касс, отсутствие мест на проходящие, особенно

на юг, поезда, толчая обездоленных, обросших, грязных и потерявших всякую веру выбраться отсюда куда-либо пассажиров.

Лето.

На Симферополь мест нет и не будет. А отпуск-то заканчивается и опоздать из него не могли.

Не пешком же идти. Что-то надо делать. Пустое торчание у касс ничего не даёт. Поход к военному коменданту тоже. Таких как я, сотни. Среди пестрой массы находится такой же как я, только капитан, лётчик. Ему тоже нужно на полуостров. Он тоже из отпуска.

Содружество войск отметили в ресторане. По микрофону объявляют, что на какую-то платформу прибывает поезд Уфа-Симферополь. Мест свободных нет. Поезд везёт детей на отдых в Крым.

Жизнь без авантюры не интересна. Нет шарма.

Предлагаю идти на перрон. А как только поезд тронется, бежать за ним и прыгать в первый попавшийся вагон и задыхаясь, кричать, что мы припозднились и, вообще, из другого вагона и нам нужно туда попасть, а то поезд уйдёт. И тогда всё.

Авантюра удалась. Проводница с трудом, но всё же, нам поверила, тем более, что из вещей у нас один портфель на двоих. Да и люди в форме. Их тогда еще уважали.

И вот мы в поезде. Идём вперёд, оставляя один вагон за другим. В тамбуре купейного вагона решили перекурить. А тут проводник, да ещё мужик.

- Вы из какого вагона?

Врать бессмысленно.

- У нас вообще нет билетов, а отпуск заканчивается и уехать никак не можем, - говорю я,- можно, мы в тамбуре у вас доедем, мы бы заплатили.

Два человека в военной форме, я в морской, капитан в лётной. Не какие-то там шеромыги, солидные люди, защитники Отечества.

Проводник посмотрел на нас оценивающе.

- Проходите в третье купе. Я сейчас подойду.

Заходим мы в купе. А в нем никого. Заплатили деньги по стоимости билета и без попутчиков доехали до Симферополя.

Прохладным ранним утром нас встретил Крым.

Без авантюры нет удачи в жизни. Риск всегда оправдан. Либо ты на высоте, либо ... получится завтра.

МАРАТ БЛИНОВ

Марат Блинов – помощник начальника штаба дивизии. Имя носил он боевое, но вот внешне походил на самое настоящее чмо.

Задачей Блинова было найти говно на корабле и преподнести его в штаб как конфетку. После чего свора флагманских специалистов набрасывалась на этот несчастный корабль, выворачивала его и...

Правда, если накрыть хороший стол, то акт проверки удовлетворит всех, ну а уж если нет, то оргпериод обеспечен. Схода на берег нет и идет целый день сухостой. Все, с повышенным чувством озлобленности выворачивают то, что осталось не вывернутым, по кораблю с переборок течет кровь и идет стон, слышны сплошные команды и звонки.

Ну а Блинов ищет новую жертву, которая, естественно, находится. Очень часто он досаждал своей «салдафонщиной» штабных моряков. Они в море не ходили и исполняли роль писарей, секретчиков, шоферов и прочее.

В их заведовании находился плот для очистки акватории от мусора. Это было «судно» штаба, а уж мусор собирали корабельные матросы.

Стоял себе этот плот годы и стоял. И мало кто обращал на него внимание. Все это время била его волна о причал и только в штилевую погоду он выходил в свою «кругосветку» с двумя несчастными. Один из которых орудовал огромного размера шваброй, а второй был с сачком.

И вот как-то утром на стенке раздались истошные вопли Блинова.

Что случилось?

Все взоры были обращены на плот, на борту которого огромными буквами шаровой краской было написано «Марат Блинов».

Разбирательство не нашло виновных, хотя все знали, что это работа штабных моряков. Да и шутка, явно, понравилась командованию дивизии.

Шум и визг длились неделю.

Затем плот был вытянут на причал, зачищен и снова стал безымянным.

«ГОДКИ»

Когда на флоте служишь достаточно долго, то приходит к тебе любовь и уважение личного состава. Если ты, конечно, не конченный подонок.

«Годок» на флоте чтим. Ему много позволено и многое прощается. Но он и несет на своих плечах груз ответственности за свою боевую часть, за свой корабль. Если трудно, если беда, то уж кто – кто, а «годки» всегда впереди. И как бы ни было трудно, а работу свою они выполняют с честью.

Однажды при выемке учебных мин в лютый холод и штормовой ветер мину сорвало с якоря и понесло. Она билась о борт корабля, и не было никакой возможности зафиксировать ее, чтобы поднять на борт. Тогда старшина первой статьи прыгнул за борт, закрепил концы за рога, и мина была поднята.

Моряк был награжден медалью «Ушакова».

А если лютый шторм и семьдесят процентов экипажа валяется в собственной блевотине – кто на вахте, кто исправляет поломку – «годок»!

А кто первый идет по задымленному и затемненному коридору, чтобы отключить рубильник и обесточить корабль во время пожара, при этом погибая, но отключая ток – «годок»!

И когда ответственные стрельбы, показательные мероприятия – ты опять впереди. Потому что ты – опыт, знание и находчивость.

И никогда «годок» не уйдет на дембель не сдав своего заведования молодому моряку, причем сдав качественно, до самой маленькой кнопочки до самого незаметного винтика, потому как эти самые винтики и кнопочки есть твоя жизнь и жизнь твоих товарищей.

И низкий поклон тебе, «годок»!

Ты тоже не спал по молодости, ты тоже мыл через день посуду, но ты всегда был сыт, был одет и обут.

А уж если был грязен, то хоть умри, а утром выйди на подъем флага в чистейшем, выглаженном рабочем платье. Ведь ты же моряк!

А моряк и грязь несовместимы!

И вот пройдут годы.

И наступят сто дней до приказа министра о твоём дембеле.

И ты не будешь пить вечерний чай и не будешь есть масло, отдавая все молодым.

И купишь десять пачек дорогих сигарет и высыпишь их в шкафчик. Курите, ребята.

Чтобы стать «годком» надо пройти все стадии развития. Быть «духом», «молодым», «подгодком».

Честь тебе и хвала, «годок»!

Так держать!

И смиренно стоять, когда «годовик» идет!

МЕЧТЫ ИДЕОЛОГОВ

Учатся они четыре года.

Четыре года мать без сына.

А учат их истреблять в человеке все живое, втоптывать в грязь, мешать с говном, унижать, уничтожать его собственное достоинство, превращать в быдло, а уж с быдлом какой разговор.

Речь идет о политработниках. О богеме, так сказать, суперчеловеке. Для этого им нужно, чтобы офицер или мичман были коммунистами. Вот тогда-то ты и попадешь к ним в сети, из которых вырваться уже нельзя.

Итак, курсант, превратившись в лейтенанта, на первом этапе своего головокружительного развития, становится секретарем комсомольской организации корабля. И вот оно – первое нарушение.

Его тело приводят на корабль, представляют экипажу, а вечером комсомольское собрание и... стопроцентное голосование. Должность-то выборная.

Или же его назначают замом в какую-то большую боевую часть. И вот варятся они под чутким руководством замполита впитывая в себя на практике то, чему его учили целых четыре года! Впитав все это и слегка осатанев, они идут замполитами на корабли третьего – второго ранга. Здесь уже самостоятельное поле деятельности. Идеи Ленина, Маркса и Энгельса пылятся на книжной полке.

И сейчас нужно набирать очки, грести говно лопатой. Кто первый принесет крамолу в политотдел, тот и молодец, для того раскрываются перспективы роста. Человеколюбов здесь не любят. Они (очень редкое явление среди политработников) обычно сгнивают без выдвижения на кораблях.

Ну вот, собственный опыт приобретен и ты уже не просто офицер, а старший офицер. Куда дальше?

Тут два пути: либо на корабль первого ранга, либо каким-нибудь помощником в политотдел.

Бумагу писать, не по морю ходить. Эти до седых яиц могут просидеть в политотделе. Вот замполиты кораблей первого ранга (тут уж для них простор еще больше, просто океан работы, Кландайк), получив вторую большую звезду на погоны, прут в военно-политическую академию и становятся пупочком на флоте – заместителем начальника политотдела, который тоже при «рьяной» службе (ведь они тоже служат, ведь они тоже защищают Родину, получая за это фешенебельные квартиры и другие блага и как могут, а могут, наверное, хорошо, обкрадывают государство), обязаны стать начальником политического отдела. Тут еще одна звезда на погоны, а на ТОФе и Севере – шитая звезда.

И вот он, следующий, строевой шаг – политическое управление какого-либо флота, а если сильно повезет и ВМФ. Рьяно проявившие себя в кровопролитной борьбе, в удушении свободомыслия и вольнодумства среди всех слоев необъятного флота, становятся сначала заместителями, а потом начальниками политического управления флота, а от флота до ВМФ рукой подать.

И здесь штаты этих дармоедов просто огромны. Чтобы расти, хотя это везде так, но у политработников это выражено особо, надо ублажать своих вышестоящих начальников не только духовной, но и материальной пищей.

И берут эти начальники все. И много. Не забывая карать за это других, а то если все будут брать, им ничего не достанется.

И вот вырастают они и покрывают себя ореолом недоступности. Какое там, идти в народ! На хер этот народ нужен! Надо делать все, чтобы расчищать дорогу только для себя.

И что там есть где-то личный состав и офицеры с мичманами без квартир? Да насрать на них всех!

Так было, есть и будет.

А были ли Ленин с Марксом – это удел курсантов, пусть разбираются.

СХОД

Эскадренный миноносец «Благодный» был дальним родственником «Летучего голландца». Его видели то в Атлантике, то в Адриатике.

И все-то ему нипочем.

Все-то он в лидерах.

Но, оказывается, может устать и корабль. Это только советский моряк не имел на это право.

- Надо бы его уже подремонтировать, - думали на флоте, - и куда же его послать? А давайте в Крондштат. Дойдет или нет? Может утонет?

Дошел. И только зашел он бедный в бухту, как поломались сразу обе машины. И потащили его за ноздрю в завод.

Он, как загнанная собака, подполз к дому после долгой разлуки и сдох.

Но говоря наперед, не выдержал он балтийских туманов, бессонных летних белых ночей и, тоскуя о черноморском бризе, о палящем средиземноморском солнце, этот труженик моря сгорел через три года. Сгорел до тла.

Это был славный корабль, воспитавший не одну плеяду достойных офицеров, мичманов и матросов.

И позволь, дорогой, почтить твою память вставанием и скупой соленой морской слезой.

Итак, мы в Крондштате, на острове Котлин.

Все дышит историей.

Ленинград – рукой подать. Город, где прошли годы учебы в Военно-медицинской академии, где ты стал мужчиной, выпил первую кружку пива и выкурил первую сигарету, где ты стал офицером, откуда началась твоя кораблядская жизнь. Здесь ты женился, здесь же родились дети – Петя и Саша. Тут твой исток долгого жизненного пути.

Я уже не тот юнец, а обросший ракушками моряк, прошедший Красное море, Индийский океан, все моря Средиземноморского бассейна, Атлантику и обогнувший матушку Европу.

Я уже матерый, уважаемый всеми годок. Волчара!

Я уже не встаю по подъему, не хожу на послеобеденное построение и просыпаюсь тогда, когда проснусь. И старпом, Яковлев, дорогой мой человек, оставшийся за командира и, тоже, любивший всласть поспать, теперь будит меня, спустившись по нужде в наш носовой коридор офицерского состава. Он входит в мою каюту, застегивая на ходу ширинку, без стука и, даже, бесцеремонно будит годка флота.

- Доктор, вы почему спите?

- У меня что-то голова болит.

- Я тебя накажу, и накажу не за то, что ты спишь, а за то, что ты спишь больше меня.

Жизнь без фантазии – это все равно, что Земля без Солнца. Тепла нет, радости нет.

После обеда жду 15-20 минут (а каково столько ждать, если дико хочется в Ленинград), когда сон, буквально, скосит старпома. Тихо

стучусь и захожу в его каюту, и полушепотом, чтобы, не дай Бог, не разбудить высокого начальника, прошу разрешения на сход.

- У-у-у-у – рычит тело Яковлева и затихает.

- Тащ (товарищ капитан – лейтенант)! Прошу добро!

Слово «на сход» я произношу не внятно, чтобы оно, всегда болезненно воспринимаемое начальством, не лишило сна, любимого мной, человека.

Снова слышится рычание, мычание, невнятное, еле уловимое: «Доктор, пошел на х...й, не мешай спать.»

-Есть, - тихо говорю я и выхожу.

Переодевшись, я иду на сход, то есть на берег.

И так - ежедневно.

Утром мне задается один и тот же вопрос:

- Где вы были, доктор?

- На сходе!

- Но вчера у вас была обеспечивающая смена, - он, наверное, скучал без меня. Вечером нечем было заняться.

- Но вы же мне дали добро на сход.

- Давно я тебя не наказывал.

- Есть.

До чего это слово «есть» емко. Каждый понимает его по-своему.

ОТВЕРТКА

У механика Чугунова в машине застучал мотор. Заехав в мехмастерскую, он вылез из кабины, открыл капот и стал там ковыряться. Порядком извозившись мазутом, он крикнул проходящему мимо моряку:

- Отвертка есть?

- Так точно, товарищ капитан третьего ранга.

- Давай.

Через минуту к нему подбежал старшина.

- Товарищ капитан третьего ранга, старшина второй статьи Отвертка по вашему приказанию прибыл.

Механик оторвал глаза от мотора.

- Давай.

- Что давать?

- Отвертку давай.

- Какую отвертку? Я Отвертка.

- Не понял.

- Говорю, что я – Отвертка.

- Ты Отвертка? Это твоя фамилия?

- Так точно.

- Ну и наградил тебя Бог! Отвертка! А отвертка у тебя есть?

- Так точно. Есть.

- Ну неси ее сюда. Будем винт откручивать.

Механик улыбнулся и вновь весь «погрузился в мотор».

РЕЛИКВИЯ

На свой последний корабль, СКР «Беззаветный», я попал по воле какой-то злой судьбы.

Местные начальники: командир, его политический заместитель и примкнувший к ним флагманский врач (я их немного охарактеризую несколько ниже) на боевой службе «засношали» начмеда до такой степени, что он не выдержал и наглотался таблеток димедрола. Меня с ним и поменяли. Мол, Финогеев и не такое выдерживал.

Слава Богу, что доктора удалось спасти, а то бы его трое детей остались сиротами. А эти выродки из народа через год, со снятыми

выговорами, снова бы продолжали свою преступную античеловеческую деятельность.

Как становятся такими? Кто их назначает на руководящую должность? Или их гнилую сущность никто не видит?

Наверное, исторически, в эпоху советской власти, эти люди устраивали всех. Ведь именно после свершения Великой Октябрьской социалистической революции каждый шаг советской истории оставлял после себя кровавый след.

Естественно, что это понимаешь спустя годы.

А тогда вера в светлое будущее всего прогрессивного человечества была свята и незыблема. И принимали мы таких начальников, ну не как манну небесную, а как что-то должное, неотвратимое.

Ведь бастовать или высказывать свой протест было нельзя. Это противоречило самой гуманной в мире идеологии марксизма-ленинизма. За это полагался трибунал. А ребята там не шутили.

Так кто же руководил сторожевым кораблем? Я не буду называть их фамилии. Они мне просто противны. Хотя история тоже должна помнить подонков.

Командир корабля был холериком. В нем отображались все виды темперамента, свойственные этому виду. Он был злобен, сух, жесты быстры и не всегда адекватны, движения скоры и хаотичны, в речи превалировал крик, а лицо постоянно дергалось, изображая вечное недовольство и ненависть.

Еще он был трусом. А так как грехов за ним водилось много, то некоторые офицеры вели на него досье, дабы самим выглядеть белыми и не быть им раздавленными в период его постоянной депрессии.

Диагноз «Шизофрения» можно было ставить, не консультируясь у психиатра.

Истинное удовольствие он получал от своей речи перед экипажем корабля. Его истерический визгливый словесный понос мог продолжаться часами. На личный состав летела слюна, адреналин и сперма. В это время, войдя в экстаз, он уповался своей властью и дуростью. Это он умел! А вот пришвартовать корабль к стенке он не мог. Во время швартовки им давались тысяча противоречащих друг друга команд ютовым и боковым группам. Отчего те не знали, что им, в конечном итоге, делать. И не раз корабль со всего маху врезался кормой в причальную стенку.

Доходило до того, что старпом, в конце концов, вырывал у него микрофон и спокойно говорил:

- Ют, бак, ПЭЖ! Выполнять мои команды!

На главном командном пункте становилось тихо. Старпом четко подавал команды и корабль спокойно пришвартовывался.

Из подчиненных он никого не любил и не уважал, стараясь всех унижить и втоптать в грязь.

Именно здесь и помогал собранный на него компромат.

Когда планка у него зашкаливала и слушать всяческий бред было неприятно и противно, надо было переходить в контратаку.

- Если вы воруете у экипажа мясо и консервы, то почему я не могу попить чай с сахаром в каюте?

Или:

- Да, я выпил вчера в ресторане и пришел на корабль нетрезвый. Но ведь и вы не пошли домой, а поехали к любовнице. Только у меня здесь нет жены и квартиры, а у вас есть и то и другое.

А можно задать не относящийся к теме разговора вопрос:

- А вы что, ремонт делаете? Позавчера оповеститель вам отнес домой десять килограмм белой краски.

На этом, как правило, душещипательная беседа прекращалась и тебя отпускали.

Но если он чувствовал в тебе слабинку, считай, что тебе крупно не повезло. И ты можешь смело завидовать мертвым.

С волком надо жить по-волчьи. И чьи зубы крепче, еще не известно.

После истерической атаки американского корабля во всех органах думали: «Кто он? Больной или герой?». Но нота американского правительства была не особо строгой. Поэтому посчитали, что, наверное, герой. Дали орден. Повысили в должности, а затем забрали в штаб ВМФ. Там получил он шитые звезды. Но как был тварью, тварью и остался.

Его боевой заместитель по политической части являл собой полную противоположность командиру. Он относился к разряду флегматиков. И что характерно, они вдвоем вообще не общались.

Ну вообще.

У них у каждого были свои интересы.

Зам был толст, лыс, маленького роста, медлителен в действиях и мыслях. А когда вдруг проявлял прыть, то сильно потел. Речь была тягуча и не интересна. По всей видимости, науки давались ему тяжело и с неохотой.

Тем, кто слабо владеет греческим языком, хочу сказать, что слово «флегма» переводится как «слизь». Вот таким он и был, скользким и противным.

Пили они оба ночью с зеркальным отражением. Но если командир после этого боялся выйти из каюты, то замполит, наоборот, становился храбрым. Его тянуло к людям. Профессия брала свое, душа требовала общения.

Он шел шатаясь по коридору. Встретив матроса, по-отечески останавливал его.

- Ты кто? – глядя ему на ботинки, спрашивал он.
- Матрос Герасименко, радиометрист БИП.
- А кто я? – его глаза поднимались до бляхи.
- Заместитель командира корабля по политической части.
- Как меня зовут? – снова спрашивал он, икая.

Матрос замирал и как-то испуганно тихо говорил: «Не знаю».

- Меня зовут Николай Леонидович. Повтори, - глаза продолжали осоловело глядеть на бляху.

- Николай Леонидович, - повторял матрос.
- Молодец. Иди, служи.
- Есть!

И матрос убежал.

А он шел искать нового собеседника. Вопросы к нему повторялись в хронологическом порядке.

«Пообщавшись» с народом, он с чистой совестью шел спать.

С таким «рвением» к службе зам дошел до политического управления, с достоинством неся на плечах три большие звезды.

О флагманском враче я уже повествовал в нескольких рассказах, поэтому к этому упырю я возвращаться не хочу. Черти его давно парят на сковородке. Этого он точно заслужил.

Офицеры на этом корабле также жили обособленно. Каютная система общения (закон «Разделяй и властвуй» тут просматривалась очень четко). Общение тройками – четверками, не больше.

Несмотря на весь внешний лоск корабля, его внутренняя атмосфера была напряженна и удручающа.

Единственным светлым лицом здесь являлся старший помощник. Он был на этом корабле мозг. С ним решались все проблемы. И, не смотря на его «собачью» должность», он всегда оставался человеком.

Вот в такую атмосферу, атмосферу «любви и взаимопонимания» я попал.

Но... службу не выбирают, на нее назначают.

Притираюсь, присматриваюсь, «прописываюсь», короче, делаю все как везде, все как положено. В общем, врастаю в коллектив.

Коллектив тоже изучает меня.

Пришел я уже заматерелым «годком», капитаном. Ракушки даже на пятках. Поэтому повалить меня на колени невозможно! Через год майора получать!

Месяц службы подходил к концу, когда на меня вдруг обратили внимание.

Командование, в меру своей занятости, обращает на медицину внимание только в том случае, когда видит таракана, крысу или не чувствует запаха хлорки.

И вот, за обедом, в гробовой тишине (на этом корабле за столом не разговаривали) раздается гавкающий голос командира:

- Доктор! Вы разве не видите, что в каюткомпании ползают тараканы?

- Потравим.

- Уж потравите, будьте любезны!

Он улыбается и оглядывает всех присутствующих, ища единомышленников. Но все молча и сосредоточенно едят.

Вечером схожу на берег.

Идти, собственно говоря, некуда. Жена в Питере. Поэтому путь один – в кабак, где все такие как я, обездоленные.

Но в этот вечер звезды, явно, не были расположены ко мне, и я вернулся на корабль.

Нерастроченная энергия и легкое алкогольное благодушие расположили меня к активной работе. А учитывая, что командир и зам на сходе (их каюты рядом с каюткомпанией), то не потравить тараканов было просто грех.

Выясняется, что кроме дутовых шашек, на корабле ничего нет.

Ну нет, так нет. Пойдут и он. Не отступать же назад!

- Только вперед! – учил Суворов.

А надо сказать, отступя от темы или в продолжение ее, что в целях повышения военно-патриотического воспитания личного состава на корабль дали Военно-морской флаг, который овеял себя славой, пройдя через все невзгоды войны. Его поставили в каюткомпании вместе с современным флагом. Так они должны были простоять год, до сорокалетия победы.

Соблюдая противопожарную безопасность, запаливаю шашку и кладу ее в обрез (таз). Она начинает медленно выпускать ядовитые пары. Но что-то ее инертность меня не вдохновляет и я заставляю санитаря принести вторую.

Когда смертоносный дым поглотил каюткомпанию, я плотно закрыл дверь и, с чистой совестью, пошел спать, похвалив себя, при этом, за смекалистость.

Утро было омрачено каким-то визгом и похмельной болью в голове.

Не сообразив, по началу, где я, я тупо созерцал обстановку и того, кто орал и дергался, кто посмел разбудить меня. Оказалось, что это в конвульсиях билось тело замполита. Оно кричало о моем вредительстве, о том, кто дал мне право делать в каюткомпании дезенсекцию, хотя такого слова он, явно, не знал и что этого моего поступка он без внимания не оставит.

Не поняв до конца в чем дело, я спрыгнул с койки.

- Кто вам дал право орать на меня, - невыветрившийся алкоголь придавал моему голосу агрессивность. Я медленно надвигался на него, - Вам что, одного начмеда мало? Вы второго решили довести до самоубийства? Это у вас не получится! Я сейчас же иду в политотдел к начпо и расскажу как здесь с офицерами обращаются!

Повернувшись к заму спиной, я стал одеваться.

Сзади слышалось сиплое дыхание. Он выдыхал таким мощным перегаром, что скоро в каюте нечем стало дышать.

Дико и, в то же время, удивленно он молча смотрел на меня.

С ним еще никто из подчиненных так не разговаривал.

Было видно, как он трезвел на глазах.

Сквозь надменность и собственную значимость проступал страх. Лицо бледнело.

Конечно же, зам боялся не меня, а начальника политотдела. Водившиеся грехи не позволяли ему широко распускать крылья.

Допусти политическую ошибку, - и заживо сгинешь на корабле. А светлые идеи о службе в вышестоящих органах мгновенно накроются женским половым органом.

Он молча развернулся и вышел.

Свидетель этого разговора Володя Убийвовк, командир БЧ-2, просто обалдел:

- Ну доктор, ты даешь! Ты каюткомпанию видел?

- Нет. Я же с койки только встал. Володя, ну что, меня сейчас вложат?

- Не ссы! Он сам всех боится.

Одевшись, мы пошли в каюткомпанию.

Открыв дверь, я опешил. Картина было просто ужасающей. С подволока свисали дуговые сопки. Палуба, стол, мебель были густо

покрыты белым порошком, а о флагах я просто промолчу. Они выглядели очень и очень плачевно.

Тут реальность заканчивается и наступает животный страх. Я посягнул на святыню! А это, минимум, строгий выговор по партийной линии. Это больше, чем серьезно, это гораздо больше, чем замполиту дать по морде.

В мгновение ока была организована большая приборка. Все мылось, драилось, вычищалось.

В ожидании прошел день, другой, неделя.

Никто не вспомнил ни о святыне, ни об оскорбленном заме. И лишь тараканы продолжали свой жизненный путь, да в каюткомпании пахло дустом.

Знамена же хорошенько вытряхнули и они вновь олицетворяли собой символ силы и мощи Советского флота.

УНИКАЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

СКР «Беззаветный» находился под Испанией.

Что его туда занесло, одному флоту известно.

Вокруг ни одного советского корабля. А тут ночью у красавца матроса случается аппендицит. Причем все конкретно и медлить нельзя.

Прибыл служить я на этот корабль, буквально, три месяца назад и сразу боевая служба. Кого поставить ассистентом? Офицеров, практически, не знаю.

Нашелся доброволец, командир БЧ-7. Мать его была врачом и контакт с медициной у него тесен.

Он был тучен, рыхл, носил очки и походил на интеллигента.

Больной лежит на столе. Кожа обезболивается новокаином и делается разрез. Появляется первая кровь. Рана сушится, сосуды пережимаются зажимами и перевязываются.

И вот рана, которую ассистент расширяет крючками, как-то странно стала раздвигаться.

Я взглянул на своего ассистента. Лицо его было мертвенно бледным, капли пота стекали по лбу, глаза запали и стали тусклы.

- Док, мне хер-р-рово, - Вадик немного картавил.

- Потерпи. Сейчас перевяжу сосуд и займемся тобой. Дыши глубоко ртом. Быстро нашатырь и подкожно кордиамин! - уже кричу я санинструктору.

Но было поздно. Боевой офицер, как подкошенный, рухнул на палубу в обморок. Падая, он подрубил ножную часть складного операционного стола.

Больной изогнулся.

Накрыв рану салфеткой и, поправив стол, я бросился к бездыханному офицеру, понимая, что тот сейчас забьется в судорогах.

Через двадцать минут офицер принял человеческий вид.

Возникла новая проблема. Нужен новый ассистент. На его поиски, помывку, одевание (и мне тоже надо было по-новому мыться и одеваться) ушло минут сорок.

Уже час больной лежал на столе.

Наконец все наладилось и операция продолжилась.

Но беда не приходит одна.

Толстая кишка никак не выводилась. Илиоцекальный угол был как припаянный к брюшине. Пришлось расширить рану или, как говорят хирурги, операционное поле.

Результаты были мизерные.

Уже с моего лба пот катится ручьем и внутри делается как-то не хорошо.

- Что делать? – эта мысль сверлила воспаленный мозг.

Наконец, в какой-то безисходности, я резко потянул кишку на себя. В брюшине образовалась маленькая дырочка. Сунув мизинец в это отверстие, я облегченно вздохнул, аппендикулярный отросток был найден, он оказался за брюшиной. Тут нужна была только техника, внимание и аккуратность.

Спустя три часа больного перенесли в лазарет.

И, как писалось в учебнике, была сделана уникальная операция.

Да. В ней все было уникально. Но об это знал только доктор, но и он дико хотел спать.

ЗИГЗАГИ СЛУЖБЫ

Как и человеку, кораблю тоже нужен отдых.

Для этого существует межпоходовый ремонт. Чаще всего он проводится стоя на якоре в море, но в этот раз и ему и нам несказанно повезло. Мы пришли в Севастополь.

В период длительного плавания на корабле была тяжелая хирургическая операция, которая забрала много медикаментов. И их надо восполнить.

Доктор, собравшись ехать в госпиталь, сошел на «стенку». Приятно ощущать ногами твердость родной земли. Но времени мало, нужно спешить все сделать. Через десять дней выход в море для продолжения боевой службы и эти дни пролетят незаметно.

Но тут, как на грех, подходит начмед с соседнего корабля. Он из студентов, трехгодичник. Все, что он взял от флота или флот дал ему – это пить «шило».

На службу он давно «забил болт». Начальство махнуло рукой. Ну что с алкоголика взять, тем более, что через четыре месяца ему увольняться в запас.

И жил он, служа себе в удовольствие. Никому не нужный и никем не востребованный.

Ему явно было скучно и он искал собеседника или собутыльника, тут для него разницы не было.

- Ну, расскажи, как там?

- Понимаешь, еду в госпиталь, нужны медикаменты. Потом зайду.

- Успеешь съездить. Пошли ко мне на корабль, я тебе дам все, что тебе нужно.

С большой неохотой доктор поднялся на борт соседнего БПК.

На столе мгновенно появилась бутылка и закуска. Завязалась ненавязчивая беседа.

«Шило», как-то неожиданно закончилось.

- Может повторим, - начмед нагнулся к сейфу.

- Нет, нет. Я поеду.

- Тогда я тоже с тобой.

Город своей шумной жизнью, легкий хмель и теплый осенний день растворили деловой настрой. Доктора, мирно беседуя, шли в сторону, далеко противоположную госпиталю.

Вторая бутылка вина в баре была, явно, лишней. И разум как-то помутился, и походка стала не твердой. Ну куда поедешь в таком состоянии? Одна дорога – на корабль. Тем более, что, не в меру добродушный начмед, поехал к женщине.

Выйдя из троллейбуса, доктор начал устало спускаться на Минную стенку. И все было бы хорошо, не раздайся сзади топот ботинок и голос:

- Товарищ капитан! Вас вызывает помощник коменданта.

Матка потекла по асфальту. Детский лепет, что может быть не надо, что не хотел, что так получилось и отпустите, больше не буду, не возымели никакого успеха.

Его посадили в машину и повезли в комендатуру. Там, отобрав все, включая шнурки и галстук, отвели в камеру.

В девятнадцать часов за ним пришел корабельный офицер.

С понурой головой доктор шел на корабль. Предстоящий разговор с командованием не предвещал ничего хорошего. Однако все прошло без кровопролития. Его не наказали ни по строевой, ни по партийной линии.

Пожалели?

Вряд ли. Жалость на флоте – очень редкое явление.

А может доктор был героем, сделав уникальную операцию?

Мало верится.

Героями не становятся. Их назначают.

Или он был непокорным и с ним сложно было служить? А накажи его, кому он нужен, кто его возьмет? И будет он вечно прозябать на корабле, разлагая себя и других. Тем более, что подходил к очередному званию «майор».

Лучше «с глаз долой, из сердца вон». На других нервов не хватает.

Скорее всего, не хотели портить оценку кораблю за боевую службу. Кто из начальников сам себе желает насрать в душу? Таких в природе нет и не будет.

Но нет, командир не забыл «героя».

По итогам года доктору урезали поощрительный оклад на пятьдесят процентов.

Хоть это и не приятно, но не так больно, как если бы ты навсегда застрял на кораблях доблестного флота.

ФИСКАЛ

Мичман Новиков был финансист. Но он занимался не только финансовой частью, он также собирал на всех компромат. И всё это доносил командиру, который, ввиду своих больших грехов, не давал ход поступившей информации, но иногда холерическая желчная натура прорывалась наружу и долго был слышен далеко в округе его истерический крик.

Вообще-то на СКР «Беззаветный» никто никого не боялся. Каждый нёс свою скорлупу, в которую мог и спрятаться, и выпустить защитные иглы. Только вот иглы эти были у каждого разные. Отчего одни страдали больше, а другие почти нет. Ну а Новиков, как номинальная единица, не интересовал никого. Все знали о его хобби и просто мирились с этим.

В одном из дальних походов по Средиземному морю над Мишей сыграли злую шутку. Один из мичманов боевой части связи (БЧ-4) напечатал на бланке ЗАС (бланке строгой отчётности) буквально следующее, что за высокие заслуги в боевой и политической подготовке, военный профессионализм приказом командующего за номером таким-то мичману Новикову Михаилу Ивановичу присвоено звание «лейтенант».

Дело было в субботу, когда командир и замполит были на подведении итогов на флагманском корабле у командира Средиземноморской эскадры.

Миша вначале как-то засомневался. Но бланк ЗАС, печать, - всё натуральное. Розыгрыша не могло быть.

Сердце переполнялось доброй кровью, глаза светились гордостью и счастьем.

Весть по кораблю разошлась мгновенно. Все знали об этой шутке, но солидарно молчали. Каждый подходил, дружески хлопал по плечу, жал руку, поздравлял.

Всё было натурально.

- Миша! Ты теперь обедать должен в офицерской кают-компании. Так что давай. Там тебе и погоны вручат. Но за звёзды надо бы стол накрыть.

Новиков всем всё обещал, растроганно благодарил.

Наступило время обеда. Офицеры собрались в кают-компании. Миша как будущий полноправный член офицерского собрания, тоже был тут. Ему показали место, где он должен сидеть.

Все ждали старпома. Ведь ещё высокое начальство было на флагмане.

Вошёл старпом.

- Товарищи офицеры! – Все приняли строевую стойку.

- Товарищи офицеры. Приглашаю к столу.

Офицеры заняли свои места, и трапеза началась. Слышался стук вилок и ложек о тарелки, чавканье, но, вместе с тем стояла какая-то зловещая тишина.

Старпом, Саватеев, погружённый в свои повседневные мысли, опустив глаза в тарелку, сосредоточенно ел.

При смене блюда он окинул отсутствующим взглядом сидящих за большим столом офицеров и снова опустил глаза. Потом резко поднял их, что-то в кают-компании было непривычно для его взора. Он снова прошёлся по всем глазами. Его взгляд остановился на Мише, брови медленно поползли вверх.

- Новиков! Вы что здесь делаете?

Миша подскочил, приняв строевую стойку. Глаза ели начальника.

- Товарищ капитан-лейтенант! Приказом командующего мне присвоено звание „лейтенант”.

- Что-о-о?

- Присвоено звание „лейтенант”.

- Новиков! Пошёл на х ... отсюда!

Потом была жесткая проверка поста ЗАС. Пропажи бланка обнаружено не было, как и не было выяснено, откуда он появился. Старшину сурово наказали. А Миша Новиков так и остался Мишей Новиковым. И сколько он служил, столько и нёс, с высоко и гордо поднятой головой, кляузы на своих сослуживцев.

Хобби, как и фамилию, по жизни мужчины не меняют.

НЕУДОВЛЕТВОРЁННЫЕ ПОТРЕБНОСТИ

На боевой службе, а уж тем более, в иностранном порту, командование пасло нас очень даже строго.

“Коммунисты”, “представители великой державы”, “посланники первого в истории социалистического государства”... – и другие эпитеты неизменно накладывали на наши хрупкие плечи десятитонный груз ответственности, который всё время хотелось сбросить и просто почувствовать себя человеком.

- Коммунисты! Комсомольцы! Вы должны высоко нести гордое знамя Великого Октября! – внушали нам замполиты.

- Вам должны быть чужды такие проявления, как секс, порнография, дискриминация и всё то, что чуждо нашему прогрессивному государству, нашему мировоззрению, – звенело у нас в каждом ухе.

А как всего этого хотелось!

Скрываясь от незримого ока особого отдела и представителей партийного контроля, стоящих грудью за соблюдение нами нравственности и коммунистической морали, мы всё-таки пили пиво, бренди, джин-тоники, покупали журнальчики с голыми бабами на

обложках. Пуская слюну, мы во всю глядели на домики с красными фонарями у входа и рекламные щиты порнофильмов.

Повсюду была жизнь. Настоящая.

И мы тоже мечтали о настоящем.

По своей наивности, мы думали, что “проклятые” империалисты по телевизору крутят только одну порнуху.

Командир группы радиометристов БИП Лёша Колтыгин и его старшина команды Вася Козлов решили это дело проверить.

Затащив в вентиляторную телевизор, провели туда кабель, меня с собой взяли и после отбоя, соблюдая все законы конспирации, залезли в нее. Если честно, то в нормальной обстановке в этой самой вентиляторной и одному-то человеку тесновато, а тут – втроём. Начинаешь завидовать шпротам. Воздуха не хватает, жарища неимоверная. Пот выступает даже на ногтях. Но никто не сдаётся. Все смотрим в телевизор и ждём, что вот -вот!

Лепечет в телевизоре диктор и, главное, на итальянском, а для нас это уже секс. Потом началось музыкальное шоу. Ну хоть бы кто-то, для удовлетворения нашей страсти, сиську показал. Нет, поют, танцуют. Смеются.

Мне уже неважно.

От жары стало дурно.

- Ну его, в трещину, этот секс!

Я пошел спать.

Утром же интересно, а что было дальше?

Оказалось, что любители порно смогли высидеть еще не более десяти минут. И тоже разошлись, не дождавшись столь желанного оргазма.

На этом кинозал прекратил свою работу.

ЛЕВОМИЦЕТИН

«Годок» на флоте любит себя!

И даже очень.

Высший его шик – это ношение тапочек, потому, как устали у него ноги. А на ногах ему надо еще и ходить.

Амбулаторный прием.

В санчасть входит, обросший ракушками, «годок».

- Добро войти?

- Заходи. Что случилось?

- Ноги болят.

- Что с ними?

- Пропишите тапочки.

- Зачем?

- Ноги болят.

- Что с ними?

Молчание.

Подхожу к шкафчику, достаю таблетку левомецетина.

Даю.

- Разжуй и поддержи во рту.

- Я ее выпью.

- Нет. Надо разжевать.

«Годуля» жует.

Ни один мускул не дергается на его лице, хотя эта таблетка до того горькая, что не измениться лицу просто не возможно.

Начинаю сомневаться, то ли я дал.

- Ну как, ноги проходят?

- Да я в рот е... вашу медслужбу.

Вижу, что не ошибся и лечебный эффект левомецетина проявляется на глазах.

- Я спрашиваю, ноги проходят?

«Годок» подходит к раковине.

Изо рта течет слюна.

Он смачно все выплевывает и полощет рот.

- Чтоб я больше сюда пришел. Да пошли вы все ... , - говорит он, выходя хлопая дверью.

- Да куда ты, на х..., денешься? Следующий! Что болит?

ВРАГ НАРОДА

Служба снабжения состоит из многих мелких подразделений: продовольственной, финансовой, вещевой, боцманской, коков. Контингент здесь самый разнообразный, как по уму, так и по интеллекту. Здесь каждый занят своим делом и какого-то товарищества, единомыслия тут не существует. Они воруют все, чем заведуют: краску, тушенку, сгущенку, тельняшки и даже наживаются на денежных переводах. Короче, эта сволочная служба была нелюбима еще Петром I в эпоху становления флота.

Это, как всегда, случилось на боевой службе.

Корабль стоял на якоре.

На юте шел концерт художественной самодеятельности. Там меня и нашел портной, славный представитель указанной выше службы. Он был уже, практически, демобилизованным и ждал прихода корабля на базу, чтобы уехать домой в город-герой Ленинград. Парень он был говнистый и на корабле его не очень любили.

- Товарищ капитан! Зуб болит. Дайте таблетку.

Иду, даю ему таблетку анальгина.

Через час все повторяется.

Снова даю таблетку.

Проходит час, он снова у меня.

- Товарищ капитан! Дайте его выдернем.

Смотрю зуб. Зуб здоров, но вокруг него сукровица. Это меня даже не насторожило.

- Может наковырять? – подумал я.

Пытаюсь убедить, что зуб надо сохранить, что он не вырастет больше. Но мои доводы не помогают. Рвать и все.

Делаю укол, жду заморозки.

Наконец приступаю к удалению. Отслаиваю слизистую, захватываю щипцами, тяну, а челюсть идет вместе с зубом.

Боже!

Перелом челюсти!

В моей практике это впервые. И во время учебы на кафедре челюстно-лицевой хирургии не довелось увидеть и, тем более, участвовать в ее шинировании. Хотя это и не так сложно.

Иду к командиру.

- Товарищ командир! У матроса перелом нижней челюсти. Начал дергать зуб, а челюсть слева патологически подвижная.

- Это вы ее сломали, - говорит не совсем здоровый на голову командир Бодашин.

- Как я мог ее сломать? Это от удара.

- Вы ничего не знаете, ничего не умеете, а лезете дергать зуб.

Я онемел.

Как можно убедить глупого человека? У него мнение одно и на всю жизнь: «Подчиненный всегда дурак». Спорить и доказывать свою непричастность к этому просто бессмысленно.

Я становлюсь врагом народа.

- И что собираетесь делать? – с ехидцей спрашивает он.

- Надо отправить на крейсер «Слава», там есть штатный стоматолог.

Пока спустили баркас, пока дошли до «Славы», пока больного осмотрел стоматолог, вернулись на корабль уже ночью.

Перелом подтвердился. Как сказал специалист, - во время экстракции зуба челюсть сломать невозможно.

Этот же ухорь, командир, собрал со всего экипажа объяснительные, чтобы прикрыть свою попку (задницы у него просто не было), что никто не видел и никто не бил этого матроса.

А я остался носить ярмо врага народа.

Как потом выяснилось (это мне шепнули по дружбе моряки), этого дембелька ударил молодой боцман матрос Тукила. Этот моряк был с определенными психическими странностями и очень крепок. А удар нанесен настолько резко, что синяка на лице пострадавшего не было.

И вот как-то, этот «доблестный» командир пытался меня в чем-то унижить и втоптать в грязь. Вот тут-то и пришлось ему выложить про этого Тукилу. Он, конечно, это знал и боялся огласки и ответных действий со стороны вышестоящего командования. За это можно было и с должности полететь. Проще исполнить арию «дурачка» и обвинить во всем другого. Так он и выходил всегда из грязи чистеньким. А я пригрозил, что доложу в политотдел.

Этого командира нужно было постоянно держать в страхе, что и делали с ним все командиры боевых частей. Иначе заклевал бы до смерти. Опыт у него уже в этом был. Вместе с флагманским врачом он довел бывшего начмеда до суицидной попытки.

Чтобы хорошо жить, нужно за пазухой всегда иметь хороший козырь против своего начальства, а лучше два. Они всегда пригодятся.

ЛЮБИМЕЦ ПРЕССЫ

Не могу пожаловаться на то, что я, за период своей многолетней службы, был обделен вниманием прессы.

Впервые, в далекие семидесятые, обо мне заговорила газета Военно – медицинской Академии «Военный врач», в которой мой сокурсник, будущий хирург – гуманист, Шура Уточкин, обличал слушателя третьего курса Финогеева в разгильдяйстве, нерадивом отношении к учебе и службе, называл позором курса и намекал на то, что верной ли дорогой идет товарищ, если вообще это слово для него уместно.

Затем пресса обо мне не надолго забыла.

Вторая статья появилась в газете Черноморского флота «Флаг Родины».

Выходя ежедневно, эта газета отражала боевую и политическую деятельность разбросанного многочисленного флота. Представляю, как это трудно, дать что-то новое, когда события, с закономерной последовательностью идут, повторяя друг друга из года в год, из десятилетия в десятилетие. Это в масштабах страны за день можно наковырять событий для газеты, и то, если постараться. А тут ... корреспондентам явно не позавидуешь. Тут фантасты не работали. Фантазию вместе с яйцами тут же вырывали в политуправлении.

И вот, весь флот узнает, что на эскадренном миноносце «Благородный» служит прекрасный офицер, старший лейтенант медицинской службы Финогеев. Он честен, принципиален, является примером для остальных, ведет за собой, секретарь партийной организации, лучший начальник медицинской службы и имеет все положительные эпитеты, характеризующие порядочного человека. (Эх, Шура! Как ты, будущий начальник кафедры и учитель, не увидел в оступившемся товарище верного партийца – ленинца? А принцип

«Столкни в пропасть оступившегося, ибо он мешает твоему пути» сработал у тебя четко. У каждого свой путь. Одни идут по костям товарищей, другие – по острым камням. И у каждого этот путь свой.)

Все знают, что в каждой газете печатают фотографии. Печатали их и во «Флаге Родины». А фотографами там были два дедка: Григорьев и Никишов. Оба низенького росточка. Только первый был худ и жилист, а второй толст и меланхоличен. Где они учились фотографировать, кто их были учителя – этого, наверное, уже не знает никто. Но жертвы, смотрящие на тебя с газетных полос мало походили на оригинал. Они все напоминали каких-то монстров.

Как их всех можно было умудриться напугать или застрашать, чтобы нормальное человеческое лицо превратилось у этих «мастеров» фотографии в нечто непередаваемое, неопишное?

Вот и мое благородное лицо смотрело со страницы газеты на бедного читателя очень удручающе. Оно выражало скорбь и грусть, было темным, как у людей, страдающих бронзовой болезнью. Глаза молили о пощаде, а как-то неестественно согнутая шея говорила о болезни непослушных школьников – явно выраженном скалиозе и, даже, лордозе, с которым, даже в те далекие времена, в армию, я не говорю о флоте, и близко не подпускали. Если бы это мое фото поместили, случайно, среди узников Дохау или Освенцима, никто бы не заподозрил подделки. Тоже, выражающее безысходность лицо.

С той поры я стал чаще мелькать на страницах газет и, даже, как-то попал в «Красную Звезду».

Подходил очередной праздник медицинского работника.

Изъеденный годами службы «перезревающий» капитан захотел вдруг снова увидеть себя среди высоко несущих..., но ... все молчали. А под лежащего капитана слава не течет.

Тут флагманский врач, Саня Демицкий, ушел в отпуск, и меня назначают его замещать.

Канители не много, но есть.

А праздник стремительно приближался.

И решил я, вверенной мне властью, поощрить лучшего начмеда в бригаде. Думать долго не пришлось. Лучшим по всем показателям, естественно, был признан начальник медицинской службы СКР «Беззаветный» (я тогда уже служил на нем) капитан Финогеев.

С чистой совестью набираю телефон редакции:

- Здравствуйте! Вас беспокоит исполняющий обязанности флагманского врача бригады противолодочных кораблей капитан (фамилия произносится неразборчиво). Мы бы хотели через нашу любимую газету отметить лучшего корабельного врача.

- Как хорошо, что вы позвонили. Нам как раз нужен материал и мы собирались звонить начмеду флота. Так куда направить корреспондента?

- На СКР «Беззаветный». Он сейчас стоит на Минной стенке. А завтра корабль уходит в море, - для верности говорю я.

- Хорошо. Ждите.

Через тридцать минут (от редакции до Минки ползти две минуты) в амбулаторию корабля постучали и вошел плотный, улыбающийся мужчина с фотоаппаратом.

- Фотокорреспондент Никишов. Вы , - он, каверкая, по складам прочитал мою фамилию. – Буду вас снимать для газеты. Вас предупредили?

- Никак нет, - я сделал удивленные глаза.

- Это ваш подчиненный? – указал он на стоящего рядом моряка.

- Да. Санитар, матрос Козырев.

- Очень хорошо. Сделаем этюдик. Оденьте-ка халаты и поставьте какую-нибудь аппаратуру на стол.

В нем начинал закипать мастер. Из слезящихся, округлых глаз капал бенгальский огонь.

Я достал дыхательный аппарат. Он без нужды много лет лежал под кушеткой.

- Замечательно. А теперь встаньте, - он показал как, - Возьмите прибор в руки. Один смотрит сюда, другой туда.

Мы истуканами устали в пустоту.

- Отлично. Легонько улыбнулись. Снимаю.

При слове «снимаю» человек, по – моему, сразу глупеет.

Воскресный номер я ждал. Но когда увидел фотографию, образ непреклонного защитника социалистических завоеваний умер даже не родившись. Два хирувимоподобных существа, тупо глядевших в светлое будущее, держали в руках что-то дынеобразное и по идиотски улыбались. Нет, как идиот улыбался Козырев. Я же походил на Иуду Искарята, только что получившего тридцать серебряников!

Настроение испортилось. Но праздник не отменился.

Жизнь шла своим чередом. Были новые статьи и новые фотографии. Но все они были уже схожи с оригиналом.

НЕИСПОВЕДИМЫЕ ПУТИ - ДОРОГИ

Поезд мчит нас на север. Мерный стук колёс напоминает – мы едем в отпуск. И если на юге уже всюду тепло, то ближе к северу весна только-только начинается.

Но как говорил артиллерист Саша Пушкин:

- Отпуск всегда своевременен!

Поезд забит дембелями. Служба кончилась. Впереди долгожданная гражданка. Ну, а пока можно и «оторваться». Все пьяные. Идёт братание войск. Но драк отчего-то нет – видно хмель не достиг ещё своего апогея.

Маленький сын лежит на верхней полке, жена что-то вяжет, я в полудрёме читаю.

Стоим. Пропускаем товарный поезд. Но только тронулись... и снова остановка. На этот раз в лесу. Где-то вдалеке виднеется какая-то деревушка. Проходит час. Всё стоим. Объявляют – обогнавший нас товарник сошёл с рельсов.

Пока освобождали путь, прошло часов восемь. За это время поезд почти опустел. Народ разбредается по весеннему лесу, впитывая в себя запах распускающихся почек и лучи послеобеденного солнца. Время медленно приближается к вечеру, а мы всё стоим.

И вот протяжные гудки тепловоза сообщают об отправлении, и пассажиры начинают цепочками стекаться. От деревни идут демобелизованные, точнее, еле идут. Их сопровождает куча девчонок и местный гармонист. Наконец, рассаживаются по вагонам и они. Поезд трогается. Опоздание очень большое. Приехать должны ночью.

И опять только мерный стук колёс.

Устав от вынужденной дневной прогулки, все спят. Спит и полупьяный проводник, вспомнивший свои былые годы службы и отметивший их с дембелями.

Сплю и я.

Вдруг среди ночи меня тормошит жена:

- Саша, вставай! Да вставай же!!! – прихожу в себя от взволнованного голоса супруги, – Сколько здесь стоим – не знаю. Проснулась, вышла в тамбур, глядь, а на вокзале наше – «Ртищево»! Проводник дрыхнет вовсю, а ведь просили разбудить. Одевайся!

- Поехали дальше, до тётки, – сонно бормочу я, поворачиваясь на другой бок.

До неё ещё около двух часов. Но во тьме поди разбери, где эта нужная станция.

Едем дальше. Разбуженный женой проводник начинает что-то бухтеть, из чего становится ясно, что мы уже едем без билета. Похмельное состояние не даёт ему больше уснуть. Ну, а так как в том, что случилось, мы своей вины не признаём, он на нас окончательно обижается, отказываясь давать хоть какую-нибудь информацию о местонахождении поезда.

Ладно.

Одетые, с кучей чемоданов и коробок (а мало мы с собой никогда не возили) выползаем в тамбур.

Остановка.

Открываю дверь.

То? Не то? В темноте хрен его знает.

Прыгаю вниз, а поскольку поезд стоит не больше минуты, мне вдогонку тут же без предупреждения летят вещи.

Коробки...

Теперь чемоданы...

Теперь сынишка...

Стоп!!! И тут меня осеняет:

- Галя!!! Давай назад!!! Это не наша станция!!!

И пока Галя думает, как возразить, я со скоростью спортсмена начинаю метать предметы обратно. Сынишка... Теперь коробки... («Боже!!! Как их много!!!») Теперь чемоданы... Еле-еле успеваю запрыгнуть и сам в уже набравший солидную скорость вагон.

Тяжело дыша, закрываю дверь, устало валюсь на разбросанные котомки.

Мокрый, как после сауны, оглядываю ничего не понимающих членов семейства.

И тут мы все стали смеяться. Мы смеялись так громко и так долго, что даже обиженный проводник вышел из своего купе посмотреть, что случилось, а когда понял, тоже во всю прыснул от смеха.

Да. Дорога была запоминающейся во всех отношениях, от чего и встреча с ничего не подозревающими родными стала ещё более радостной и тёплой.

Отпуск, со всеми его перипетиями, продолжался.

«ЭТАЛОН»

Все в жизни имеет свою меру, свой эталон. Секунда, метр, граммы и так далее.

На флоте же эталоном жизни является «шило», спирт.

«Шило» решает все жизненные и не жизненные проблемы. Через него завязывается дружба, образуются деловые связи, делается карьера. Если товаро-денежные отношения в обществе, выведенные Марксом, подразумевают «товар – деньги – товар», то на флоте жизнь ввела свою корректуру, преобразив эту формулу в «товар – спирт – товар».

Весь славный путь флота тесно соприкасается с «шилом».

Флот и «шило» - вместе веселее!

Без бутылки нельзя посадить на гауптвахту моряка, а вот с бутылкой – можно. Она, как волшебная палочка, освобождает место для разгильдяя.

И на любом складе ты желанный гость, если имеешь с собой ускоритель прогресса. Здесь ты будешь обслужен по высшему разряду и в первую очередь.

Можно сотни раз списывать какую-то ерунду и никогда не спишешь ее, а вот со спиртом, даже серьезную шутовину можно и не приносить. «Шило» подпишет все накладные и поставит печати.

Вы засиделись на месте и хотите двигаться вперед? Вам нужна должность или очередное воинское звание?

Только жидкость, имеющая формулу C_2H_5OH , превратит кадровика из черствой «канцелярской крысы» в добрейшей души человека.

Ну не получилась стрельба, ну не попали в цель. И только одно средство может спасти оценку корабля. Это – его величество «Шило», перед которым проверяющие устоять не могут. И если бы можно было увековечить спирт в камне, то давно бы это сделали. Но тут же его и згрызли.

Каждый любитель этого зелья с возрастом видит его в виде какого-то зеленого чудовища, которое выносить на суд широкой публике не хочет, да и не может, чтобы не уstrasить других.

И каждый на флоте должен выпить свой баркас... И за «прописку», и за стрельбу, и за должность, и, конечно же, за свое и окружающих сослуживцев здоровье.

И пока существует военно-морской флот, «шило», как маяк и путеводитель будет сопровождать его на всем пути.

Но пользоваться этим жизненным эталоном нужно умеючи.

Одним он пришивает на тужурку шитые адмиральские погоны, а другим срывает еще не запылившиеся лейтенантские.

Идя тернистыми жизненными лабиринтами, надо иметь всегда светлую трезвую голову, даже если она затуманена этим напитком.

Потеряешь рассудок – пропадешь!

Думать!

Голова для этого дана, а не только ей пить и носить на ней фуражку.

ЗНАЙ И ЛЮБИ СВОЙ КОРАБЛЬ

Потийский эсминец после ремонта в болгарском порту Варна пришел в Севастополь. Начмедом, на период его ремонта, был назначен мой однокашник по Военно-медицинской академии Толя Шуляк.

Служил он на подводной лодке в Феодосии. По воле судьбы прикомандировали его на этот корабль. Да и кто откажется почти полгода пробыть в сказочной стране Болгарии.

И вот, ремонт завершен. Командование корабля доложило штабу флота о проделанном ремонте, раздало подарки, получило благодарности и приняло крепко на грудь.

Утром корабль вышел из Севастополя, взяв курс на Поти.

Помимо экипажа на корабле было много женщин и детей – это жены офицеров и мичманов, приехавшие встретить своих мужей в главную базу Черноморского флота.

Не успел корабль обогнуть мыс Фиолент, как на нем, в носовой части, возник пожар. Электричество вырубилось, люки по объявленной тревоге задраились.

Когда на корабле наступает полная тьма, да еще задымленность, сориентироваться где ты, куда идти, как открыть люк, просто не представляется возможным, а если еще охватывает паника, то кроме гибели, ничего не остается.

Толя Шуляк, по-видимому, по тревоге в каюте спал. Обычно врачи вяло реагируют на все эти флотские заморочки. Второе – это не знал, что напротив, в каюте командира БЧ-5, есть аварийный иллюминатор. И, как печальный, плачевный итог, его обгорелый до неузнаваемости труп был лишь опознан по офицерскому жетону.

Второй, кто погиб на этом корабле, был секретчик. Он находился на посту, пока не запахло, действительно, жареным, а может быть тоже спал.

Спастись он решил, выбравшись через иллюминатор. Но иллюминатор был малого размера. И он застревает в нем. Голова и туловище были уже за бортом, а все остальное не прошло. Боже! Как он кричал, как он молил, чтобы его застрелили! Ужасающая смерть! Даже представить страшно.

Только с годами ты начинаешь понимать, что все Уставы, приказы, директивы, касающиеся жизнедеятельности корабля, борьбы за живучесть, действительно, написаны кровью.

И не трожь то, что не твое.

И если уж сыграна тревога, среагируй на нее правильно, оторви задницу от койки или хотя бы узнай, что же на самом деле случилось на борту.

Семь Вам футов под килем, Магелланы и Колумбы! Живите сто лет! И упаси Вас Бог от послушания всего, что касается борьбы за живучесть. Это уже сделали те, для кого земля стала пухом, а вода колыбелью.

НОВЫЙ УЧЕБНЫЙ ГОД

Учебный год на флоте начинается первого декабря. Откуда это и почему – трудно сказать, но все резко начинают сдавать задачу К-1, то есть корабельную организацию. Корабельная организация – понятие сложное. Куча боевых частей и служб, в каждой из которых своя специфика работы и службы. А в целом – это получается флотская организация.

Схода на берег нет. И каждый стремится, по крайней мере делает вид, отработать свою боевую часть или службу, которая и до этого уже была отработана.

Но ... не мы вершим судьбою, а она нами.

И все идет по плану, начиная от отделения и кончая боевой частью.

В это время строги замполиты. Они, как мухи на говно, слетаются на все нарушения и на вечерней проверке слышен их бесконечный понос идеологических фраз. Выводятся нарушители, и на их зебровой шкуре строится враг социалистического строя. Затем экипаж распускают и остаются офицеры и мичманы. И вновь тот же сухостой с комментариями командира. И это минут на сорок. Наконец распущены (они распущены были и до этого) мичманы. Остаются офицеры. И еще полчаса идет речь о несостоятельности командного состава по типу: «Где вы были, когда вас не было?». Но вот и офицеры ушли. Остаются командиры боевых частей и начальники служб. Речь замполита бесконечна.

Те же яйца, только вид с боку. Всем всё уже по херу. Никто не воспринимает этот бред, повторяющийся из года в год. Ведь для замполита материальная часть – это рот. Раскрыл - и она заработала. И не ломается, сука, никогда! А так хочется порой ее искорёжить. Это понимают и командиры, так как они прошли тернистый путь от лейтенанта до первого лица. И партия для них была и оставалась рулевым во всех их делах и начинаниях. И командир здесь был тем же рядовым членом, как и все остальные офицеры. Только зам являлся первым коммунистом,- этот балласт и трутень с четырехгодичным образованием.

И они могли и стремились делать ровных горбатыми, ибо склонивший голову готов к ее отсечению.

Но вот прошли «муки адовы», отработанная организация отработана. Команда имеет право схода на берег. И пошло оно все к ... матери до следующего учебного года.

«БРАВЫЙ»

Некогда блиставший своими успехами в боевой, технической и политической подготовке эскадренный миноносец «Бравый» несколько

состарился и был поставлен в завод для ремонта и модернизации. Чистили его там, латали, красили и даже поставили ракетные установки.

Но боевой дух со временем был утрачен. Ремонт продолжался несколько лет и классные специалисты были переведены на другие корабли, а все отбросы флотского общества заполняли жилые пространства боевого корабля.

Приближалось время выхода корабля из завода и все чаще стали выявляться поломки в материальной части и, наконец, случился пожар.

Ну кто хочет подвергать себя лишениям в бескрайних просторах морей и океанов? Лучше плохо служить в заводе, чем хорошо «маклагить» в море.

И еще несколько лет заводской жизни.

Но всему бывает конец, даже ремонту. И красавец «Бравый» браво вышел на морские просторы.

Но внешний лоск не отражает внутреннего содержания.

Корабль был буквально перенасыщен уголовниками и алкоголиками. Что не выход, - то поломка какой-то материальной части, опять выход – и гребные винты хватают грунт,- и гребной вал погнут. Короче, черная полоса жизни буквально захлестнула весь корабль. Ничего не клеилось.

И «Бравый» прописался на Минной стенке Южной бухты Севастополя.

Устав для экипажа не существовал, потому черные силы вершили свои неуставные взаимоотношения. Регресс был виден во всем. Командира Семина сначала долбали во все дыры на всех инстанциях, но потом махнули рукой как на безнадежно больного, мол, будь что будет. Авось да выплывет. Боевой заместитель, старпом Димурат, был уникальным человеком. Его речь состояла из произвольного набора слов, так что понять о чем говорит этот человек было весьма трудно. Меня

свела с ним судьба, когда он, капитан первого ранга (!!!) (а для кого-то и капитан-лейтенант вершина) был в штабе заместителем командира бригады. Я никого, никогда так внимательно не слушал, как этого человека и очень сожалел, что у меня не было диктофона и я не мог записать речь пламенного глашатая революции.

Как-то оставшись за командира корабля и одурманенный парами спирта, Димурат решил внести свою историческую лепту в дератизацию (уничтожению крыс, а их, к слову сказать, на корабле было не мерено). Гениальные мысли лезли через уши.

Вызывается доктор, капитан медицинской службы Демицкий, тоже с задатками гениальности. И у них рождается гениальная идея, а что если пустить импульс СВЧ в подволок, крысы все и сдохнут. СВЧ для них – смерть.

Сказано – сделано.

Из-за борта извлекается поисковая станция «Дон», все имеемые силы корабля задействуются на ее подключение и дается импульс. Станция испускает хриплый писк и ... сгорает. Из-за отсутствия знаний по эксплуатации корабельной техники не получилось открытие нового эффективного метода борьбы с грызунами. Да и Бог бы с ней, конечно, с этой станцией, но через сутки выход на ПЛЗ – поиск подводной лодки. И в штаб доложено, что на корабле все исправно.

Что делать?

Этот извечный вопрос русского человека приемлем и к флотской жизни. Не выйти в море нельзя. Корабль забит в плане командующего и всем доложено, что материальная часть в строю. Признаться в тупости, – значит перестать себя уважать, будешь снят с должности.

И выход найден!

Вызывается штурман, которому вручается литр «шила» и отправляется к собратьям подводникам добыть кальку (причем это секретный документ) маршрута лодки на учении. Спирт или по-флотски «шило» - это тот эквивалент, который открывает опечатанные сургучом двери и портфели, добывает нужные запчасти, списывает имущество, завязывает дружбу и получает должности и звания. Если бы его не было, ничего бы не стреляло, не вращалось и не двигалось, флот бы зачах и самоуничтожился.

И вот калька на борту. Наступает ночь (а ПЛЗ проводится только ночью), БПК (большой противолодочный корабль) первого ранга «Николаев», эсминцы «Бравый» и «Благородный» выходят на поиск лодки. На «Бравом» вышел начальник штаба бригады капитан второго ранга Бурковский К.М. Это моряк с большой буквы. Грамотен, резок, решителен, сухощав и жилист. И что еще восхищало нас, молодых офицеров, он спал с певицей Сенчиной. Ну а кто об этом не мечтает в глубине души? Либо ленивый, либо мертвый.

Корабли рассредоточились и начался поиск лодки. Всё нацелено в морскую бездну, идут посылки поисковых станций. А когда идет посылка, то по кораблю слышится характерный писк.

Надводные силы, рассекая волну, исследуют район поиска. Час поиска – безрезультатно, полтора – и «Бравый» берет лодку. Ни «Николаев», напичканный ультрасовременной аппаратурой, ни «Благородный», где специалисты были высокого ранга, а «Бравый». Контакт удерживается надежно. «Бравый» ведет лодку. А это – отличная оценка, благодарность экипажу, ну и выполнение боевой задачи, естественно.

Чтобы посмотреть на захват подводного объекта начальник штаба решил спуститься в гидроакустический отсек и самому увидеть отметку на экране.

И вот картина: развалясь в кресле сидит полупьяный мичман. У его рта микрофон, в который он испускает звуки, идентичные станции «Дон». И все это настолько натурально, естественно, что придраться к артистическому таланту просто нельзя.

Что было дальше, описать здесь невозможно. Мат стоял такой, что, наверное, обитатели морских глубин временно покинули акваторию Черного моря. Учение было прекращено. Корабли вернулись в базу. «Герои» получили свои заслуженные выговора.

И что самое обидное – лодка по техническим причинам в ту ночь так и не вышла в море.

СБОР – ПОХОД

Для сплочения экипажа, отработки повседневной и боевой организации существует сбор – поход, когда все корабли, смотря друг другу в корму, гуськом покидают бухту и идут в море.

И начинается полный бедлам. Команды следуют за командами, тревоги за тревогами, всё и все движутся в этом круговороте жизни.

В этот раз в море вышла вся дивизия, за исключением эскадренного миноносца «Бравый», у которого, уже в который раз, поломалась машина. И он, как укор, остался стоять на Минной стенке, тоже отрабатывая что-то свое, понятное только ему. Ну а так как экипаж этого славного корабля состоял на восемьдесят процентов из полууголовных элементов, то, естественно, там не делалось почти ничего.

И вот в один прекрасный день этого самого сбор – похода на Минную стенку привозят с учебного отряда тридцать курсантов, тридцать

будущих матросов во главе с капитаном второго ранга. Цель – показать морякам боевой корабль, познакомить их с материальной частью и будущими их заведованиями.

Командир «Бравого» капитан третьего ранга Семин, выслушав капитана второго ранга, предложил просто провести экскурсию по кораблю.

- Нет. У меня предписание от помощника командующего флота. Курсанты должны познакомиться с боевыми частями, кораблем.

- Не надо. На корабле проводятся мероприятия согласно плана сбор – похода. Вы сорвете мне все своим посещением.

- В таком случае я буду докладывать помощнику командующего.

- Ну хорошо, ведите, только об одном прошу: не отпускайте их далеко от себя.

Были вызваны старшины команд и ... началось знакомство с кораблем.

Через полтора часа по кораблю прозвучала команда: «Курсантам учебного отряда построиться, шкафут – правый борт».

И откуда-то из глубины стали подниматься люди, по внешнему виду прослужившие лет пятнадцать, не менее. На них не было ничего живого. Они походили на каторжан. Ботинки, рабочее платье, тельняшки были такие рваные и старые, что увидев все это капитан второго ранга чуть не лишился дара речи. Он кричал, он требовал, он, наконец, просил.

Построили экипаж. Ни уговоры, ни обход строя этими мучениками ни чего не дали. Никто никого, естественно, не узнал.

Лишь Семин разводил руками и все время твердил: «Я же предупреждал, я же предупреждал». Тем и закончилось знакомство курсантов с боевым кораблем флота. А капитана второго ранга

командование учебного отряда наказало, объявив ему строгий выговор за халатное отношение к службе.

«ПАРФЮМ»

Мичман Косолапов по кличке “Парфюм” пил всё, что горит. Во всём остальном он был слабоват. Ибо, рождённый пить, любить не может!

Завершив утренний туалет, он по обыкновению заходил в соседнюю каюту:

- Мужики, – с мольбой в голосе стонал Косолапов, – дайте одеколончику.

Он нагло ухмылялся. - Надо бы после бритья лицо шлифануть. А?

Обычно говорили “Нет”, и посылали мичмана подальше. Он на это не обижался, но и покидать соседей явно не спешил. Такому лучше дать, чем отказать, все равно не отвяжется, и страждущему протягивался флакон. Все усаживались поудобнее и наблюдали следующую картину.

Косолапов профессиональным жестом откручивал пробку. С выражением тонкого ценителя вдыхал букет ароматов содержимого пузырька, одобрительно крякал, а затем, запрокинув голову, выливал все себе в рот. После этого, с шумом выдыхал себе на ладошки и хлопал ими по щекам.

- Я к вам завтра зайду. Тут ещё кое-что осталось, – говорил он напрощанье, смотрясь в зеркало, и с чувством выполненного долга выходил вон.

Зная об этом его хобби, одеколон, обычно всегда прятали.

Но ежели кто по рассеянности, не дай Бог, забывал - всё! Оставался ни с чем.

В течение дня Косолапов излучал по кораблю запах дешёвой парфюмерной продукции и своё радушие. По нему, как по ниточке, мичмана можно было найти везде, где бы он ни спрятался.

Как специалист, ценился Косолапов очень высоко.

А хобби? У кого его нет?

С кем не бывает.

С этим командованию приходилось мириться.

КОМБРИГ ШЕПЕЛЕВ

Комбриг Шепелев имел прирожденный талант флотоводца, недюжую работоспособность и уникальное умение ругаться матом, вставляя перед каждым междометьем фразу «как гриться». С годами эта фраза приросла к нему и стала заменять некоторые бранные слова.

В целом он был человек неплохой и годы, точнее целая жизнь, проведенная на кораблях, не оскотинили его душу.

Однажды, в День пионерии, целый отряд школьников прибыл на крейсер.

Мероприятие политическое! И комбригу предложили встретить их.

Собрав волю в кулак, Шепелев толкнул им пламенную патриотическую речь о защите социалистического Отечества. И все бы было хорошо, не реши он закончить свое повествование пионерским призывом:

- Пионеры, как гриться, еби ее мать, будьте готовы! – и рука потянулась к козырьку.

Опешавшие пионеры подняли руки для салюта и бодро ответили:

- Всегда готовы!

ОФИЦЕРСКИЕ ЖЕНЫ

Никого нет целомудреннее и никого нет развратнее офицерских жен. Офицерские жены, а они, как правило, внешне прекрасны, ну а внутренне – как Бог послал, делятся на настоящих, бывших и временно осиротевших, то есть тех, у кого мужья ушли в длительное плавание. А если еще добавить тысячи отдыхающих, особенно в летние времена, мечтающих стать офицерской женой, то посчитать количество женщин на такой, сравнительно небольшой город, как Севастополь, просто не представляется возможным.

Специфика службы офицера и мичмана подразумевает пребывание его на корабле по 15-16 часов ежедневно. Но на самом деле это далеко не так.

В советские времена, когда военная служба являлась почетной обязанностью, длительное пребывание офицеров и мичманов на берегу считалось недопустимой роскошью. И роптать было бессмысленно.

И не дай тебе, Господи, схлопотать выговор, да еще по партийной линии, то получение очередного звания накрывалось половым органом, движение по службе прекращалось и о частом сходе на берег можно смело забыть. А плюс еще боевая служба, которая длится от полугода до года, а всякие там оргпериоды, дежурства по флоту, выходы на стрельбы, постановку мин и прочее. Грубый подсчет говорит, что из 365 дней в году 270-280- офицер с мичманом пребывают на корабле.

Короче, жены, а они в общей массе не работали, начинают скучать. И когда они знакомятся друг с другом, то начинают скучать вдвойне, втройне, а то и в четверне. Скука переполняет душу, а не востребованная плоть требует своего. И вот возникает мысль, буквально как наваждение, просто ради интереса и не больше, сходить в ресторан. Сразу находятся

единомышленницы. И просто ради любопытства они идут в кабак, ведь там весело, как говорили более опытные жены.

А в это самое время их мужья выполняют высокое задание партии и правительства по охране южных рубежей Союза Советских Социалистических республик.

В Севастополе кабаки, в то далекое время, всегда были переполнены. Там гуляли такие же, но только вернувшиеся с боевых служб, дежурств или не идущие по какой-либо причине домой, офицеры и мичмана. Музыка, легкий хмель, светская беседа, располагающая к взаимному доверию, прущий природный интеллект, танцы, разжигающие страсть, отодвигали данные при бракосочетании обязательства о взаимной любви и верности.

Ну кто узнает, если раз. И то просто так.

Где раз, там и два, и три.

Одни, не переходя резко грань семейных обязанностей, сдерживали себя и выходили в «свет», когда уж просто было не вмоготу и, спустив пары, возвращались к нормальной жизни. И ждали с любовью своих нареченных. Это были одноразовые, но жаркие встречи с особями другого пола.

Другие, найдя в этом новые, не познанные ранее, прелести, срывались с цепи. И шли по рукам, как эстафетная палочка.

Здесь уже намечался ее переход в стадию «бывших» жен.

Когда же она в нее, наконец, переходит, то, как глубоко обиженная натура, - ее же бросил муж, становится завсегдатой в ресторанах. И не спит с ней только ленивый.

С годами, конечно, страсти утихают. Со служебным ростом мужа изменяются и привычки. Вдобавок растут дети. И семья уж становится

ячейкой коммунистического общества. Но нет-нет, а и вспоминается старое. Ну где показать свою страсть, как не на стороне?

Закон «если мы кого-то, то и наших кто-то» остается незыблем и по сегодняшний день.

Но самое главное, об этом не знать, а то червь ревности источит тебя в порошок.

ОПЫТ И МАСТЕРСТВО

- Степанов! Ты что делаешь?

- Аппаратуру протираю, товарищ мичман!

- Её ж надо то-о-онким слоем спирта, а ты как!?

- Мочу ветошь и протираю.

- “Мочу ветошь”, – передразнивает Степанова мичман, забирая у того ёмкость со спиртом. – Дай сюда! Смотри, как надо!

С этими словами, мичман запрокидывает бутылку и выливает содержимое себе в рот.

- А теперь, ххху – дышит мичман на прибор. – Видишь, роса появилась?

Вот ею и надо протирать.

Потом он берёт сухую ветошь и с любовью растирает образовавшиеся капельки.

- Эх, – кряхтит он. – Молодой ты еще, неопытный. Учись, пока я жив! Ну? Чего стоишь? Давай, показывай, где ты ещё протереть хотел?

СОВЕТЧИК

Капитан-лейтенант Борисов стремительно лысел.

Многолетний изнуряющий уход за волосами ни к чему не приводил.

Втирание перцовой настойки, мытьё куриными, перепелиными и чёрт ещё знает, чьими яйцами, полоскание отварами лопуха, ромашки и шалфея – всё было впустую!

Положительный эффект не наблюдался.

С горя, Борисов даже начал прикладывать помёт верблюда, привезенного ему моряком из Средней Азии, но и он не помогал.

В свои тридцать, не блеща ни внешностью, ни умом и почти абсолютно лысый, он, не востребованный ни женщинами, ни службой, стал терять веру в себя.

Но надежда всё ещё теплилась.

Взяв отпуск, Борисов пошел на приём к светиле в Военно-медицинскую Академию.

Светило сидело за столом.

Слегка утомлённым за день взглядом, оно указало Борисову на стул.

- Слушаю вас, молодой человек.

- Понимаете, профессор, я начал резко лысеть. Вот. Пришел к вам за помощью.

Профессор начал издалека. Опирируя непонятными для моряка терминами, он распалялся. В глазах сверкали искры.

Он излагал свою теорию лечения облысения. В Борисове он искал благодарного слушателя. Ведь этому делу он посвятил всю свою сознательную жизнь.

Голос его дрожал.

В порыве профессионального экстаза светило сорвало с себя шапочку.

Борисов обомлел.

Профессорская голова была абсолютно лысой!!!

Солнечные лучи, падая на его зеркальный затылок, отражались и весело играли в зайчиков на стене.

Слова потеряли всяческий смысл. Они пролетали мимо. Надежда пошатнулась.

- А почему вы лысый? – выдавил из себя Борисов и ткнул профессора в лысину.

- Что? Я? Не в этом сейчас дело. Слушайте дальше...

- Подождите, – Борисов покраснел. – Почему вы себя не вылечите?

- Потому что у меня в своё время не было такого советчика, каким я сейчас являюсь для вас, молодой человек, – сказала светило, собираясь продолжить, но...

Офицер молча встал и, не прощаясь, направился к выходу.

- Погодите! – кричало вдогонку светило. – Я же вам ещё ничего не успел рассказать!

Борисов махнул рукой и вышел.

Через дорогу весело шумела Нева. Шурша шинами, мимо мчались машины. Воробьи вели на крышах свой незатейливый концерт. Люди спешили по своим делам...

И только Борисов, проклиная всех врачей на свете и железы внутренней секреции в частности, уныло брёл в сторону Финляндского вокзала. Мысль была одна – зайти в ресторан и нажраться.

ПАСЫНОК ФОРТУНЫ

К приезду главнокомандующего ВМФ, адмирала флота СССР Горшкова С.Г. Северный флот блестел.

Его морская столица Североморск сверкала чистотой улиц, белизной бордюров, а свежавыкрашенные корабли и подводные лодки с умилением

любовались своим отражением в холодных водах беспокойного Северного моря.

Приезд такого высокого начальства вселял в душу каждого североморца тревожную радость.

Все чего-то ждали. Одни с тревогой, другие, пожалуй, тоже с тревогой.

Первым объектом показа был ЗКП (запасной командный пункт) Флота. Недавно отремонтированный и модернизированный, он своим совершенством далеко опережал все остальные флота.

Сопровождал главкома командующий Северным флотом вице-адмирал Чернавин В.Н. По сравнению с маленьким толстеньким Горшковым он казался могучим исполином.

Осмотрев пункт управления, свита направилась на командный пункт связи.

- Сергей Георгиевич! (Называть начальников по званию на флоте не принято) ЗКП флота оснащён всеми современными видами и средствами связи. Это позволяет постоянно, в любое время суток держать оперативную связь с кораблями и соединениями военно-морских сил, выполняющими свои боевые задачи и находящимися в любой точке земного шара, – гудел Чернавин, глядя на Горшкова.

Тот одобрительно мотнул головой.

“Экскурсия” двинулась дальше.

Когда голоса проверяющих усилились, командир поста связи капитан-лейтенант Борисов слегка приоткрыл дверь совершенно секретного поста и, приложив к образовавшейся щёлке глаз, стал с любопытством наблюдать за вошедшими.

Судьба и так не особо ласкала Борисова своими лучами. Он был обижен всем – женщины его не любили, волосы на голове выпадали, да и служба тоже мёдом не казалась.

А тут такой случай подвернулся – увидеть живого главкома, пусть даже и через щёлочку. Это было уже маленьким счастьем!

Меж тем Чернавин продолжал:

- В этом посту у нас находится аппаратура “Цвет”. С её помощью мы получаем карту любого интересующего нас участка земной поверхности в цветном изображении, – рокотал вице-адмирал.

(Надо сказать, что в те далёкие семидесятые годы данный прибор был действительно новинкой).

Тут Чернавин с силой толкнул рукой в дверь поста связи, пропуская вперёд Горшкова.

Послышался звук колотого арбуза и крики: “Ай, бл...!”.

Удивлённый Горшков вошёл внутрь.

Посреди поста, держась одной рукой за мгновенно опухший глаз, стоял белый, насмерть перепуганный Борисов. Его фуражка валялась на полу, а лысина была сплошь покрыта мелким бисером пота. Он смотрел на главкома, широко раскрыв слюнявый рот, и не мог ничего сказать.

Повисла пауза секунд на двадцать.

Наконец, Чернавин дипломатично кашлянул. Это отрезвило Борисова.

- Смирно!!! – Заорал Борисов во весь голос и представился.

Горшков поднял голову и снизу вверх посмотрел на офицера.

- Вольно, – устало сказал он.

- Вольно!!! – Ещё истошнее заорал Борисов.

Главком посмотрел на командующего.

- Пойдёмте дальше. Здесь у вас какие-то говоруны служат. От них и оглохнуть можно.

Судьба опять жестоко хлестнула Борисова.

Он сник и ушёл в себя.

Краски радуги снова слились для него в одну сплошную чёрную полосу.

МУКИ ПОЗНАНИЯ

- Мама. А дети как получаются? – маленький Петенька пристально посмотрел матери в глаза.

- Как бы тебе объяснить, – не сразу начала мать, по ходу дела обдумывая, как довести для шестилетнего мальчика процесс деторождения без анатомических подробностей. – Сначала два человека встречаются, потом они женятся, живут вместе, ну, и вот потом у них и появляются дети.

И тут мать впервые прочитала в глазах сына явное недоверие.

- Всё-то ты врёшь, мамочка, – выпалил Петя.

«М-да! Вот она – улица! Стоит только на минуту оставить ребёнка без присмотра, как тут же расскажут: что надо и не надо!» – мысли Гали бежали одна за другой. Она попыталась искренне удивиться, погладила сына и спросила:

- Почему?

- А потому, что Саша то у нас появился, когда папа в море был!

Довольный произведённым эффектом, Петя радостно побежал к себе в комнату, оставив мать наедине со своими мыслями.

Да. Вот и попробуй теперь объясни ребёнку, что для настоящих мужчин долг перед Родиной гораздо выше, чем долг перед семьёй, и что когда они ходят по волнам где-то у берегов Марокко, женщинам для их

детей приходится становиться и матерью, и отцом. И всё самим. И детей рожать, и растить, и воспитывать. А ночами скрипеть зубами от одиночества и ждать, ждать, ждать...

О БОГАХ ФЛОТА

Адмирал флота Ховрин Н.И. – командующий Черноморским флотом.

Сам по себе он не высок, крепок и страшен. Страшен не только для своих подчиненных своим высоким положением, но и внешне. Он чем-то напоминал недовольного филина.

А матом ругался так, что выдавших виды флотоводцев капельки мочи стекали в трусы.

За это дело на него неоднократно жаловались в Москву.

И вот как-то с инспекцией прибыл в Севастополь Главком ВМФ адмирал флота Советского Союза Горшков. Ростом они были одинаково низки, только Горшков был по характеру добрее. Ведь Боги не должны кричать на народ. Обоих их связывала давнишняя дружба и не менее долгая служба.

И как-то в приватной беседе Главком ВМФ по-отечески, по-дружески говорит командующему:

- Николай Иванович! Жалобы на тебя поступают. Матом ругаешься на подчиненных.

- Пиздят, товарищ Главком!

На том жалоба была закрыта.

ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ

В то далекое время, когда в морях дороги наши были, дом держался, исключительно, на жене.

Она была всем - и сантехником, и плотником, и штукатуром, и матерью и, изредка, женой.

Муж появлялся, как ясное солнышко, точнее, как яркая звездочка, поздним вечером и уходил ранним утром.

Если его еще заставлять в это время забивать гвоздь или покрасить окно, то времени, отведенного для исполнения супружеского долга, просто не останется.

В комнате у Давыдовых потек на кухне кран. Ну нельзя, конечно, сказать потек, - капал. Пять-шесть капель в минуту.

Днем еще более-менее ничего, не спешно. Но ночью, - просто ужас. Он бил молотом по ушам. И тряпку не подставишь, - кран не поворачивается и его сток строго над сливом раковины. Затопишь всех к чертовой матери.

Это была пытка.

Сантехник, как назло, запил и вторую неделю не показывается на работе.

Короче, полная безнадега.

- Катя, а ты на ночь презерватив к крану привяжи. Он не порвется и «бумкать» не будет, – посоветовала подруга.

Ночь прошла спокойно.

Муж на корабле дежурит, дочку мама забрала.

Утром Катя, первым делом, бросилась на кухню. Как там?

В раковине, заполнив всю ее емкость, горой лежало студнеобразное вещество.

Катя аккуратно отвязала противозачаточное средство от крана, осторожно отодвинула его в сторону и по-тихонечку спустила воду.

Воды, наверное, было ведра полтора-два.

Презерватив стал дряблым и увеличился до огромных размеров. Катя бросила его на подоконник и забыла о нем.

Вечером пришел муж.

- Что за великан навещает тебя в мое отсутствие?

- Какой великан?

- Ну, не карлик же, - он указал рукой в сторону окна.

Катя весело рассмеялась.

- Это не великан заходит, а слесарь запил. И муж в доме не хозяин, а любовник. Иди уже, ешь и ложись, великан!

БЛАГОЙ ПОРЫВ

Перед приездом жены, Сережа решил сделать в комнате большую приборку, благо, что времени было предостаточно.

У него был большой сход.

Не тратя время впустую, он засучил рукава, вооружился тряпкой и принялся наводить чистоту и порядок.

Поначалу выгреб все лишнее из шкафов и полок. Подмел и вымыл полы. Вытер пыль. Был, правда, порыв помыть окна, но, вовремя опомнился, решив, что они еще не так грязны.

Оцениваяще оглядел свое жилище.

Понравилось.

- Так! Надо купить цветы, шампанское и что-нибудь пожрать. И не забыть вынести мусор.

Мусора набралось целая коробка из-под самовара. Все аккуратно в нее сложив и завязав веревкой, он оделся и вышел на улицу, решив, что выбросит ее где-то по дороге.

В те семидесятые годы мусорных контейнеров в Николаеве не было. А каждое утро, кроме выходных дней, приезжала машина, шофер звонил в колокольчик и толпы жаждущих шли к ней с ведрами и пакетами.

Встречный палящий ветер нес в лицо пыль и тополиный пух.

- Зачем надел форму? – запоздало подумал Сергей, направляясь к троллейбусной остановке.

Маршрут он наметил заранее.

Сначала выйдет на улице Советской, поищет шампанское (шампанское в те времена было большим дефицитом) и купит колбасы, затем поедет на рынок за цветами, фруктами и овощами. А вечером будет встречать поезд.

Не найдя по дороге место, куда можно было бы выбросить коробку, он сел с ней в троллейбус.

- Оставлю ее здесь, - подумал он, подъезжая к улице Советской и направляясь к выходу.

- Товарищ офицер! Товарищ офицер! – Он оглянулся.- Вы коробку забыли.

Это сердобольная женщина проявила бдительность.

Слегка покраснев и буркнув «Спасибо», Сергей вышел на улицу.

- Зачем я ее взял? Выбросил бы в понедельник. Попробую оставить ее в магазине.

Зайдя в универсам, он бесцельно прошелся по нему.

Положив коробку на подоконник, купил сигареты и решил подняться на второй этаж выпить в баре стопочку коньяку.

Когда он спустился, коробки на подоконнике не было.

Он облегченно вздохнул, вышел на улицу и закурил.

Вдалеке по улице бежали две женщины, юбками прикрывая его коробку.

- Не повезло вам, дамочки, - улыбнулся он и пошел намеченным, заранее, маршрутом.

ВОЕННАЯ СМЕКАЛКА

Зимний северный день, серый, как шинель милиционера, был, до обидного, короток. С моря шумно дул пронизывающий ветер. Снег жутко скрипел.

Все это - и окружающая среда, и бурно проведенная ночь, - болезненно отдавались в воспаленном мозгу.

Две чернеющие в этой серой мгле тени медленно подымались к поселку. Впереди шел командир подводной лодки, капитан третьего ранга Сергеев, за ним начмед, лейтенант Финогеев (мой незабвенный дядюшка).

Дико хотелось пива.

Хотелось, до боли в ногтях.

Они понимали, что в этот час, а часы показывали пик северного дня, -половина одиннадцатого, мечтать о пиве просто не реально. Но природная сила похмелья толкала их вперед.

Когда сердце уже готово было выскочить из груди, затяжной подъем закончился.

Но тут оно замерло. И было от чего.

У единственной в поселке пивной точке ... стояло человек шестьдесят страждущих. И ни одного военного, одни работяги.

Мечтать о том, что кто-то пожалеет, снизойдет до защитника Отечества, было просто фантастикой.

Но ноги сами несли их к точке.

Багровое лицо командира стало суровым. Из его ноздрей валили мощные струи пара.

Подойдя к очереди он встал, слегка расставив ноги. Туманно оглядел очередь.

- Здорово, гегемон! – гаркнул он, поднеся руку к виску.

Очередь затихла, вспоминая значение когда-то слышанного знакомого слова. Кто-то заулыбался, понимая свою значимость в истории.

- Кружечку пивка защитникам не разрешите взять без очереди?

Очередь дружелюбно загудела.

- Эй, там, впереди! Пропустите военных, пусть возьмут, - слышались голоса.

Очередь слегка попятилась.

Через минуту обжигающее холодное пиво гасило похмельный синдром. Допив второй бокал, командир одобрительно крикнул. Его лицо расплывалось в одобрительной улыбке. Он снова приложил руку ко лбу.

- От лица Военно-морского флота и от себя лично желаю всему рабочему классу новых побед в строительстве коммунистического общества. Спасибо, товарищи!

Очередь не дружно прокричала «Ура!».

«ИНДЕЙЦЫ»

Они были удивительно разными, эти два человека, два командира корабля.

Первый, командир спасательного судна, был высок, худ, сутуловат, с острым клювообразным носом и большими круглыми карими глазами. Весь его облик напоминал высматривающего добычу ястреба.

Второй, командир большого противолодочного корабля – полная противоположность первого. Он был мал ростом, не толст, но очень плотной кости, с круглым лицом и слегка раскосыми маленькими глазами.

Одно их роднило. Это бронзовый цвет загара на лице.

То ли это южное николаевское солнце постаралось над ними, то ли частое поклонение богу Бахусу, но скорее всего это было и то и другое. Когда они находились вместе, а это было довольно часто, то представляли собой довольно комичное зрелище.

Один – вылитый Дон Кихот Ламанческий, второй - семенящий за ним оруженосец Санчо Панса. В народе их звали «индейцы».

Приняв вечером для храбрости грамм по двести и, покрасневшись еще больше, они шли на охоту.

Город Николаев был благоприятным местом для их забавы. Они всегда находили добычу.

Одно время, сразу после развала Советского Союза, морякам Черноморского флота выплачивали денежное содержание в финансовом управлении города Москвы.

Очереди там были ужасающие, но овчинка стоила выделки. Ибо после обмена русской валюты на украинскую, моряки имели довольно солидную прибыль.

И вот, «индейцы», переодевшись в гражданское платье, поехали в столицу.

К десяти утра, уставшие, но довольные, они вышли из кассы. В карманах каждого лежала получка за три месяца.

Что делают индейцы после победы?

Пьют «огненную» воду.

Так поступили и наши герои.

Зайдя в кафе, что рядом с церковью, где венчался А.С.Пушкин, они под легкую закуску откушали бутылку хорошей водочки и в приподнятом настроении вышли на улицу.

Светило солнце. Бронзовые лица благодушно излучали здоровье и доброту.

По дороге к большому театру им попался парк. Ну почему не посидеть, не выкурить по хорошей американской сигарете?

Развалившись на скамейках они строили планы на вечер. Казалось, ничего не могло помешать их счастью.

По парку гуляли бабушки с внуками, спешила куда-то молодежь, не торопясь, брели по аллее четверо мужчин.

Поравнявшись с блаженно отдыхающими «индейцами», двое из них сели по их бокам, а еще двое стали за их спинами. В бока уперлись ножи. Сзади что-то холодило шею.

- Так, мужики, деньги быстро сюда. И без шуток.

- Ребята... , - и начался рассказ о трудностях современной жизни, о корабльской жизни, о бедствующих семьях, о нелегкой командирской службе.

- Нам некогда слушать ваш бред, - острие ножа больно уперлось в кожу. А стоявшие сзади стали обшаривать их карманы.

Минуту спустя ни денег, ни мужиков не было видно.

Милиция, естественно, никого не нашла.

А они, с горем пополам, вернулись в Николаев.

Командование бригады, естественно, что-то придумало для них, не погибать же солидным людям.

А в Москву они продолжали ездить, только уже брали с собой, в качестве телохранителей, двух здоровых матросов, которые ходили за ними по пятам и сдували пылинки.

ПЕРИПЕТИИ ФЛОТСКОЙ ЖИЗНИ

Профессия врача на флоте трактуется не однозначно. Считается, - если курица не птица, то доктор – не моряк, что он балласт, бездельник, так как не несет вахту и вообще... звание у него сухопутное.

Но с другой стороны, - куда не плюнь, а он один.

Хотя на флоте народ и здоровый, но всякое может быть. ОРЗ, ангина или грипп какой лечатся пять дней. А вот если аппендицит, да в море, да прооперировал – герой. Ну а если, ибо все мы грешны, на конец офицер или мичман намотал, тут уж сам Бог велел ему помочь. И семью спасти, и от политработников скрыть, а то «заклюют» насмерть бедолагу. Были бы сами святыми, - другое дело. А ведь тоже грешны. И, даже, очень.

А вылечишь, - дружбу после этого спиртом нельзя будет разлить.

Другое дело – флагманский врач. Это уже ранг выше. И он, вроде бы, первый среди всех врачей. Опыт, звание, ум, хотя к этому времени он уже может быть пропит. Естественно честь, но ее если уж не сберег смолоду, то где взять потом, тем более на флоте – не известно, и, наконец, совесть. Здесь еще сложнее. Хотя зачатки иногда прослеживаются.

Был один флагман – Шевченко Александр Стефанович.

Это был эталон сволочи.

В свою задачу он вменял уничтожить лейтенанта - врача. Смешивал его с грязью, превращал в нелюдь, так как со скотиной легче расправляться. Многие с этим мирились и становились пустым ненужным местом. Другие, уже набравшись опыта, примеряли к нему свой кулак, после чего становились его лучшими друзьями. Ну, а третьи, слабаки, кончали свои счета с жизнью, либо пытались это сделать, а потом через психиатрию списывались на берег.

Я думаю, что сейчас, там, на небесах, эта тварь не слезает со сковороды. Так ему и надо за всех тех, кого он, имея диплом врача, морально и физически уничтожал. Именно так вершили свои кровавые дела гестаповские врачи.

И вот я, прошедший стадию развития сперматозоида и, поэтапно, «кораблядскую» жизнь, вырастаю во флагманские врачи. Теперь я – опыт, ум, честь и совесть.

Хотя самый большой опыт, самый изощренный ум, без чести и совести наш начальник политотдела. Это Салин Евгений Александрович. Колоритная фигура. Рост – 1м 56 см. Огромная фуражка, ботинки, на десятисантиметровой платформе и невероятного размера зеркало, стоящее в кабинете напротив его стола, чтобы любоваться собой как личностью и расти в собственных глазах. Все это делало его просто ОГРОМНЫМ. А полное отсутствие авторитета у окружающей его среды нисколько Салина не смущало.

Хотя этих недоносков и учили четыре года, но учили по социалистическим меркам правильно. Чтобы не работать они всю жизнь собирали компромат на офицеров и мичманов. Для этих целей существовал целый штат политработников, который утром, сбивая друг друга, нес собранный за сутки мусор своему начальнику. Они были везде: и на кораблях, и в штабах. Коль ты офицер, то коммунистом быть обязан. И это первое, для чего существовал политотдел. Агитировать, принимать в члены, ну а уж потом твердой, холеной рукой держать тебя между ног. Рыпнулся,- зажали твои яйца в тиски, потом отпустили хлебнуть пивка и снова в тиски. А ленинские идеи – это на политзанятиях, морякам. Артиллерист или минер попали в цель – звезда политработнику, благодарность командиру. И если уж рот ставленника партии разомкнется, и язык в это время не занят выталкиванием из сердца лозунгов, то можно от него услышать шипящее, змеиное «спасибо». Но от этого штаны не пошьешь, и душе не делается тепло.

Боже! А как они были хозяйственны в осенний период. Это, особенно, было видно, когда после партсобраний, с чувством

выполненного долга, они везли домой на перегруженных машинах заготовленные для моряков овощи и фрукты, туши мяса и рыбу, консервы и все, что можно выжать и взять, ну и все другие дефицитные вещи из подчиненных им «Военторгов». Тогда слова об экономии забывались, да их и не было, то был пустой, как у рынды звон.

Ну, я что-то отвлекся. Эти политработники всегда уводят меня в сторону.

И вот, красивый, весь из себя майор медицинской службы возглавляет отряд медицинских работников, стоящих на страже здоровья защитников Отечества. Женщины сходят с ума, хотя, чего греха таить, есть от чего сходить, коль природа все дала. Риторический вопрос: «Как женщины могут сойти с ума, если у них его нет?». Ибо все они дуры! Хотя одни с наклоном интеллекта, другие – просто явно выражены. И тянет к ним нас далеко не любовь, а неувядающий зов предков, инстинкт продолжения рода, страсть молодости и похоть самца. Оттого они быстро надоедают и, как в гимнастике, после завершения выступлений на одном снаряде, переходят на другой, третий... и так всю жизнь.

Флагманский врач – это уже козырная карта. Его сложно завалить. Хотя и на него есть досье. Ну а если еще он и подвержен прелюбодеянию, то стремление его накрыть на живом просто переполняют желания всех работников партаппарата. Но это не так просто. Ибо кругозор флагврача шире, чем у корабельного врача. Еще у него появляется такой своеобразный иммунитет, как презумпция невиновности.

Контингент штаба гораздо старше. Служба и болезни наложили на этих офицеров свои отметины, которые приходится устранять флагманскому врачу, а значит отдельные нарушения воинской и морально-этической дисциплины, не прощаемые другим офицерам,

сходят ему с рук или, по крайней мере, на них смотрели сквозь пальцы. Хотя и покрикивали иногда.

Но штабная жизнь и на врача накладывает, как осень на листьях, печать определенной возрастной угрюмости. А все, что касается штабной работы, все это тоже взваливается на его хрупкие краснопросветные погоны.

Как это морально убивает! Лишение свободно перемещаться в пространстве никогда не вызывало восторга у человека. Это все равно, что волка посадить на цепь.

Вершина штабной работы – тактическая подготовка. Все офицеры штаба (врач тоже) с секретными чемоданами и сосредоточенными лицами, выражающими ярую ненависть к супостату, движутся в конференц-зал. А присутствие этих офицеров строго обязательно. Только высоко одаренные политработники не изучают супостата. Их оружие – слово!

И начинается изучение, так необходимых врачу, ракет, торпед, авианосцев и всего, что есть на вооружении у вероятного противника. И чтобы показать низменность и неподготовленность одного медика, его, иногда, спрашивают: «Товарищ майор! Назовите тактико-технические данные ракеты «Тамогавк». Голос заместителя начальника штаба, Плехова Петра Ивановича, звучит устрашающе, хотя он милый и добрый человек. Все его морщины группируются в межбровье, нос заостряется, глаза наливаются кровью. Годы, проведенные им на малых ракетных кораблях, измотали нервы, но сохранили душу.

Ну откуда знать врачу ТТД «Тамогавка»? Это все равно, что спросить у штурмана устройство ректороманоскопа. Но молчать я не могу. Это ниже моего достоинства, и плету все, что приходит в голову.

Цифры, буквально, вылетают из меня, как из автомата. Мой словесный понос веселит окружающую среду.

Петр Иванович же начинает синеть.

- Садитесь, - звучит его командный голос, - вы ничего не знаете. Плохо!

Но так как я являюсь отличником боевой и, даже, политической подготовки, то двойку мне ставить не положено.

Прослужив двадцать шесть лет, я вероятного противника так и не познал, хотя твердо убежден, что оскал у него звериный.

С Толей Буланкиным, заместителем начальника штаба по авиации, на тактической подготовке мы обменивались сомнительного содержания стишками. Толя летчик, но свое отлетал и стал вторым помощником начальника штаба. Он закоренелый оптимист, бабник, любитель горячительных напитков и просто хороший мужик. А так как мы сидели за разными столами, то приходилось записки передавать через тактически обучающихся товарищей.

Стихи были колки и едки и, естественно, вызывали у нас улыбку, а иногда, даже, смешок, что, прямо скажем, раздражало и выводило из себя такого святого человека, каким был наш заместитель начальника штаба. И вот однажды, доведенный до отчаяния Петр Иванович Плехов, решил проявить Богом данную ему власть и пресечь нарушителей воинской дисциплины. Толю наказать нельзя. Он сидит на более высшей ветви военного дерева, значит виноватым должен быть я, флагманский врач, который и так не хера не знает, да и знать и не хочет.

И вот, после несколько раз повторенных фраз: «Доктор, прекратите!» и полного отсутствия какой бы то ни было у меня реакции, кроме как краткого: «Есть!», слабая нервная система ЗНШ не выдержала и струна лопнула.

- Товарищ майор, встаньте!

Я поднимаюсь, думая, что же будет дальше.

- Я объявляю Вам, я объявляю Вам... - в голосе звучат угрожающие нотки, переходящие в крик, - замечание.

- Петр Иванович, ради одного замечания вы потратили столько нервных клеток.

Сердце старого моряка тает, он извиняющееся улыбается.

- Садитесь, доктор. Закончить занятия.

Доктора нельзя наказывать. У него презумпция невиновности.

Все шумно встают, и каждый идет завершать начатое ими до этого дело: одни проверять корабли, другие – писать планы, третьи - пить «шило», ну а четвертые – тискать чужих баб.

БЕЗ СЛОВ

Ну, вот я и сменил место службы.

Сегодня мой первый день на должности флагманского врача.

Работа, в принципе, знакомая, но коллектив новый, к нему ещё надо притереться. Все зубры. От больших звёзд на плечах аж пролежни.

А я – юнец. И мои четыре маленькие уважения явно не внушают.

Всякая служба начинается с накопления разного рода бумаг. Надо год потратить на эти бумаги, чтобы они потом работали и служили за тебя. И чем их, в итоге, становится больше, тем легче потом служить. Это, как аксиома. Чем их больше, тем чище, как говорится, одно место.

Сижу. Пишу.

И вдруг захотелось мне справит малую нужду.

И даже очень.

Иду в туалет.

Поскольку коллектив у нас мужской, дверь за собой, естественно, не запираю. Кого бояться?

Насвистывая мелодию вальса “Амурские волны”, достаю и начинаю всем знакомую с детства процедуру.

Вдруг дверь открывается и внутрь входит... дамочка (как потом выяснилось, наша секретчица Рита) – девушка лет 30. На носу очки-линзы.

Видимо, общие интересы и свели нас двоих на одной точке пространства.

Ну не дёргаться же? Тем более, прерывать кайф вредно. Продолжаю.

При этом молча смотрю на неё.

Взгляд онемевшей от неожиданности Риты, уж кого-кого, а меня она здесь точно увидеть не мечтала, медленно спадает вместе с очками вниз и останавливается как раз на том месте, откуда, собственно, и вытекает моя нужда.

Повисает пауза.

Нужда течёт.

Пытаясь как-то разрядить обстановку, начинаю насвистывать прерванную мелодию.

Рита поднимает на меня затуманенные глаза. Нет, я ей точно мало интересен. Она снова переводит взгляд на моего верного боевого товарища.

Приглянулся он ей видать? Отлично. Будет повод для знакомства.

И тут замечаю, как секретчица тихо-тихо пятится назад, медленно выходит и прикрывает дверь.

Закончив процедуру, мою руки, выхожу в коридор.

Никого! Ау!

Девушка, как привидение, растворилась в воздухе.

Но, совесть моя чиста. Мочевой пузырь пуст.

Возвращаюсь в кабинет.

Время работать дальше.

ЖИЗНЬ, КАК ОНА ЕСТЬ

Служба в должности флагманского врача Николаевской бригады была, по началу, как-то не привычна.

Каждый день ты, как белый человек, идешь домой.

И нет никаких выходов в море, авралов и построений, приборок, штормов и штилей.

Служба с утра до вечера. И все.

Ну, чем не рай!

Я снова, как в молодости, но уже медленно и с чувством собственного достоинства, иду по улице Садовой, где мне до получения квартиры дали в семейном общежитии комнату.

Прекрасная погода. Прекрасное настроение. И вообще, жизнь прекрасна, без всякого удивления.

Я подхожу к дому.

С балкона второго этажа свисают три пары моих джинсов. Это жена без меня затеяла стирку. Причем эти джинсы так удачно висят, что если хорошо подпрыгнуть, то их достанешь.

- Как бы не сперли. Надо снять, - подумал я, входя в подъезд.

А дома меня уже ждут.

Пришла соседка с бутылкой.

На столе дымится картошка, котлеты и еще что-то вкусненькое.

Этот нескончаемый женский разговор меня усыпил. Я совершенно утратил бдительность.

Ложась спать, жена сказала:

- Саша, пойдй на балкон, сними джинсы.

Я вышел и закурил сигарету.

Веревки были пусты.

- Их уже сняли за нас.

Слезы, крики, упрёки в адрес города, породившего этих ублюдков.

- Галя! Они почти не виноваты. Это ты их спровоцировала, так низко повесив брюки.

Но... женщину убедить и понять невозможно, как невозможно представит бесконечность Вселенной.

А джинсы жаль. Они больших денег стоили.

СТРОВАЯ ПОДГОТОВКА

Венец совершенства военнослужащего – знание Устава и строевая выправка. Строевая подготовка среди офицеров штаба - явление довольно редкое, но иногда командование, решив показать всю нечёмность и несостоятельность этих офицеров, проводит это ультранужное мероприятие.

Резкий поворот головы, оттянутый носок и, вообще, строевая выправка делают офицера – моряка привлекательным. Ну а кто не хочет, чтобы на него с похотью посмотрела женщина?

Занятие проводит заместитель начальника штаба.

Он высок, подтянут. Профиль – ну чисто греческий Бог войны.

Ему хочется быть строгим, но душа еще не до конца очерствела. Годы, отданные ракетным кораблям и городу Потн, не истощили пыл, задор и стать, не сделали «черствым сухарем».

Строй офицеров штаба разнолик по своей форме и сути. Но они едины в одном – это полное недовольство проведением этого мероприятия.

П.И.Плехов четко выходит на середину плана. Командует:

- Равняйся! Смирно! - и зачитывает план проведения занятия.

На каждое мероприятие должен быть план. И если его нет, то ты хоть умри на этом, гребаном, плацу, а нет плана – нет мероприятия.

Итак - план зачитан. Мозг уныло впитывает сухие слова документа.

Очередные «Равняйся!» и «Смирно!».

И что я слышу:

- Майор Финогеев! Выйти из строя!

- Майор медицинской службы, - с акцентом поправляю я Петра Ивановича и хлопаю впредистоящего по плечу.

Тот четко делает шаг вперед и отходит вправо.

Вытянув носок и четко печатая шаг, я подхожу к Плехову.

- Товарищ капитан второго ранга! Майор медицинской службы Финогеев по вашему приказанию прибыл.

- Товарищ майор! Проводите занятия.

Вот он, еще один повод показать несостоятельность врача, как военного человека.

- Товарищ капитан второго ранга! Встать в строй! – строго говорю я.

Команда выполняется безупречно четко.

- Равняйся! – командую я голосом, от которого мурашки идут даже по собственному телу.

- Отставить! Гриднев (это наш начальник отдела кадров, мой друг, мы с ним когда-то служили еще на БПК «Сообразительный»), четче поворот головы. Равняйся! Смирно! Капитан второго ранга Плехов! Ко мне!

Строй замер, раздался ехидный смешок.

Петр Иванович, бедный Петр Иванович четко подходит ко мне и рапортует. В истории человечества и Военно-морского флота не было еще случая, чтобы врач вызывал к себе вышестоящую касту.

- Налево!

Опять четкий поворот и игра мышцами скул.

- Шагом марш! – и капитан второго ранга, подавляя в себе униженное достоинство (и кем!) (но презумпция невиновности окутывает врача здоровой аурой, и ангел-хранитель крепко сидит на его правом плече), делает три строевых шага, затем останавливается и произносит:

- Окончить занятия!

Так закончилась для меня строевая подготовка, после которой я вышел героем.

Честь военно-морского врача была не посрамлена!

РОСТ ПАРТИЙНЫХ РЯДОВ

В штаб бригады строящихся и ремонтирующихся кораблей пришёл новый начальник политотдела – капитан второго ранга Салин Евгений Александрович.

Это было изнеженное, себялюбивое, злобное, 147-сантиметровое существо, ищущее и, разумеется, находящее, во всём и во всех криминал, ненавидящее себеподобных и особенно офицеров штаба.

Говорил он, а это было его излюбленным занятием, ударяя в слове на букву *о*, с позиции яркого марксиста-ленинца, при этом никогда не забывая себя и ни в чём себе не отказывая.

- Лидер может всё, а остальные скоты, как бы рядовые члены (да, именно члены) партии, обязаны ждать!

- Чем больше всех е...шь, тем они покорнее!

- Инакомыслие должно пресекаться и выжигаться калёным железом!
— огромная при невысоком росте голова Евгения Александровича изрыгала постулаты гениальных мыслей.

Но мыслями да речами высокого авторитета не заработать.

Это понимал и начпо.

Ну и чем должен зарекомендовать себя первый коммунист Николаевских моряков? Конечно же, ростом рядов членов КПСС!

Этим он и занялся.

Изучив обстановку, Салин выяснил, что мичмана, начальники кабинетов, все беспартийные.

О! Чем не строители светлого будущего?

И началась работа!

Вызывал он мичманов по очереди, а их, этой своры борзых и наглых, было без малого свыше тридцати человек.

Окая, Салин беседовал, пытливо заглядывая в глаза. Интересовался семейным положением, трудностями в службе, сочувствовал, вникал во все проблемы, и при этом, оттопырив нижнюю губу, страдальчески махал огромной кучерявой головой, повторяя: «Да-да-да-да...».

Ну, прямо, отец родной, ни сесть, ни встать!

Глядя на это лицедейство, мичмана с преданностью бродячей собаки чутко внимали своему «благодетелю», махали ему в унисон и мысленно вспоминали старика Станиславского, если, правда, они слышали про такую фамилию: «Не верю! Не-Ве-Рю!!!», ожидая, когда же, наконец, родимец поцелует их по-настоящему.

И когда тела расслаблялись, расплывались по кабинету, он, возвращая их к действительности, как бы между прочим, задавал наивный вопрос:

- А почему вы, товарищ Марьянко, до сих пор не член КПСС?

- Не достоин пока, – хрипел Саня.

- Не достойны? – тут же менялся в голосе Салин. – Хорошо, идите.

Мы подумаем о целесообразности прохождения вашей службы в штабе бригады. Здесь должны служить достойные люди! – резюмировал он и вызывал следующего.

С новой жертвой беседа текла в том же русле.

- А почему вы, товарищ Сухой, до сих пор не в член КПСС?

- Не достоин.

Начпо, с усердием попки, буква в букву повторял фразу о целесообразности службы в штабе бригады такого нерадивого мичмана, и к нему шёл следующий.

После трёх-пяти посетителей, с которыми провела беседа, секретарю партийной организации посыпались заявления о принятии Кочеткова, Сухого, Марьянко, Майданюка, Стебло и ещё тридцати, им подобных, кандидатами в члены КПСС.

И теперь Салин, задавая свой последний традиционный вопрос, получал ответ уже зрелого, политически грамотного человека:

- Товарищ капитан второго ранга! Я секретарю парторганизации уже подал заявление о принятии меня кандидатом в члены КПСС.

- Молодец! – окал тот. – Идите.

Миссия была выполнена!

Ряды партии были пополнены.

Высокие начальники по достоинству оценили деятельность нового партийного руководителя. И вскоре, на его погонах засверкали третьи большие звезды.

И теперь капитана первого ранга Салина волновали уже другие вопросы – вопросы обогащения, улучшения своего быта и быта своей семьи.

Люди, по-прежнему, интересовали его мало, если вообще такое когда-нибудь наблюдалось. У них были свои начальники, свои командиры. Они и должны были о них думать.

Не царское это дело – в дерьме ковыряться!

МАРЬЯНКО

Есть такая категория людей, которая изо дня в день исправно ходит на работу или службу, чтобы ничего не делать.

Таким в штабе был заведующий минно-торпедным кабинетом мичман Марьянко.

Он был огромен. Просто гигантского телосложения.

Его щёки свисали со скул, живот валялся на лобке и жил своей, отдельной от хозяина жизнью.

Ходил он медленно, с достоинством, слегка расставляя ноги. Видимо яйца тоже соответствовали его конституции и немного мешали при движении, хотя в танце он был огонь.

Его правый глаз был слегка прищурен, а левый – широко открыт. Отчего взгляд приобретал орлиную пронизательность. Глядя на тебя, он буквально проникал в душу собеседника, шарил там, что-то искал, но ничего не находил.

Голос его был с хрипотцой, но не громкий.

Пил он много.

Не хмелея. Или, может, наша доза для него была слишком мала.

Когда ему поручали что-то сделать, он очень сильно переживал и не спешил выполнять, потому как это поручение либо могло быть забыто, либо за давностью лет отменено.

За рабочий день, если Саня вдруг (а такое бывало отнюдь не часто) не был занят выполнением обязанностей помощника оперативного дежурного, он прочитывал толстенную книгу и сгрызал ведро семечек.

Марьянко, естественно, был отличником боевой и политической подготовки, коммунистом (о том, как мичмана стали коммунистами, описано в рассказе «Рост партийных рядов»), мастером военного дела, был, за безделье, не любим флагманским минером, зато очень любим высшим командованием, поскольку умел быстро организовать стол.

Вот если что-то надо было организовать, здесь Саня был, по истине, виртуоз.

Потом, Саня как-то расслабился и, поддавшись влиянию молодых, более горячих мичманов, перевёлся служить на корабль на Камчатку.

А там надо было служить! И служить по-взрослому.

Каждый день его дрючили, а к этому он не привык. Кораблядская жизнь не мед.

Живот опал.

Щёки подтянулись.

И еле-еле дотянув до двадцати лет выслуги, он уволился на пенсию.

Так и закончилась славная карьера воина-бездельника, лицо которого могло вызвать страх у любого агрессора.

УГОРЕВШИЕ

Войдя в кабинет начальника штаба, я наткнулся на плотную, спрессованную стену табачного дыма.

В проёме окна виднелось три фигуры, но кто из них кто – разобрать в этом сизо-сером тумане было невозможно. Дышать было нечем.

Преодолевая нечеловеческие усилия и разгребая руками дым, я подплыл к столу.

За столом, заваленным окурками, хлебными крошками и шкурками от колбасы, сидели, одуревшие от выпитого начальник штаба, флагманский специалист ракетно-артиллерийского оружия и флагманский специалист секретного поста связи.

Я понял, что решать свои проблемы сегодня просто бесполезно.

- Доктор! – Начальник штаба навёл на меня фокус. – У меня что-то голова болит.

- Странно, что она ещё только болит. Здесь же вообще дышать нечем. Как вы ещё все тут не поугорали? Я вам хоть форточку открою.

Клубы дыма, с трудом протискиваясь сквозь открытую фрамугу вырывались наружу. В кабинете светлело. Но пьяным глазам это было глубоко по барабану.

Я постоял и вышел.

Они о чём-то говорили. Говорили громко и каждый о своём.

Ведь для разговора пьяному достаточно чучела, или хотя бы тени на стене. Ему важно излить душу. А то, что при этом тебе будет отвечать твой собутыльник – не имеет никакого значения!

ТОНЗИЛЭКТОМИЯ

Ангинами я болел часто.

И каждый год с температурой выше 40⁰С меня на носилках отвозили в госпиталь. Причём ничего холодного, даже в мыслях, не употреблял – молоко кипячёное, пиво с подогревом, женщину горячую... Хотя с женщинами поди разберись – думаешь, что огонь, а она в постели лёд.

И как результат ангина!

И вот, в две тысячи четыреста семьдесят седьмой раз я попадаю в госпиталь с твёрдым решением удалить эти долбанные миндалины.

Вообще-то я, хоть и медик, но все эти медицинские манипуляции над собой боюсь, причём жутко.

Но тут другой случай – жизнь заставила!

Изрешетив антибиотиками задницу, переводят меня в ЛОР-отделение. Относятся по-отечески – всё-таки, как никак, в начальниках числюсь.

И вот я уже в кресле.

Боюсь всё и вся. Разеваю рот. Укол и... началось!

Больно.

Слюна, кровь, пот, слёзы, сопли стекают с моего страдальческого лица.

Наконец, с первой миндалиной покончено!

Мычу:

- Я вторую вырывать не дам!

Начальник отделения, подполковник Ивашин, коренастый мужик, сверху до низу заросший густыми рыжими волосами, тоже весь в поту – намучился со мной.

- Открой рот!!! – орёт он. – Открой, или я тебя сейчас ё...ну по башке!

Вижу по глазам, что точно ё...нет, а ответить я уже не смогу, как бы не пыжился.

И снова укол.

Но вторая пошла полегче.

Десять дней я ничего не ел и только с большим трудом, страдальчески, пил.

Но прошло две недели, и всё, что тогда, в прошлой жизни, было нельзя, вдруг стало можно – и суперхолодное пиво, и молоко из холодильника и даже обледеневшие женщины пошли, как к себе домой.

ШУТКА, ИСКУПЛЕННАЯ “ШИЛОМ”

Состояние лёгкого “амбре” на флоте дело привычное. На него уже давно никто не обращает внимания.

Пьют здесь все.

Сначала с горя, а потом уже по привычке.

Не отличался от других и Валера Алексеев, заместитель командира бригады по электромеханической части.

Любил он это дело.

Мне же не подъебнуть боевого товарища, равносильно пройти мимо открытой женской раздевалки и не заглянуть в нее.

Невозможно!

На дверях кабинетов в штабе висят таблички, говорящие, кто именно должен за ней находиться.

Сняв размеры Алексеевской таблички, я потратил полдня, исписал две чёрные пасты, чтобы очень жирно и броско написать слово “ПЕРЕГАРОВ”. Ну, не для Валеры же одного я это пишу! Это было бы не интересно

На утреннее совещание я решил опоздать.

Заменив табличку и, извинившись, захожу в конференцзал.

А там всё, как всегда.

Оперативный дежурный зачитывает план работы штаба на день, начальник штаба уточняет и корректирует, славные представители политотдела (а их больше, чем до е...ени матери) кидают в нас, как кочегары в топку, лозунги, повышающие и без того высокую нашу боеготовность.

Рано или поздно, всё обязательно заканчивается. Даже утреннее совещание.

Опережая собственный визг, пулей покидаю конференц-зал и мчусь к себе на второй этаж.

Закрываюсь на ключ.

Жду.

Через минуту слышу площадную брань, вылетающую изо рта Алексеева и топот по коридору. Он пытается ворваться в мой кабинет.

Всё тщетно. Строилось на веки.

- Финогеев!!! Сука! – Слышу я в свой адрес не самые добрые слова, – Поймаю, убью!!! Лучше не попадайся.

Выжидаю пять минут. Звоню.

- Валера, прости.

- Не попадайся лучше!

- Прости! Хочешь выпить?

- Хочу.

- Выходи. Пойдем в санчасть.

- Если обманешь, – Алексеев не по годам строг, – будет хуже!

- Выходи, я спускаюсь.

В санчасти мы выпиваем по сто грамм чистейшего медицинского “шила”. Инцидент исчерпан.

А шутка прошла на “Ура”!

Я ищу новую жертву.

ШИЗОФРЕНИК

Каждый человек по-своему уникален.

И каждый стремится занять своё, надлежащее ему место в жизни.

Даже на Военно-морском флоте.

Только флот – он ведь как сито.

Сквозь него проходят тысячи и тысячи офицеров.

Умные, честные, порядочные, отслужив по 20-25 лет, выбрасываются общим потоком, как мусор, в другую жизнь.

А застревают в сите, зачастую, людишки не далёкие, но исполнительные.

Флот бросает им на плечи большие погоны, и они, надувшись, подобно мыльным пузырям, ходят по пирсу, пуская слюни и солнечных зайчиков, блистая формой, нежели содержанием!

Такая уж у нас традиция.

А традиция на флоте вещь суровая.

Мы, моряки, ее всегда чтили, чтим и чтить будем, нравится это кому-то, или нет.

Так вот!

Одним из продолжателей данной традиции, эдаким, кудрявым баловнем фортуны, был Дюмов.

Его тернистый путь прошел от простого лейтенанта до командира корабля и начальника штаба бригады.

За всю жизнь Дюмов прочитал всего две книги – букварь и синюю – корабельный Устав. Он его знал наизусть.

Но это ничуть не мешало ему, и даже наоборот.

Уже на этом смело можно ставить диагноз “шизофрения”. Это я как врач говорю.

Теперь, наверное, он уже адмирал.

Принято у нас так – на руководящие посты ставить дураков. И они будут вести людей за собой. Прямо. Не сворачивая. Как указала высшая рука. Не думая. Тупо.

- Что поделаешь, – пожимали плечами мы, – традиция!

А умные на флоте больших высот не достигают.

Да и держатся они как-то особняком, говорят о литературе, искусстве, читают на память Есенина, Мандельштама, спорят о преимуществах импрессионистов и недостатках абстракционистов...

Разве можно так?

Нет!

Оттого-то и скучно дурачьё-начальству с ними, оттого-то и не понимает оно их.

И это не удивительно.

Как оно может их понять, когда щеголянье статьями Устава считается пределом совершенства офицера военно-морских сил?

М-да!

Меня Дюмов не любил, а, может быть, даже ненавидел. И его можно было понять.

Как-то, в далёкие времена своей кораблядской молодости я проявил интерес к его молодой жене (а что, к ней тогда многие проявляли подобные интересы). А она по своей бабьей тупости пожаловалась на меня мужу.

Прошли годы. И судьба свела нас вместе где он был начальником, а я, разумеется, в подчиненных.

Достать меня по специальности было трудно. А вот излюбленными статьями Устава, или тактико-техническими данными каких-нибудь вражеских ракет и кораблей мордовать получалось конкретно.

После выслушивания моих ответов Дюмов начинал долго и низидающе гундеть о моей слабой подготовке, как офицера, о моём нежелании служить, безынициативности, расхлябанности, несобранности. И весь этот словесный онанизм минут так на тридцать.

Выслушивая этот неиссякаемый поток словесной диареи, хотелось просто встать и съездить ему по роже. Но.... Табель о рангах и субординация – тут уж не попрёшь.

Так продолжалось месяцев пять.

А все сидели и слушали.

Главное, что не меня. И если другого – даже интересно.

Потом Дюмов поступил в Военно-морскую академию. Ведь таких служба любит. Без них флот – не флот. Теперь он, наверное, адмирал. Семь ему футов. Плыви, моряк.

А я остался. Причём остался отличником боевой и политической подготовки. И как не хотел я знать ТТД противника, так их никогда и не узнал.

И ничего!

Не моё это. Не моё!!!

Я – врач!!!

И чтобы это понять, больным на голову надо долго и упорно лечиться. Я помогу. Это мой долг. Хотя, на данном этапе развития медицины шизофрения всё-таки неизлечима!

ОЛОВЯННЫЕ СОЛДАТИКИ

Почему военная служба любит дураков?

С умными служить тяжелее. От них много проблем, одна головная боль от них у начальника.

А с дураками проще!

Они не занимаются анализом полученных приказаний. Они, как того предписывает Устав, видят в строю грудь четвёртого человека. Не второго, не пятого, а, именно, четвёртого. Они почитают этих

начальников и не спорят с ними, а к подчинённым относятся, как к скотине.

С другой стороны, с ними сложнее.

Они утомляют своей тупостью, раздражают своей исполнительностью, бесят своим рвением. Не успел командир подумать, а уже – есть! Не успел вызвать, а он уже – тут! Не успел приказать, а уже – готово!

ТЬфу!

Плюсов у дураков всё-таки гораздо больше, оттого-то они и растут, как грибы, оттого-то и достигают больших высот.

Одним из ярких представителей фауны данного семейства *homo sapiens* был Димурат.

Куда там семь? В его лбу не было даже двух пядей.

Он просто тупо исполнял волю своих командиров, а те, в награду за послушание, его двигали.

Речь его надо было слушать.

Он был прирождённый глашатай революции! То, что вылетало из его рта, был чистейший бред, набор случайно вспомненных им слов. Понять, на какую тему он вел беседу, было невозможно. Но просто так послушать - интересно. От этой речи получаешь удовольствие.

Через время на погонах Димурата заблестали уже три большие звёздочки. Закончив Военно-морскую Академию, он стал заместителем командира бригады. Тоже не х...ёво!

Как! Неужели столько резервов было скрыто сразу под его черепной коробкой? Просто невероятно!

И таких вот безмозглых оловянных солдатиков было в Вооружённых силах Советского Союза более чем достаточно.

ПОЛЯРНОСТИ СЛУЖБЫ

- Разрешите, товарищ комбриг!

Юрий Иванович Ярошенко сидит в кресле. Ещё нет и девяти часов, а он уже красен и весел.

Мы с ним одногодки. Служили когда-то на соседних кораблях. Он тогда был штурманом.

- Чего тебе, доктор?

Я ему о чём-то докладываю.

Он, нехотя, слушает, записывает.

- Выпить хочешь?

- Нет. С утра не пью.

- Ну, смотри, – комбриг наливает себе в стакан, молча выпивает, вытирает губы и снова меня слушает.

- Юрий Иваныч, – у меня с ним хорошие отношения, и я волен вести беседы на любые темы. – Знаете, я бы никогда не смог стать комбригом.

- Почему?

- Потому что не могу столько, сколько вы, выпить.

- Вот поэтому ты флагманский врач! – резюмирует комбриг, глядя в потолок. – Может, выпьешь?

- Нет, Юрий Иваныч, спасибо.

- Хорошо. Тогда иди.

КОМАНДНО-ШТАБНОЕ УЧЕНИЕ ИЛИ ВАС ВЫЗЫВАЕТ 43-Й

Предел совершенства военной службы – командно-штабное учение. Все о дате его проведения знают, но... оно, якобы, проводится неожиданно.

В 5.00, когда спишь и спать хочется, раздается звонок и в трубку таинственно произносится:

- Вас вызывает 43-й!

Почему 43-й, а не 44-й или 127-й, - это для меня до сих пор остается загадкой. Это более загадочно, чем есть ли жизнь на Марсе.

Быстро впрыгиваешь в форму, съедаешь бутерброд, чтобы избежать самопереваривания желудка, и быстрым шагом идешь в назначенное место, где тебя ждет автобус. Затем муторный объезд, сбор идущих на «войну» и, наконец, в 7.00 прибытие в штаб. А там уже все кипит.

Сразу идешь к оперативному дежурному, докладываешь о своем прибытии. Затем вешаешь на себя противогаз (ну какая война без противогаза) и портупею (вот оружие никогда не получал), получаешь секретный чемодан и ходишь по штабу, как дурак, с умным видом.

Здесь актерские способности должны проявляться на высоком уровне. Все играют свою роль изо всех сил. Одни быстро входят в образ и так перевоплощаются, что потом из него трудно выходят. Вторые, типа меня, усилием воли подавляют в себе улыбку и смотрят на этот балаган, как зрители.

Выводятся из заводов корабли (условно конечно), эвакуируются семьи, пополняются эфемерные запасы, срочно ремонтируется то, что не успели доделать, разворачиваются запасные командные пункты и госпитали. Короче, 1941 год по сравнению с нашим ученьем отдыхает.

Затем с небес падает ядерная бомба. Рисуются яйца ядерного следа с учетом несуществующего ветра. Облако, естественно, обходит нас стороной. Все живы, но никто не смеется.

Потом разбор.

Вот здесь ораторские способности должны быть на высоте и на дурацкие вопросы ты должен ответить так умно, чтобы аж самому

понравилось. Особенно про санитарные потери и пути направления эвакуации.

Вот, наконец, и отбой тревоги.

Мирная жизнь снова окутывает тебя. Все прячется в сейфы до очередного ученья.

Бывают ученья, которые начинаются вечером. Это уже полная тоска. Они проводятся не так часто, если уж слишком высокое начальство соизволит посетить наш штаб.

Для всех проверяющих из штаба флота, а они непременно бывают на этих ученьях, в изобилии накрываются столы, мешками ловится рыба, их вывозят на природу и поят до невменяемости и оказывают всяческую заботу, как самому близкому родственнику. Так заведено исстари. И чем теплее встреча, тем выше оценка ученью и меньше замечаний. А раз все так хорошо, то и дальнейшая наша жизнь протекает спокойно, без ненужных катаклизмов.

После окончания разбора и принятия на грудь очередной порции горячительных напитков, кавалькада покидает славный город Николаев, направляясь в главную базу флота, а мы, радостные и счастливые, тоже, приняв внутрь уже свою порцию «шила», расходились по домам.

А через год клоунада снова повторяется.

И снова вызывает 43-й!

Но почему не 25-й или 121-й?

Никто об этом не знает.

ИНСТРУКТОР ПОЛИТОТДЕЛА

Инструктором политотдела штаба по партийно-политической работе был Литвиненко. Это был несчастный человек. Все, чем он занимался, это писал. Он писал доклады начальнику политотдела, которому они не

нравились и он их потом переписывал по четыре-пять раз. Столько, сколько он написал за свою службу, не написали Ленин, Сталин, Маркс и Энгельс вместе взятые. Его пепельница и урна были переполнены окурками, а весь пол усыпан скомканными листами бумаги. Он курил и писал. Писал и снова курил.

Выходя от начпо, он всегда говорил сакраментальную фразу:

- Долбоеб.

И снова садился переписывать очередной неутвержденный доклад.

На нем еще висели летучки, листовки, планы и куча другой «бесценной» партийной документации.

Я даже не знаю, за что он не отвечал.

На нем висели выборы всех уровней, а это и их подготовка, и проведение, и подсчет голосов с кучей всяких протоколов. И конференции, и бумаги на подведение итогов, а итогов на флоте очень много, и прочее, и прочее, и прочее.

Естественно, он всегда что-либо заваливал. Это и не мудрено при таком объеме работы. И за этот завал его пороли во все дыры.

А еще пороли за то, что не нес для начальства информацию для размышления. И за то, что он был «белой вороной» в стае этого черного воронья.

Иногда Анатолию Николаевичу поручали проверить, чем дышат офицеры штаба.

Он спускался со второго этажа и шел ко мне или к Толе Булаклину.

Мы организовывали что-то на стол. А он пил и жаловался на судьбу.

- Что я завтра доложу этому долбоебу, - так мило он звал своего начальника, - я же не скажу ему, что с вами пил.

Анатолий Николаевич был хорошим человеком, в отличии от всей остальной политотделовской шоблы, которая, как свора шакалов, искала

езде говно и, сбивая друг друга, несла его своему дорогому шефу. И чем больше его было принесено, тем ты делался краше и лучше. Особо рьяные двигались дальше и получали за это даже боевые награды.

Ну не мрази ли?

А те, кто действительно исполнял свой воинский долг добросовестно и с честью, по пятнадцать лет ждали квартиры и вешали на грудь только юбилейные медали. Ну как могли пропагандист бригады и инструктор по комсомолу получить медали «За боевые заслуги»? За что? Открыл рот, закрыл рот. Это полный долбоебизм перзрелого Советского государства.

Конечно, читатель вправе задать справедливый вопрос: «А тебе что, жалко или завидно? Почему дышишь ядом?»

Потому и дышу, что и жалко и завидно. Я в этой службе сделал в тысячу раз больше, чем те, кто с позиции марксизма-ленинизма помогал разваливать Советский Союз. Больно за тех, кто ночи напролет искал лодку, давал ход кораблю, стрелял, ставил мины, обеспечивал живучесть.

Но вернемся к нашему герою.

Брюки у Литвиненко, особенно их задняя часть, были отполированы до такой степени от постоянного ерзанья по стулу, что в солнечную погоду они слепили и пускали не только «шептуна», но и зайчика.

Нам, штабным офицерам, его было жалко. Но такого чувства и слова в политических органах не было. И лозунг о том, что человек человеку друг, товарищ и брат у них был только на бумаге.

НЕТЛЕННЫЙ ЗАКОН БЫТИЯ

Володя Свидерский – мой сосед по дому, а по совместительству ещё и флагманский химик.

В те далёкие советские времена, когда колбаса в магазинах была, а маршрутных такси ещё не было, до работы мы добирались на служебном автобусе.

Довольно удобно – не было никакой толчеи, как общественном транспорте.

Так вот. Подхожу к остановке.

Вокруг ни души. Закуриваю. Подходит Володя. Молчим. Каждый о своём. Хмурое утро не располагает к философии.

Вдруг мимо нас проходит мадам. Вся из себя: и облик, и тушь, и ножки (и откуда они растут), короче, сказка!

Как бы поддерживая ещё не начатый разговор, глядя ей в похотливый аппетитный зад, говорю:

- Нет. Ну всё делают для того, чтобы их вые...али.

Оборачиваюсь. Боже! Рядом стоит ещё одна женщина. Откуда она взялась? Я аж порозовел. Неудобно – все-таки форма, да и звёзды на плечах большие.

- Вы уж простите... Вырвалось, – делаю в её сторону робкую попытку оправдать высказанное.

Она понимающе смотрит в мои честные непорочные глаза.

- Да. Сказанули вы, конечно, грубовато... Но, с другой стороны, – она сама смотрит в сторону удаляющейся объекта моего высказывания, – с другой стороны иначе и не скажешь!

Сойдясь в траковке, мы снова замолчали.

Снова каждый о своём.

ДВУХСТОРОННЯЯ ЛЮБОВЬ

Вова Романов был моряк от Бога.

Ну дано человеку. Что тут сделаешь?

Одни искусные парикмахеры, другие – кондитеры, третьи – врачи. А он – моряк.

Если Вова что-то делал, то проверять было бессмысленно. Все исполнялось четко, в срок и в строгом соответствии требований приказов, директив и наставлений. И как он их все мог помнить? Причем, не задумываясь называл номера и подробно рассказывал все, что в них говорилось.

Разбуди его, и он без ошибки ответит тактико-технические данные кораблей, самолетов, оружия и все, что касается противника.

Только каллиграфическим почерком писал все штабные документы.

Он был всегда подтянут, собран, подстрижен и опрятен. То есть, внешний вид его был безупречен.

И лицом симпатичен. И форма морская. Ни одна женщина проплакала ночами от желания обладать таким красавцем.

Но иногда Вовик срывался. И пил горькую.

Нет, он не был алкоголиком, не был запойным. Просто любил выпить. Любил так же крепко, как службу.

С кем не бывает. Все мы не без греха.

Но Вова и здесь имел свое отличие.

Дойдя до состояния остекленения глаз, он полностью терял рассудок. С безумным взглядом Романов ходил по коридору и кабинетам, жутко скрипел зубами и, в полном смысле этого слова, искал начальников. И как это было не сложно, находил их.

Тут же начиналась воспитательная работа.

Володю пороли, как щенка. Дрючили во все естественные отверстия.

Получив удовольствие и удовлетворив начальников, Романов шел спать.

Утром, протрезвев, он снова бросался на поиски начальников. Уже с целью извиниться.

Каялся, бил пяткой в грудь... И Вову прощали.

Служба снова была на первом плане. И всю свою любовь он отдавал только ей.

Но односторонняя любовь приедается. Хочется каких-то новых ощущений.

И все повторялось, как в зеркальном отражении.

Привычки по жизни не меняют. Они поступают с молоком матери и ревакцинируются флотом.

Новые приходят и уходят, а старые, как татуировка, на всю жизнь.

САМОУБИВЕЦ

Осеннее солнце светило по-летнему жарко.

Было послеобеденное время, и штаб вымер. Адмиральский час – это время святое на флоте.

На ступеньках штаба сидел дежурный и, греясь, сладко курил.

Дежурил флагманский «мускул» Юра Переверзев.

Тишина и ласковое солнце сделали его мягким и добрым. Служба отошла, как бы, на второй план.

Я, потревоженный тем, что меня заставили проверить прием пищи на корабле, шел без особого настроения.

- Юра, либо сигарету, либо застрелиться.

Он посмотрел на меня своими карими глазами, пыхнул дымом в усы и, расстегнув кобуру, протянул пистолет.

Забыв напрочь, что и грабли раз в жизни стреляют, я снимаю пистолет с предохранителя, передергиваю затвор и уже готов был выстрелить. Но тут вспоминаю, как мой лепший корешок Саша Пушкин,

давая моему пятилетнему сыну Пете поиграть пистолетом (иногда жена меня навещала на корабле), всегда передергивал затвор дважды.

Спасибо тебе, Господи, что заставил меня вспомнить в данную секунду именно это.

Я передергиваю затвор второй раз и... вылетает пуля.

Ноги мои подкашиваются, холодный пот покрывает лицо.

- Он что, заряжен? – дрожащим голосом спрашиваю я.

- А ты, что, долбоеб? Не знаешь, что заряжен?

- Нет.

Ноги стали ватные и я сел.

- На, забери свой пистолет. Ну его на хер.

- Что, доктор, обоссался? – весело смеется он, протягивая сигарету и убирая пистолет в кобуру.

После этого я никогда в жизни больше не беру в руки оружия.

Баловство с ним недопустимо. Этот урок лишний раз подтверждает, что Уставы, действительно, написаны кровью.

И даже сейчас, спустя десятки лет, от этого жуткого воспоминания волосы встают дыбом, а руки делаются влажными.

В жизни нужно четко запомнить и неукоснительно выполнять одноединственное правило: «Не твое, не лезь». И будешь жить счастливо сто восемь лет.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ КАРЬЕРЫ

Путь карьеры тернист. И когда у тебя подходит срок очередного воинского звания, а ранг корабля не позволяет его получить, и должность тебе уже мала и хочется, как птице, высоты полета и простора, то ты волей-неволей начинаешь конвульсивно дергаться, поскольку ни сзади, ни

впереди у тебя нет толкача и куда стучать - не знаешь. А стучать надо. Ой, как надо! Только стучащему открываются все двери.

Но были такие, которые не думали о своей карьере, они просто служили в свое удовольствие.

Таким служакой был, царствие ему небесное, его зарезала ножницами жена товарища за то, что он ее возжелал вопреки ее же воли, Петя Г. Это был достойный внук достойного деда. А дед был большущим человеком на флоте. Бабушка же командовала дедушкой. Так что она, наверное, была самым влиятельным лицом.

О Пете ходили легенды.

Начал он свою флотскую карьеру с учебы в Нахимовском училище. Тогда Петенька был еще мал и у него во время подъема мерзли ножки. И до этого у миллионов курсантов они тоже мерзли, но их покровители были не так сильны. Пожаловался он на это бабушке, и сразу появились прикроватные коврики и тапочки.

Потом он учился в Ленинградском военно-морском училище на штурмана.

Впервые я его встретил в Югославии, в порту Сплит, куда его доставил плавтранспорт. Он был уже курсантом пятого курса. С ним (не он с ними) были его товарищ и капитан III ранга, якобы у них старший. Их разместили на БНК «Решительный». Петя без стука вошел в офицерскую каюту, осмотрел ее и сказал, как бы, между прочим:

- Я здесь буду жить.

Старший лейтенант, проживающий в ней, чуть не подавился слюной:

- Курсант, пошел отсюда на ...

Петя невинно посмотрел на него и вышел.

Через секунду командир корабля, отодрав борзого старшего лейтенанта, приказал ему вместе с соседом переселиться в боевой пост. А Петя поселился в каюте.

Если все сходили в город пятерками, то эта привилегированная фигура сходила сама, в любое время. Конечно же он брал с собой друга. При этом везло и офицеру.

И вот Петя закончил училище. На его плечах заблестели звездочки.

Черноморский флот с радостью принял этого перспективного офицера. Из фонда командующего ему, неженатому, была дарена трехкомнатная квартира, которую заслуженные люди ждали по 12-15 лет и то, если у них разнополые дети.

В адъютантах у него ходил мичман, который готовил еду, убирал квартиру, стирал и поставлял блядей.

Служил лейтенант на исследовательском судне, носил непозволительно длинную для офицера, прическу, чем раздражал патрулей, которые бросаются на Петю, как цепные собаки. Но, открыв удостоверение личности, они видят большую фотографию любимого дедушки. И Петю отпускали.

К этому привыкали. И Петруша служил в свое удовольствие.

Флот для него – трамплин для карьерного прыжка. И чтобы дальше и выше прыгнуть, нужно было придумать что-то эдакое, чего никто не делал, да и не сделает никогда.

- А не пойти ли в кругосветку? Мало. Может повторить легендарный поход Беленцгаузена с заходами во все порты, в которые заходил великий мореплаватель?

Идея бабушке очень понравилась.

Дедушка дает команду в отдел боевой подготовки. Те разрабатывают план, готовят распоряжение и отсылают его под грифом «совершенно секретно» на Черноморский флот.

Корабль пополняют запасами. На него сажают телевидение, профессиональных артистов, в основном женского пола и ... поход начался. Во многие порты их не пустили, но это уже было не столь важно.

На груди у Пети засеребрилась медаль «За боевые заслуги» и досрочно присвоено звание капитан-лейтенанта.

«Герой» идет служить в дипломатический корпус ВМФ в Москву.

Но конечный итог был печален.

У меня все было гораздо прозаичнее. Когда подходил срок получения звания «майор», я задержался. Куда идти?

В принципе, в медицинском отделе флота меня знали. Я много ходил в море, много оперировал и был передовым офицером. И первое, что родилось, это посетить заместителя начальника медицинского отдела флота.

Виктор Евсеевич Половинко был добрейшей души человек с флегматичным характером.

Как известно – сухая ложка и рот дерет. Беру две десятилитровые банки белой краски и, обливаясь потом, ранним утром иду к нему домой.

На звонок вышел сам хозяин. Одет он был совсем по-домашнему: в синие флотские трусы и общевойсковую майку.

- Товарищ полковник, капитан Финогеев. Принес вам белую краску. Вы как-то у меня ее просили.

Разговора об этой краске, естественно, не было.

Половинко просиял.

- Заноси, заноси. А я, ёпть, забыл, кого просил. Я, ёпть, ремонт затеял, а из-за краски он встал. Ты, ёпть, если чего нужно, заходи.

- Да у меня звание выходит. Должность ищу.

- С должностями, ёпть, проблема. Но все равно заходи в медотдел, может, ёпть, что и решим.

Ничего он, естественно, не решил, но первый этап поисков начался. И его надо было продолжать.

Вторым этапом было посещение отдела кадров флота.

Ручка с золотым пером из Сирии и бутылка армянского коньяка сделали кадровика сговорчивым.

Подумав для солидности минут двадцать, говорит, что есть должности, но две еще не освободились и когда освободятся неизвестно, а вот третья, флагманского врача в Николаеве, свободна. И отправляет меня подумать и посоветоваться с женой.

Решение принято. И я даю согласие.

События развиваются стремительно.

Флот возглавляет новый командующий, адмирал Хронопуло.

Первый его прием граждан и первой на приеме моя жена.

Вопрос один – квартира.

Он обещает. Нельзя же разочаровывать людей. Жена говорит, что мужу предлагают должность в Николаеве.

- Езжайте, - не возражает адмирал, - там и получите жилье.

Окрыленный новым, еще несостоявшимся назначением, я готовлю медслужбу к сдаче.

Друзья выписывают проездные документы на отправку вещей. И контейнер уходит. А я жду приказа.

Проходит неделя, вторая, а приказа нет.

Ответ кадровика один:

- Командующий еще приказ не подписал.
Уже и паника в душе, и растерянность:
- Как он не подписал? Я вещи отправил.
- Как отправил? Ты что, долбоеб? А если он не подпишет?
- Ну, как не подпишет? У него на приеме была жена, и он дал добро на Николаев.

На следующий день приказ был подписан. Видимо, вещи сыграли решающую роль. И через день поезд умчал нас в город корабелов.

Впереди была новая, не совсем еще понятная служба.

ЗОЛОТЫЕ ЯБЛОКИ

Отпуск подходил к концу.

Моя милая тетушка Рита, беспокойная душа, решила дать мне с собой яблок.

Как я не упорствовал, какие доводы не приводил, все было бессмысленно.

Ящик был огромен и сделан по-людски, с ручкой. Но хорошо, когда несешь его метров пять. Потом уже наступает мука.

Ну, вот и Харьков.

Носильщик культурно предлагает свои услуги, воспользоваться которыми считаю за счастье.

Трудность и тревога наступает у кассы, где нужно закомпостировать билет на Николаев. А это только перед приходом поезда.

И вот билет на руках.

До отхода остается тридцать минут.

Надо спешить.

Забираю ящик из камеры хранения. Ищу носильщика. А они все, как в воду канули.

И майор медслужбы мечется по вокзалу в поисках счастья.
До отправки десять минут.
Уже понимаю, что если я возьму этот ящик, то однозначно не успею.
И вдруг счастье идет на меня. Но оно такое пьяное, что не оно должно нести, а его.
Бросаюсь к его нетвердым ногам. Заискивающе гляжу в глаза.
- Десять.
- Что десять?
- Десять рублей, иначе не понесу.
Робко робщу, но выхода нет.
До отправления пять минут.
- Понесли.
Успели как раз вовремя.
Проявив несвойственное для себя благородство, носильщик заносит ящик в купе.
Поезд мчит меня на юг.
В Николаеве беру такси.
Как выяснилось позже, яблоки в городе были по семь копеек килограмм.
И за потраченные на их перевозку деньги я мог бы купить полтора центнера.
А эти двадцать, привезенных мною килограмм яблок, превратились в золотые.

МУСОР

Рабочий день закончился. Можно идти домой. На КПП меня ждет приятель. Вместе с ним когда-то служили на одном корабле. Он командовал электротехнической группой.

Переведясь в Николаев, я помог ему устроиться в милицию.

Увидев капитана милиции, да ещё на территории военно-морского флота, нервы мои напряглись. Всю жизнь со мной бок о бок шла шутка. И тут она тоже вылезла вперёд.

- Дежурный! – заорал я.

Из рубки выскочил старший лейтенант.

- Почему на КПП мусор?

- Где, товарищ майор? Только что делали приборку.

- А вот, - показываю я на милиционера, дико хохоча.

Мне жутко весело, милиционер натянуто смеётся, а дежурный вынужденно серьёзен. Ему не положено. Он на службе.

БОГАТЫРЬ

На столе стояли две трёхлитровые банки пива и гора тараньки.

Пиво надо пить солидно, а не ради того, чтобы только выпить. Сосредоточенно чистим рыбу.

У нас гость. Пришел подполковник медслужбы Слава Заикин. Он отвечает за обеспечение медицинским оборудованием, транспортом и прочими медикаментами, разворачивающиеся во время военных действий, новые медицинские формирования. Работа не пыльная, но очень ответственная. Он огромного телосложения дядя. Просто огромного. Обувь сорок девятого размера. Голова пионера по сравнению с его кулаком отдыхает. Улыбка сквозь зубы, слегка ехидная. Ходит он валко, наклонившись вперёд. Если его покрыть шерстью, был бы знатный медведь.

Окончил он Горьковский факультет и в юные годы прослужил на кораблях-разведчиках. Все, кто на них служат – герои.

А что с этими кораблями и людьми делает шторм, «уму не растяжимо». Корабль маленький, переделанный из рыбаков, напичканный всякой совсекретной аппаратурой для прослушивания и слежения за кораблями противника. Так этот самый корабль в бушующем море, как щепка в водовороте. На нём можно завидовать мёртвым.

Боже! Спаси и сохрани.

Ну вот всё готово. Слава берёт банку в руку и разливает пиво по бокалам. Я с удивлением смотрю. Трёхлитровая, тем более полная банка, а это ещё и вес, в его ладони, как в моей – рюмка.

Быстро отпиваю из бокала.

- Слава, долей мне чуть-чуть.

Он ещё раз берёт банку рукой и наливает. Я в восторге! Родит же таких богатырей земля Русская!

СЛУЖБА – НЕ ИГРЫ В ВОЙНУ

Дежурство по экипажу подошло к концу.

Старший лейтенант Семёнов достал из кобуры пистолет и уже было собрался вынуть из него обойму, как в кабинет вошёл мичман Семичасный.

- Вася, держи! – крикнул ему Семёнов, вскидывая оружие.

Выстрел раздался, как гром среди ясного неба.

Как потом выяснилось, пистолет был снят с предохранителя.

Пуля вошла мичману аккурат меж бровей.

Тело Семичасного, как подкошенное, рухнуло на пол.

Через секунду в обморок упал и Семёнов...

Баловство на службе, а уж тем более, баловство с оружием, недопустимо! Оно всегда оканчивается, как правило, трагически!

Об этом говорят, начиная службу. Об этом говорят, её заканчивая. И всё, что касается боевого оружия и борьбы за живучесть, всё, что об этом написано в приказах, директивах и наставлениях – всё это писано человеческими жизнями, человеческой кровью!

И два правила, где бы ты ни служил и где бы ты ни находился, всегда обязан помнить как имя своё и неукоснительно их выполнять.

А они просты, как молекула воды:

Первое – «Не твоё – не лезь» и второе – «Не играй с оружием»

Свято их соблюдая, мать и жена встретят тебя слезами радости. В противном случае – это будут слёзы утраты!

Сто лет тебе жизни, моряк! И не болей!

ПРАЗДНИК

Каждый год День Военно-морского флота проходит, у прослуживших на нем, всегда весело и шумно.

Гуляют до утра.

Сухопутные моряки роют землю, надводники ложатся в дрейф, а подводников развозят на подводах.

И так каждый год бывшие Магелланы и Колумбы, Ушаковы и Макаровы отмечают этот, заслуженный годами службы, пропитанный морской солью и привитый штормами, праздник.

Только не убивайте друг друга, пацаны!

ЯМА

Учитывая, что военные тоже, в каком-то роде, люди и им тоже нужна психо-эмоциональная разгрузка, были придуманы Дома офицеров. Они были во всех городах и больших гарнизонах и занимались военно-патриотической работой. Но помимо этого, в вечерние выходные дни там проводились, так называемые, танцевальные вечера.

Не знаю, как в других городах, но в Ленинграде Дом офицеров называется «Яма».

Откуда появилось это название, вряд ли кто скажет, но, скорее всего, его перенесли из одноименной повести Куприна.

И вот, сотни командировочных, стажирующихся, учащихся и, вообще, заброшенных судьбой в этот великий Город офицеров, стекаются вечерами сюда в поисках «дамы сердца».

Боже! И каких только женщин здесь нет. Возраст – от стареющих двадцатилетних до молодящихся шестидесятилетних.

Все цвета масти, все виды форм и размеров. И идут сюда исключительно за одним.

Всех зовет плоть. Может быть кто-то в тайне и мечтает выйти замуж, а вдруг идиот случится. Бывает, наверное, и такое.

Но общая масса обеих полов преследуют одну цель, – слиться в едином порыве страсти в единое целое.

Мужчина здесь – как рыба в воде. На него одного приходится, в зависимости от наплыва конкурсанток, три, четыре, а то и пять претенденток. Никто здесь не остается без внимания. Если не ты выбрал, то выберут тебя.

Полковники и капитаны, майоры и лейтенанты, мичманы и прапорщики трясут в танцах детородными органами, а женщины всеми доступными и не совсем доступными средствами демонстрируют все свои достоинства.

Идет спаривание.

«Развод», в общей массе, начинается во время последнего танца. Если сердца не слились до этого, то при объявлении заключительного, обязательно медленного вальса, наэлектризованность толпы достигает

апогея. Плюс тут же хватается минус, ну а робкого плюса мгновенно притягивает к себе энергичный минус.

Ну а затем..., затем, как в немецком порнофильме, все объяснения идут в форме звуков, жестов и стонов.

Наступает светлое завтра.

И вновь «Яма» принимает страждущих. И все идет по одному, отработанному годами, сценарию.

Чем отличается человек от животных и птиц?

А тем, что спаривание он совершает в любое время суток и в любое время года.

Это еще один шаг эволюционного пути, совершенного человечеством.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ ЗНАНИЙ

Представители всех родов войск, но с едиными эмблемами на погонах, большая часть из которых в ближайшее завтра будет расставаться со службой и Вооруженными силами, уходя на гражданку, собрались на кафедре нервных болезней ВМА имени С.М.Кирова для обучения иглорефлексотерапии, - предмета, на изучение которого китайцы тратят десятки лет. Наши же врачи осваивают его за три месяца, достигая в методах чжень-цзютерапии невероятных успехов.

Восточные концепции ИНЬ и ЯН, меридианы и их точки акупунктуры, топография этих точек, методика и техника иглоукалывания и прижигания и все остальное, что связано с этим предметом, мощным потоком входят в наши прокуренные мозги. Только от одних названий точек: Цзянь-вай-шу, Ян-лин-цюань, Хуань-тяо, Шэнь-тин, а их свыше тысячи, голова увеличивается на полтора размера, а если еще прибавить ее анатомическое расположение, глубину проникновения и показания, то разрыв в черепной коробке неминуем.

И все это в темпе.

У нас же не годы, как у китайцев, а всего лишь три месяца.

Но вот теория позади и нам дают больных.

Ты составляешь рецептуру, согласовываешь ее с преподавателем и начинаешь непосредственно лечить больного. Уже игла вводится не в яблоко и не в стопку листов бумаги, а в тело больного.

С нами учебу проходил майор Василюк.

На вид ему можно было дать лет восемьдесят. Да и имя он имел какое-то, далеко не современное, Лукьян Сергеевич.

Его лицо, распаханное морщинами, походило на пареное яблоко. Да и двигался он как-то по-стариковски, а ведь было ему всего сорок шесть. Видно годы, проведенные в летных частях, не прошли для него даром. Но что у него не отнять, так это феноменальную память. Все эти китайского происхождения точки он запоминал с лёту.

Больных в классе разводят по кабинкам.

На то, чтобы поставить иглы в пять-семь точек уходит около десяти-пятнадцати минут. Потом больной лежит с ними двадцать-тридцать минут, их вынимают и... до следующего дня.

Василюку достался дед лет шестидесяти с радикулитом.

Доктор бережно уложил больного на стол и приступил к операции введения игл.

В кабинке за шторами раздался стон больного, который перерастал в крик, взывающий о помощи.

Такие стоны, должно быть, раздавались только в застенках гестапо.

В класс вошел преподаватель:

- Что там происходит? – задал он естественный в этой ситуации вопрос.

- Это Лукьян Сергеевич больного пытается вылечить, - ответил я на правах старшего группы.

- А почему он кричит?

- Вы кого имеете в виду, больного или Василюка?

- А что, они оба кричат?

- Я думаю да. И оба от радости. Один от счастья быть вылеченным, а другой от глубокого проникновения в концепцию Инь-Ян и У-Син.

- Вы сами хоть туда заглядывали?

- Я не хотел мешать их всеобщему ликованию.

- Что-то радости в их возгласах я слышу мало. Там никто никого не пытается?

В это время из-за шторы вышел красный, мокрый и смущенный Лукьян Сергеевич.

- Василюк, что вы там делали? – преподаватель уставился на будущего рефлексотерапевта.

Группа корчилась в конвульсиях от смеха.

- Я иголки ставил.

- А почему больной кричал?

- Он не хотел, а я его убеждал.

- Убедили?

- Да.

- Он жив?

- Так точно.

- Хорошо. Садитесь на место. Смех прекращаем и продолжаем занятие.

Через двадцать минут Василюк поднял руку.

- Что вы хотели, что-то не понятно? – преподаватель озабоченно привстал.

- Мне по времени нужно иголки вынимать.

- Иголки? Кому? – он, явно, забыл о лежащем за шторкой больном. – Ах, да. Ну, идите. А мы сделаем перерыв. Финогеев! Проследите, чтобы все остались живы.

Он встал и вышел, а вся группа, давя друг друга, кинулась к кабинке перенимать передовой опыт.

Но извлечение прошло без звука.

Путь к Олимпу не бывает устлан коврами и усыпан розами. Он всегда труден и тернист. И нельзя по нему пройти, ни разу не спотыкнувшись.

УЧИТЕЛЮ

Всегда с любовью и теплотой вспоминаю своего начальника курса Самбунова Юрия Сергеевича.

Быть учителем и воспитателем одновременно тяжело и ответственно. Это очень неблагодарный труд. Понимаешь это только с возрастом.

Нас поступило на учебу сто пятьдесят человек, правда выпустилось сто двадцать, физически здоровых, разносторонних парней. У каждого свой характер, свой нрав и свои способности. И управлять таким коллективом довольно сложно.

Пусть из этой общей массы сто, даже сто двадцать были тихи и коммуникабельны, но остальные двадцать – тридцать человек были разгильдяи и требовали постоянного пристального внимания.

Одни пакостили мелко, другие по-крупному. Одни часто, другие изредка. Но за каждым нужен был глаз да глаз.

Что характерно, Юрий Сергеевич никогда не кричал, всегда разбирался тихо и основательно. Он умел тонко, со свойственным ему юмором так поговорить с нарушителем, что не только ему, но и всему курсу было предельно ясно, что так поступать очень даже не красиво.

Выглядел он всегда безупречно. Смуглое, гладко выбритое лицо, черные волосы, безукоризненно пошитая и выглаженная форма делали его поистине красивым человеком. Мне почему-то кажется, к своему великому стыду я не знаю его прошлого, кроме того, что он был флагманским врачом где-то на Балтике, но, явно, он был как раз из тех людей, которые любили волю, женщин и все то, к чему стремились те двадцать – тридцать непокорных. Поэтому он их больше понимал и смотрел на них, как взрослый человек смотрит на свою юношескую фотографию. Понимал и прощал.

В нем не было желчности, озлобленности и ненависти. Он умел прощать и не помнил зла. Эти его качества я всегда стремился пронести и по своей жизни. И, кажется, у меня это получилось.

Пройдя довольно суровый этап жизни в молодости и затем став флагманским врачом, я никогда не позволял себе унижить подчиненного, обидеть его и не позволял этого делать другим. Все, кто хотел расти, рос. Всех, кто катился вниз, тормозил. Упавшего поднимал. Взорвавшихся собирал по кускам.

Все это Ваше, Юрий Сергеевич! Спасибо Вам за это!

Как-то на торжественном вечере в ресторане Вы сказали:

- Финогеев, не будь врачом.

Видно Вы сильно сомневались в моих способностях. Да, наверное, я тоже в них сомневался.

Я в шутку ответил:

- Я буду флагманским врачом.

Но жизнь распорядилась иначе. Она поставила меня в такие условия, при которых не быть врачом было просто невозможно. И я им стал! Думаю, это Вам понравится.

Потом был и флагманским врачом.

А закончив службу, снова одел белый халат, став заведующим отделения физической реабилитации.

И больной считает за благо попасть ко мне на лечение. Это я не вру.

Вот что сохранилось, Юрий Сергеевич, до сих пор, так это я остался хулиганом, юмористом и просто веселым парнем, безумно любящим жизнь во всех ее проявлениях.

Вы нам говорили: «От моряка должно пахнуть «Беломором», шипром и коньяком».

Это я тоже пронес сквозь годы. Правда изменились марки сигарет и одеколona. Но коньяк я люблю. Хотя к алкоголю в больших количествах отношусь отрицательно.

Христианская мудрость учит: «Не создай себе кумира». Ну как без этого? Вы, полковник Самбуров, мой эталон, образец, идеал военноморского врача. Я тоже любил форму и шил ее так, что женщины оборачивались мне вслед, а вот представителям комендатуры она, почему-то, не нравилась.

И женщин я любил. И они мне отвечали взаимностью. Как без них? Это все равно, что быть в бане и не помыться.

Дорогой Юрий Сергеевич! Я не думаю, чтобы кто-то, кого вы выпустили в свет, в люди, сказал бы о Вас что-то плохое.

Для всех нас вы были отцом, а не отчимом. Низкий Вам за это земной поклон! И спасибо за все!

А если бы это все было не так, то и не было бы этого рассказа.

Искренне уважающий и любящий Вас, Финогеев.

РАССКАЗЫ
СТАРОГО МОРЯКА

ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ

Ко мне на приём пришёл мужчина. Он был крепок, выше среднего роста, подтянут, энергичен. На вид, ну чуть больше шестидесяти лет. Но как потом оказалось, - он приближался к семидесятилетнему рубежу. Дай ему Бог!

- Здравствуйте, доктор.

Моя рука утонула в его ладони. Он «дал мне краба». Так на флоте называют рукопожатие.

- Вы к флоту имеете какое-то отношение? – спросил я его.

- Так точно, - ответил он по-военному, - Старшина I статьи запаса, старшина команды писарей Савельев Леонид Ильич, крейсер «Слава». Мы познакомились. И потекла беседа. Служил он в далёкие пятидесятые годы на Черноморском флоте. Тогда служили четыре года. Экипаж огромен – свыше тысячи человек. Хозяйство – за глаза. Всё

делопроизводство шло через его руки. А за каждой бумагой стоит человек, сотни людей и экипаж в целом. И попробуй, допусти ошибку.

- Леонид Ильич! А не могли бы Вы вспомнить несколько историй из Вашей флотской биографии?

- Хорошо. Я подготовлюсь и вам всё расскажу.

На следующий день он пришёл с листом бумаги, где аккуратным калиграфическим почерком были написаны первые фразы, для памяти, его рассказов.

Я сидел и слушал. Человек молодел на глазах. Он не рассказывал, он жил теми дальними воспоминаниями. Глаза горели огнём, вьющиеся, слегка седоватые волосы заметно темнели, осанка стала молодцеватой. Из него буквально пёр жар далёкой флотской молодости. Его не только было интересно слушать, но и сопереживать вместе с ним все те истории, которые он мне поведал.

МОЙ ДОМ - МОЙ КОРАБЛЬ

Каждый корабль – это своя отдельная республика со своими законами, традициями и нравами. И каждый житель этой республики свято их чтит. И если в них вторгается, упаси Бог, чужой, то это может закончиться для него плачевно.

Крейсер «Слава» пришёл на ремонт в Николаев и пришвартовался к стенке Черноморского завода. Боевые моряки высыпали на палубу. Рядом стоял новостроящийся крейсер «Дзержинский». На его баке и полубаке были натянуты леера, на которых сушилось рабочее платье и тельняшки.

- Эй, на шхуне! Чего портянки развесили? – орали соседям прошедшие шторма моряки.

Пошла перебранка. Оскорбления сыпались с одного и с другого борта. Страсти накалялись. Ну а когда наступило увольнение, всё переросло в грандиозную драку.

Победителей не было. Участников побоища строго наказали, а кораблям был объявлен месячный ограничительный период.

Всяк кулик своё болото хвалит, а уж для моряка нет лучше его родного корабля.

ПРИОБРЕТЕНИЕ ОПЫТА

Первый выход в увольнение в Николаеве.

Мы пришли сюда из Севастополя на ремонт.

Иду, куда идут все – в ДОФ (гарнизонный дом офицеров). Там танцы. Девочек – глаза разбегаются. И все хорошенькие. И к каждой тянется сердце.

Наконец выбрал.

Весь вечер протанцевали.

Я ей о морской службе, она мне о своём, о девичьем.

Надо же её и проводить. А вдруг завтра будет слаще, чем сегодня.

Пошли.

А жила она в Варваровке, есть такой район в Николаеве, за рекой Южный Буг. Это сейчас мост нормальный, а раньше был наплывной. И кто же знал, что он после двадцати трёх разводится для прохода кораблей? Проводил я её. Договорились встретиться.

Чуть ли не бегом спешу на корабль. Увольнение-то заканчивается.

Подбегаю к мосту, а он разведён. И я, как Робинзон, мечусь, не зная, что делать. И переплыть нельзя, речка с полкилометра.

Уже темно, ни фиги не видно.

На середине реки в лунном отражении на лодке сидит рыбак.

- Дедушка, перевези, Христа ради, из увольнения опаздываю!
Пожалуйста!

Дедушка видно тоже был молодым, и служил, а может и воевал. Перевёз он меня. Дай ему Бог здоровья.

Уже бегу во всю прыть. У яхтклуба товарный состав стоит, пыхтит, трогаться собирается.

- Вы куда? – кричу машинисту.

- На Черноморский завод.

Повезло, нечего сказать.

- А меня не возьмёте?

- Прыгай!

Через двадцать минут я был уже в заводе. До корабля - рукой подать. Получив такую зарядку и опыт, впредь, знакомясь с девушками, сразу спрашивал, где живёт. И если в Варваровке, то как бы она не была хороша, а дальнейшие разговоры с ней прекращались.

СДЕЛКА

По прибытию корабля в ремонт, с него начинают забирать специалистов, а вместо них присылают, если вообще присылают, тех, кто не представляет никакой ценности.

Это было, это есть, и это будет. И никогда это не изменится.

И никуда от этого не деться.

Старшина II статьи Анисимов знал, что после отпуска его переведут на другой, боевой корабль.

А всё, что моряку объявляют, вносится в личную карточку. И благодарность, и выговор, и, естественно, отпуск. Побывав дома, Анисимов вернулся на корабль. Сдал писарю отпускной билет и железнодорожные билеты.

- Лёня, меня собираются переводить на другой корабль, - говорит он писарю простого делопроизводства, - а мне ещё служить два года. Ты можешь мне не записывать в личную карточку, что я уже использовал отпуск?

А в те далёкие времена отпуск морякам давался один раз за всю службу.

- Могу.

- Тогда не записывай. Хорошо?

- Хорошо, только в увольнение пойдём вместе.

- Конечно, - улыбнулся Анисимов.

В увольнении сделка была обмыта.

А через две недели он уже имел на руках предписание о назначении на другой корабль. И поезд мчал его из Николаева в Севастополь.

И совесть и карточка его были чисты.

ТАТАРСКАЯ ЛЮБОВЬ

Придя на ремонт в Николаев на крейсере «Слава», начались поголовные свадьбы. Мокнул конец – полюбил, два раза мокнул – полюбил сильнее.

Матрос Имангалиев намокался до тошноты. Уже и время подходит увольняться в запас, а в служебной книжке штамп стоит: «Женат» (надо сказать, что в те времена у личного состава срочной службы не было ещё военных билетов. Их им выдавали уже после увольнения в запас в военкомате, а их заменяла служебная книжка, листок бумаги со всеми твоими данными и, в принципе, она большого значения, как документ, не имела). И ребёнок родился.

Но вот любовь, как снег по весне, стала стремительно таять.

И как ехать домой? Не поймут старейшины похотливого джигита.

Интернационализм, он хорош в постели. А если ты женился без спроса родителей, да если ты – татарин и женился на украинке, то будет тебе полный «звездец» от всего татарского рода.

Заиграло очко у сына степей. Загрустил он. И в увольнение не ходит, и видеть никого не желает. Штамп мешает дышать вольно.

- Эх! Если бы тогда головой думать, а не головкой, как в ЗАГС идти.

И поделился горем со своим корешем, годком, с которым бок о бок прослужили четыре года.

- Муса! А ты служебную книжку постирай вместе с робой, а лучше, сдай робу в прачечную, пусть её тебе там постирают. А вместо испорченной книжки получишь новую, чистую.

У моряков принято рабочее платье стирать самому.

- Как же я сдам? У меня его не примут.

- Ну уж это решай сам!

Слова не разошлись с делом. И робу постирала машина. Кто же годку откажет?

Рапорт пошёл по команде. В нём, путая татарские и русские буквы, Исмангалиев чистосердечно признавался в том, что вместе с формой одежды была постирана и служебная книжка.

Командир корабля пишет резолюцию: «Писарю простого делопроизводства! Выписать матросу Имангалиеву новую служебную книжку».

- Муса! Тебе что в книжке писать, «женат» или нет?

- Ничего не пиши.

- Хорошо, в увольнение пойдём, стол накроешь!

- Конечно накрою.

И поехал домой Муса с чистой книжкой и, почти, чистой совестью. А жена, хоть и с отметкой в паспорте, но уже бывшая, металась в поисках своего суженого. А его и след простыл.

Славянина всегда пугает слово «татарин». И ехать искать его туда она не отважилась.

Сожжа паспорт вместе с удостоверением о браке и свидетельством о рождении ребёнка, погоревала немного, и поехала жить к маме под Винницу.

РАБЫ ГОЛОВКИ

- Экипажу корабля приготовиться к построению на стенке. Командирам боевых частей и начальникам служб обеспечить стопроцентное наличие личного состава, - голос старпома звучал грозно.

Личный состав быстро сбегал по трапу и строился по подразделениям. Последними сошли старпом и замполит.

- Провести проверку личного состава. Командирам подразделений о наличии личного состава доложить мне лично, - голос командира не предвкусал ничего хорошего.

Наконец проверка окончилась. Все доложили о стопроцентном наличии личного состава. Лучше уж доложить, что все на месте, чем потом иметь бледный вид.

- Экипаж, равняйся! Смирно! Первая шеренга пять шагов, вторая – четыре, третья – три, четвёртая – шаг вперёд, шагом марш!

Чётко печатая шаг, шеренги встали на свои места. Во всём чувствовалась крейсерская слаженность и дисциплина.

- Пожалуйста, - обратился старпом к неподалёку стоящей девушке с ребёнком.

Тысячный экипаж крейсера «Слава» напрягся.

Девушка медленно шла между шеренгами и пристально всматривалась в каждое лицо.

- Фу, пронесло, - думали одни, мимо которых она уже прошла.

- А вдруг ошибется и покажет на меня, - нервничали другие, до которых девушка ещё не дошла.

Наконец был пройден последний матрос.

- Его здесь нет, - тихо сказала она, глядя на старпома.

- Ничем не можем вам больше помочь, - сказал старпом. И уже не обращая на неё никакого внимания, скомандовал:

- Экипаж! Смирно! Первая, вторая, третья и четвёртая шеренги кругом. На свои места, шагом марш! Кру-гом! Напра-во! Справа по одному на корабль бегом марш!

А в это время кочегар, матрос Петренко, забился под паёлы и ждал, когда его вызовут. То ли его пожалели, то ли начальники не захотели искать на свою голову задницу, но на вопрос: «Петренко! Почему вы не были на построении?», его ответ: «Не слышал команды» устроил всех.

Но в увольнение он теперь не ходил до конца своей службы.

Никогда, ни при каких обстоятельствах нельзя допускать, чтобы головка думала вместо головы, ибо это никому не приносило пользы. Разум должен контролировать страсть.

Когда же страсть превалирует, возникает много искалеченных судеб.

ОПОВЕЩЕНИЕ

У офицеров и мичманов, живущих время от времени на берегу, есть оповестители. В случае тревоги, экстренного сбора или ещё какой острой необходимости, они выходят на свой маршрут и оповещают этих самых офицеров и мичманов. А те, вспоминая всю мать, идут на корабль.

Крейсер «Слава» стоял на ремонте в Николаеве. Это были далёкие пятидесятые годы, когда эхо минувшей войны и острое противостояние между СССР и США вынуждали Вооружённые силы находиться всегда на чеку. Поэтому тревоги, ученья, отработки боевых задач проходили часто, в том числе, и по вызову офицеров и мичманов на корабль.

Все, кто носил на плечах звёздочки и сверхсрочники поснимали в городе квартиры, женатые попривозили семьи и потекла полунормальная, получеловеческая жизнь, где сутки пребываешь на корабле, а потом два дня сходишь вечером на берег, да и то, при условии, что в твоей боевой части или службе, группе или команде всё в порядке. Ну а если вдруг возникает острая необходимость – есть оповеститель. Вызовет.

У матроса Симонова было в оповещении семь офицеров и сверхсрочников. И дело он это очень любил. И никогда не отлынивал. Первым он оповещал офицера-штурмана, а уже потом быстро оббегал всех остальных.

В очередной раз под утро на корабле была сыграна «учебная тревога» с целью отработки сбора личного состава. Одев противогазы, оповестители пошли по своим маршрутам. Симонов бежал впереди всех, чтобы быстрее выполнить своё поручение. Оповестив штурмана, он отправился будить остальных. Ведь через сорок пять минут весь личный состав должен быть на корабле.

Штурман быстро оделся и скорым шагом направился к Черноморскому заводу. На полпути он вспомнил, что пропуск в завод оставил в другой рубашке. Вот незадача – надо возвращаться.

Через двадцать минут он открыл ключом дверь и пошёл в ванну, чтобы достать из рубашки пропуск. Его внимание привлёк непонятный стон и скрип кровати. Он заглянул в спальню. Фуражка встала на волосах. Картина была не для слабонервных. На кровати, широко раскинув ляжки,

лежала обнажённая стонущая жена, а сверху, закатив в истоме глаза, совершал поступательные движения задницей оповеститель Симонов. Оргазм наступил у всех одновременно.

Шуму было много, разбирались недолго.

Через сутки штурман, оставив жену, убыл к новому месту службы в Севастополь, а матроса от греха подальше, посадили на гауптвахту.

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЙ

Ремонт корабля в заводе для личного состава, что весна для природы. Все расцветают, влюбляются, а отдельные, ещё и женятся. Для матроса Шихова всё произошло очень быстро: увольнение, подзаборный секс, потом ещё раз с любовью на кровати, и ещё разок для закрепления, беременность и... счастливца повели в ЗАГС.

На свадьбу он пригласил человек двадцать друзей. Но пошло только пять. Остальные как-то побоялись. Ведь на свадьбе надо пить. Без этого свадьбы у нас не бывают. А водки никогда не бывает мало. Ее либо нет, либо ее надо всю выпить.

За пьянство можно получить от командира месяц без берега. А кому это хочется, когда за воротами завода столько соблазнов?

Шихову дали трое суток, и он пошёл жениться.

Прошли трое, пятеро суток, а новоиспечённый муж на корабль и не думает возвращаться. Старпом вызывает меня.

- Савельев! У тебя есть адрес, где живёт теперь наш новоиспеченный муж?

- Есть.

- Собирайся. Надо привести его на корабль.

А жил он у жены на Инвалидном хуторе. Пришлось обшарить весь город, пока нашёл это место. А на этом самом хуторе ни улиц, ни номеров

на домах - ничего. Наконец, по рассказам, нахожу дом, низенький, маленький, окна вросли в землю. Заглянул в окно. На полу лежит голый Шихов, а рядом с ним, тоже голая, раскинув ноги до неприличия и разбросав сиськи по бокам, его супруга. Спят пьяные.

Захожу во двор. На крыльце сидят два крепко выпивших мужика. Оба в семейных синих сатиновых трусах. На теле – живого места нет – всё в татуировках.

- Тебе чего?

- Мне нужен Шихов. Его на корабль вызывают.

- Ты что, хочешь от жены мужа забрать? – молодой приподнимается и берет со стола нож.

- Да нет, - ноги у меня стали ватными, сильно захотелось в туалет. Капелька мочи поползла по ноге, - просто он должен был прийти на корабль, и не пришёл. Он покажется командиру и вернётся.

- А-а-а! Ну проходи, садись, - старший указал на лавку перед врытым в землю столом.

Я сел.

Младший зашел в дом и вынес три стакана и бутылку самогона.

- Пей, - сказал он, наполнив стакан.

- Я не пью.

- Ты что, не хочешь выпить за молодых?

Оба заскрипели зубами.

Я выдохнул и выпил.

Это был буряковый самогон. Такой гадости я в жизни больше никогда не пил.

Выпили и они.

- На, занюхай, - протянул мне корку хлеба старший.

Как потом оказалось, это были отец и сын, родственники жены моего сослуживца.

Атмосфера потеплела. В туалет уже не хотелось, а след от мочи высох.

Вечерело. Проснулись молодые, и тоже сели за стол. За первым бутылем появился второй.

Свадьба хаотично продолжалась.

Было далеко за полночь, когда на машине приехали мичман и незнакомый мне старшина.

Нас с Шиховым без разговоров погрузили в машину и доставили на корабль.

Мне, как соучастнику, объявили месяц без берега. А новоиспечённый муж получил десять суток гауптвахты. Он вышел, и пошёл домой, а я грустно продолжал глядеть как все остальные идут в увольнение.

ГОРЬКАЯ ПРАВДА

Увольнение подходило к концу, когда возле трапа вырос слегка покачивающийся Кутепов.

Подмышками он нёс два бездыханных тела.

- Товарищ капитан 3 ранга! Матрос Кутепов прибыл из увольнения без замечаний, – дыша перегаром, доложил он дежурному по кораблю, не выпуская из рук своих сотоварищей.

- А это что за брёвна?

- Берёза и Стародуб.

- Точно, что брёвна! Брось их у рубки дежурного.

Кутепов аккуратно положил бездыханных товарищей.

- Кутепов, идите со мной, – это уже замполит приступил к своему расследованию.

- Ну, Кутепов, рассказывай, где пил, с кем, и сколько!?
- Я не пил.
- Как, не пил, когда от тебя смердит, как из х...ева кабака?
- Я не пил.
- Кутепов, ты сознайся, лучше будет. Я не стану тебя наказывать.

Пил?

- Пил, товарищ капитан 2 ранга.
- С кем?
- Один.
- Сколько?
- Литр.
- Что “литр”?
- Литр водки.

Глаза зама начали вылезать из орбит.

- Литр? Водки?? Сам???
- Так точно.
- А этих двух где взял?
- Они у проходной завода валялись.
- Хорошо. Иди.

Утром, на построении, после подъёма флага, из строя вызвали троих? Кутепова, Берёзу и Стародуба.

Первому объявили десять, остальным двум – по семь суток ареста с содержанием на гарнизонной гауптвахте.

Никогда нельзя верить лстивым словам замполитов. Они всегда дурили, дурят и дурить будут. Это их работа, судьба, биография. За это они и получают большие деньги и ордена.

Ну не на минные же поля им идти? Язык им на х...я дан!?

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ СВАДЬБА

Моряк тоже человек. И ничто человеческое ему не чуждо. Отдав всего себя кораблю, он стремится хоть что-то взять на берегу.

Крейсер «Слава» с экипажем свыше тысячи человек пришёл на ремонт на Черноморский судостроительный завод в Николаев.

Севастополь и Николаев – это как ночь и день, ад и рай, неволя и дом. Николаев – это больше отдых, чем служба. Он широко раскрывает перед каждой, изъеденной ракушками и солью, душой моряка свои любвеобильные руки и раздвигает похотливые ноги. Девичьи губки шепчут: «Полюби меня».

И все поголовно влюбляются. Одни – навсегда, другие – на время, а третьи пребывают в вечном поиске этого сладострастного чувства.

Матрос Степан Кондратюк нашёл то, что искал. Света дышала здоровьем, её глаза лучезарно светились, а загорелое южное тело излучало постоянную похоть и трепетный жар.

Бежали дни, проходили месяцы, а Света не давала, хоть ты её убей. Ни жаркие слова, ни пылкая страсть Степана не могли никак заставить её перейти тот рубеж, когда любовь расширяет свои границы и возможности.

И только клятвенные обещания Степана жениться, дали волю скрытой любви. Дни буквально мелькали, а время, отведённое на увольнение, казалось секундами. Но излив накопившуюся страсть из себя Степан стал остывать, и его глаз стал всё чаще замечать в толпе другие, более привлекательные лица и фигуры.

И, наконец, любовь переродилась в муку.

Увольнение на берег превращалось в каторгу. Теперь часы тянулись годами, а доверчиво разбросанное девичье тело не вызывало тех бурных страстей, как то было раньше.

День свадьбы неумолимо приближался.

И вот он настал.

Договорились, что жених придёт с корабля прямо в ЗАГС.

Красиво наряженная невеста, её свидетельница, родители и гости нетерпеливо толкались у дверей этого заведения, где узаконивают, окольцовывают и превращают свободно дышащего и безмятежно живущего человека в того, кто по жизни несёт на своей шее ярмо, и в обязанность которого, после штампа в паспорте, входит работать, работать и ещё раз работать, носить деньги, и как можно больше, ну и отдавать их до последней копейки. А счастливым он может быть от выпитой за забором кружки пива.

После трёх часов томительного ожидания, вся процессия двинулась к проходной Черноморского завода.

Кондратюк в этот день был необычайно несобран, рассеян и явно нервничал. Он пытался занять себя какой-то работой, но всё буквально валилось из рук.

Солнце клонилось к западу, когда по кораблю раздалась команда:
- Старшине I статьи Кондратюк прибыть в рубку дежурного по кораблю.

На проходную завода он идти категорически отказался, а жениться тем более.

После двух часов ожидания у ворот завода, начинающая звереть, свадебная процессия, начала требовать прибытия к ним командования корабля.

Уже в сумерках к ним пришёл наконец-то представитель власти – заместитель командира корабля по политической части. К этому времени толпа была уже перенакалена.

В лицо замполита сыпались упрёки, угрозы, рассказы о испорченной невесте, о плохом воспитании личного состава, подлеце матросе, затратах на свадьбу, позоре всей семьи.

Лицо его стало багроветь, шея надуваться, глаза выкатываться из орбит.

Зам был немногословен. Из двух слов он связал только матерные.

- Как наебались, так и разъёбывайтесь, - брызжа слюной, заорал он, развернулся, и не слушая раздававшиеся ему вслед выкрики, ссутулившись пошёл на корабль.

Свадьба не состоялась. Расстроенные гости расходились по домам, а испорченная невеста после недельного траура воспряла духом и пошла искать новые для себя приключения.

ХЛЕБОПЁК

Был у нас на корабле хлебопёк, старший матрос Васильев.

Находясь в базе, хлеб, конечно, привозят из города, а вот когда корабль выходит в море, его и начинают печь.

И получается он у Васильева пышен, румян и вкусен. А запах... С ума можно сойти. Слюной захлебнёшься.

Забрали его у нас, перевели на другой, идущий на боевую службу, корабль.

И все пошло кувырком.

Не может корабль жить без хлебопёка.

Война войной, а обед всегда по расписанию.

И хоть не хлебом единым жив человек, а без него никак нельзя. Ибо хлеб всему голова.

И командир корабля посылает на учёбу матроса Вассермана. Толку от него нигде большого не было. Да и служил он в службе снабжения продовольственнымником.

Но и командиры порой ошибаются. Он не учёл или не знал, что евреи, исторически, были всегда отличными портными, но не хлебопёками.

Отучился Давид. И стал хлебопёком. А тут и выход в море наметился. Все ждут свежего хлебушка. Соскучились. Вассерман весь в поту. Попробуй-ка напеки столько хлеба на такую ораву.

А хлебный дух уже разнёсся по всему кораблю, будоража аппетит. Нетерпеливые уже трутся у пекарни, желая снять пробу.

Первый лоток расхватили сразу. В ход пошли ножи. А хлеб-то не режется. Корка красива и румяна, а внутри... тесто. Намучился командир с Вассерманом.

А тут приходит распорядка: «От корабля выделить семь человек, в том числе и хлебопёка (видно, забыли, что у нас уже другой хлебопёк) для дальнейшего прохождения службы на Новой Земле».

И поехал Давид покорять просторы Крайнего Севера.

Ему бы с иглой, а он с тестом.

Рождённый шить, печь не может.

СТАТИСТ-НЕУДАЧНИК

На корабле сыграли ученье по борьбе за живучесть.

Развёрнуты боевые посты.

Все как оглашенные бегают по кораблю. Одни укрепляют переборки, вторые носятся с огнетушителями, третьи стоят со шлангами, санитары ждут команды транспортировать раненых.

Старший лейтенант Левчук, начальник клуба, был от природы чудаковат, если не сказать больше. Он вечно ходил грязный, мятый, с блуждающим взглядом и бредовыми идеями.

Это был «любимец» замполита, который периодически дрючило его во все имеемые и предполагаемые дырки! Отчего он был с головы до ног залит замовской спермой и постоянно пребывал в состоянии непрерывной беременности.

Но толку от этого никакого не было.

На него уже все махнули рукой, и он числился на корабле лишь номинальной единицей.

Сходить, отнести, принести – всё, что он мог.

На ученье его поставили статистом, и по команде с ГКП велели взорвать в носовой машине взрыв-пакет.

И вот по трансляции раздаётся грозный бас старпома:

- Взрыв в носовом машинном отделении. Носовой аварийной партии произвести разведку очага пожара.

В это время в машинном отделении раздаётся взрыв и через секунду оттуда вылетает начальник клуба. Вид его жалок. Козырёк фуражки лопнул, лицо и руки обожжены, китель разорван в клочья, по щеке, медленно, стекает капелька крови.

Ученье, достигнув своего апогея, прекращается.

Как выяснилось, Левчук, услышав команду, поджёг взрыв-пакет и держал его в руках, пока тот не взорвался.

Затем его пороли все, кому не лень. Атмосфера корчилась от бранных слов.

Когда, наконец, все кончили, его на катере отправили в госпиталь.

ЗЕЛЁНКА

У Вани Мартыненко на члене вскочили прыщи. Он в санчасти взял зелёнку, пришёл в кубрик, вывалил конец, и стал их прижигать, наклоняя пузырёк к члену. Закончив процедуру, Ваня оставил пузырек на рундуке и пошёл по своим делам, службу ратную справлять.

Наш корабельный почтальон Семён Ступак очень любил ухаживать за собой. Страдая выраженным спермотоксикозом, он сплошь был покрыт прыщами, и часами стоял у зеркала, выдавливая их со своего лица и тела, брызжа гноем на своё отражение или слизывая его языком с кончиков пальцев, предварительно их понюхав.

Он любил всякие кремы, мази, одеколоны, втирал их в себя, стремясь похорошеть.

Спустившись в кубрик, Семен увидел на рундуке пузырёк с зелёнкой и немедленно начал заниматься собой. На зеркало сначала летели брызги гноя, а затем к этому месту прикладывался пузырёк. Ступак уже походил на пятнистого оленя, когда проснулся секретчик.

- Сеня! Только что Мартын себе хуй зелёнкой прижигал, а теперь ты рожу. Нормальный ход! Попроси, пусть он тебе им по морде поводит, он у него всё равно весь в зелёнке.

Ступак бросился в умывальник. Он тёр, он скрёб себе лицо мылом, отчего оно всё приобрело зелёный цвет и уже больше не смывалось.

Недели две он ходил по кораблю с лицом Фантомаса, наводя ужас на сослуживцев, особенно в ночное время.

Начальник политотдела дивизии, столкнувшись с ним в коридоре, дико заорал и перекрестился, что для первого коммуниста было преступлением.

После чего Ступака закрыли в санчасти. Всех отпороли, а начмед, за разбазаривание медикаментов, получил строгий выговор.

Вот так какая-то зелёнка, буквально крутила судьбами людей, круша их и разваливая.

А у почтальона прыщи прошли. То ли зелёнка помогла, то ли бабу нашёл.

НЕОЖИДАННОЕ ПРОЗРЕНИЕ

Спирт или по-флотски – «шило» хранится на корабле в отдельной кладовой за семью замками и девятью печатями. Есть «шило», и всё решается быстро и чётко, нет – тоже решается, но очень и очень медленно и нудно.

Разлит он по бидонам и огромным бутылкам, закрытыми резиновыми пробками. И всё это тоже опечатано. А охраняет это богатство мичман со службы снабжения, который его отпускает и выдаёт в боевые части для протирки аппаратуры.

До аппаратуры доходит лишь его миллионная часть, а всё остальное либо выпивается, либо является ключом в решении всех решаемых и нерешаемых корабельных проблем.

Мичман получает его на складе по весу, обязательно делясь с тем, кто выдаёт этот спирт. Выдаёт же он его литрами. Разница идёт ему.

У мичмана есть помощник, матрос или старшина. Он тоже вхож в корабельную сокровищницу, но не обладает правами выдачи этого бесценного товара.

Старшина II статьи Веремеев Лёха, баталер продовольственный, любил иногда посиживать с друзьями за бутылочкой. Но добыть спирт было очень трудно. Откачивать шприцом через пробку можно, но в очень редких случаях. Остаётся след от иглы. И он придумал. Очень осторожно заводил между пробкой и стенкой бутылки проволочку и, сохраняя

печать, переворачивал бутылку. К утру 150-200 грамм жидкости по каплям выливалось в поставленную для этих целей посуду.

Так продолжалось довольно долго.

Мичман стал тревожиться. Выдаёт одно количество, а взвесив остаток, почти не получает разницы. И печать цела, и тара. Не испаряется же он!

Себе взять нечего, вот беда.

Мичман, как номинальная единица, по своим природным качествам, не способен к глубокому анализу и длительному мышлению. Зачаток мозга, если, конечно, он есть, начинает давить ему на уши, и тогда он ещё более тупеет. Голова мичману даётся для того, чтобы волосы на ней стричь и фуражку носить. Ещё она ест, много ест, и иногда говорит.

- А не химичит ли Веремеев?

Спустившись как-то ночью в провизионку, пожрать захотелось, он застаёт такую картину: Лёха сидит за бутылкой с корешами. У каждого по банке тушёнки, жареная картошка, селёдка и квашенная капуста.

- Вот куда уходит спирт, - мичман от гнева напыжился.

- Что, сука, жрёшь? Всё «шило» у меня вылакал! На, блядь, - он достал связку ключей из кармана и со злостью бросил её на палубу, - грабь дальше, залейся этим спиртом.

Запас слов закончился. Он заметался по кладовой.

- Товарищ мичман! Больше такое не повторится. Садитесь с нами. Вон у Сани сын родился, отметим.

Мичман начинает остывать. Его сажают на лучшее место. Накладывают в тарелку закуску, наливают в стакан спирт. Все выпили. Доброта потекла по жилам.

- Ну, Лёха, не ожидал от тебя, что меня можешь подвести, - по инерции бухтит мичман.

Но скоро и это забывается. Мичман от выпитого спирта и проявленного к нему внимания по-доброму краснеет и начинает философствовать. Служба продолжается.

ТРАДИЦИЯ

На крейсерах всегда существовала негласная традиция – молодой моряк на полубак за десятый шпангоут не имеет права заходить. Это вотчина годков! Они здесь курят, философски рассуждают о прошлой и грядущей жизни, делятся впечатлениями о своих подвигах в увольнении, обсуждают сложившиеся проблемы, ну и просто отдыхают. И не моги, молодой, ступить на эту территорию. Не дорос ещё.

Ужин закончился, и годки высыпали на полубак.

Ничего не ведающий молодой моряк, из только что прибывшего пополнения, переступил десятый шпангоут и достал сигарету.

Годки окаменели.

На их территорию, законную территорию, зашёл молодой.

Его молча схватили, стянули брюки, перегнули через волнорез и дали десять раз ремнем по голой заднице.

Можно нарушить закон, можно нарушить Устав, но традицию не позволено нарушать никому.

Вот так!

РИТУАЛ

Переход с зимней формы одежды на летнюю у «годков» ознаменуется ритуалом выбрасывания шапок в воду. Предотвратить это нельзя. К этому ритуалу готовится и мичман Стурак, баталер вещевого. Для него это убыток, в полном понимании этого слова. Ведь лишняя

шапка – это его конкретные деньги. Моряку выдаст старую, а новую продаст.

И вот командир подписал приказ о переходе на летнюю форму одежды. «Годки» на полубаке с криком «Ура!» кидают шапки с борта корабля в воду, ведь их им больше не носить. Через полгода демобилизуются.

Стурак, вспоминая мать, праотца, всех святых и обкладывая «годков» половыми органами обеих полов, спускает на воду баркас и идёт подбирать живые деньги. Но на всё это уходит время, и часть шапок безвозвратно тонет к радости бросившего. Ведь если утонула, то раньше уволишься, - так считают моряки.

Долго ещё над Южной бухтой красавца Севастополя слышится дикая брань мичмана и весёлый смех тех, чья служба подходит к концу.

БАЗАРНОЕ РАДИО

Приходит мичман Собко с берега на корабль, строит команду и сообщает:

- Завтра в море идём. Всем проверить свою материальную часть. И чтобы у нас всё было в порядке.

- А командир не говорил об этом. Откуда вы знаете?

- Жена сказала.

- А она откуда знает?

- На рынке слышала. Бабы говорили, что на борт вчера свиней грузили. А раз мясо грузят - значит выход.

И точно, в пять утра на корабле сыграли „Учебную тревогу” и раздалась команда: „Корабль к бою и походу приготовить. Съёмка с якорей и швартовых в семь ноль-ноль”.

Если для всех выход оказался неожиданным, то штурманские электрики были к этому уже готовы. Оказывается, и свиньи могут быть средством информации. Информации к размышлению. А базарное радио не всегда пустобрёхом.

СОЛДАТСКИЙ ТЕРРОР

В Николаеве начальником комендатуры был старший лейтенант Рогоза. Редкая сволочь. А моряков он просто ненавидел. Он их пачками вылавливал в городе и волок в комендатуру, половину из которых сажал на гауптвахту.

За это его и неоднократно били, и с моста сбрасывали в речку – ничего не помогало.

Крейсер «Слава» пришёл на ремонт в Черноморский завод. Командир корабля направляет секретчика с документами, а с ним, ещё и матроса с автоматом для охраны, в штаб бригады. Расстояние приличное, идти через полгорода и передвижение – только пешком. А на пути, как всегда не кстати, этот самый комендант.

- Кто такие? Почему честь не отдаёте?

Армейские офицеры, а тем более какой-то старший лейтенант, вызывают у моряков чувство, далёкое от радости.

Объяснения, что идут в штаб, что несут секретные документы, пролетают мимо, не находя понимания.

- Сдать оружие, - орёт он.

Матрос вцепился в автомат и не отдаёт. Комендант уже стал вырывать его у моряка, а тот так вцепился в него, что вырвать оружие можно только с руками. Доставили их все-таки в комендатуру. Там тоже пытались отобрать оружие, но всё было тщетно.

До позднего вечера держали моряков там. Потом за ними прислали офицера с корабля.

Когда измученные моряки поднимались по трапу на борт крейсера, экипаж встречал их как героев, криками «Ура» и подбрасыванием беретов в воздух.

Жалобы, направленные по инстанции на противозаконные действия представителей комендатуры не возымели никакого действия. А вот с их стороны террор в отношении моряков был ещё более ожесточённым.

Не может никогда серое солдатское сукно понять вольную черно-белую тельняшку. И не сможет. Как не сможет собака равнодушно пройти мимо кошки.

Слишком особи разные.

Вот отсюда и вечна вражда. Или зависть. Это кому как будет удобно для восприятия.

ЗАТЯЖНОЕ ДМБ

Лязгнули задрайки, и в секретную часть вошёл старпом. Все встали. Возникла немая сцена. Старпом, устало глядел на заставленный водкой и закусками стол и трех годков, которые, понимали, что их серьезно взяли за жопу.

Шевченко, хозяин этого поста, опомнился первым. Он налил полный стакан водки и протянул старпому.

- Выпейте, товарищ капитан II ранга.

Тот молча взял и выпил.

- По какому поводу гуляем? – спросил он, выдыхая.

- Домой едем, товарищ капитан II ранга. Отслужили, - говорит Шевченко заискивающе.

- Когда?

- Завтра.

- А что, завтра 31 декабря?

- Нет, 28 октября.

- Ну вот, только 28 октября, а вы уже собрались. Вам до 31 декабря ещё служить и служить. Всё со стола собрать и ко мне в каюту.

- А...

- Без «а».

Шёл редкий снег. За окнами сверкали елки. Вот-вот должны раздаться куранты, оповещая, что Новый год наступил. А трое, уже не старшин, а матросов, грустно брели в сторону железнодорожного вокзала.

- И всё равно, ДМБ неизбежно, как крах капитализма.

ОТПУСК В ДИСБАТ

Матрос Руденко был из рода Левшей. Всё у него горело в руках, всё-то у него получалось.

Но не только на службу у него член стоял.

Решил он в отпуск съездить. Думал-думал, и придумал. Из картошки вырезал печать своего сельского Совета, у писаря взял пишущую машинку под предлогом ремонта и состряпал себе справку, что у него мать больная.

Отослал все домой. Мать проинструктировал, что как получит справку, пусть немедленно с письмом пришлёт её ему обратно.

А мать была полуграмотной деревенской женщиной, в подробности сильно не вникала.

Получает он письмо.

Ба! Справка!

Мать больна!!!

К командиру. Командование честь по чести отпускает его в отпуск.

И так, по картофельным справкам, ездил он домой три раза ввиду резкого ухудшения здоровья родительницы.

То ли потом он сболтнул где-то лишнего, то ли ещё как, но этим занялся особый отдел.

Такое проверить не сложно, что два пальца испачкать.

Итог был плачевен.

Показательный суд и три года дисциплинарного батальона, а после него снова на корабль, дослуживать то, что не дослужил.

Даже необузданная фантазия должна иметь всегда свой предел.

ЗЛАЯ ШУТКА

Матрос Степаненко – боцман. Энергии – три вагона.

Неделю как корабль стоит в заводе в ремонте, а он уже всех и всё знает: и где взять самогон, и где работает добрая баба, и где что украсть, и кому всё это продать.

В увольнение в город шло всегда человек триста-четыреста. По заводу строем, а за воротами уже все разбредались по своим маршрутам в поисках любви.

Так было и в этот раз.

Степаненко до этого где-то спёр огромную банку краски. А её надо ещё и вынести с завода. Встаёт он с ней в середину строя. Вахтёрша на воротах, завидев эту огромную толпу, распахивает их перед защитниками и, бросая сальные шутки, выпускает всех на волю.

- Мужики, - говорит Степаненко своим корешам, - кто хочет бухнуть?

На такое неожиданное предложение откликнулось четверо.

- Подождите меня здесь, - говорит он дойдя до какого-то дома, - я сейчас. - И скрывается за углом.

Проходит десять, двадцать, сорок минут, а его нет.

Скурена уже пачка.

А время бежит. Драгоценное время, отведённое на отдых.

Прошёл час.

- Пошли его поищем.

Все сворачивают за угол и идут во двор дома. Никого. Идут дальше и... выходят на параллельную улицу. Ушёл, подлец!

- Где ты был? – в тоне друзей явно слышится недовольство. Они только что вернулись с увольнения.

- А я решил вас подколоть! – смеётся он.

- Вот сука!

- Не обижайтесь, пацаны. Пошли в боцманскую кладовую, - говорит он, отвязывая с ноги баклажку с водкой.

- Конфликт исчерпан. Все довольны.

ЗОЛОТОЕ ПЕРО ФОРТУНЫ

Муха – огромного роста и телосложения матрос. Как все большие люди, он медлителен и не скор в своих мыслях и действиях.

В заводе он нашёл себе маляршу, которая была почти вдвое старше его, но от этого он не страдал, а только приобрёл. Она стирала ему форму, гладила ее, кормила, поила и давала во всех мыслимых и немыслимых местах.

Муха преобразился. В нём появилась степенность и мужественность. В увольнение он ходил только к ней. Женщины в таком возрасте дают так, как буд-то это делают в последний раз.

И это засасывает.

Зачем искать молодую, которая ничего не умеет, кроме как раздвигать ноги? А здесь и страсть, и желание, и опыт, что в этом деле, далеко, не последнее.

Приходя из увольнения на корабль, он приносил огромную торбу со жратвой, которая в наших желудках исчезала мгновенно. А он сидел, смотрел на нас, голодных, и умилённо улыбался.

Полтора года для него прошли как в сказке.

Говорят, что она родила от него. Но это только слухи, потому что Муха ничего не рассказывал.

Прошла служба, прошла и любовь.

Он уволился и уехал в свой Тернополь. Но все равно, так как он жил, купаясь как сыр в сметане, больше он жить не будет.

Сказка наяву бывает только раз в жизни, и приходит далеко не к каждому.

П Е Р Л Ы

СОЛДАТСКОГО БЫТИЯ

СОЛДАТСКОЕ «ТОВАРИЩЕСТВО»

Военными врачами становились не только выпускники Ленинградской военно-медицинской академии, но и выпускники ее многочисленных факультетов, разбросанных по всей великой стране. На

них учились студенты, окончившие четыре курса медицинского института.

Одним из таковых был Томский военно-медицинский факультет. Здесь готовили офицеров-медиков для сухопутных войск.

Шиком будущих офицеров было умение много выпить. Вначале, конечно, это были напитки низшего качества. Но и они шли как к себе домой. Только с годами градус их повышался.

Была очередная попойка. Вся комната, а в ней жило человека четыре, нажралась как упыри.

Среди ночи Сережа Зоткин, который потом прошел суровые пустынные точки Монголии и закончил службу командиром медсанбата в Николаеве, проснулся от страшных позывов на рвоту. Питие выходило наружу. Бежать в туалет не имело смысла. Все равно не добежишь. Да и особых потуг к этому не было. Он, не долго думая, хватает чей-то сапог и добросовестно наполняет его желудочным содержимым. Почувствовав облегчение, он ставит сапог на прежнее место и засыпает с чистой совестью.

Но, видимо, мозг зафиксировал содеянное.

Зоткин проснулся раньше всех и, вспомнив, что было ночью, тихо оделся и ушел.

Хозяин сапог пробудился довольно поздно, когда в комнате уже никого не было. Одевшись, он накрутил на ноги портянки и начал надевать сапоги. Учитывая ступорозность сознания после выпитого зелья, курсант не сразу понял дискомфорт в правой ноге. Когда же нога стала мокрой, он начал усиленно стаскивать с себя эту модельную обувь.

Запах и зрелище были потрясающими.

Тошнота мгновенно подступила к горлу и из него, как из фонтана, начала бить струя, покрывая рвотными массами пол, кровати и стол.

На занятия он, естественно, не пошел и до обеда мыл сапоги, стирал портянки, брюки и, дико матерясь, убирал в комнате.

Зоткин вернулся в общежитие поздним вечером. За столом сидела та же компания и пила.

Поверхностное расследование не нашло виновного.

И только спустя десятилетия правда восторжествовала.

ВОДЯНОЙ

«Некоторых убить почти невозможно.

Нет оснований»

А.М. Покровский

Есть такая категория людей, которые ради собственной выгоды готовы на всё, даже бежать по кругу с такой скоростью, чтобы догнать самого себя и удовлетворить через задне-проходное отверстие. Таким был солдат Витя Запалко. Он рвал свою задницу на фашистский крест, лишь бы понравиться командованию.

Таких людей в жизни не много. Их обычно ценят, но не любят. Эти особи за собственную выгоду продадут и мать родную, и отца командира. Из них обычно получаются классные предатели.

Так вот и Витя ничего не делал просто так. Весь его труд, вся его служба были поставлены таким образом, чтобы ни одна истраченная им калория не была израсходована понапрасну, или, упаси Бог, на сослуживца.

Очень часто он обманывал этим самого себя, но себя простить легче, чем кого бы то ни было...

В полутора километрах от территории охраняемых ракет находился овраг, на дне которого бил родник. Вода в нём просто удивительна. Она была одновременно и сладкой, и холодной, и хрустально чистой. В жаркое

время года ею невозможно было напиться, поэтому летом её использовали крайне редко. А вот зимой она пользовалась спросом.

Принести воды вызвался сам Дружище.

Эту кликуха приклеилась к Запалко сразу же, поскольку при разговоре он к каждому из своих собеседников так и обращался – «Дружище».

Так вот, надоело Дружище сидеть в вонючем караульном помещении.

Захотелось ему пройтись по морозцу, поскрипеть валенками и поразмыслить, наконец, о жизни, о службе.

Не спеша он взял термос, верёвку, ведь нести его с водой тяжело, а волочь по снегу – милое дело, и пошёл. Заходящее солнце отбрасывало перед ним длинную тень. На душе было светло и радостно. Снег искрил колючей радугой.

Однако, как медленно не иди, а к цели всё равно придёшь – эту аксиому Дружище вывел для себя давно.

Вот и овраг. Тропинка, ведущая к роднику, ровная, широкая и скользкая от пролитой воды. Чтобы не тратить зря лишней энергии, Запалко решил съехать по ней вниз. Спустив термос и верёвку, он рассудил так: если съехать на заднице – это значит набить снега под бушлат, снег там растает, будешь мокрым. Потом обязательно замёрзнешь и простудишься.

Поэтому он аккуратно лег на живот и, вытянув вперёд руки, головой вперёд, в приподнятом настроении покатился к роднику...

Лунка стремительно приближалась.

Тормозить было нечем и не обо что. Все было во льду.

Словно бильярдный шар, пущенный умелым игроком, голова и руки Дружищи точно залетели в лунку.

Плечи не вошли. Они то и остановили ход благодушного скольжения.

До воды оставалось сантиметров десять.

Поначалу Дружище струхнул.

Но умирать героем ему явно не хотелось. Лучше быть посредственностью и жить, чем стать героем, живя в сердцах и памяти товарищей.

Хаотичное дерганье ни к чему не привело. Кричать в утробу земли смысла не было. Руки искали упора, но не находили. Сбросив перчатки в колодец и в изобилии пуская в него слюни и сопли (пить из него он уже не собирался), Запалко стал искать хоть какие-то упорчики, корешки, выступы.

Борьба за жизнь была страшной. Рефлекс самосохранения работал как заводной. В колодце стало жарко.

Часа через полтора в караулке о Запалко, наконец, вспомнили.

- А где это чудо? – спросил начальник караула.

- Он за водой пошёл.

- Кто его послал?

- Сам вызвался.

- Да? А давно ушёл?

- Часа полтора назад.

- Офицер побледнел.

- Немедленно найдите его. Иначе он снова преподнесёт какое-нибудь ЧП. Сержант! Возьмите свободную смену и приведите его сюда.

Когда караульные подошли к оврагу, то увидели нечто необычное. Дрыгающееся тело без головы и рук билось в конвульсиях. Ничего понять было невозможно. Из колодца шёл пар и доносилось злобное рычанье.

Спустившись вниз, они за ремень вытащили солдата. Лицо его было багровым и покрыто крупными каплями пота.

- Дружище! Что ты там делал? – все умирали со смеху.

- Пошли вы все на хуй! Вот я вам теперь за водой ходить буду, видели, – и он потряс перед всеми огромным кукишем.

Сгорбившись и что-то ворча себе под нос, Дружище стал медленно подниматься по склону.

Набрав воды, за ним шли караульные.

Жизнь продолжалась.

ХОДЯЧЕЕ ЧП

Караул по охране ракетных шахт вывозили километров за двадцать от части. Выдавали сухой паёк на неделю, и семь дней солдаты несли караульную службу.

Жизнь в карауле скучна и однообразна. А к концу недели ещё и сухой паёк в глотку не лезет. Но и в безвыходном положении есть выход. Приловчились, солдаты часть пайка менять у гражданского населения на картошку.

Так было и в этот раз.

Нагрузив двух солдат консервами и концентратами, отправили их в село. Идти вызвался Запалко, взяв с собой солдата помоложе, чтобы не нести вещмешок.

Если идти по дороге – это пять километров, а если напрямик, через овраг, то три. Разница есть. И большая. Тем более зимой.

А зима в этот год выдалась снежная. Снега выпало немерено.

- Пойдём через овраг, - резюмировал Запалко, - лишних два километра мотать, только валенки снашивать.

Солдат Семёнов моложе и решающего голоса не имеет. Предложение старослужащего – почти неоспоримый закон. На Семёнове рюкзак с провиантом. Ну не Дружище же его нести!

Запалко идет командиром впереди. Он всегда о чём-то думает. Порой даже видно, как от этих дум под его шапкой, туго завязанной под челюстью (чтобы не простыть) шевелятся волосы. Сгорбившись, Семёнов молча идёт сзади.

До оврага дошли без приключений. Он полностью занесен снегом, но наст твёрдый. Теперь осталось только преодолеть его – и до деревни рукой подать.

Запалко, что-то бормоча себе под нос, ускорил шаг, что для него не характерно. Вдруг, метров через семь, под ним хрустнул лед и он скрылся под снегом. Вслед за ним провалился и Семёнов.

- Вот, ёб твою мать! Дёрнуло меня пойти за этой грёбаной картошкой, - разгребая руками снег и выплёвывая его изо рта, ворчал Дружище. – Ишачишь за них, ишачишь, а они в тепле сидят. Эй! Как тебя? Семёнов! Ты живой? – голос был глух и проникал как сквозь вату.

- Жив, товарищ ефрейтор.

- Давай уже рой! Не сдыхать же здесь! Ты знаешь, куда нам идти?

- Знаю, за картошкой.

- Вот долбоёб! За картошкой пусть теперь ходят другие. Я своё отходил. Давай рой. В караулку пойдём. Я уже мёрзнуть начинаю. Блядь! На погибель нас послали!

Руками, мешком, телом, ногами Семёнов пробивал дорогу к жизни, к свету. От него валил пар. Сзади, матерясь, съёжившись и засунув руки в рукава, брёл Запалко. Он проклинал всё и всех.

Через час они поднялись на склон оврага. Запалко от холода был синим. Семёнов – мокрый и красный - улыбался.

- Что смеёшься? Пошли быстрее в караулку. Я уже простыл из-за этих педерастов. Они в тепле сидят, а я чуть не погиб.

Ещё через час страдальцы вернулись обратно.

- Принесли картошку? – спросил старший лейтенант.

- Я чуть не погиб из-за этой картошки. Теперь пусть другие ходят. Умники все! А я болеть буду, - и Запалко, не раздеваясь, лёг на топчан.

Каждая инициатива, каждый душевный порыв Запалко заканчивался трагически. Он был пиратской копией рыцаря печального образа. При его жуткой исполнительности командиры всегда ждали от него ЧП. Это было ходячее ворчащее несчастье. Таким он и остался в жизни, выходя из трудностей с помощью чужих рук, сгорбившись и засунув руки в рукава.

ПЛАЧЕВНАЯ ИНИЦИАТИВА

Город Козельск Калужской области в далёкие шестидесятые годы был перенасыщен ракетчиками.

ПВО страны – это те, благодаря кому светит солнце на голубом небе, это спокойно идущие на работу люди и весело смеющиеся дети. Это всё то, что зовётся таким ярким и звучным словом как «мир».

Военный городок ракетчиков был государством в государстве. Здесь было всё, начиная от почты и заканчивая детским садиком. Даже гостиница офицерская тоже была.

Витя Запалко, солдат третьего года службы (а в те годы солдаты служили три, а моряки – четыре года), по кличке «Дружище» (из-за частого повтора в речи аналогичного слова) был себе на уме.

Он был исполнительный и дисциплинированный. Никогда не перечил начальству. Отличался хитростью и изворотливостью. Не делал чужую работу, а свою старался переложить на чужие плечи. Но если он

проявлял инициативу, то обязательно с ним что-либо случалось. Это было законом.

Больше всего Дружище любил заступать дежурным по офицерскому общежитию. Это не в караул идти по охране ракетных шахт. Здесь тепло, сытно, можно поспать в любое время, и самое главное, всегда будешь в прибыли.

Офицеры в любые времена (как сейчас, так и тогда) пили много. И пустых бутылок после них оставалось больше, чем предостаточно. А то, что пустая бутылка – это деньги, Витя знал твёрдо. За время дежурства он перетаскал их столько, что даже на вырученные деньги купил себе на гражданку добротную шапку, ботинки и рубашку.

В этот раз наряд заступил из старослужащих. Тары собрали много. Решили отметить это дело. В вещмешок поместилось ровно на бутылку водки и чекушку (для современного читателя, в то далёкое время бутылка водки стоила 2 рубля 87 копеек, а пустую принимали по 12 копеек).

Идти, как всегда, вызвался Дружище. Для него сам процесс пройтись, - это уже счастье. Можно поразмыслить, себя показать, да и на других посмотреть не грех.

В магазине Запалко прорезало. А что брать полторы бутылки? Можно ж сделать ещё ходку и взять две полные и закуску прикупить.

Это решение ему показалось гениальным. Дружище вернулся обратно в гостиницу, вновь набил вещмешок стеклотарой и опять пошёл в город. Дежурным по гостинице разрешалось выходить за пределы части без увольнительной записки. Это было высшим благом для солдат.

Взяв две бутылки, накупив закуски, а часть денег положив в карман, Дружище, жутко гордясь своей сообразительностью, побрёл в часть. Настроение было приподнятым, как вдруг из-за угла вышел майор – комендант города с тремя патрульными.

У Запалко сжалось очко.

- Вот, блядь, дёрнул меня чёрт брать вторую бутылку. Принёс бы полторы и не влип бы.

Майор приближался.

- Товарищ ефрейтор! Вашу увольнительную!

- Я дежурный по гостинице.

- Что у вас в вещмешке?

- «Может сказать, что атомная бомба, а он скажет: «Не шутите так! Идите», - мысли у Дружище шевелили волосы.

- Водка, товарищ майор, - буркнул Беспалько.

- Покажите.

- «Пиздец! Влип!» – мысль ещё работала.

Витёк развязал мешок и высыпал содержимое на асфальт. Бутылки, консервы покатались в разные стороны.

Приказав патрульным разбить бутылки, майор спросил:

- Ваша фамилия?

- Ефрейтор Запалко.

- Вы из какой роты?

- Из третьей.

- Кто командир?

- Старший лейтенант Лазарев.

- Передайте ему, что вы арестованы на трое суток.

- Есть.

Подняв закуску, Дружище сгорбтившись, вспоминая всех святых и проклиная друзей, брёл в часть. Самым добрым словом, из которых, было «суки».

Трое суток он отсидел. Но от этого его инициатива, кончающаяся плачевно, не закончилась.

Служба продолжалась.

ГАЗОВАЯ АТАКА

Витя Запалко любил выступать на спортивных соревнованиях. И это у него, надо сказать, получалось здорово – он всегда был в победителях по шахматам и борьбе.

А ведь спорт – это ж не служба.

Здесь и дополнительное питание, и что самое главное, освобождение от нарядов. Борись – не хочу.

И Витя боролся.

Для дальнейшего прохождения службы в их часть прибыл литовец Янис Плотка. Он был выше двух метров, худой, но жилистый. Но и не это главное. Мастер спорта! По борьбе. А для Вити это было ударом под дых. Борцовская карьера явно пошатнулась! Никак он не мог побороть Плотка. Никак ему не давался этот литовец.

В этот раз соревнования были серьёзные – на первенство части. Победитель ехал выступать на первенство округа.

Ну кто не хочет поехать на две недели? Отдохнуть, развеяться и себя показать?

В борьбе за первое место встретились Запалко и Плотка.

Отступив от изложенного или в продолжение сказанного, кому как угодно, надо сказать, что пищевой рацион солдат не отличался особым разнообразием. Превалировали каши и тушёная капуста.

Витя не был прихотлив к пище и с удовольствием навернул перед решающей встречей три тарелки гороховой каши, отчего его крупный нос покрылся благодушной испариной.

К ночи стали бурно отходить газы, что тоже радовало философски мыслящего Витю. Только один вопрос не давал ему спокойно

предаваться размышлениям о сущности мироздания: «Как победить этого проклятого Яниса и уехать на две недели из этой долбанной части?»

Борьба была тягучей и упорной. Никто не рисковал. Но вот Плотка сделал подсечку и оба оказались на ковре. Витя распластался лицом вниз, медленно ползя к краю ковра, а Янис пытался провести болевой приём. Его лицо в ужасной гримасе покоилось на заднице Запалко, а руки заворачивали ногу соперника. Ещё секунда, и судьи отдадут Плотка чистую победу. Тело Дружищи всё было в напряжении. Нос посинел, глаза вылезли из орбит. И рука уже была готова застучать по коврику, как вдруг мощный, сероводородный залп, подобно паровозному свистку, вылетел из заднего прохода Витяни прямо в лицо Плотка. Тот на секунду замер и отшатнулся. Газ был настолько ядовит, что судья вылетел за пределы ковра, прикрыв нос рукой.

Воспользовавшись замешательством противника, Запалко вывернулся и как лев, бросился на соперника. Угоревший Плотка лежал на лопатках. Витя вскочил, победно вскинув руки.

В округе Витя занял седьмое место.

Там их кормили перловкой и макаронами.

И всё же свои две недели он выиграл.

КАРАУЛ

Все базы хранения оружия, как правило, располагаются в лесу. Ну чтобы не привлекать лишнего внимания. И охрана их соответствующая: караулы у складов и по периметру всей территории.

Оружие всегда к себе притягивает. Одних – с целью его захвата, других – с целью диверсии.

Ухо держать надо остро.

Среди ночи от часового внешнего поста поступил сигнал:

- В лесу слышен плач ребенка.

Часть подняли «В ружье» и стали цепью прочесывать лес. Ведь может быть всё, что угодно, вплоть до провокации.

Плач слышен все ближе и ближе. А ночь – выколи глаза. Когда подошли вплотную, то в свете фонарей увидели попавшего в браконьерский капкан лисенка. Он действительно плакал. Плакал от боли и страха. Его освободили, перевязали лапку и отпустили.

Человек иногда может быть человеком и иметь сострадание к братьям своим меньшим. Гораздо реже такое чувство у него возникает к себе подобным.

Человек тоже зверь, но зверь очень и очень жестокий.

ЖИВОТНОЕ

Водки никогда не бывает много. Сколько не пей, её всегда не хватает. Рабочий день закончился как всегда опорожнением бутылки самогона. Толпа захмелевших офицеров и прапорщиков вышла за КПП. Душа требовала продолжения банкета.

- Пошли ко мне домой, - прапорщик Сергейчук был сегодня не по годам добр.

Возражений не было и все направились к нему.

В жизни всегда следует ставить перед собой реальные задачи. А эта задача была для всех ещё и желанной.

Частный сектор встретил их незлой перебранкой соседей и лаем собак. Во двор вошли шумной толпой. Маленькая собачка срывала голос.

- Пошла отсюда, - майор Холякин пнул её ногой.

Защитник Отечества должен быть безжалостен не только к себе подобному, но и ко всей окружающей среде.

Собачке это явно не понравилось. Она с остервенением бросилась на обидчика и укусила его за ногу.

- Ах ты, сука! - майор побагровел.

А пёс, уже осознав свою ошибку, забился в будку.

Майор встал на колени, подполз к будке, засунул туда голову и со всей злости и силы стал кусать бедное животное за ногу.

- Ты кусаться? – Хрипел майор, - я тоже умею.

Собака неистово визжала.

- Больно тебе, тварь? И мне было больно, - красный и потный, он вылез из будки, встал и слегка покачиваясь, пробормотал, - в следующий раз глотку тебе перегрызу. Поняла?

Собака молчала, поняв, что разговор с двуногим монстром для неё может закончиться плачевно.

СЛУЖАКА

На воинских базах, складах и в военкоматах служат, как правило, либо списанные, либо superbлатные офицеры и прапорщики.

Майор Колякин, командир группы хранения технической ракетной базы был списан. Службу, должности, здоровье и семью он пропил. А пил он жутко. И ждал пенсии. Ждал и пил. Пил и ждал.

После очередного выговора, напившись до полной невменяемости, он, шатаясь, брёл по плацу. Его мутному взору предстала, отражающая солнце и лазурь неба, лужа.

- О, родничок! – Майор со слезящимися от умиления глазами, встал на колени, положил фуражку к ногам, наклонился и стал пить.

Напившись, он крикнул: «Хороша водичка!».

Лёг и со спокойной совестью уснул. На следующий день ему объявили новый строгий выговор.

Служба продолжалась.

До пенсии оставалось год и два месяца.

СМЕКАЛКА

Золотой фонд Советских вооружённых сил, опора и правая рука офицеров, будущие прапорщики, а пока ещё сержанты Стоценко, Лобко и Василенко были в увольнении.

Предкурортный Симферополь встретил их зноем раскалённого асфальта, лёгким шелестом девичьих платьев и застывшими в полудрёме, серыми от пыли и жары, платанами.

Свобода пьянила. Она туманила сдавленные фуражкой мозги. Катившийся пот щипал глаза, и грязная, солдатская речь придавали этой тройке неповторимую красоту и мужество. Они повернули на улицу Пирогова, как вдруг строгий окрик вернул их к реалиям жизни.

- Товарищи курсанты! Вы почему честь не отдаёте? Ваши документы.

Это было так неожиданно и так прозаично, что все, как под гипнозом, отдали капитану I ранга свои военные билеты. Конечно, можно было убежать, но что-то не сработало. Видно, мозги действительно расплавились и растеклись по асфальту.

Ни слёзные «простите нас», ни «мы больше никогда не будем» не действовали на старого моряка. Они шли в сторону комендатуры.

Помощник коменданта, капитан Фридман, встретил их весело:

- О! Землячки! Проходите! Милости просим! Что, фонд золотой, честь разучились отдавать, оборзели в конец, погоны стали жать, руки поотсыхали, суки лагерные?

- Никак нет. Мы не заметили, - лепетали сержанты.

- Ах вы, бляди! Вы уже капитана I ранга не замечаете? Может мне вас к окулисту отвести, чтобы он вам глаза с жопы на место поставил? Где ваши очки, суки?

Сержанты, все разом, захотели в туалет по большой нужде. Страх был велик. Ведь за это могли отчислить из школы прапорщиков. А капитан покрывал их всё новыми и новыми солдатскими офонаризмами.

Натешившись вволю, он дружелюбно сказал:

- Я сегодня добрый, землячки. Если вы мне за десять минут натаскаете вон в ту бочку воды, - он указал на железную, ржавую бочку, стоящую в углу комендантского двора, то я вас отпущу и даже записывать не буду. Договорились? Вёдра рядом, кран тоже.

Он взглянул на часы:

- Время пошло, - и скрылся в помещении комендатуры.

Сержанты бросились к бочке. Она была просто огромна. Дно у вёдер представляло собой решето, и вода в них не держалась. Они носились от крана к бочке как скаженные. Через пять минут вода только прикрыла дно. И только плац мокро блестел на солнце.

У Василенко прорезало:

- Давайте её, на хуй, перевернём.

Сказано – сделано. Бочку быстро перевернули и еле-еле успели налить на перевернутое дно воды, как вышел капитан.

- Ну что, жертвы Херасимской трагедии? Наполнили бочку?

- Так точно, - ответил, тяжело дыша, за всех Василенко.

На солдат было больно смотреть. Форма стала чёрной от пота и излучала кислый, зловонный запах. А вода в бочке отражала лазурь бездонного неба.

- Молодцы, земляки! Славно поработали! – сказал Фридман, отступая от них на два шага, - ещё одно нарушение и арестую на пятнадцать суток. Поняли, защитники?

- Так точно!

- Пойдите заберите свои документы у дежурного. Скажите, чтобы не записывал.

Сержанты вышли на улицу. От них как от котельной валил пар. И вдруг, со двора комендатуры раздался рёв помощника коменданта:

- Суки! Хохлы ебучие! Наебали! Поймаю – сгною!

Что ещё говорилось в их адрес, они не слышали. Опережая собственный визг, они неслись в сторону учебного отряда.

Больше они, от греха подальше, в увольнение не ходили.

Закончив школу прапорщиков, разъехались по своим частям.

Поистине, народ прав, говоря, что когда хохол родился, еврей заплакал. Трудно в это не поверить.

ТОРЖЕСТВО

Одним из достижений Советского военного строительства было введение высокого воинского звания – прапорщик. На солдатском жаргоне это звучало несколько более прозаично: «Кусок» или «Сундук», что отражало сущность или, если угодно, внутреннее содержание тех, кто носил эти звёздочки на погонах.

Говорят, что первоначально планировалось дать им один погон на левое плечо, чтобы на правом было удобнее носить мешки из части с краденным добром. Но передумали, скорее всего в этом поучаствовали политработники, ну а кто же ещё мог придумать такой грандиозный лозунг, как «Прапорщик – правая рука офицера» или «Прапорщик – это

новая, более высокая формация в Вооружённых силах, которая способна поднять боевую готовность на недостижимую высоту».

Но идеологи как всегда ошиблись, а строевым офицерам пришлось с этим монстром столкнуться лицом к лицу, победить которого оказалось невозможно.

Прапорщик Коля Бердин был и «Сундук», и «Кусок» в одном лице.

В медицине есть такое понятие как «пьяные дети», то есть это те, кто родился от пьяного зачатия. Они же, эти дети, слегка повзрослев, подхватывали от отцов эстафетную палочку, и несли её дальше, производя на свет себе подобных.

Прапорщик Бердин был из этого числа. Тут, конечно, недоработка врачей. Уёбков надо видеть издалека. Их же не пускают в офицеры, а вот в прапорщики они годны. И таких в войсках 87 процентов. Ибо в гражданской жизни они были бы говном, а в армии это люди, человеки, которым Родина доверила командовать людьми.

Парадокс!

Но увы, правда всегда правда, даже если она горька.

Биографы Бердина могли бы, наверное, найти и светлые стороны в его биографии, но таковых, поверьте, на самом деле не было.

Больше всего Бердин любил, нет – не службу, не Родину-мать, не подчинённых, не жену, не таких же, как он, детей, а любил он выпить. И крепко выпить. А ещё лучше на шару.

Так было и в этот раз.

В назначенное место Коля пришёл с тушёнкой и двумя банками рыбных консервов, благо, продовольственный склад был в его подчинении. Солдат служит два года, для него пойдёт и постная перловка, а прапорщик как мыслящее существо, должен, и даже обязан, есть человеческую пищу. Кстати, и его семья тоже.

День рождения сослуживца начался традиционно, с чествования именинника. Вскоре об этом забыли и день рождения перешёл в рядовую пьянку.

Несмотря на своё хилое телосложение, Коля пил много. И даже очень. После своих законных семиста грамм, он отключился и упал без памяти. Его ногами отодвигали к стенке и продолжали пировать дальше. К этому привыкли.

Вскоре Николай захрапел.

Минут через десять, пробив завесу уплотнённого табачного дыма, компанию насторожил другой, тяжёлый запах.

- Чем это воняет?

- Откуда говном прёт?

- Да вон, Бердин, сука, обосрался.

Все вскочили. Водка отошла на второй план. А в углу, мокрый по пояс, блаженно храпя и излучая зловоние, спал защитник Отечества.

- А давайте его помоем, - предложил Гена Руденко.

Идея понравилась, и пьяная компания бросилась исполнять задуманное. Двое, схватив прапорщика за шиворот, поволокли его тело к автомойке, а другие водружали пожарный шланг. Когда всё было готово, рожок шланга вставили Бердину в брюки. Мощная струя воды мыла, остужала и приводила в чувство защитника Родины.

Через сорок минут, дрожащий от холода и преждевременного похмелья, Бердин вливал в себя новую порцию самогона за здоровье именинника. Прерванное торжество было продолжено.

ПРАПОРЩИК

Пьют все и везде. В барах и ресторанах, подворотнях и на природе, банях и туалетах. Но как пьют в армии, так не пьют нигде. Там просто пьют по поводу и без.

Служба солдатская далеко не мёд. Стресс (это слово для ратников ничего не значит, но они в этом состоянии пребывают всегда) здесь подкарауливает на каждом шагу. А кабинеты психо-эмоциональной разгрузки не предусмотрены Уставом.

Поэтому пьют. Чтобы снять ..., чтобы как-то..., чтобы выжить.

Повода как всегда не было. Просто было то, что пьют. Был самогон. И было его очень много. И закуска была. Хлеб, вода, соль и сигареты, причём сигарет больше, чем хлеба. Короче, всё как всегда.

Разместившись на артиллерийском складе, прапорщики приступили к трапезе. Самогон лился рекой. Напрочь забыв о противопожарной безопасности, все курили как скаженные. Табачный дым и сивушное облако благодушно окутывали присутствующих. Голоса становились громче. Уже никто никого не слушал, и говорили все сразу. А разговор у прапорщика один, -какие начальники козлы, и как заебала их служба.

Заканчивалась вторая бутыль, когда в склад влетел командир группы хранения. Клубы дыма и сивушного перегара вырвались наружу. Две пары глаз осоловело глядели на майора, поначалу явно не узнавая его. Третье тело, откатив нижнюю губу до ширинки, сидя спало. Его брюки и китель были облёваны, а изо рта стекала ручьём слюна. Лицо олицетворяло ненависть к врагам социализма.

- Мать вашу! Жрёте, суки! Комиссия в части, - майор захлёбывался слюной, - быстро всё убрать и проветрить. И эту свинью, - он ткнул ногой в прапорщика Бердина, - спрячьте куда-нибудь.

Времени на раздумья не было. Прапорщика Бердина сгребли и, недолго думая, сунули в платяной шкаф, закрыв его на замок.

Лишь утром, на построении, вспомнили о прапорщике. Открыли шкаф. Бердин, изогнувшись в три погибели, всё ещё спал. Его достали и разбудили.

В позе эмбриона он находился ещё двое суток. И только усилиями врачей его удалось выпрямить.

Прапорщик – он и в воде не тонет, и в огне не горит, и через медные трубы не лезет. Он их как цветной металл сдаёт.

Учёные! Ау! Вы лезете на дно океана, ищете неземную цивилизацию, заняты поиском снежного человека. Оглянитесь!!! Вас ждут потрясающие открытия!

Прапорщик абсолютно не изучен. Он ждёт вас! Спешите! Хотя ... , в принципе, можно не спешить.

Прапорщик жил, прапорщик жив, прапорщик будет жить. Он живет всех живых.

ГИБРИД

- Рядовой Симанюк!

- Я!

- Выйти из строя!

- Есть!

Два скучных шага и вялый поворот свидетельствовали о том, что добрых, ласковых слов он сейчас не услышит.

- Посмотрите все внимательно на эту блядь! На этого сироту в седьмом поколении! Что ты на меня вылупился, гнида, в глаза товарищам смотри, в глаза. Вчера это тело, гибрид тушканчика и осьминога, мозги которого не больше яиц морской свинки, было найдено комиссией

пьяным и спящим в дизельэлектростанции. Оно сидело, свесив яйца, а из разинутой пасти слюна стекала до третьей пуговицы! И из-за этого, троюродного брата гориллы, дивизия получила неудовлетворительную оценку. Так ты сидеть у нас любишь, голубь сизоносый?

Командира было не остановить. Солдатская философия так из него и пёрла.

- Я тебе в этом помогу! Будешь сидеть, пока из твоих вонючих яиц птенцы не вылупятся.

- Дивизия, смирно! За злостное нарушение воинской дисциплины и пьянство, объявляю рядовому Симанюк десять суток ареста с отбыванием на гарнизонной гауптвахте! Вольно! Встать в строй!

ЛЕСНИК

Летом строительная часть базировалась в лесу.

Романтики – выше дуба.

И всё там было, как в сказке: вековые деревья чесали бока бегущих по небу облаков, таинственный шелест листвы сладко убаюкивал старослужащих, утренний многоголосый хор птиц будил их по утрам, а родниковая вода несла бодрость и силу.

Да и дары самого леса тоже были поистине сказочными.

Между двумя огромными палатками, на семиметровой доске висело множество рукомойников, перед которыми стояла тумбочка дневального. Обязанностью которого, а это дело, само собой разумеющееся, молодых, было, помимо охраны покоя части, следить за тем, чтобы в рукомойниках была холодная вода, а дорожка перед ними была всегда посыпана сухим песком, ну и, естественно, чтобы запас дров для походной кухни был выше нормы. А она жрала эти дрова как скаженная.

На заготовку дров уходила масса времени.

Дерево надо было срубить, и не просто так, а именно то, на которое укажет лесник, распилить, наколоть, засушить. Помимо этого, его ещё надо было притащить в палаточный городок. И всё это вручную, и все это молодые.

Лучше было работать где-то на стройке, чем стоять у тумбочки.

Поэтому, чтобы далеко не ходить, рубили всё подряд, из-за чего у командования были серьезные стычки с лесником, который как больной зуб, постоянно досаждал, не привыкшему к подчинению, личному составу.

В этот прекрасный летний день дневальным стоял молодой солдат Исымбаев, выловленный где-то в песках Средней Азии. Прийдя в аул за солью, он был повязан призывной комиссией.

Русским языком он владел из рук вон плохо, да и сообразительностью не блистал. Второй день его службы ничем не отличался от первого. Он снова был дневальным.

Командование разъехалось по объектам, личный состав по работам. В части остались дембеля. Отвесив пару добрых подзатыльников стражу порядка и проинструктировав кулаками “понятливого” солдата, что если придёт мужик в фуражке с дубом – то это лесник (лесник для сына степей, что кокос для свиньи: любопытно и непонятно), которого надо послать “на хер” и гнать взащей, то есть, подальше, можно и кулаками. А то опять выпишет штраф за поруб леса, а деньги, как всегда, вычтут с личного состава.

- Понял? – наконец строго спросили дембеля.

- Поняль, – ответил ничего не понявший Исымбаев.

О том, что фуражка – это тюбетейка с козырьком, Исымбаев уже догадывался, но вот что такое «дубы», он слышал впервые.

Прошёл час.

Дембея, лёжа на койках, в блаженстве курили в палатке, когда вдруг туда ворвался Исымбаев.

- Старослужащие, – испуганно лепетал он, – моя в штрафбат переводят.

- В какой штрафбат, дух вонючий? Кто?

- Сюда лесника приехала. Я его не пускала, на х...й посылала. А он орала “Смирно!” и сказала, что я в штрафбате буду служить

Дембея в мгновение повскакивали с коек.

- Где этот лесник?

- Тама стоит, - Исымбаев указал на улицу.

Все выскочили из палатки. У походной кухни стоял генерал – командующий округом. Из его рта бурным потоком неслись слова, от которых в округе вяли цветы, дохли птицы и всплывала рыба. От лица валил пар.

Вечером было построение части.

- Где этот лесник? Выйти из строя! - скомандовал генерал.

Исымбаев сгорбившись, еле-еле отрывая ноги от земли, отделился от строя.

- Вот это чмо, незаконнорождённый сын сайгака и бурундука, меня, старого генерала, командующего, мать твою, округом, депутата Верховного Совета не пускал в часть и на х...й посылал. За тридцать лет службы меня никто ни разу на х...й не послал. Хотел его в штрафбат отправить. Ну да ладно. Пусть здесь служит. Молодость спасла тебя, потомка Чин-Гиз-Хана. Объявляю пять суток ареста с содержанием на гарнизонной гауптвахте. Встать в строй, лесник хренов, - и довольный генерал молодцевато приложил руку к виску.

- Есть, - чуть слышно ответил Исымбаев.

С тех пор и до конца службы Исымбаев навсегда остался Лесником. И теперь в округе уже было два лесника. Один штрафовал часть за порубку леса, а другой тупо сыпал дорожку песком, носил воду и рубил дрова.

ГОРЬКОЕ ПОХМЕЛЬЕ

Полевые ученья на полигоне отпуском назвать сложно. Условия для всех адовые. Весь световой день на жаре, в пыли и грохоте. Там танки ползут, здесь стрелять надо. Марш-бросок с полной выкладкой, двадцать километров с форсированием реки и взятием высоты.

Постоянно хочется пить и жрать, и ещё спать.

Офицерам тоже тошно. Попробуй-ка всю эту массу научить правильно окопаться или подавить огневую точку. И надо делать всё хорошо с первого раза. Иначе будешь до красных кругов перед глазами, сотни раз рыть этот долбаный окоп или подбивать танк.

Первая половина ученья завершена. Завтра банно-прачечный день. Можно слегка и расслабиться. Офицеры к этому дню подготовились основательно. Дождавшись отбоя и уложив в койки весь личный состав, они сели отдохнуть в поле.

Горит костёр, на углях печётся картошка. Бутыль самогона серебрится в отблесках огня. Банки с мясным паштетом открыты. Хлеб и лук аккуратно порезаны. Тяготы и лишения воинской службы уходят на задний план. Всех окутывает блаженство, душевное спокойствие, а по телу разливается горячее самогонное тепло. Бутерброды с паштетом и горячая печёная картошка создают иллюзию семейного очага.

- Жизнь-то, оказывается, бывает прекрасна! Хорошо-то как, Господи!

Далеко за полночь офицеры расходятся по своим палаткам, оставив всё, что принесли с собой, до утра.

Утром, со слегка больной головой, решают навести на месте вчерашнего пиршества порядок и забрать оставленные вещи.

- А что мы вчера ели? - Капитан поднял с земли банку.

- Паштет.

- Какой паштет? Мы жрали смазку машинную.

- Не может быть!

Все сгрудились у костра. Там валялось пять пустых банок из-под смазки.

Как потом выяснилось, солдаты выкрали этот паштет и заменили его смазкой, тем более, что банки по размеру были одинаковы.

Виновных, как всегда, не нашли. Да и животы не болели.

СЛУЖБА - НЕ МЁД ИЛИ ИНИЦИАТИВА НАКАЗУЕМА

Рядовой Воробьёв был из категории: «Вырванные офицерские годы». Всё негативное, что было создано человечеством за период его эволюции, сидело в нём. Всё, что он творил, сколько выпил офицерской крови и отобрал у них лет жизни, перечислить невозможно, ибо этот рассказ походил бы на статистический отчёт.

А служил он, надо сказать, в Киеве, в подразделении, охраняющем иностранные посольства и консульства.

Время подходило к демобилизации, когда к ним пришёл служить молодой лейтенант, служба из которого так и пёрла.

По молодости, особенно в армии, надо службу рвать, чтобы обеспечить себе спокойную безбедную старость.

Лейтенант вошёл в казарму. На койке лежал Воробьёв. Не сидеть же ему, вот-вот уходящему домой.

- Товарищ рядовой! Подойдите ко мне, - в голосе лейтенанта звучал металл.

- Рядовой Воробьёв по вашему приказанию прибыл.

- Вы видели, что творится в вашем туалете?

- Нет.

А туалет был забит, и вчерашние супы, каши и компоты, источая зловонье, растекались по всему помещению.

- Сейчас пойдёте туда, прочистите и всё там уберёте, - язык лейтенанта был сух и лаконичен.

- Я не буду убирать. Пусть духи в говне ковыряются. Я своё уже отмантулил. Мне домой скоро идти.

- Нет, пойдёте вы! И уберёте!

- Почему?

- Потому, что ваш фейс мне не нравится. Шагом марш.

Воробьёв зашёл в туалет. Картина действительно не радовала глаз. Плавающее говно и текущая из унитазов вода не веселили душу.

Помещение казармы было типовое. На первом этаже располагался штаб, а на втором и третьем – солдатские спальные помещения.

Решение пришло мгновенно. Он надел резиновые сапоги, достал припрятанные на гражданку пиропатроны, поджёг их и бросил в унитазы. Взрывы не заставили себя ждать. Фонтан нечистот окрасил потолок, оконные стёкла разлетелись на мелкие кусочки. Но это было бы всё ничего, если бы не лопнули трубы и все солдатские испражнения не хлынули в штаб.

Визг стоял жуткий.

- Кто этого уёбка послал убирать туалет? – Визжал командир.

- Я, товарищ майор, - лейтенант стоял по стойке смирно без кровинки на лице.

- Не с того начинаете службу, лейтенант. Вы у меня не выйдете из части, пока лично не сделаете ремонт. Вам всё ясно? – Командир был близок к гипертоническому кризу. - Вам всё ясно?

- Так точно!

- Уйдите с моих глаз!

Для лейтенанта наступили чёрные дни, отодвигающие спокойную старость.

А Воробьёва демобилизовали в канун Нового года, 31 декабря.

ЖИЗНЕННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Воинские части всегда охвачены постоянным психозом строительства чего-то нового, не такого как у соседей. И каждый год миллионы солдатских рук месят, кладут, таскают, красят, а затем обдирают, выносят, разбивают и разбирают.

И этот цикл бесконечен, потому как, будет война или нет, никто не знает, а уж инспекторская проверка будет обязательно. А звёзд и должностей никто терять не хочет.

Когда в акте, в их итогах отражено: «Думающий и инициативный командир» , - это значит, заметили, через год можно менять кабинет. Ну а если, не дай Бог, - «... безинициативен, хозяйственной деятельностью не занимается, не вникает в нужды личного состава», - это труба, застыл ты на месте. И на долго.

Учебные отряды или в простонародье «учебки» - это дармовая рабочая сила.

Житомирская учебка по подготовке механиков-водителей танков ничем не отличалась от остальных. Здесь все было как везде. Учёба сочеталась со строевой подготовкой, зубрёжкой уставов, марш-бросками и ... естественно хозяйственными и строительными работами.

После усиленного учебного процесса давался пятнадцатиминутный перекур. Курили все, кроме двух курсантов: Гамана и Воробьёва.

Ну не курили люди, не хотели.

В это время, как правило, подходил офицер или прапорщик:

- Кто не курит?

Вставали двое. Честно вставали.

- За мной, шагом марш.

Все продолжали курить, а Гаман и Воробьёв таскали мусор, складывали кирпичи, рыли фундамент. А когда возвращались, то все, слегка отдохнув, продолжали выполнять то, что им наметили отцы-командиры.

И эти двое затосковали. Отдыха-то нет. А это было не раз, и не пять.

Что делать?

- Вася! Давай тоже начнём курить, - предлагает Гаман.

- Давай.

И вот подходит, в очередной раз, начальник.

- Кто не курит?

А таких-то уже и нет. Все курят.

Но строительство от этого в Вооружённых силах не уменьшилось.

После этого стали искать нарушителей военной дисциплины. Они уже ищали, когда все курили.

Жизнь, если захочет, заставит и говно жрать.

ЧЛЕНОВРЕДИТЕЛИ

Если на флот ещё как-то медицинские комиссии отбирают здоровых людей, хотя и там встречаются недоумки, то в армии сорок процентов — это уёбки, дети пьяных зачатий.

Нормальный на голову человек будет заниматься членовредительством? Полагаю, что нет.

В одной из танковых частей додумались ломать себе руки. И не страшно же!

А ведь кто-то к этому пришёл первый? На это у него нашлись мозги. Конечно, это проще, чем выучить обязанности солдата.

Что они делали? Затягивали туго жгут на плече на тридцать-сорок минут, рука отекала. Затем, обмотав предплечье полотенцем, резко били о край стола. Перелом гарантирован.

А это госпиталь и еще полтора месяца лёгкой службы.

За это надо бы в дисбат года на три, камни резать, а потом уже, после него, дослуживать то, что не дослужил. И тогда никто бы не позволил себе этого делать.

А один пошёл еще дальше, можно сказать, достиг полнейшего «совершенства». Видно, медкомиссия просмотрела скрытую форму дебилизма.

Эта жертва аборта затянула себе жгут на полдня. Ну чтобы точнее, чтобы вообще не больно. Потом подошёл и ударил рукой о гусеницу танка. Результат был просто феноменален! Кисть отлетела, как сухая ветка от дерева.

Уж как этому уроду «повезло»! Комиссовали! Ведь без кисти в армии нельзя служить, а без мозгов – можно.

И уехал он домой, а надо бы, чтобы трибунал определил ему другое место «отдыха».

Искренне жаль тех офицеров, мичманов и прапорщиков, которым достаются эти коросты общества, зачатые в пьяном или наркотическом угаре. Что этих недоделанных ублюдков надо в очко целовать, воспитывать и лелеять.

Они заслуживают другого.

Так чего их жалеть, если они себя не жалеют?

От этого будет больше пользы.

КОЛОРИТ

Замполит роты охраны старший лейтенант Семенюк был из студентов. Студентами в армии зовут тех, кто пришёл служить после института. Уже утраченная человечность, но присутствие чувства юмора, отсутствующее напрочь у кадровых политработников, ещё сохраняли в нём что-то людское, хотя юмор и приобрёл, как и солдатская форма, мышинный оттенок.

Упражнялся он им, как правило, на дежурстве. Выпив с зеркальным отражением грамм по триста, его прорывало. Апогей апофеоза наступал, как правило, в два часа ночи.

Тогда он шёл в казарму.

- Дневальный! Дежурного ко мне!

- Есть! – Хрипел сонный дневальный и бежал, грохоча сапогами, будить дежурного по роте.

- Товарищ младший сержант! - ласково тряс дневальный дежурного, - вас вызывает дежурный по части, старший лейтенант Семенюк.

- Что ему нужно? Какой ещё сегодня праздник? - ворчал, не могущий никак проснуться, сержант.

- Я не знаю.

- Он пьяный?

- Так точно.

- Иди, пошли его на хуй, - и сержант переворачивался на другой бок.

Солдат устало брёл назад.

- Никак не могу разбудить его, товарищ старший лейтенант!

- А! Он крепко спит? Устал, сынок. Сейчас я его разбужу. Рота, подъем! – Зычно орал он.- Стройся! Время пошло!

Солдаты кубарем соскакивали с кроватей, быстро одевали сапоги и выбегали строиться. Офицер скучно наблюдал эту картину.

- Ровняйся! – четко скомандовал он, когда все построились. – Смирно! – И он приложил руку к козырьку.

- Поздравляю вас с международным женским днём 8 марта! Вольно! Разойдись! Отбой!

Солдаты, тихо матерясь, плелись к койкам, а он, умывшись, шел спать к себе в кабинет. Такое повторялось каждое его дежурство, то есть один раз в неделю.

Хотя служба и бесконечна, но праздников всё равно больше. Разбуженный мозг солдат впитывал в себя дни рождения неслыханных ими доселе имён: Эммануила Канта, Шопена, Григория Сковороды, Родиона Щедрина и многих других. Их поздравляли со всеми государственными, религиозными и профессиональными праздниками.

Дни ползли, а праздников и деятелей искусства и науки было немерено. И это была уже не шутка, а целый ритуал. Ритуал прерванной ночи и ритуал поздравления.

ИСПАЧКАННАЯ РЕПУТАЦИЯ

Часть на ученье, под руководством командующего округом, обосралась. Причём, обосралась конкретно. И в полном, и в переносном смысле этого слова. Сначала, естественно, в полном.

В разгар масштабного наступления на вероятного противника выяснилось, что наступающих-то и нет, - у всех разболелись животы и начался понос. В туалет нельзя было попасть. Из него слышались душераздирающие стоны.

Несмотря на строгие запреты, солдаты для этих целей задействовали все: и окопы, и кусты и углы палаток. Полигон был полностью засран.

Учения прекратили. Части поставили двойку. И начался изощрённый гомосексуализм.

Сначала все пороли докторов. Они переходили от командующего к командиру, от него – к заместителю по тыловому обеспечению, после него их поимели все политработники, а уже потом доктора безжалостно перепороли друг друга. Затем командующий, спустив пар на докторов, поимел всех командиров по очереди, после чего командиры поимели друг друга и снова накинлись на докторов. Отчего докторам больными и заниматься было некогда.

В каждом человеке, и в военном тоже (военные – тоже люди) живёт педагог и доктор. И каждый знает как нужно воспитывать, и как надо лечить. И у каждого на этот счёт своё мнение.

Командующий, хлопнув дверцей автомобиля, уехал, а в очаг выдвинулся медсанбат и развернул инфекционный госпиталь.

Тут солдаты почувствовали к себе внимание и заботу людей в белых халатах. Им давали таблетки, поили, кормили, подкладывали под них «утки», а весь полигон залили хлоркой, отчего три дня в радиусе пяти километров невозможно было дышать. Ведь для строевого командира запах хлора всё равно, что валерьянка для кота. Он от этого «тащится».

Старый, точнее просто древний, инфекционист, майор Слива, по прозвищу Пердило, потому что из него постоянно шумно вылетали газы и при этом он сразу же кряхтел и говорил: «О, сукин кот!», взял весь удар на себя. Он носился по палаткам, выпуская для ускорения струю сероводорода, чем выселял окружающую среду, во всё вникал, был в курсе всех дел.

Перед выпиской всем проводилась ректороманоскопия. Труба вгонялась в задницу, и, приставив к ней свой слеповатый глаз, периодически повторяя: «О, сукин кот!», майор осматривал слизистую. Процедура, сама по себе мало приятная.

Очередь двигалась.

На стол взобрался рядовой Зинкевич, первый разгильдяй части. Раздвинув ягодицы и приняв в себя двенадцать сантиметров трубы, он прохрипел:

- Москву видно? – Чем вызвал бешенство у обычно флегматичного инфекциониста. Тот сучил ногами, изрыгал проклятия и брызгал слюной.

Приём был прекращён.

О поведении Зинкевича был написан рапорт на имя командира части и через день тот продолжил своё лечение на гарнизонной гауптвахте.

А через месяц ученье повторили. Вероятный противник был разбит в пух и прах. Славное имя части было восстановлено.

Но горечь осталась.

ГЕРОИ ОТЧИЗНЫ

Строительный батальон – это сборище бывших и будущих уголовников, парней с тёмным прошлым и представителей многонациональной Средней Азии слабо или вообще не владеющих русским языком.

Офицеры здесь были несчастными людьми. Но некуда деваться, если Родина приказала!

Здесь Устав – это сила. Тот, кто плыл против течения, часто получал тяжелейшие «производственные травмы», порой даже со смертельным исходом.

Было и такое, что как-то замполит круто стал проводить в жизнь великое наследие марксизма – ленинизма и тут же был сожжен клуб части. После чего бессмертные идеи умерли и вновь стали господствовать законы силы.

Нравы были суровы, но и служба, точнее работа была адова. Строительство жилых домов, дорог, производственных помещений шло круглые сутки. И пили они жутко, пили всё, что горит. И женщин любили таких же, себе под стать.

Раз группа узбеков, человек семь, напоили сорокалетнюю бабу, раздели её, под задницу положили совковую лопату и хором все её отодрали. Пока один совершал половой акт, второй дёргал черенок лопаты, изображая страсть в жопу пьяной женщины.

Ну а драки, поножовщина были просто обыденным делом.

Того, кто прошёл через этот ад, можно смело называть Героем, Героем Отчизны.

РАССОВЫЕ ПРЕДРАССУДКИ

Интернациональная дружба многонационального Советского народа была закреплена Конституцией СССР.

И до того все было хорошо на съездах и конференциях, в решениях и постановлениях, средствах массовой информации, что от умиления можно было биться в истерию за такое, Богом, точнее, Коммунистической партией данное счастье.

Но в жизни все было далеко не так. И в армии тоже.

Вообще, жизнь в воинских частях строится по «годковскому» принципу, то есть, чем старше и мудрее, чем больше прослужил, тем у тебя больше привилегий. Хотя какие на службе могут быть привилегии? Это все самообман. Но что-то, все-таки, есть.

Только такие взаимоотношения бытуют на флоте и в девяноста процентах сухопутных частей.

Но есть еще жизнь, точнее, служба по принципу «землячества». Она распространена, в основном, в строительных частях, где и так на первом плане находятся не уставные порядки, а уголовные законы.

Это очень страшные взаимоотношения, приводящие, порой, к жутким последствиям. Здесь пресловутый интернационализм проходит только на стендах и бумагах.

Жизнь тут строится по принципу кланов, состоящих из особей, проживающих в одной местности: «москвичи», «ленинградцы», «украинцы», «армяне», «таджики» и так далее. Взаимоотношения здесь строятся только между земляками и только внутри них.

И если ты, упаси Бог, окажешься один на один среди этих волчьих стай, ну, просто родился в другой местности или оказался другой национальности, считай, что тебе крупно не повезло. Ты до конца своей службы будешь мыть пол в казарме и драить туалет. И солдат, прослуживший два дня, будет заставлять тебя чистить ему сапоги, несмотря на то, что тебе завтра увольняться в запас.

Вот, буквально, поверхностно, что такое «землячество».

Подмосковная строительная часть жила по этому принципу.

Здесь были два правящих клана: «армянский» и «туркменский». Именно этих представителей служило здесь больше, чем остальных.

Кланы не могут жить мирно. Они находятся в состоянии постоянной войны, которая то затихает, то разгорается с новой силой.

К одному молодому солдату приехали из Армении родители и родственники. Как водится у нас, привезли гору продуктов, включая и алкоголь.

Днем солдату дали увольнительную.

Находясь вдали от родины, встреча с близкими - всегда праздник.

Вечером родственники пошли в гостиницу, а солдат вернулся в казарму.

После отбоя армянская диаспора собралась в каптерке. Вкусная еда и крепкая чача кипятили, и без того, горячую кровь.

Точка кипения достигла апогея.

И родилась мысль: «А не проучить ли нам туркменов? Что-то они последнее время стали борзеть.»

Шумная, пьяная ватага, с ремнями через ладонь, ввалилась в спальное помещение казармы.

Туркмены не спали. Они боялись застать себя врасплох.

Завязалась драка. Пол стал скользким от крови.

И тут один туркмен выхватил из сапога нож и со всей силы воткнул его в грудь армянина, к которому-то и приехали родственники. Он замертво упал на пол.

Все окаменели.

Наступила горькое прозрение.

Труп отдали родственникам, а туркмена, раздев до трусов, посадили в одиночную камеру гарнизонной гауптвахты.

Ночью он порвал трусы, сплел из лоскутков веревку и повесился на решетке.

Сняли командира, заместителя и начальника штаба. Но этим не вернули две молодые жизни.

Пацаны! Если кто-то из вас прочтет этот рассказ, задумайтесь. На земле нет черных и белых, украинцев и эстонцев. Есть Его Величество Человек! И никто не вправе лишать его жизни! Никто!

Один Бог властен решать его судьбу. А не кто-то из Пскова, Винницы или Еревана.

Любите друг друга! И живите сто восемь лет в мире, согласии и счастье!

НЕПРЕДВИДЕННОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

Курс молодого бойца, наверное, самое тяжёлое в армии время. Парни, оторванные от материнской сиськи, учатся ходить, высоко поднимая ногу и тяня носок, держать оружие, до изнеможения бегать и зубрить Уставы. Но всё в жизни кончается. И этот курс, пропитанный потом, слезами и кровавыми мозолями, тоже.

Присяга!

Чётко печатая шаг, каждый солдат подходит к командиру и дрожащим от волнения голосом клянётся верой и правдой служить Отчизне. В сторонке кучкой стоят родители и гости. У многих на глазах слёзы. Это всё радостно и трогательно. Всё это запомнится на всю жизнь.

Потом солдатам даётся увольнение, чтобы проводить родителей. Вечером – праздничный ужин и в клубе части танцы. Из города приходят девочки.

Солдат Юркевич службу любил. Всё ему давалось легко и непринуждённо. А когда служба идёт, то к тебе и относятся по-человечески. Хотя, по-первости и дрючат как собаку.

Тяжело быть молодым! Ой, как тяжело!

Особенно зверствовал начальник химической службы подполковник Милославский. Он гонял, в полном смысле, до седьмого пота. Из противогазов и химкомплектов, особенно после маршброска, выливали его целое ведро. А чтобы запомнить все эти зарины, фосгены, иприты, хлорцианы, факторы радиационного поражения – чокнуться можно. А ещё защита, а ещё мероприятия по ликвидации очага и, естественно, само- и взаимопомощь.

Короче - полная тоска.

Милославского боялись все, буквально все.

Приближался Новый год. В клубе к празднику готовилось представление. Обещали бал-маскарад до часу ночи. Придут городские девчонки.

Танцы только начинались, когда к нему подошла девушка.

- Здравствуй, Саша. Ты меня не узнаёшь? Света. Помнишь, мы с тобой танцевали после принятия тобой Присяги?

- Света? Конечно, помню.

Её сложно было забыть, эту маленькую белокурую, миловидную девушку. Но первые месяцы так изматывают, что голова, коснувшись подушки, мгновенно засыпает.

Её глаза светились радостью. Весь вечер они протанцевали вместе.

- Саша, десятого января у меня день рождения. Приходи в гости. Я буду тебя ждать. Придёшь?

- Я постараюсь. Только бы в увольнение пустили.

Этот день был действительно праздничным.

Яркое, холодное солнце отражалось в рыхлом, выпавшем за ночь, снеге, мороз румянил щёки и щипал нос. Увольнение и предстоящий день рождения наполняли радостью душу и заставляли трепетать сердце. Всё было просто великолепно!

Купив торт и куклу Саша отыскал оставленный ему адрес. Дверь открыла Света. Она была безумно хороша. Молодость и красота просто выпирали из неё.

- Сашенька! Как я рада, что ты пришёл, - она поцеловала его, - раздевайся и проходи в комнату.

За столом уже сидели гости. Кто там был, он не обратил внимания. Его взор остановился на сидящего в гражданском платье подполковнике

Милославском. Вся кровь отлила к ногам. Его затошнило и захотелось в туалет.

- Здравия желаю! - Саша смотрел только на него.

Саша, проходи, садись. Что тебе положить?

Александр ничего не слышал и никого не видел. Он молча сидел и боялся. Китель стал мокрым. В горле торчал ком. Из всего, что ему накладывали в тарелку, в рот ничего не лезло. Всё проходило как в тумане, как в немом кино. Два часа тянулись вечностью.

Света вышла его проводить.

- Саша, что с тобой? Ты весь вечер молчал, ничего не ел. Я вот взяла для тебя пирожков с вишней. На, съешь хоть один.

Александр откусил кусок. Спазм в горле до сих пор не отпускал. Пирожок никак не глотался.

- Саша! Ну чего ты так боишься отца? Он же хороший.

Юркевич молчал.

- Когда мы с тобой снова встретимся?

- Никогда, - хрипло буркнул он, и развернувшись, пошёл в сторону казармы.

Больше они не виделись. А он, все два года службы, продолжал жутко бояться начальника химической службы.

Собственно говоря, его боялись все.

ЭКЗАМЕН

Служба пролетела как три дня. И вот уже скорый поезд мчит старшего сержанта запаса Александра Юркевича из белорусских лесов в родные украинские степи.

Всё!

Прощай, служба!

Здравствуй, гражданка!

Как о тебе мечталось, там на казарменной койке! Уже завтра, жёсткие от крестьянского труда, руки отца прижмут тебя до хруста в рёбрах к себе. И мама, пропахшая солнцем и молоком, счастливо заплачет, прижавшись к груди.

- Сыночек мой вернулся! Кровинушка моя, - только и прошепчет она.

Лето подходило к концу. Саша его и не заметил. Днём работа с отцом в поле, ночь – в танцах и радостях. На сон времени не хватало. Он похудел, загорел, и как бы вновь возмужал. Глаза ввалились, скулы заострились, губы обветрились.

- Саня, ты, вообще-то, чем думаешь заниматься? Или собрался всю жизнь юбки девкам задирать? Надо что-то решать, уже четыре месяца гуляешь, - двоюродный брат Витя учился на третьем курсе педагогического института, - Давай поступай к нам, на факультет физического воспитания.

- Туда готовиться надо. Я уже всё позабыл. Не пойду.

- Что там готовить? Ты что, физкультуру не сдашь или военное дело, не зря же наверное в учебке два года просидел? Сочинение спишешь, а биологию считаешь. После армии поступать легче. Привилегия есть, возьмут, куда денутся, - сказал Виктор слегка шепелявя и улыбнулся, - Не ссы, прорвёмся.

Есть такая категория людей, которые всем нравятся. К ней, как раз, относился и Юркевич. Он умел говорить, открыто и задорно улыбался и, вообще, как-то по-своему притягивал к себе людей. И люди этому не противились. Его карие глаза смотрели доверчиво и проницательно.

И вот уже три экзамена позади. Физкультура и военка сданы на пятёрку, а сочинение действительно списал и получил тройку. Последний

– биология. Это – полная задница. И знаний нет, точнее, вообще нет, и учебник не читается. И как-то уже обидно не поступить.

- Витя, может кабана забить? Дать кому-то? Я не сдам.

Саша в растерянности. Глаза тускнеют, морщины собираются на лбу, - помоги, ты же всех знаешь. Завтра уже экзамен.

Виктор, высокий красавец, любимец женщин, тоже морщит лоб.

Надо помочь брату. Но как?

- Стоп! – он оживает, - был у меня романчик с одной дамочкой с кафедры биологии. Садись в машину, поехали к ней.

- Мариночка! – Виктор с девушками, как собственно и со всеми, был лидером, - мы к тебе. Это мой брат, знакомься. Завтра сдаёт биологию. Помоги. Ничего не знает.

Говорил всё время он. Саша сидел молча, скользя взглядом по открытому вырезу халата.

- Короче, Саня, ты езжай, готовься, а мы здесь ещё посидим, порешаем кое-что.

Экзамен абитуриенты сдавали в аудитории. Принимали три человека – Марина и ещё двое мужчин.

Юркевич зашёл в числе последних.

Как и предполагалось, из трёх вопросов он ни одного не знал.

Вспоминать или пытаться что-то вспомнить было нечего. Настроение падало. Он лихорадочно следил за движением сдающих. Надо было обязательно попасть к ней.

И вот они сидят друг против друга. Только было Александр собрался открыть рот, как преподаватель, принимавший экзамен за соседним столом, расписавшись в ведомости, встал, потянулся и сел к Маринину столу.

- Ну как тут у тебя?

Марина слегка растерялась.

- Сдают, Павел Николаевич, - сказала она как-то неуверенно, - давайте третий вопрос, -она посмотрела на Юркевича, который явно не ожидал такого поворота событий и даже не заметил, что на первые два он вовсе не отвечал. Он сидел бледный и потный. Его трясло. Дрожащим голосом он плёл что-то невпопад о хромосомах, наследственности и генной инженерии. Преподаватель скривился.

- Марина Васильевна, как он ответил на первые два вопроса?

- На пять, - не моргнув ответила Марина.

- Поставьте ему тройку и пусть идёт.

- Может четвёрку, Павел Николаевич?

- Четвёрку? За этот бред? Что-то вы щедры сегодня.

- Парень после армии. Учиться хочет. И предыдущие экзамены сдал на пятёрки, - она умолчала о сочинении, - пусть учится. Давайте поставим четыре.

Преподаватель встал, посмотрел на Саню. Его вид вызывал жалость. Глаза округлились. Щёки стали ещё бледнее. Казалось, что он вот-вот заскулит или упадет в обморок.

- Пусть это будет на Вашей совести, - сказал он выходя из аудитории.

- Спасибо, - еле слышно пролепетал Юркевич.

Во дворе его ждал Виктор.

- Ну?

- Четыре, - голос Александра ещё дрожал.

- Молоток! А ты ссал. Поздравляю!

Через сутки фамилия Юркевича была в списках поступивших. А ещё через день они втроём сидели в ресторане, шумно отмечая Сашкино поступление.

ЛЫЖНЫЙ КРОСС

На необъятных просторах Родины в многомиллионном количестве разбросаны войсковые части. Здесь несут свою ратную службу солдаты и матросы, офицеры, мичманы и прапорщики.

Служба – она нигде не мед. И помимо боевого мастерства от солдата и матроса требуется еще и его физическая выносливость. А чтобы выяснить, где служат самые физически сильные воины, проводятся спортивные соревнования. Носят они, в основном, тотальный или по-другому, добровольно-принудительный характер.

Командир вызвал к себе командиров взводов:

- В чьем подразделении есть спортсмены? В округе проводятся соревнования по лыжам. От нас побежит один человек.

Если ты ответишь: «В моем», то всё летит к чертовой матери. Надо менять людей в сменах, переделывать графики дежурств и ещё десятки таких перестановок. Поэтому все молчали.

- Товарищ капитан, - командир посмотрел на своего заместителя по политической части – пересмотрите служебные карточки личного состава и с вечерним докладом представьте мне кандидатуры.

Вечером у командира перед глазами лежал список. В нём значилось четыре человека.

- Не густо, - почесал затылок майор.

- Так, два по шахматам, эти – хилыки, - незатейливо думал командир, один по стрельбе – этот тоже не бегун. О! Спортивное ориентирование и туризм. Брагин Анатолий Леонидович. Ты смотри, и у солдата отчество есть, - командир заметно повеселел.

- Капитан! Брагин из какой роты?

- Из третьей.

- Вот его и пошлем, пусть там поориентируется. Проинструктируйте его лично.

Младший сержант Брагин был слегка ошарашен. Родом он был с юга, из Мариуполя, и настоящий снег увидел только на службе.

- Товарищ капитан! Но я никогда не ходил на лыжах.

- Младший сержант! На службе, получив приказание, принято отвечать «Есть». А вы мне тут начинаете демагогию разводить. Все документы получите в строевой части. Завтра в 8.30 от штаба части в округ идёт машина. Смотрите, не опоздайте! Идите!

- Есть!

Соревнования уже давно закончились. Смеркалось. Все начали собираться домой, когда на горизонте показался Брагин. Он шёл полностью выкладываясь. Но лыжи скользили и не хотели идти вперёд. Бушлат намок. Из под шапки струился пот.

Пастор Шлаг из кинофильма «Семнадцать мгновений весны», просто отдыхал, когда шёл Брагин. Минут через сорок младший сержант буквально «разорвал» ленточку на финише.

- Медленнее нельзя было идти? – Судья от ожидания и холода был весь синий.

- Я и так старался, во всю силу бежал, - пробормотал задыхающийся Брагин.

- Пятый результат. Плохо! Очень плохо!

Из пяти стартующих Брагин пришёл последним.

Вернувшись в часть его вызвал командир.

- Ну как пробежали, сержант?

- Пятый, товарищ майор, - сказал Брагин, опустив в пол глаза.

- Молодец, младший сержант! В округе заняли пятое место! Очень хорошо! Иди!

На следующий день младшему сержанту Брагину за высокие спортивные достижения приказом по части был объявлен отпуск с выездом на родину.

Сама по себе цифра ничего не значит. Важно, с какой позиции её следует рассматривать.

РАЗНЫЕ ДОРОГИ ОДНОГО ПУТИ

Спортивная подготовка в армии является одним из видов боевой подготовки.

Солдат должен быть сильным, выносливым и ловким. Без этого ему не победить лютого врага.

Все спортивные мероприятия в армии и на флоте носят массовый характер. Здесь никого не интересует, можешь ты или не можешь. Здесь есть только «надо».

Витя Федюк попал служить уже после окончания второго курса педагогического института, факультета физической подготовки и спорта.

Это был молодой человек около двух метров роста, состоящий из груды мышц, связок и больших, глубоко посаженных серых глаз.

Как южный человек, он о лыжах имел поверхностное представление, ну а впервые встал на них, естественно, в армии.

Здоровье у Виктора пёрло через край, да и физически он был всесторонне развит, поэтому пробежать лишний кросс, да еще двадцать километров, ему казалось пустяком.

- Подумаешь, лыжи. Те же кроссовки, только тяжелее. Но по снегу скользить можно.

Солдатам выдали номера и кросс начался.

Стартовали друг за другом с интервалом в тридцать секунд.

Километров пять Федюк привыкал к лыжам, палкам, трассе. Понял, что бежать на них неудобно. Тяжело. Надо скользить.

Приловчившись, он стал набирать темп.

- Хоп! – и первый солдат уступил лыжню.

- Хоп! – и второй остался позади.

Впереди замаячил пятый лыжник. Он не бежал, а шел на прямых ногах, волоча длинные палки за собой.

- Хоп! – заорал Федюк.

Впереди никак не отреагировали.

- Хоп! – выдохнул клубы пара Виктор.

Полуметровое тело, в котором он узнал солдата из четвертой роты, молдованина Сопеску, продолжало двигаться вперед.

Разъяренный Федюк, поймавший кайф от бега, схватил бедного солдата за шиворот, поднял его над собой, бросил далеко в сугроб и помчался дальше.

По итогам соревнований он занял четвертое место. И это впервые надев лыжи!

Но на этом история не закончилась.

Спустя час, вдоль трассы, на машине проезжал заместитель командира части по тыловому обеспечению подполковник Войтенко, человек, прошедший войну во Вьетнаме, а потому нервный и не выдержанный.

Он подбирал отставших солдат для работы на скотный двор.

- А ну, стой! – скомандовал он шоферу. – Пойди посмотри, что это за бурый медведь гнездо вьет в сугробе? И принеси мне его. Желательно живого.

Штабные шоферы считают себя полубогами в этой жизни, ну, по крайней мере, на службе. И всякие такие приказания, которые унижают и

оскорбляют их собственное достоинство, больно отражаются на их психике.

- Эй, тело, быстро сюда давай! – прокричал шофер.

В сугробе шевельнулись и затихли.

- Он не идет, товарищ подполковник.

Войтенко побагровел. Это ничего хорошего не предвещало.

- Разрешите мне его принести?! А ну пошел! – заорал подполковник и со всего размаху отвесил подзатыльник «интеллигентному» шоферу.

Набирая в сапоги снег, шофер обиженно полез в сугроб.

- Иди, бля, сюда, бля! – он схватил за воротник Сопеску и поволок его к машине.

- Вот..., - шофер обиженно отвернулся.

- Ты кто такой? Как оказался в сугробе? – заместитель командира был по-отечески добр.

- Рядовой Сопеску с четвертой роты. Меня бросил туда большой солдат.

- Кто? – голос был еще добр, но уже слегка дрожал. – Кто обидел тебя, сына Иона и недобродившего молодого вина?

- Мой папа Гица, а не Ион.

- Все вы там Ионы и хаотично двигаетесь. Так как ты туда попал? Может у нас служит Илья Муромец или Добрыня Никитич?

- Я не знаю таких. Он поднял меня и бросил. А выбраться оттуда я никак не мог.

- Так ты, сученыш, решил в сугробе службу просачковать? Так ты в Присяге перед «Клянусь» говорил: «Не»? Ты в живых захотел остаться? Хер тебе по всей морде! Ты сгинешь в свинарнике! Вот там ты будешь завидовать мертвым. Марш в кузов! – заорал он так что с деревьев осыпался снег.

Трое суток Сопеску и еще семь таких же солдат, без сна и отдыха, как конголезские негры на плантации, лопатили на хоздворе.

Когда он вернулся в казарму, то двое суток его не могли поднять с койки. Он спал мертвым сном.

Вот так и служат. И каждый идет своим путем.

Один стремится побить рекорды, второй ищет разгильдяев, а третьему на роду написано разгребать дерьмо.

Каждый ищет свое.

А кто ищет, тот всегда находит.

* * *

Окончилась война,
Отгрохотали залпы...
Не все вернулись с полей.
И боль живет, то боль утраты
И слезы ждущих матерей.
Победа. Ты далась нам кровью.
Тобою залита земля.
А над могилами героев
Листва шумит и трели соловья...
Четыре года в зной и в стужу
Ты шел, солдат, круша врага.
За мир, за счастье, за свободу
Ты пол Европы прошагал.
И пусть в тебя стреляли танки,
Мириды пуль вонзались в грудь,
Победы знамя над Рейхстагом,
Взметнулось ввысь, дав миру путь.

Солдат войны! Тебе спасибо,
Что от фашизма защитил,
Что уберег свою Отчизну
И в рабство путь предотвратил.
Живи сто лет! В веках твой подвиг
Хранит спасенная земля.
И пусть звезда, звезда Героя
Сияет только для тебя!

ПОТОМУ ЧТО СОЛДАТ!

Кто за Родину-мать,
Со словами: «Вперед!»
Шел на пули врага,
Закрывал собой дот?
Кто взрывался со стоном на минных полях?
Кто на танки шел смело с винтовкой в руках?
Кто, себя не щадя, Отбивал пядь земли?
Кто в окопе писал:
«Дорогая! Ты жди,
Вот очистим от нечестии нашу страну,
Я к тебе прилечу, приплыву, прибегу.»
Ну а завтра опять
Шел за Родину в бой,
Потому что – Солдат!
Потому что – Герой!
И пусть много от пуль на полях полегли,
И пусть спят вечным сном на просторах Земли,
Будет помнить их вечно

История-мать,
И у ней эту память
Никому не отнять.
Ведь Солдат ты. Защитник.
Ты миру оплот!
Дав Присягу стране
За народ шел вперед.
А в тылу твоя мама, сестра и жена
Дни и ночи ковали победу без сна.
Чтоб не мерз ты,
Был сытым,
Одет и обут,
Чтобы пуль не жалел,
Метко бил по врагу.
Чтобы счастье и мир
Окружали твой дом.
Чтоб любовь, детский смех
Вечно жили бы в нем.
Где б ты ни был, солдат,
Где бы не воевал,
Своей жизнью рискуя,
Ты мир защищал.
Ты и знамя воздвиг на немецком Рейхстаге,
Ты глотал знойный воздух в далеком Афгане,
Ты москитов кормил во вьетнамских лесах,
Мерз от холода где-то в чеченских горах,
Ты в Лаосе, Анголе, Ираке, Бахрейне
Воевал,

И себя не жалел ты.
В Эфиопии, Сирии, Йемене, Гане,
Алжире, Габоне, Нигере, Судане
Изнывал от жары,
Проклиная судьбу,
Веря в жизнь,
Ненавидя всем сердцем войну.
А потом со слезами
Шел с победой домой,
Потому что - Солдат!
Потому что – Герой!

... И ДРУГОЕ

КАК Я СТАЛ ПИОНЕРОМ

Когда наш класс принимали в пионеры, я болел.

Болезнь прошла, а я месяц хожу без галстука, и никто меня не принимает, и никому-то я не нужен. Обидно.

Наконец меня находит пионервожатая и говорит, что завтра на линейке меня будут принимать в пионеры.

- Готовься!

А как готовиться, не сказала.

И вот оно светлое завтра. Школа выстроена в физкультурном зале. Я волнуюсь. Сказали ведь готовиться, а я не готов. Сначала решались какие-

то вопросы. Потом прозвучала команда: «Смирно! Равнение на знамя!» Вынесли знамя. Директор строго так говорит:

- Сегодня мы принимаем в пионеры ученика третьего класса Финогеева Александра.

Я стою, жду. Меня толкают в спину.

- Иди.

- Куда?

- К знамени.

Может не надо, но иду. Подхожу.

Пионервожатая говорит, - Ребята! Достоин Финогеев быть пионером?

- Да!!! – Кричат они.

И только два идиота где-то вдалеке крикнули «нет». Но на это никто не обратил внимания. Шутники везде есть.

Я прочитал жуткую клятву, где обещал быть образцом и примером.

Пионервожатая шепчет:

- Вставай на колени и целуй знамя.

Я не понял.

Она шипит:

- Давай быстрее, не задерживай школу.

С перепугу, да и недослышав, падаю не на одно колено, а на два, тыкаюсь лицом в знамя, а оно воняет гнилью какой-то. Ну и стою же.

Слышу, вся школа умирает со смеху. А я не пойму, что не так делаю. Вставай уже, - кричит вожатая и повязывает мне тряпичный галстук. А мама покупала шёлковый.

Я что-то бурчу.

- Поздравляю. Будь готов!

- Всегда готов! – глухо произношу я.

- Встать в строй!

Иду красный, как галстук и проплесневелое знамя, в строй.

Гордости не было.

Всё было как всегда. Через задницу.

ПРОПУЩЕННОЕ ТОРЖЕСТВО

- А ты знаешь, сынок, какая у нас с папой была красивая свадьба? – начала свой рассказ мама. – У меня была белая фата, белое платье. Папа был в чёрном костюме. Всюду очень много цветов, и даже на машине стояла целая корзина с хризантемами. Всё было украшено разноцветными ленточками. Потом мы торжественно расписались во Дворце бракосочетаний, я одела папе кольцо, а он – мне. Вот это. А потом мы поехали кататься по городу. Были и на Дворцовой площади, в Летнем саду, Марсовом поле, проезжали вдоль Невы. А после поездки сели за стол в банкетном зале. Народу было очень много: мои подружки, папины однокурсники, приехали родственники. Было очень весело – мы пели, танцевали, нам с папой кричали: «Горько!» и мы целовались. А на столе чего только не было: колбаса, мясо, икра, фрукты разные. Потом сладкий стол: торты, пирожные, конфеты, напитки...

Жадно внимавший каждое слово мамы, маленький Петя вдруг не выдержал и расплакался.

- Ты чего, Петенька?

- Да? А почему меня с собой на свадьбу не взяли?

Все улыбнулись, а бабушка ласково обняла внука и серьёзно сказала:

- Петя. Мы же с тобой в это время в Москву ездили. Неужели не помнишь?

На том и порешили.

ПРЕВРАТНОСТИ ОТДЫХА

В доме отдыха «Дивноморское», что в Геленджике отдыхала семья танкиста. Танкист, море и лето – это что-то ортодоксальное. Но ... из песни слова не выбросишь.

Их было трое: он, его жена и их четырёхлетняя дочь. Его звали Ваня, её Люда. Почти как Тристан и Изольда, а для современного читателя, как Ромео и Джульетта.

Они были удивительно похожи друг на друга, как Ленин и партия, как близнецы и братья. Оба невысокого роста, крепкого телосложения и слегка кривоноги.

Дочь уродилась точной копией одного из них, только кого, понять было невозможно. Хотя анатомически она была ближе к матери.

Их отдых был до безумия однообразен.

Утро и лёгкий шум.

Это они собирались на завтрак. Потом переодевались и шли на море. Их путь за здоровьем нельзя было ни с чем сравнить. Зрелище завораживало. Я с умилением смотрел на эту процессию. Шли они гуськом. Шли не спеша. Впереди, командиром, голый по пояс и в шортах, с фотоаппаратом на животе, гордо, слегка нахмурившись, шёл Ваня. За ним строго в ногу на расстоянии полутора метров, с торбой в одной руке и подстилкой для загара в другой шла Люда, а сзади семенила их «сиамская» дочь.

Так было до обеда. После обеда непродолжительный отдых и снова пляж.

Что они делали после ужина, сказать трудно.

Вечером в их комнате было более шумно, чем утром. Это они укладывали дочь спать, которая упорно не хотела этого делать. Затем на минуту всё стихало и раздавался душераздирающий скрип, раздолбанной

отдыхающими, кровати. Этот скрип напоминал стон треснувшей в бурю корабельной мачты перед её полным переломом. Минут через пятнадцать скрип прекращался, чтобы возобновиться снова через полчаса.

Наконец и это стихало.

А потом снова наступало утро.

Так было изо дня в день.

Однажды мой знакомый наловил мне рапанов, чтобы сделать из них сувениры. Я их сварил и вышел на лоджию, чтобы выбить из них внутренности. Занимаясь этим делом, я не заметил, как из-за перегородки вылезла Людина голова и человеческим голосом спросила:

- А что это Вы, Саша, делаете?

- Рапанов сварил.

- Зачем?

- Есть буду, - пошутил я.

Голова исчезла. Спустя двое суток за стенкой наступила какая-то странная тишина. Не наблюдалось движения в сторону моря, не было, уже привычного шума и душераздирающего скрипа. Но слабые признаки жизни всё-таки иногда угадывались.

- Люда! Куда вы пропали? Что-то вас не видно, - крикнул я через лоджию.

- Ваня заболел.

- Что случилось?

- Он рапанов объелся, не может никуда ходить. У него понос.

Я смеялся до колик в животе. Потом сходил в магазин, принёс бутылку водки и заставил хвораго танкиста выпить стакан этого зелья с солью. Да и сам причастился.

Спустя сутки дружная семья была в строю. Отдых продолжился.

ПОЗДНИЙ ЗВОНОК

Телефонный звонок раздался поздним вечером.

Как правило, если поздно, - это значит меня.

- Алло, слушаю.

- А где Гена?

Николаевский диалект трудно передать.

Это голый суржик. Помесь украинского, русского и блатного языков.

- Гены нет. Он ушел. – Я никогда не лез за словом в карман, особенно за ответным.

- Шо? Куда?

- На кладбище.

- Тю! Зачем?

- Не знаю. Одел белые тапочки и ушел.

В трубке долго молчали.

- Вот, блядь...

И раздались короткие гудки.

РАЗРЫВ

Они лежали, пресыщенные лаской.

Вдруг она повернулась на бок, крепко обняла его и поцеловала.

- А ты знаешь, я развелась, – прошептала она, глядя в его глаза и гладя ему вьющиеся волосы.

- Зачем?

- Я же приехала к тебе.

- Ну, это не повод для развода.

Она резко встала с кровати. Её крепкое тело блестело на солнце, вызывая новые желания в мужском организме. Ненавидяще, она взглянула на него.

- Так тебе что, безразлична моя судьба и что со мной будет дальше?

- Я сказал, что приезд не является поводом для развода.

Она стала быстро одеваться.

- Животное, – шипел её искривлённый судорогой рот. – Между нами всё кончено, – крикнула она, выходя, хлопая дверью.

- Ничего нет лучше, когда между мужчиной и женщиной отсутствуют недомолвки. Поздние слёзы горче раннего психоза. Перегорит.

Он повернулся на бок и мирно уснул. Сквозь сон он слышал трель телефонного звонка, но не подошёл.

- Умерла, так умерла!

НЕЗНАКОМКА

Остывающее осеннее солнце слабо пригревало. Лёгкий южный ветерок качал листву, разнося сладкий дымок от мангала. Запах жарившихся шашлыков будоражил аппетит.

Михаил бездумно курил, приближаясь к столику, где уже лежали огромные сочные подрумяненные куски мяса.

Тут его внимание привлекла стоящая в стороне девушка. Она была маленького роста, но приятно сложена. Взгляд её был отрешённым и выглядела она как-то очень сиротливо. Не прекращая движения, Михаил продолжал наблюдать за ней.

- Однако, очень даже ничего, – подумал он.

Было скучно и погода шептала.

Изменив маршрут, Михаил подошёл к ней.

- Хочешь шашлык, – сразу спросил он.

Она взглянула на него снизу вверх. В глазах таилась грусть.

- Хочу.

- Два шашлыка, и обязательно на шампурах, – скомандовал он, затем снова спросил, – а выпить взять?

- Возьмите.

- Что?

- Всё равно.

- Ещё сто и сто пятьдесят коньячку.

Расплатившись, они сели за стол.

Она стала живее, глаза засветились искорками.

Приехала она из Белоруссии. Отдыхать. Остановилась на квартире. Дома остались муж и дочка... Разговор шёл ни о чём. На душе теплело, кровь играла, шашлык был сочен и вкусен.

- Пойдём, покажу тебе, где я живу.

Она покорно встала и пошла.

Было всё до прозаичности просто: поцелуи, постель...

Провожать её он не пошёл. Устал, да и не было никакого желания. Уходила она с надеждой на продолжение встречи. Но Михаил молчал. Близость не принесла желаемого восторга, и она была ему уже не интересна.

- До свидания.

Дверь закрылась и послышался стук удаляющихся каблучков.

- Интересно, как хоть её зовут? – подумал Михаил и заснул...

Пару раз они ещё случайно встречались в городе, но дальше банального «Привет» дело уже не шло.

Жизнь снова повела каждого из них своим путём, всё дальше и дальше отдаляя друг от друга.

ЭПОХА ПЕРЕМЕН

У новой власти – новые требования. И хотя вековая история учит: «Прежде чем что-то разрушить нужно вместо этого разрушенного что-то путевое и построить», так нет, мы, отчего-то, оставляем после себя груды камней.

Жило себе, было одно село. Крепко жило. Хорошо. И стоял в этом селе на трассе, между елей, напротив Дома культуры памятник Ленину, указывающий рукой на утерянный путь к созиданию. И хотя уже никто не шел по указываемому им пути, к этому памятнику привыкли. Он смотрелся, и село как-то выглядело солидно.

Но... усмотрело в этом областное начальство какой-то политический смысл. И постановило! Памятник снести, а вместо него соорудить фонтан. Ведь Ленин в современных условиях уже не актуален.

Дурная голова никогда не давала рукам покоя. Мысль превратилась в действие. Были выделены рабочие, техника и ... процесс вандализма начался.

И кувалдами его били, и тросами тащили, - стоит Ленин, не поддается. Решили: «А давайте его по частям ломать. Отобьем туловище от ног. Легче будет».

Обезножив, рухнул вождь мирового пролетариата с глухим стоном на землю.

Веселится молодежь. Новую жизнь строит!

А руководить этим делом поставили старого прораба, Радько Владимира Даниловича.

Он стоял в стороне и расширенными слезящимися глазами смотрел на происходящее, не вмешиваясь.

Приказ есть приказ. Его выполнять надо.

Подошел Радько к поверженному вождю. Снял фуражку.

- Вот смотри, Владимир Ильич, каких долбоёбов мы вырастили.

Он еще постоял с минуту, нахлобучил фуражку и ни с кем не прощаясь пошел и напился.

А вместо Ленина навалили груды камней, из под которых по праздникам мирно теперь бьет хилый фонтанчик.

Жизнь от этого не стала краше.

ПЬЯНАЯ РЫБАЛКА

Зима шла своим ходом. И, как принято на юге - слегка холодная, малоснежная, но ветреная.

Был уже поздний вечер, когда по какой-то причине я зашел к своим соседям. Это молодая семья с очень разносторонними, а иногда и противоречивыми взглядами на окружающую среду. Их жизнь протекала по-разному, а иногда даже бурно.

У них в ванной плавала рыба. Странно как-то, зима, мороз, ночь и живая рыба.

- Юра, а где ты взял рыбу?

- Бутылкой наловил.

- Ну, бутылкой можно было и большую поймать. Эта рыба не стоит того, слишком мала.

Юра был навеселе. По нему трудно определить сколько он выпил.

- Нет, правда. Канал застыл, а подо льдом рыба.

Это откровение меня не пробрало. В него я не верил.

- Если хочешь выпить, зайдешь, - шепнул я уходя, чтобы не слышала его жена Вика.

В 22 часа мы сидели за столом. Водка, легкая закуска приватная беседа и сигареты стирали грань между возрастом и ускорили время.

Я уже стал пьян, а Юра оставался прежним. Алкоголь иногда делает людей добрыми и раскрывает их затянутую фуфайкой душу.

Близилась полночь, когда Юру прорвало.

- Дядя Саша, а поехали наловим рыбу.

- Ты что, заболел? Какая рыба? А времени сколько?

- Мы на мотоцикле, здесь близко. Там правда много рыбы.

Алкоголь еще и притупляет здравый смысл, делает человека раскованным и бесшабашным.

- Ну, хорошо, только быстро. А то мне завтра на работу.

Мороз крепчал, ветер пронизывал до костей, мотоцикл постоянно заносило на скользкой дороге. Прижавшись к его спине, я не заметил, что мы уже едем по полю.

- Юра! Куда мы едем?

- Ой! Я, кажется, заснул.

- Все! Ну ее на хер, эту рыбу, поехали домой.

- Да тут уже близко.

Сковавший канал лед был прозрачен, и глубина в нем была маленькая. Но то, что я увидел, меня поразило. Подо льдом было множество рыбы. Мы разбили камнем лед и вычерпывали ее друшлаком, который я взял по совету соседа.

Домой вернулись в два часа ночи. Рыбу, а ее наловили целое ведро, высыпали в ванную.

Выпив еще для согрева по рюмке, разошлись по домам.

Не знаю как кто, а кошки были очень довольны моему улову.

РАБОТА ТАКАЯ

Село Широкий Лан затерялось в бескрайних Николаевских степях.

Село как село, мало чем отличается от других сел, живущее своей придорожной жизнью.

Здесь все всё обо всех знают, всё видят, всё слышат и обо всём имеют своё, собственное, только им понятное, мнение. Если кому-то пришло письмо – это новость, приехали гости – событие, муж набил морду жене – с кем не бывает, надо меньше рот разевать, так ей, заразе, и надо, не одну тебя бьют.

Служба в милиции всегда беспокойна. Вечно что-нибудь, где-нибудь. Не появись – будет хуже.

Участковый Саша Юркевич молодой, черноволосый парень, лет тридцати, с обеззаруживающей улыбкой и хитрыми глазами, заехал домой.

- Люда, дай мне что-нибудь перекусить. Через полтора часа надо быть на совещании в райотделе.

Жена, привыкшая к частым исчезновениям мужа, стала быстро накрывать на стол.

Не успел участковый поднести ложку ко рту, как на улице что-то бухнуло.

- Саша, что-то взорвалось,- жена встревожено посмотрела в окно, - Смотри и народ куда-то бежит.

- Ну, блин, нет покоя в этом королевстве. Некогда по-человечески и пожрать.

Отодвинув тарелку с борщом, он быстро встал и вышел. Никого ни о чем не спрашивая, он быстро ехал по направлению бегущих людей.

Через минуту машина подъехала к дому Писаренко, точнее к тому, что осталось от дома. А остался сруб и крыша, которая лежала в пяти метрах от него. Из сруба, как бы нехотя, поднимался легкий дымок.

Вокруг толпился народ.

- Что случилось? – спросил Юркевич.

- Писаренко, паразит, наакался водки и дом взорвал, - сразу завопило несколько бабьих голосов.

- Кто-то пострадал?

- Нет, все живые. Только этот алкоголик...

Не слушая бабий визг, участковый направился к крыше, возле которой сидел, опустив голову, перепачканный сажей Сергей Писаренко.

Юркевич присел перед ним на корточки:

- Сережа, что случилось?

- А чё, Николаич, случилось? Я со своей поругался. Говорю ей: «Щас дом взорву». А она говорит: «Взрывай». Я открыл газ в баллоне и запалил. Оно и шибануло. Мужик слов на ветер не бросает. Сказал: «Взорву», взорвал. Вот. – он показал рукой на крышу. – Посадишь?

- Под стражу возьму. А там разбираться будем.

- Ну пошли тогда. А то вон сколько уже воронья слетелось, - он ткнул пальцем в толпу. – Цирк им устроил.

Они сели в машину и поехали в райотдел.

Народ стал расходиться.

Поесть Юркевичу довелось только поздно ночью.

Работа такая...

УРОЛОГ

Попал как-то я в больницу. Сердечко прихватило.

Поставили мне его доктора на место. А чтобы не показалось, дескать, легко отделался, направили и других специалистов проходить.

Глаза посмотрели, в рот позаглядывали, живот пощупали – всё в норме.

И вот, уже слегка расслабленный, захожу к урологу.

Уролог, Хаустов Александр Иванович, из старой плеяды врачей. На носу очки, в руках сигарета и философские рассуждения.

- Проходи, – говорит он мне, – Александр Витальевич, в смотровую, спускай штанишки, нагибайся да раздвигай ягодицы.

Иду. По пути успеваю заметить, как добрейший Александр Иванович тушит сигаретку, натягивает на правую руку резиновую перчатку и смазывает указательный палец каким-то кремом.

Его палец вошёл в меня, как острие кинжала. Не остановившись на достигнутом, Хаустов начал водить им справа налево, слева направо. Эти манипуляции вызвали тупую разрывающую боль во всём теле. Тело из «Г»-образного сразу же захотело занять привычное вертикальное положение и напряглось, как струна. Рот рефлекторно открылся, вызывая о помощи, хотя и без того было ясно – мне, как панфиловцам, помощи ждать неоткуда. В члене зажгло и дико захотелось помочиться.

Да. В такие секунды сразу начинаешь понимать: однополая любовь – это не твоё!

- О, – довольно хрипит Александр Иванович, – так у тебя, голубчик, простатит. Гонореей не болел?

Я сразу вспомнил хирурга, хирурга с большой буквы, полковника Поремского Юрия Борисовича, заместителя начальника кафедры Военно-морской и госпитальной хирургии, человека, не лишённого чувства юмора и безумно любившего жизнь. Он как-то, читая нам, пятикурсникам,

лекцию, чтобы разрядить обстановку и разбудить спящих терапевтов, сказал, слегка шепелявя:

- Каждый моряк в своей жизни обязан хоть раз переболеть гонореей.

И служба показала, что данное заболевание стоит далеко не на последнем месте в ряду всех тех болезней, которыми болеют моряки.

- Придется тебе, Александр Витальевич, походить ко мне с недельку на массажик простаты. Угу? – Сказал Хаустов и улыбнулся.

Два сеанса я как-то ещё вытерпел.

Но потом появилась такая боль в промежности, что аж ходить стало больно.

На третий день я еле приковылял.

- Входи, – говорит, – Александр Витальевич. Опаздываешь.

А сам руки от нетерпения потирает.

- Уж нет, Александр Иванович, не буду я больше делать ваш массаж. Боль такая, что вытерпеть невозможно. – Моя физиономия кривится. - Да и походка меняться стала, ягодицами сильно шевелить начал, отчего отдельные особи мужского пола начинают смотреть на меня с похотью, - добавляю я, улыбаясь.

- Ну смотри, – с сожаленьем отвечает Хаустов. – Не пропадай. А то может продолжим?

- Не-не-не, – машу руками. – Мне легче бутылку поставить, чем ещё раз отважиться на такое.

- Ладно. Тогда завтра приходи после трёх. Посидим, поболтаем.

Не знаю как кто, а я остался сторонником разнополой любви.

Да и тяга к женщинам даже как-то усилилась.

КУЛЬТУРНАЯ ПРОГРАММА

Коля Яременко!

Он к флоту имеет такое же отношение, как я к теории относительности. Но он мой друг.

А друзей не выбирают.

Они приходят сами.

Это как карма. Это жен выбирают. И как их не выбирай, все равно ошибешься. Поэтому жена не может быть другом. Она может быть только рядом.

Коля!

Личность неординарная. Любит только себя и женщин. Он – бывший актер. Но после фраз: «Кушать подано» и «Баре приехали» понял, что Качалов в нем не родился. И хлопнув, по – английски, дверью, ушел в бизнес.

Здесь он оказался как рыба в воде. Заматерел. Оброс солидностью, жирком и сивой шевелюрой.

Решили мы как-то отдохнуть с ним в Зеленогорском санатории под Санкт – Петербургом.

Увидев красоты Северной Пальмиры, Яременко обалдел.

Он весь окунулся в историю, а на отдых он тут же положил хер. Причем сделал это и за меня.

После завтрака мы неслись на электричку и ... начиналась культурная программа.

Учитывая то, что шесть лет, а с разными курсами повышения квалификации, то и все восемь, я прожил и проучился в Питере и многое видел, то отдельные моменты мне были просто не интересны.

Коля же впитывал в себя все.

Купив видеокамеру, он успевал только менять пленку. За сутки мы проходили десятки километров. К концу дня мои ноги гудели как электрические столбы и не хотели передвигаться.

А утром повторялось то же самое.

Сегодня я решил показать ему центр.

Мы прошлись по Марсову полю. Постояли у Вечного огня и не спеша побрели в Летний сад.

Яркая малахитовая весенняя листва дышала свежестью. Тысячи птиц выводили свой отточенный веками хор. Свежевыкрашенные скамейки отражали утренние лучи солнца, а античные фигуры дремали в этом сказочном раю.

Чтобы перевести дух, я присел на скамейку у памятника баснописцу Крылову. Легкая нега разлилась в моем измученном теле.

- Хорошо-то как, Господи!

Яременко метался от скульптуры к скульптуре, запечатляя их на пленку.

- Коля, - позвал я. – Иди посмотри, какой величественный памятник.

Он подошел. Снова зажужжал мотор. И пленка увековечила баснописца.

Надо сказать, что перед поездкой в Санкт – Петербург, Коля купил себе серый, в полоску, шерстяной костюм. Новая рубашка и галстук подчеркивали его природную интеллигентность. А острый нос придавал ему гоголевскую внешность.

Жизнь без проблем скучна и однообразна. И эти проблемы надо создавать. Иначе преждевременно увянешь.

- Коля! Сядь, посиди. Посмотри, какая красотища! – я похлопал по скамейке.

В приподнятом настроении Яременко плюхнулся рядом и обнял меня.

- Ой! – вскрикиваю я. - Скамейка покрашена!!! – и вскакиваю.

- Ебана в рот! – неистово орет Коля (здесь Станиславский просто отдыхает), пугая малолетних детей и их мам, и взлетает над скамейкой. В полете он переворачивает брюки, ища зеленые полосы от скамейки.

Я неистово хохочу.

Приземлившись, он называет меня мудаком и снова погружается в историю.

Культурная программа продолжается.

НЕРАЗГАДАННАЯ ТАЙНА

Чтобы жизнь не была однообразна, ее нужно разнообразно планировать.

Поезд дремотно стучит колесами, отдаляя нас от Николаева.

За окнами бушует весна. Ласковое солнышко будит природу и согревает наши черствые души.

Мы едем в Санкт-Петербург. Я возвращаюсь в юность, а Коля Яременко впервые увидит творения Петра.

Мы дремали.

Дорога, какой бы она не была длины, всегда утомительна. Поэтому, чтобы ее хоть как-то разнообразить, беру с собой кучу газет и журналов.

- Коля! – он вздрагивает. – Хочешь кроссворд поразгадывать?

- Давай.

И я передаю ему журнал «Огонек». Себе оставляю такой же журнал, но вышедший позже. То есть ответы на Колин кроссворд у меня.

Когда Яременко уходит в себя, то он что-то шепчет пухлыми губами и его гоголевский нос слегка подрагивает. Мысль пытается вылезти наружу, но черепная коробка ее явно не пускает. Шепот слышен отчетливее.

Вопросы, действительно, очень сложные (уж я-то их до него прочел) и тут на интеллекте не вылезешь. Нужны знания.

А ответы у меня на руках.

Раздается кряхтение и рефлекторное почесывание промежности.

Я жду. Терпеливо жду.

- Да ну его на хуй. Здесь такие вопросы. Не хочу отгадывать.

Он бросает журнал на столик.

- Подожди, давай вместе. Читай, может я что-то знаю.

Он с недоверием и явным презрением читает вопрос, смотря на меня.

- Ну скажи мне, умный: «Бог Солнца в синтонизме».

- Сколько букв? – спрашиваю я для приличия.

- Девять.

- Девять, - я пытаюсь изобразить умное лицо. – Попробуй «Аматэрасу», через «э».

Губы Яременко шевелятся. Он дико смотрит на меня.

Жду следующего вопроса:

- Ну, что там дальше?

- Шведский физиолог. Шесть букв, третья «а». Посмотрим, как ты в медицине разбираешься.

- Я знаю только одного шведа, - четко парирую я. – Гранит.

Игра в вопросы и ответы длилась не очень долго. Кроссворд был разгадан полностью. Сомнений в моем уме ни у кого не было, даже у меня.

Коля долго молчал. Мысли перли наверх, но черепная коробка их не пускала. Он не проронил ни слова.

ПАУТИНЫ МЫСЛЕЙ

Не люблю твердых женских губ. Они должны быть мягкими и слегка влажными.

Не плюй в колодец дважды, достаточно и одного раза.

Путь длиною в жизнь не должен быть короток.

Только с годами понимаешь, что самая лучшая женщина не впереди,
а глухонемая.

Учитесь отличать бьющую энергию от дури.

Весь первоначальный интеллект женщины ведет к постели. После
нее она, как все.

Все женщины дуры. Только одни умные, другие глупые.

Истину нельзя доказать криком.

Иногда, чтобы прославиться, нужно, всего лишь на всего, жить в
бочке.

Лучше быть посредственностью, чем Диогеном.

- Откуда берутся умные дети?

- Да всё оттуда же, откуда и все дураки.

Почему уважение к человеку должно соизмеряться с питием
алкоголя?

Банальное предложение: «Давай выпьем».

- Я не хочу.

- Ты меня не уважаешь?

Такое могли придумать только русские!

Что лучше, работать и быть человеком или ничего не делая оставаться обезьяной?

Нельзя всю жизнь ходить в маске Перро. Улыбайтесь! Однообразие гнетет и раздражает.

Стон стону рознь.

Только два человека не имеют право на ошибку. Это учитель и врач. У первого ошибка проявляется через годы в виде морального уродства, безкультурия и хамства. У второго – мгновенно. Это смерть.

Никогда не забывайте делать комплименты! Особенно женщинам! От них, иногда, ой, как много зависит! И жизнь, и карьера!

Тебе ничего не стоит это сказать, а ей приятно.

- Вера Семеновна! Вы сегодня потрясающе выглядите!

- Марина Николаевна! Вам так идет это платье!

- Элла Михайловна! У вас чарующие духи! Мимо пройдешь, и сердце бьется чаще.

- Милочка! Эта прическа вас делает сказочно красивой!

Таких фраз – миллиард.

И ты всем приятен и востребован.

Слово «нет» надо говорить мягко.

Лучше быть беспорядочной посредственностью, чем порядочной сволочью.

Почему дуракам жить легче?

Жена – это догма или средство общения?

Лучше плохо учиться, чем хорошо работать.

Генная инженерия без аборта и презерватива не обходиться.

В работе, не приносящей денег, нужно находить удовольствие.

Нельзя превращать себя в компьютерного монстра. Человек обязан читать, а не гонять сутками дурака по экрану. Только книга повышает твое внутреннее содержание и делает тебя интересным для других.

Не попробовав – не суди.

В больших порциях все приедается. И шашлык, и женщины. Меню надо постоянно обновлять. Но только не женщину на мужчину. Это противоречит естеству природы.

У каждого возраста свой бег времени. В детстве оно движется со скоростью улитки, зато в старости летит пулей.

Без штопора трудно вынуть пробку из бутылки... Но можно.

Процесс общения и понимания присущ только человеку.

Путь длиною в жизнь тернист и разнообразен. И на его дороге тебя всегда сопровождают попутчики. На каждом отрезке они разные. Кто они тебе, друзья или враги, решать самому. Для них ты тоже попутчик. И задача каждого нести вперед только светлое, чистое и доброе. И очень больно когда это не так.

Зло к доброте не пристанет.

Пытающийся казаться умным всегда смешон и вызывает раздражение у окружающих.

Голова, что помойка! Чего в нее только не бросают.

«Трудно представить...» - поет Юрий Антонов. А вы не представляйте. Не надо. Если ему трудно, то вам зачем?

Каждый волен выбрать то, что волен выбрать.

Как женщину не гладь, все равно против шерсти будет.

СОДЕРЖАНИЕ

- 5. Как все это начиналось
- 8. Постулаты службы

ТАК БЫЛО, ЕСТЬ И БУДЕТ

- 13. Посвящение медицинским работникам
- 14. Мозг
- 16. Гистология
- 17. Физика
- 20. Сержант Скоба
- 21. Наказание

24. Плавание
25. Лотерея
28. Юношеские грезы
29. ЦПХ
29. Зачет на льду
30. Самоволка
34. Первое знакомство с флотом
37. Туристы
38. Водолазная подготовка
40. Первые шаги
41. Издержки знаний
42. ЯБН
43. Караул
44. Каков вопрос, таков ответ
44. Непокорный
47. Рожденный петь...
49. Судьба
51. Рентген или история болезни
53. Акушерство и гинекология
55. Очевидное и невероятное
56. Петр – первый
60. Распределение
62. Охота
63. Лицо и задница фортуна
65. Хирург – гуманист
66. Врач – идеолог
68. История помнит все
69. Шлюпочный поход
70. Издержки любви
71. Педераст
73. Жертва случая
74. Радости и боль семейно жизни
79. Первые уроки на флоте
86. Первый прокол
87. Карьера
88. Пути к счастью
91. Блестки лейтенантской жизни
94. Без вины виноватый
97. Черная полоса жизни
101. Год на год
104. Пленение
105. Флотские богатыри

108. Санинструктор
109. Морская болезнь
111. Непредсказуемость
112. Радости общения и встречи
114. Звездная должность
115. Помывка
117. Начало
119. Жертва любви
121. Человек слова
123. Васянович
125. Ответный удар
125. Боря Мишин
128. Природная находчивость
129. Агония
132. Трусы
134. Лжегерой
136. Боль утраты
139. Инициатива
141. Пожар
142. Старпом
143. Земные люди
145. Подполковник
147. Есть
148. Умелец или спасенная карьера
149. Косяк
152. Обеспечивающая смена
154. Якорь
156. Кораблядская жизнь или черный замполит
161. Улыбка Иуды
163. Мандовошки
165. Боевой листок
169. Штурман
171. Хвороба
172. Ископаемые
173. Поклонник Бахуса
176. А где папа?
177. Доброта хуже воровства
179. Алхимики дружбы
181. Орел и решка
182. Жизнь в парадоксах и реалиях
185. Кровавая карьера
187. Трагик

189. Резьба по дубу
189. Бои местного назначения
191. Александр – второй
194. Мои университеты
197. Вопрос на засыпку
198. Многорукий искуситель
199. Закон Ньютона
200. Интернациональный порыв
201. Неоцененная бдительность
203. Бинобль
206. Бумажные воины
210. «Рыба»
213. Секс и флот
216. Чувства, выраженные потом и кровью
220. Электротравма
223. Перевалочная станция
225. Марат Блинов
226. «Годки»
228. Мечты идеологов
230. Сход
232. Отвертка
233. Реликвия
241. Уникальная операция
243. Зигзаги службы
246. Фискал
248. Неудовлетворенные потребности
250. Левомецетин
251. Враг народа
254. Любимец прессы
257. Неисповедимые пути-дороги
260. «Эталон»
262. Знай и люби свой корабль
263. Новый учебный год
264. «Бравый»
268. Сбор-поход
270. «Парфюм»
271. Комбриг Шепелев
272. Офицерские жены
274. Опыт и мастерство
274. Советчик
276. Пасынок фортуны
279. Муки познания

- 280. О богатх флота
- 280. Дела житейские
- 282. Благой порыв
- 284. Военная смекалка
- 285. «Индейцы»
- 287. Перепитии флотской жизни
- 293. Без слов
- 295. Жизнь, как она есть
- 296. Строевая подготовка
- 398. Рост партийных рядов
- 301. Марьянко
- 302. Угоревшие
- 303. Тонзилэктомия
- 304. Шутка, искупленная «шилом
- 306. Шихзофреник
- 309. Оловянные солдатики
- 310. Полярности службы
- 311. Командно-штабное ученье или вас вызывает 43-й
- 313. Инструктор политотдела
- 315. Нетленный закон бытия
- 316. Двухсторонняя любовь
- 318. Самоубивец
- 319. Тернистый путь карьеры
- 324. Золотые яблоки
- 325. Мусор
- 326. Богатырь
- 327. Служба – не игры в войну
- 328. Праздник
- 328. Яма
- 330. Тернистый путь знаний
- 333. Учителю

РАССКАЗЫ СТАРОГО МОРЯКА

- 337. Вторая молодость
- 338. Мой дом – мой корабль
- 338. Приобретение опыта
- 340. Сделка
- 341. Татарская любовь
- 342. Рабы головки
- 344. Оповещение
- 345. Без вины виноватый
- 348. Горькая правда

- 349. Несостоявшаяся правда
- 351. Хлебопек
- 353. Статист – неудачник
- 354. Зеленка
- 355. Неожданное прозрение
- 357. Традиция
- 358. Ритуал
- 358. Базарное радио
- 359. Солжатский террор
- 360. Затяжное ДМБ
- 361. Отпуск в дисбат
- 362. Злая шутка
- 363. Золотое перо фортуны

ПЕРЛЫ СОЛДАТСКОГО БЫТИЯ

- 366. Солдатское товарищество
- 367. Водяной
- 370. Ходячее ЧП
- 372. Плачевная инициатива
- 375. Газовая инициатива
- 377. Караул
- 377. Животное
- 378. Служака
- 379. Смекалка
- 381. Торжество
- 384. Прапорщик
- 385. Гибрид
- 386. Лесник
- 389. Горькое похмелье
- 390. Служба не мед или инициатива наказуема
- 392. Жизненные обстоятельства
- 394. Членовредители
- 395. Колорит
- 396. Испачканья репутация
- 398. Герои Отчизны
- 399. Рассовые предрассудки
- 402. Непредвиденное обстоятельство
- 405. Экзамен
- 408. Лыжный кросс
- 410. Разные дороги одного пути
- 413. Окончилась война...
- 414. Потому что солдат!

И ДРУГОЕ...

- 418. Как я стал пионером
- 419. Искренность
- 419. Пропущенное торжество
- 420. Превратности отдыха
- 422. Поздний звонок
- 423. Разрыв
- 424. Незнакомка
- 425. Эпоха перемен
- 426. Пьяная рыбалка
- 428. Работа такая
- 430. Уролог
- 432. Культурная программа
- 432. Неразгаданная тайна

ПАУТИНЫ МЫСЛЕЙ